

Ликок Стивен

Юмористические рассказы

Стивен Ликок

Юмористические рассказы

СОДЕРЖАНИЕ

А.Савуренок. Предисловие

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

из сборника

"ПРОБА ПЕРА" (1910)

Перевод Д.Лившиц

Моя банковская эпопея

Тайна лорда Оксхеда

Трагическая гибель Мельпоменууса Джойса

Как дожить до двухсот лет

Как стать врачом

Могущество статистики

Люди, которые меня брили

Как поймать нить рассказа

№ 56

Мечь фокусника

Жизнеописание Джона Смита

По поводу коллекционирования

Как писать романы

Они выбились в люди

Образчик диалога...

из сборника

"РОМАНЫ ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ" (1911)

Перевод Е.Корнеевой

Помешавшийся на тайне,

или Дефективный детектив

Гвидо Гашпиль Гентский

Гувернантка Гертруда,

или Сердце семнадцатилетней

Затерянный среди зыбей,

или Кораблекрушение в океане

из сборника

"ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРЕДЕЛА" (1913)

Перевод Д.Лившиц

Мой незнакомый друг

У фотографа

из сборника

"ЕЩЕ НЕМНОЖКО ЧЕПУХИ" (1916)

Перевод М.Кашеевой и Б.Колявкина

Портретная галерея мистера Гранча

История преуспевающего бизнесмена,

рассказанная им самим

Счастливы ли богатые?

Юмор, как я его понимаю

из сборника

"БРЕД БЕЗУМЦА" (1918)

Перевод Д.Лившиц

Злоклучения дачного гостя
Пещерный человек как он есть
Воображаемое интервью
с нашим величайшим актером...
Воображаемое интервью с типичными
представителями нашего литературного мира...
Ошибки Санта-Клауса
Старая-престарая история о том, как
пятеро мужчин отправились на рыбную ловлю
из сборника
"ПРИ СВЕТЕ РАМПЫ" (1923)
Перевод Д.Лившиц
Мой погибший доллар
Как я убил своего домовладельца
из сборника
"В САДАХ ГЛУПОСТИ" (1924)
Перевод М.Кашеевой и Б.Колявкина
Литература бизнеса
Руководство для образцовых влюбленных...
из сборника
"КРУПИЦЫ МУДРОСТИ" (1926)
Перевод Е.Корнеевой
Очерки обо всем
Прародительница парламентов
Как мы с женой построили дом
за один фунт два шиллинга шесть пенсов
Как мы отмечали мамин день рождения
Все в Европу!
из сборника
"ПОХУДЕВШИЙ ПИКВИК" (1933)
Перевод Е.Корнеевой
Ратификация нового морского несоглашения
Завтрак у Смитов
Теннис у Смитов
из сборника
"ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ" (1939)
Перевод М.Кашеевой и Б.Колявкина
Моя викторианская юность
Миссис Ньюрич приобретает антикварные вещи
Миссис Изи получает откровение
Миссис Эдердаун выезжает за город
ИЗ РАССКАЗОВ РАЗНЫХ ЛЕТ
Убийства оптом - по два с половиной
доллара за штуку. Перевод Д.Лившиц
Проблема прачечной. Перевод Д.Лившиц
Читающая публика. Перевод П.Охрименко
ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Стивена Ликока (1869 - 1944) прочно вошло в историю канадской литературы. Живой и остроумный рассказчик, замечательный мастер комических ситуаций и характеров, остро ощущавший противоречия жизни, он завоевал широкую популярность не только у себя на родине, но и в других странах английского языка.

Ликок не был потомственным канадцем. Его семья эмигрировала из Англии в Канаду в

1876 г. и поселилась в провинции Онтарио, где отец Ликока приобрел ферму.

В 1887 г. Ликок поступил в Торонтский университет и в течение четырех лет занимался изучением "живых, мертвых и полумертвых языков". Университетский диплом дал ему возможность получить место преподавателя в колледже, но эта работа мало привлекала Ликока. Впоследствии он вспоминал о ней, как о "самой мрачной, самой неблагодарной и самой плохо оплачиваемой профессии в мире", и с иронией отмечал, что среди его учеников "те, которые показали себя величайшими лентяями и меньше всего увлекались книгами, стали преуспевающими юристами, дельцами и государственными деятелями, тогда как дети, которые действительно подавали надежды и получали все награды, теперь с трудом существуют на скудный заработок клерка в отеле или матроса на каком-нибудь суденышке".

В 1899 г. Ликок покинул Торонто и поступил в Чикагский университет. Получив в 1903 г. степень доктора философии, он вернулся в Канаду и в течение многих лет возглавлял отделение экономики и политических наук в университете Монреаля.

Автор более ста научных статей и двадцати пяти книг по самым разнообразным вопросам экономики и истории, Ликок не менее плодотворно работал в области, которая, казалось бы, не имела ничего общего с его основной специальностью. И хотя литературная слава пришла к нему значительно позже, нежели научное признание, именно литературу он считал основным делом своей жизни. "Многие из моих друзей полагают, - писал он, - что я пишу юмористические безделушки в минуты досуга, когда мой утомленный мозг не способен размышлять о таких серьезных материях, как экономика. На самом деле все наоборот. Написать солидное поучительное сочинение, подкрепленное фактами и цифрами, совсем легко. Не составляет никакого труда написать научный трактат о фольклоре в Центральном Китае или статистическое исследование об уменьшении народонаселения на острове принца Эдуарда. Но выдумать нечто, само по себе достойное внимания, - трудная затея, осуществимая лишь в счастливые и крайне редкие моменты жизни. Лично я предпочел бы написать "Алису в стране чудес", чем взялся бы составлять Британскую энциклопедию".

Первые юмористические рассказы Ликока печатались в канадских и американских журналах начиная с 1894 г. Позднее, в 1910 г., они были опубликованы отдельным сборником "Проба пера", который выдержал около двадцати изданий и принес автору заслуженную популярность. В дальнейшем, с 1910 г. по 1944 г., Ликок напечатал еще свыше тридцати сборников юмористических очерков и рассказов, а также ряд теоретических работ, посвященных проблемам юмора. Наибольший интерес среди них представляют книги "Теория и техника юмора" (1935), "Юмор и человечество. Введение к изучению юмора" (1937) и исследования о творчестве Чарльза Диккенса (1933) и Марка Твена (1934).

Ликок неоднократно подчеркивал огромное значение юмора, утверждая, что в своих лучших образцах он является величайшим созданием цивилизации. "Речь идет, - писал он, - не о пароксизмах смеха, вызываемых кривлянием обсыпанного мукой или измазанного сажой клоуна, подвизающегося на подмостках убогого варьете, а о подлинно великом юморе, освещающем и возвышающем нашу литературу в лучшем случае раз или, много, два в столетие. Этот юмор создается не пустыми шутками и дешевой игрой слов, ему чужды нелепые, бессмысленные сюжетные трюки, долженствующие вызвать смех; он исходит из глубоких контрастов самой жизни..."

К числу таких лучших образцов подлинно великого юмора Ликок относил прежде всего произведения Диккенса и Твена. Он выделил этих писателей среди многочисленных юмористов Англии и США не только как непревзойденных мастеров в области комического, но, прежде всего, как художников-реалистов, которые правдиво изображали противоречия жизни и были исполнены глубокого сострадания к ее жертвам. Гуманистический пафос их творчества, их стремление к художественной правде отвечало собственным представлениям Ликока о задачах писателя. Избрав Диккенса и Твена своими учителями, опираясь на их художественный опыт, он внес в канадскую литературу конца XIX - начала XX вв. те реалистические традиции, которые во многом определили ее дальнейшее развитие.

Творческому методу Ликока в равной мере присущи и юмор положений и юмор

характеров. Неисчерпаемый выдумщик, он умеет найти завязку остро комической ситуации в самом простом, самом обыденном событии. Умный и тонкий психолог, Ликокок создал целую галерею комических характеров, проявив незаурядную наблюдательность и высокое художественное мастерство.

Герой большинства рассказов Ликока - обыкновенный, средний человек, "такой же, как вы, как я, как все остальные люди". С раннего детства он ничем не выделяется среди своих товарищей. Он не изумляет наставников своим феноменально ранним развитием, и самый внимательный наблюдатель не заметил бы в нем никаких признаков гениальности. Зато у него множество слабостей и недостатков. Он не слишком храбр, не слишком находчив и неудачлив в делах. Он то и дело попадает в забавные, смешные, нелепые положения, и ему явно не хватает самоуверенности ("Моя банковская эпопея", "Трагическая гибель Мельпоменууса Джонса", "Жизнеописание Джона Смита").

Ликокок подсмеивается над своим незадачливым героем, над его слабостями и недостатками, но это добродушный, благожелательный смех с немалой долей сочувственного внимания и симпатии. Воспринимая контрасты и противоречия жизни в их комическом аспекте, писатель никогда не забывает, что порой за внешним комизмом ситуаций скрывается драма. Именно тогда смешное, по его собственным словам, сливается с патетическим, образуя вечное и неразрывное единство слез и смеха. Так возникает грустный юмор некоторых рассказов, где в судьбе ничем не примечательных людей, в их обыденной жизни писатель сумел обнаружить драматические коллизии, раскрывающие одиночество человека, отсутствие взаимопонимания и участия, торжество грубого эгоизма ("Как мы отмечали мамин день рождения").

Совсем иной оттенок приобретает юмор Ликока, когда он изображает самодовольных, преуспевающих дельцов, которые, не в пример незадачливому "маленькому" человеку, сумели занять прочное место в современном коммерческом мире. С едким сарказмом писатель рисует их беспринципность, жестокость и моральную нечистоплотность ("История преуспевающего бизнесмена, рассказанная им самим"), их тупость, невежество и претенциозность ("Миссис Ньюрич приобретает антикварные вещи"). Но особенно отвратительно для Ликока ханжество богачей, которые превозносят достоинства картофельных очистков и свиного поила, заказывая себе куропатку ("Они выбились в люди"), и великодушно оплачивают похороны убитых ими рабочих ("Миссис Эдердаун выезжает за город").

Писатель беспощаден к лицемерию проповедников официальной буржуазной морали, утверждающих, что "богатство - это тяжкое бремя", "священная миссия", что богачи владеют деньгами ради того, чтобы служить обществу, "творить добро и помогать ближним своим" ("Счастливы ли богатые?"). Эти лживые, демагогические рассуждения разоблачаются устами наивного простака, который все принимает на веру. Рассказчик "с удивлением" констатирует, что бедняк, имеющий постоянную работу и получающий целых десять фунтов в неделю, считается, безусловно, счастливым и богатым, в то время как богачи, чьи доходы исчисляются десятками тысяч долларов в год, непрерывно жалуется на свою печальную судьбу. Один не знает, где бы ему перехватить несколько тысяч долларов, второй тяжело вздыхает о своей бедности, ибо может предложить - уж не взыщите! - только самый скромный обед, за которым прислуживает пятеро слуг, третий сидит на мели, разъезжая в роскошном лимузине, четвертый весьма озабочен тем, что превысил в банке кредит на двадцать тысяч долларов и ему придется реализовать несколько акций. "В богатых домах - вернее сказать, в особняках - вот где льются невидимые миру слезы, о которых ничего не знают, да и не могут знать счастливые бедняки", - в этих словах наивного простака заключена жесточайшая ирония.

Весьма значительное место в творчестве Ликока занимают литературный бурлеск и пародия. Обращаясь к канадской литературе второй половины XIX начала XX вв., писатель подверг уничтожающей критике многие модные темы и жанры той эпохи, в большинстве случаев заимствованные и никак не отражавшие национальную специфику жизни Канады.

Едва ли не первое место среди них занимали сентиментальные романы с сенсационным сюжетом, которые печатались с продолжением в популярных журналах для семейного чтения и пользовались огромным успехом у невзыскательных читателей. Канадская писательница Нелли Маккланг, современница Ликока, рассказывая о днях своего детства, проведенных на ферме в провинции Манитоба, вспоминает один из таких романов "потрясший до основания все окрестное население". В нем излагалась история двух очаровательных девиц, "белоснежной, как лилия, Джесси и черноглазой Элен - жгучей брюнетки с глубокими, как ночь, черными очами. Обе любили Герберта, и он, будучи любезным молодым человеком и не желая никого обидеть, поспешно вступил с одной из них (с Джесси) и тайный брак в сельской хижине при свете оплывающей свечи, а с другой (с Элен) обвенчался открыто под торжественные звуки органа и всеобщее ликование в родовом замке ее родителя. Это, естественно, вызвало осложнения. Дальше описывались бури, кораблекрушения, тайные свидания в пещерах под рокот прибоя, набегающего на скалы, и хриплые крики чаек в грохоте шторма, заговоры и наветы, появлялись ясновидящая и женщина с дурным глазом. Нравилось ли это нам? Помню, как я плелась за санями, увязая в снегу, но не отрываясь от книги. А когда я приближалась к дому, все домашние выскакивали на улицу и требовали, чтобы я поторопилась".

Не менее широкую популярность в канадской литературе конца XIX в. имели исторические, а точнее сказать, псевдоисторические романы, ибо их "историзм" был весьма поверхностным и в большинстве случаев играл роль декоративного фона для традиционных перипетий мелодраматического сюжета. К этому же периоду относится появление многочисленных канадских подражателей А.Конан-Дойля, которые не только не смогли преодолеть намечавшуюся в творчестве английского писателя тенденцию к шаблону, но превратили этот шаблон в традицию, в некий литературный стандарт, неразрывно связанный с самим понятием жанра детективного рассказа.

В пародиях "Гувернантка Гертруда, или Сердце семнадцатилетней", "Гвидо Гашпиль Гентский", "Помешавшийся на тайне, или Дефективный детектив" Ликок, воспроизводя все неизменные атрибуты этих жанров, доводит их подчас до абсурда. Так, мнимая многозначительность деталей, характерная для детективных рассказов, воспринимается в пародии "Помешавшийся на тайне" как нелепость, ибо всем, кроме "великого сыщика", с самого начала очевидно, что пропавший и разыскиваемый принц Вюртембергский не человек, а собака.

Однако цель писателя заключалась не только в том, чтобы в гротескной форме имитировать чисто внешние признаки того или иного жанра. По мысли Ликока, пародия в ее высшей форме должна дать читателю представление обо всем многообразии условий, породивших данную литературную схему. Только тогда она приобретает подлинно художественную ценность и интересна читателю даже в том случае, если он незнаком с пародируемым образцом. К числу таких пародий относится "Гувернантка Гертруда, или Сердце семнадцатилетней".

Предметом пародии здесь являются не столько литературные каноны сентиментального "великосветского" романа, сколько позиция их авторов, отражающая нелепые представления буржуазного обывателя о жизни, быте и нравах аристократической знати, его раболопное преклонение перед титулами. Ликок беспощадно высмеивает этот мещанский снобизм, представляя его в гротескном, откровенно нелепом виде. Описывая "удлиненное аристократическое лицо" лорда Роналда, "обличавшее его знатное происхождение", автор спешит добавить, что морда его лошади была еще длиннее. Говоря о знатном происхождении Гертруды, он как бы вскользь замечает, что ее родители, память которых она так свято чтит, "умерли за много лет до ее рождения". Но, пожалуй, наиболее выразительны превращения мелодраматического злодея лорда Ноша, который, совершив очередное злодеяние и осушив очередной ковш джина, снова становится благородным джентльменом, "образцом английского аристократа и государственного деятеля".

Пародирование - один из излюбленных приемов Ликока. Он широко пользуется им для

осмысления самых разнообразных фактов действительности и в тех рассказах, которые не являются пародиями в прямом смысле этого слова. В пародийном плане дается, например, описание заседания английской палаты общин в рассказе "Прародительница парламентов". Лицемерие буржуазных государственных деятелей, выступающих в качестве поборников мира и берущих на себя торжественное обязательство "никогда не вести войны, за исключением тех случаев, когда это им выгодно", язвительно осмеивается в рассказе "Ратификация нового морского несоглашения". В "Литературе бизнеса" разоблачается стремление современного бизнеса "поглотить хрупкие создания рук человеческих, которые мы привыкли называть искусством и литературой". В духе пресловутых "руководств" на все случаи жизни, широко распространенных в США, написаны рассказы "Как мы с женой построили дом за один фунт два шиллинга шесть пенсов" и "Руководство для образцовых влюбленных".

Другим характерным приемом, во многом определяющим специфику ликоковской манеры, является введение совершенно неожиданной детали или ситуации, которые находятся в очевидном противоречии с традиционными представлениями и шаблонами. Так, старый морской волк капитан Трюм "сурово, как и подобает моряку", отдает команду перед отплытием судна ("Затерянный среди зыбей, или Кораблекрушение в океане"). И далее, вместо ожидаемого грозного окрика, следует обращение, уместное разве что в устах учителя воскресной школы: "Джентльмены, не переутомляйтесь. Помните, у нас еще уйма времени. Пожалуйста, не выходите без надобности на солнцепек. Осторожно, Джонс, не споткнись о снасти - их, кажется, натянули чересчур высоко. Ай-ай-ай, Уильямс, ну как же ты так перемазался в смоле? На тебя и посмотреть-то страшно!" Не менее характерен эпилог пародии "Гувернантка Гертруда, или Сердце семнадцатилетней": "Гертруда и Роналд обвенчались. Счастье их было безоблачным. Что тут еще можно добавить? Да, еще вот что. Через несколько дней граф был убит на охоте. Графиню поразила молния. Дети утонули. Итак, счастье Гертруды и Роналда было совершенно безоблачным".

Одним из примеров использования парадоксальной ситуации является рассказ Ликока "Как я убил своего домовладельца". Писатель ставит перед собой задачу разрушить привычную логику поведения человека, видимую логику окружающего. "Как правило, хозяина дома убивают в связи с повышением квартирной платы, и тут не требуется никаких лишних слов. "Я намерен увеличить вашу квартирную плату на десять долларов в месяц", - заявляет хозяин. "Отлично, - говорит квартирант. - Тогда я убью вас". Герой рассказа тоже убивает своего домовладельца, но не за то, что тот повысил квартирную плату, а за то, что он упорно отказывается это сделать и тем самым обнаруживает, по мнению героя, свою ненормальность и полное отсутствие патриотических чувств. Не менее парадоксально поведение полицейского комиссара, отказывающегося осудить действия героя, ибо "если бы всякий раз, когда квартирант подстреливает своего домовладельца, приходилось заводить следствие, это было бы утомительно и скучно". Вежливо выпроваживая преступника из своего кабинета, он выражает надежду, что тот похоронит свою жертву и не бросит труп на произвол судьбы.

Подобный прием у Ликока всегда целенаправлен и отнюдь не является затейливым орнаментом, украшающим его рассказы. Когда писатель сравнивает заседания английской палаты общин со съездом ковбоев Монтаны или собранием литературно-философского общества в Даусоне, самая нелепость этого сравнения как бы выворачивает наизнанку традиционные представления о строгой торжественности парламентских процедур и мудрости государственных мужей, обсуждающих судьбы своего отечества. Переиначивая пресловутый "счастливый конец", возвещающий звоном свадебных колоколов о торжестве добродетели и об уничтожении последней несправедливости на земле, он обнажает внутреннюю неправдоподобность банальных шаблонов и схем, столь типичных для "развлекательной" литературы. Заставляя своих героев действовать вопреки видимой логике окружающего, он раскрывает алогизм буржуазной действительности, ее контрасты и противоречия.

Безусловно, критическая позиция канадского юмориста по отношению к современной ему действительности не всегда была достаточно последовательной. В отличие от своих великих предшественников Диккенса и Твена, он избегал широких обобщений. И тем не менее, несмотря на известную ограниченность, юмор Ликока проникнут глубокой искренностью и неподдельной человечностью, которые определили гуманистический пафос его лучших произведений.

А.Савуренок

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ИЗ СБОРНИКА

"ПРОБА ПЕРА"

(1910)

МОЯ БАНКОВСКАЯ ЭПОПЕЯ

Когда мне случается попасть в банк, я сразу пугаюсь. Клерки пугают меня. Окошечки пугают меня. Вид денег пугает меня. Решительно все пугает меня.

В ту самую минуту, как я переступаю порог банка и собираюсь проделать там какую-нибудь финансовую операцию, я превращаюсь в круглого идиота.

Все это было известно мне и прежде, но все-таки, когда мое жалованье дошло до пятидесяти долларов в месяц, я решил, что единственное подходящее для них место - это банк.

Итак, еле передвигая ноги от волнения, я вошел в зал для операций и начал робко озираться по сторонам. Мне почему-то казалось, что перед тем, как открыть счет, клиент должен непременно посоветоваться с управляющим.

Я подошел к окошечку, над которым висела табличка "Бухгалтер". Бухгалтер был высокий хладнокровный субъект. Уже один его вид испугал меня. Голос мой внезапно стал замогильным.

- Не могу ли я поговорить с управляющим? - спросил я. И многозначительно добавил: - С глазу на глаз.

Почему я сказал "с глазу на глаз", этого я не знаю и сам.

- Сделайте одолжение, - ответил бухгалтер и пошел за управляющим.

Управляющий был серьезный, солидного вида мужчина. Свои пятьдесят шесть долларов я держал в кармане, так крепко зажав их в кулаке, что они превратились в круглый комок.

- Вы управляющий? - спросил я, хотя, видит бог, я нисколько в этом не сомневался.

- Да, - ответил он.

- Могу я переговорить с вами... с глазу на глаз?

Мне не хотелось повторять это "с глазу на глаз", но иначе все было бы слишком обыденно.

Управляющий взглянул на меня не без тревоги. Видимо, он подумал, что я собираюсь открыть ему какую-то страшную тайну.

- Прошу вас, - сказал он; потом провел меня в кабинет и повернул ключ в замке. - Здесь нам никто не помешает. Присядьте.

Мы оба сели и уставились друг на друга. Внезапно я почувствовал, что не могу выдать из себя ни одного слова.

- Вы, должно быть, из агентства Пинкертона? - спросил он.

Мое загадочное поведение навело его на мысль, что я сыщик. Я понял это, и мне стало еще хуже.

- Нет, я не от Пинкертона, - сказал я наконец, как бы намекая на то, что явился от другого, конкурирующего агентства. - По правде сказать... продолжал я, словно до сих пор кто-то заставлял меня лгать. - По правде сказать, я вообще не сыщик. Я пришел открыть счет. Я намерен держать в этом банке все свои сбережения.

У управляющего, видимо, отлегло от сердца, но он все еще был настороже. Теперь, очевидно, он решил, что перед ним сын барона Ротшильда или Гулд-младший.*

* Джей Гулд (1836 - 1892) - один из крупнейших американских миллионеров.

- Сумма, должно быть, значительная? - спросил он.

- Довольно значительная, - пролепетал я. - Пятьдесят шесть долларов я намерен внести сейчас же, а в дальнейшем буду вносить по пятьдесят долларов каждый месяц.

Управляющий встал, распахнул дверь и обратился к бухгалтеру.

- Мистер Монтгомери! - произнес он неприятно-громким голосом. - Этот господин открывает счет и желает внести пятьдесят шесть долларов... До свидания.

Я встал.

Справа от меня была раскрыта массивная железная дверь.

- До свидания, - сказал я и шагнул прямо в сейф.

- Не сюда, - холодно произнес управляющий и указал мне на другую дверь.

Подойдя к окошечку, я сунул туда комок денег таким судорожным движением, словно показывал карточный фокус.

Лицо мое было мертвенно-бледно.

- Вот, - сказал я, - положите это на мой счет.

В тоне моих слов как бы звучало: "Давайте покончим с этим мучительным делом, пока еще не поздно".

Клерк взял деньги и передал их кассиру.

Потом мне велели проставить сумму на каком-то бланке и расписаться в какой-то книге. Я уже не сознавал, что делаю. Все расплывалось перед моими глазами.

- Готово? - спросил я глухим, дрожащим голосом.

- Да, - ответил кассир.

- В таком случае я хочу выписать чек.

Я предполагал взять шесть долларов на текущие расходы. Один из клерков протянул мне через окошечко чековую книжку, а другой начал объяснять, как заполнять чек. У всех служащих банка, очевидно, создалось впечатление, будто я какой-нибудь слабоумный миллионер. Я что-то написал на чеке и подал его кассиру. Тот взглянул на чек.

- Как? - с удивлением спросил он. - Вы забираете все?

Тут я понял, что вместо цифры шесть написал пятьдесят шесть. Но дело зашло слишком далеко. Теперь уже поздно было объяснять то, что случилось. Все клерки перестали писать и уставились на меня.

С мужеством отчаяния я ринулся в бездну.

- Да, всё, - ответил я.

- Вы берете из банка все ваши деньги?

- Все, до последнего цента.

- И в дальнейшем тоже не собираетесь что-нибудь вносить? - с изумлением спросил кассир.

- Никогда в жизни.

У меня вдруг блеснула нелепая надежда - а не подумали ли они, будто я на что-то обиделся, когда писал чек, и только поэтому раздумал держать у них деньги? Я сделал жалкую попытку притвориться человеком необычайно вспыльчивого нрава.

Кассир приготовился платить мне деньги.

- Какими вы желаете получить? - спросил он.

- Что?

- Какими вы желаете получить?

Ах, вот он о чем... До меня наконец дошел смысл его вопроса, и я ответил, уже не понимая, что говорю:

- Пятидесятидолларовыми билетами.

Он протянул мне билет в пятьдесят долларов.

- А шесть? - спросил он сухо.

- Шестидолларовыми билетами, - сказал я.

Он дал мне шестидолларовую бумажку, и я ринулся к выходу. Когда тяжелая дверь медленно затворялась за мной, до меня донеслись раскаты гомерического хохота, которые сотрясали своды здания.

С той поры я больше не имею дела с банком. Деньги на повседневные расходы я держу в кармане брюк, а свои сбережения - в серебряных долларах храню в старом носке.

ТАЙНА ЛОРДА ОКСХЕДА

Рыцарский роман в одной главе

Все было кончено. Разорение наступило. Лорд Оксхед* сидел в своей библиотеке, устремив взгляд на огонь, пылавший в камине. Снаружи, вокруг башен и башенок родового гнезда Оксхедов, выл (или завывал) ветер. Но старый граф не обращал внимания на этот ветер, завывавший вокруг его поместья. Он был слишком глубоко погружен в свои мысли.

---

* Оксхед (Oxhead) - бычья голова (англ.).

Перед ним лежала грудa синих листков с печатными заголовками. Время от времени он вертел их в руках, а потом снова с глухим стоном опускал на стол. Эти листки означали для графа разорение, полное, непоправимое разорение, а вместе с ним и потерю величественного замка, являвшегося гордостью многих поколений Оксхедов. Более того - теперь страшная тайна его жизни должна была сделаться всеобщим достоянием.

Граф опустил голову, исполненный горечи и печали, - самолюбие отпрыска этого славного рода было жестоко уязвлено. Со всех сторон смотрели на него портреты предков. Справа висел тот Оксхед, который впервые получил боевое крещение при Креси или несколько раньше. Слева - Мак-Уинни Оксхед, тот, что умчался с Флодденского поля брани, чтобы сообщить перепуганным жителям Эдинбурга все слухи, какие ему удалось собрать дорогой. Рядом с ним смуглый полуиспанец, сэр Эмиас Оксхед, живший во времена Елизаветы, тот Оксхед, чья пинасса первой приплыла в Плимут с вестью, что английский флот (насколько об этом можно было судить, находясь от него на почтительном расстоянии), по-видимому, намерен схватиться с Испанской армадой. Под ним два брата, два роялиста: Джайлс и Эверард Оксхеды, которые некогда сидели на ветках дуба рядом с Карлом Вторым.* Справа еще один портрет - сэр Понсонби Оксхед, тот самый, что сражался в Испании вместе с Веллингтоном и за это получил отставку.

---

* Спасаясь бегством после разгрома своей армии при Вустере (3 сентября 1651 г.), Карл II был вынужден спрятаться от преследовавших его солдат Кромвеля в ветвях дуба.

Прямо перед графом, над камином, висел щит с фамильным гербом Оксхедов. Даже ребенок понял бы его простое и горделивое значение: на червленом поле, в левой его четверти, пика и стоящий на задних ногах бык, а в центре вписанная в параллелограмм собака и девиз - "Hic, haec, hoc, hujus, hujus, hujus".

- Отец!

Звонкий девичий голосок прозвучал в полутемной, отделанной деревянными панелями библиотеке, и Гвендолен Оксхед бросилась графу на шею. Она вся светилась счастьем. Это была красивая девушка тридцати трех лет, от которой так и веяло чисто английской свежестью и невинностью. На ней был прелестный костюм из сурового полотна - излюбленный туалет английской аристократки - с широким кожаным ремнем, плотно охватывавшим тонкую талию. Она держала себя с изысканной простотой, составлявшей главное ее очарование. Пожалуй, в ней было больше простоты, чем в любой другой девушке ее возраста на сотни миль вокруг. Гвендолен являлась гордостью отцовского сердца, ибо он видел в ней олицетворение всех высоких качеств своего древнего рода.

- Отец, - сказала она, и легкая краска прилила к ее прелестному лицу, я так счастлива! О, я так счастлива! Эдвин сделал мне предложение, и мы дали друг другу слово - разумеется, если вы согласитесь на наш брак... Потому что я никогда не выйду замуж без согласия моего отца, - добавила она, горделиво вскидывая голову. - Я слишком хорошо помню, что ношу имя Оксхедов.

Внезапно девушка заметила опечаленное лицо отца, и ее настроение сразу изменилось.

- Отец! - вскричала она. - Что с вами? Вы нездоровы? Не позвонить ли мне?

С этими словами Гвендолен схватила толстый шнур, свисавший с потолка, но граф, испугавшись, как бы отчаянные усилия девушки и в самом деле не привели звонок в действие, остановил ее руку.

- Я действительно сильно встревожен, - сказал он, - но об этом после. Сначала расскажи мне подробнее о том, что произошло. Я надеюсь, Гвендолен, что твой выбор достоин члена семьи Оксхедов и что тот, кому ты дала слово, будет достоин поставить наш девиз рядом со своим собственным.

И, подняв глаза к висевшему напротив него щиту, граф полубессознательно прошептал: "Nis, haes, hos, hujus, hujus, hujus", быть может моля небо о том, чтобы никогда не забыть этих слов, как об этом уже молили до него многие из его предков.

- Отец, - с легким смущением продолжала Гвендолен, - Эдвин американец.

- Право же, ты удивляешь меня, - ответил лорд Оксхед. - А впрочем... тут же добавил он, поворачиваясь к дочери с тем изысканным изяществом, которое отличало этого исконного аристократа. - Впрочем, почему бы нам не питать уважения к американцам и не восхищаться ими? Бесспорно, среди них были великие имена. Если не ошибаюсь, даже наш предок, сэр Эмиас Оксхед, был женат на некой Покахонтас... Во всяком случае, если он, так сказать, и не был женат, то...

Тут граф на секунду замялся.

- ...то они любили друг друга, - просто сказала Гвендолен.

- Вот именно, - с облегчением подтвердил граф, - они любили друг друга. Именно так.

Затем он проговорил, словно размышляя вслух:

- Да, было немало великих американцев. Боливар был американцем. Оба Вашингтона - Джордж* и Букер** - тоже были американцами. Были еще и другие, но сейчас я не могу припомнить их имена... Однако скажи мне вот что, Гвендолен: где находится родовый замок этого твоего Эдвина?

---

* Джордж Вашингтон (1732 - 1799) - выдающийся американский государственный деятель, первый президент США (1789 - 1797).

** Букер Вашингтон (1856 - 1915) - негритянский общественный деятель США.

- В Ошкоше, отец, в Висконсине.

- Ах вот как? - воскликнул граф с внезапно пробудившимся интересом. Ошкош - это и в самом деле известная старинная фамилия. Это русская фамилия. Некий Иван Ошкош приехал в Англию вместе с Петром Великим и женился на моей прародительнице. Их потомок во втором колене, Микступ Ошкош, сражался во время московского пожара, а также позднее - во время разграбления Саламанки и при заключении Адрианопольского мира. И Висконсины тоже... - продолжал старый аристократ, лицо которого разгорелось от возбуждения, ибо он питал страсть к геральдике, генеалогии, хронологии и коммерческой географии. Висконсины, или, вернее, Гвисконсины, - это тоже старинный род. Один из Гвисконсинов последовал за Генрихом Первым в Иерусалим и спас моего предка Хардупа Оксхеда от сарацинов. Другой Гвисконсин...

- Нет, отец, - мягко прервала его Гвендолен, - Висконсин - это не фамилия Эдвина. Это, очевидно, название его поместья. Моего возлюбленного зовут Эдвин Эйнштейн.

- Эйнштейн? - повторил граф с ноткой сомнения в голосе. - Должно быть, это индейское имя. Впрочем, многие индейцы принадлежат к очень знатным семьям. Один из моих предков...

- Отец, - снова прервала его Гвендолен, - вот портрет Эдвина. Взгляните на него, и вы сразу поймете, что это человек благородный.

С этими словами она вложила в руку отца американскую ферротипию, в которой преобладали розовые и коричневые тона. На ней был изображен типичный американец того англо-семитского типа, который столь часто встречается среди людей, ведущих свое

происхождение от смешанных браков между англичанами и евреями. Он был высок ростом - свыше пяти футов двух дюймов. Покатые плечи гармонировали с тонкой, стройной талией и гибкими, цепкими руками. Бледность лица еще рельефнее оттенялась черными усами с опущенными кончиками.

Таков был Эдвин Эйнштейн - тот, кому Гвендолен уже отдала если не руку свою, то сердце. Их любовь была такой естественной и в то же время такой необыкновенной. Гвендолен казалось, что это случилось вчера, а между тем они были знакомы уже три недели. Любовь с непреодолимой силой бросила их в объятия друг друга. Для Эдвина красивая английская девушка с древним именем и огромными поместьями таила в себе обаяние, в котором он не решался признаться даже самому себе. Он решил добиться ее руки. Для Гвендолен манеры Эдвина, драгоценности, которые он любил носить, крупное состояние, которое ему приписывала молва, заключали в себе нечто такое, что задевало самые романтические и рыцарские струны ее души. Ей нравилось слушать его рассказы об акциях и облигациях, о купле и продаже, о колоссальных торговых предприятиях его отца. Все это казалось ей таким возвышенным, стоящим настолько выше жалкого существования тех, кто жил вокруг нее. Эдвину тоже нравилось слушать рассказы девушки о поместьях ее отца, о мече с усыпанной бриллиантами рукоятью, подаренном или, может быть, одолженном ее предку Саладином сотни лет назад. Ее рассказы об отце, об этом старом аристократе, затрагивали самые благородные чувства прекрасного сердца Эдвина. Он без конца расспрашивал ее, сколько старику лет, крепок ли он здоровьем, как отразился на нем недавно перенесенный удар и т.д. А потом настал вечер, который Гвендолен любила вновь и вновь освежать в своей памяти, - вечер, когда Эдвин со свойственными ему прямоотой и мужественностью спросил ее, согласна ли она - при условии подписания кое-каких пунктов соглашения, о которых они столкнутся позднее, - стать его женой, и когда она, доверчиво вложив свою ручку в его руку, просто ответила, что - при условии согласия ее отца, соблюдения всех необходимых формальностей и, разумеется, после наведения соответствующих справок - она согласна.

Все это было похоже на сон. И вот теперь Эдвин Эйнштейн явился, чтобы лично просить руки Гвендолен у графа, ее отца. Да, в эту минуту он стоял в холле и в ожидании своей избранницы, отправившейся к лорду Оксхеду, чтобы осторожно сообщить ему столь важную новость, исследовал перочинным ножичком позолоту картинных рам.

Гвендолен между тем собрала все свое мужество и наконец решилась.

- Папа, - сказала она, - я обязана сказать тебе еще одно. Отец Эдвина коммерсант.

Граф привскочил на своем кресле от невыразимого изумления.

- Коммерсант! - повторил он. - Отец претендента на руку дочери одного из Оксхедов - коммерсант! Моей дочери - падчерицы дедушки моего внука! Или ты лишилась рассудка, дочь моя? Это уж слишком, нет, это уж слишком!

- Ах, отец! - с болью воскликнула прекрасная девушка. - Умоляю, выслушайте меня. Ведь коммерсант - это только отец Эдвина, Саркофагус Эйнштейн-старший, а не сам Эдвин. Эдвин ничего не делает. За всю свою жизнь он не заработал и пенни. Он совершенно не способен содержать себя. Вам стоит только взглянуть на него - и вы сразу убедитесь, что это так. Право же, дорогой отец, он совершенно такой же, как вы. Сейчас он здесь, в этом доме, и ждет позволения увидеться с вами. Не будь он так богат...

- Девочка, - строго сказал граф, - меня не интересует, богат человек или беден. Сколько у него?

- Пятнадцать миллионов двести пятьдесят тысяч долларов, - ответила Гвендолен.

Лорд Оксхед прислонился головой к доске камина. В душе у него царило смятение. Он пытался подсчитать доход с капитала в пятнадцать с четвертью миллионов долларов при четырех с половиной процентах годовых в переводе на фунты, шиллинги и пенсы. Увы, его мозг, истощенный долгими годами роскошной жизни и легких мыслей, превратился в слишком тонкий, слишком рафинированный инструмент для арифметических вычислений.

В эту минуту дверь отворилась, и Эдвин Эйнштейн внезапно предстал перед графом.

Впоследствии Гвендолен никогда не могла забыть того, что произошло. Всю жизнь ее преследовала эта картина - Эдвин стоит в дверях библиотеки, и его ясный, открытый взгляд прикован к бриллиантовой булавке в галстук ее отца, а он, отец, поднял голову, и на лице его написаны ужас и изумление.

- Вы! Это вы! - задыхаясь, прошептал он.

Он встал во весь рост, с секунду постоял, шатаясь и словно бы хватаясь руками за воздух, а потом рухнул на пол и растянулся во всю длину. Влюбленные бросились на помощь к графу. Эдвин сорвал с него галстук и выдернул бриллиантовую булавку, чтобы граф мог вздохнуть глубже. Но было уже поздно. Граф Оксхед испустил дух. Жизнь покинула его. Он угас. Другими словами, он был мертв.

Причина его смерти так и осталась неизвестной. Быть может, его убило появление Эдвина? Да, это возможно. Старый домашний врач, за которым немедленно послали, признался, что ничего не понимает. И это тоже было вполне правдоподобно. Сам Эдвин не смог дать никаких объяснений. Но все заметили, что молодой человек после смерти графа и после того, как он женился на Гвендолен, совершенно переменился. Он стал лучше одеваться, стал значительно лучше говорить по-английски.

Свадьба была тихой, почти печальной. По просьбе Гвендолен свадебный обед был отменен; не было подружек невесты, не было гостей. Уважая скорбь девушки по случаю ее тяжелой утраты, Эдвин, в свою очередь, настоял на том, чтобы не было ни шафера, ни цветов, ни подарков, ни медового месяца.

Итак, тайна лорда Оксхеда умерла вместе с ним. Боюсь, что она была настолько запутанной, что уже не представляет ни для кого особого интереса.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ

МЕЛЬПОМЕНУСА ДЖОНСА

Есть люди - разумеется, не вы и не я, ведь мы с вами обладаем таким твердым характером, - итак, есть люди, которые почему-то никак не могут сказать "до свидания", когда забегают мимоходом к своим знакомым или приходят провести у них вечерок. Чувствуя, что наступил момент, когда пора отправляться домой, гость встает и произносит, запинаясь:

- Вот что... По-моему, мне...

Тогда хозяйка говорит:

- Ах, что вы! Неужели вам уже надо идти? Ведь еще так рано!

И тут начинается нелепое состязание в вежливости.

Пожалуй, самым прискорбным из всех известных мне случаев подобного рода был случай с моим бедным другом Мельпоменусом Джонсом - помощником приходского священника, милейшим молодым человеком. И ведь ему было всего только двадцать три года! Он буквально не мог уходить из гостей. Он был слишком робок, чтобы солгать, и слишком добрый христианин, чтобы позволить себе быть грубым. И вот, как-то летом, в первый же день своего отпуска, он зашел к знакомым. Впереди у него было целых шесть недель - шесть свободных, всецело принадлежащих ему недель. Он немного поболтал, выпил две чашки чая, а потом, набравшись храбрости, неожиданно произнес:

- Вот что... По-моему, мне...

Но хозяйка дома возразила:

- О нет, мистер Джонс! Неужели вы не можете посидеть еще немного?

Джонс всегда был правдив.

- Могу, - сказал он. - Да, конечно... гм... я могу посидеть.

- Ну тогда, пожалуйста, не уходите.

Он остался. Он выпил одиннадцать чашек чая. Начало темнеть. Он снова встал.

- Ну вот, - сказал он робко, - теперь, пожалуй, мне действительно...

- Вам уже пора идти? - вежливо спросила хозяйка. - А я думала, что вы могли бы остаться и пообедать с нами.

- Да, разумеется, мог бы, - сказал Джонс, - если только...

- В таком случае, пожалуйста, оставайтесь. Я уверена, что муж будет очень рад.

- Хорошо, - сказал он покорно, - я останусь.

И Джонс снова опустился в кресло, чувствуя, что он переполнен чаем и очень несчастен.

Пришел папа. Сели за стол. Во время обеда Джонс не переставая думал о том, как бы уйти в половине девятого. А все семейство гадало, почему это мистер Джонс наводит такую тоску - только ли потому, что он осел, или потому, что он и осел и зануда.

После обеда хозяйка решила попытаться расшевелить гостя и начала показывать ему фотографические карточки. Она показала ему весь семейный музей. Целую кипу альбомов - фотографии папиного дяди и его жены, маминого брата и его малыша, чрезвычайно интересную фотографию друга папиного дяди в бенгальском мундире, поразительно удачную фотографию собаки компаньона папиного дедушки и невероятно скверную фотографию папы в костюме черта на костюмированном балу.

К половине девятого Джонс успел просмотреть семьдесят одну фотографию. Непросмотренных осталось еще около шестидесяти девяти. Джонс встал.

- Ну, теперь я должен попрощаться, - взмолился он.

- Прощаться? - сказали хозяйка. - Но ведь сейчас только половина девятого. Разве у вас есть какие-нибудь дела?

- Никаких, - согласился он и пробормотал что-то насчет шестинедельного отпуска, а потом засмеялся горьким смехом.

Тут оказалось, что любимец всей семьи, этакий очаровательный маленький шалунишка, спрятал шляпу мистера Джонса, и тогда папа сказал, что гость должен посидеть еще, и предложил ему выкурить по трубочке и немножко поболтать. Папа выкурил трубочку и поболтал с Джонсом, а Джонс все не уходил. Каждую секунду он собирался сделать решительный шаг, но не мог. Теперь Джонс уже порядком надоел папе; папа начал беспокойно ерзать на стуле и в конце концов с шутливой иронией сказал, что пусть уж лучше Джонс остается ночевать, - у них найдется для него соломенный тюфяк. Джонс не понял иронии и поблагодарил папу со слезами на глазах, а папа уложил Джонса в свободной комнате, мысленно проклиная его от всего сердца.

На следующий день, после завтрака, папа ушел на службу в Сити, а убитый горем Джонс остался в доме и занялся малышом. Он окончательно пал духом. В течение целого дня он собирался уйти, но все случившееся повлияло на его рассудок, и он был уже не в силах сделать это. Придя вечером домой, папа был удивлен и огорчен, увидев, что Джонс все еще здесь. Он решил вытурить его с помощью шутки и сказал, что, пожалуй, придется взыскивать с него плату за пансион, ха-ха! Несчастный молодой человек сначала вытаращил глаза, а потом яростно стиснул папину руку, уплатил за месяц вперед и вдруг разрыдался как ребенок.

В последовавшие за этим дни он был угрюм и необщителен. Разумеется, он все время торчал в гостиной, и отсутствие свежего воздуха и движения начало пагубно сказываться на его здоровье. Он только тем и занимался, что пил чай да рассматривал фотографии. Он мог часами смотреть на карточку друга папиного дяди в бенгальском мундире, разговаривая с ним, а порой даже осыпая его бранью. Рассудок молодого человека явно угасал.

И наконец катастрофа разразилась. Джонса отнесли наверх в припадке буйного умопомешательства. В дальнейшем состояние его было поистине ужасно. Он никого не узнавал - даже друга папиного дяди в бенгальском мундире. Время от времени он вдруг вскакивал на постели и кричал:

- Вот что... По-моему, мне... - а потом со страшным хохотом снова падал на подушку. Затем снова вскакивал и кричал:

- Еще чашку чая и еще несколько фотографий! Фотографий! Ха-ха-ха!

В конце концов после месяца ужасных мучений, в последний день своего отпуска он скончался. Говорят, что, когда наступила последняя минута, он сел в постели и с прекрасной доверчивой улыбкой, которая осветила все его лицо, сказал:

- Ангелы призывают меня к себе. Боюсь, что теперь мне действительно надо идти. Прощайте.

И дух его так же стремительно вылетел из своей темницы, как преследуемый собакой кот перелетает через садовую ограду.

КАК ДОЖИТЬ ДО ДВУХСОТ ЛЕТ

Двадцать лет назад я знал человека по имени Джиггинс. У него были Здоровые Привычки.

Каждое утро он окунался в холодную воду. Он говорил, что это открывает его поры. Затем он докрасна растирался губкой. Он говорил, что это закрывает его поры. Таким образом он добился того, что мог открывать поры по собственному усмотрению.

Перед тем как одеться, Джиггинс, бывало, по полчаса стоял у открытого окна и дышал. Он говорил, что это расширяет его легкие. Конечно, он мог бы обратиться в сапожную мастерскую и попросить поставить свои легкие на колодку, но ведь его способ ничего ему не стоил, да и в конце концов, что такое полчаса?

Надев нижнюю рубашку, Джиггинс начинал как-то странно дергаться из стороны в сторону, словно собака в упряжке, и проделывал упражнения по системе Сэндоу. Он бросался вперед, назад и вбок.

Право же, любой хозяин охотно взял бы его в дом вместо собаки. Все свое время он проводил в такого рода занятиях. Даже в конторе в свободные минуты Джиггинс любил лежать животом на полу и проверять, может ли он выжаться на суставах пальцев. Если это ему удавалось, он принимался за какое-нибудь другое упражнение - и так до тех пор, пока не находил такое, которое оказывалось ему не по силам. После чего он проводил остаток часа, полагавшегося ему на ленч, лежа на животе и испытывая полное счастье.

По вечерам у себя в комнате он поднимал железные брусья, пушечные ядра, орудовал гантелями и подтягивался к потолку на собственных зубах. За полмили слышно было, как он тяжело шлепался на пол.

Ему нравилось все это.

Половину ночи он проводил, бегая по комнате. Он говорил, что это прочищает ему мозги. Когда мозги становились совершенно чистыми, он ложился в постель и засыпал. Едва успев проснуться, он снова начинал прочищать их.

Джиггинс умер. Правда, он был пионером в этом деле, но тот факт, что он "загантелил" себя до смерти в столь раннем возрасте, отнюдь не предостерегает - увы! - все наше молодое поколение от повторения его пути.

Наши молодые люди одержимы Манией Здоровья.

И отравляют существование всем окружающим.

Они встают немыслимо рано. Они выходят на улицу в смешных коротеньких штанишках и еще до завтрака занимаются марафонским бегом. Они носятся босиком по траве, чтобы омочить ноги росой. Они охотятся за озоном. Они не могут жить без пепсина. Они не станут есть мясо, потому что в нем слишком много азота. Они не станут есть фрукты, потому что в них совсем нет азота.

Белок, крахмал и азот они предпочитают пирогу с черникой и пышкам. Они не станут пить воду из-под крана. Они не станут есть сардины из консервной банки. Они не станут есть устриц, вынутых из бочонка. Они не станут пить молоко из стакана. Они боятся алкоголя в любом его виде. Да, сэр, боятся. Труссы!

И после всей этой канители они вдруг подхватывают какую-нибудь самую обыкновенную, старомодную болезнь и умирают, как все остальные люди.

Нет, такого рода субъекты не имеют никаких шансов дожить до преклонного возраста. Они - на ложном пути.

Послушайте. Хотите дожить до настоящего пожилого возраста, хотите насладиться великолепной, цветущей, роскошной, самодовольной старостью и изводить своими воспоминаниями всех ваших соседей?

Если да, бросьте эти глупости. Выкиньте их из головы. По утрам вставайте в

нормальное время. Вставайте тогда, когда вам необходимо встать, - ни минутой раньше. Если ваша контора открывается в одиннадцать, вставайте в десять тридцать. Старайтесь глотнуть побольше озона. Впрочем, его вообще не существует. А если он есть, вы можете на пять центов купить себе полный термос озона и поставить его на полку буфета. Если ваша работа начинается в семь утра, вставайте без десяти семь, но только уже не лгите, утверждая, будто вам это нравится. Вы отлично знаете, что тут нет ничего приятного.

Кроме того, прекратите эту возню с холодными ваннами. Ведь не принимали же вы их, когда были мальчишкой. Так не будьте дураком и теперь. Если вам так уж необходимо принимать по утрам ванну (хотя в этом, право же, нет никакой нужды), то пусть она будет горячей. Удовольствие, которое вы получаете, когда, выскочив из холодной постели, залезаете в горячую ванну, делает самую мысль о холодной воде просто невыносимой. И, уж во всяком случае, перестаньте болтать о всех ваших "водных процедурах", словно вы единственный человек, который когда-нибудь мылся.

Ну, хватит об этом.

Давайте поговорим о микробах и бактериях. Перестаньте бояться их. В этом все дело. Да, это основное, и если вы раз и навсегда усвоите это, больше вам не о чем тревожиться.

Увидев бактерию, подойдите ближе и посмотрите ей прямо в глаза. Если одна из них влетит к вам в комнату, лупите ее шляпой или полотенцем. Ударьте ее как следует в солнечное сплетение. Ей быстро надоест все это.

В сущности говоря, бактерия - существо очень спокойное и безвредное. Только не надо трусить. Заговорите с ней. Прикажите ей лежать смирно. Она поймет. У меня когда-то была бактерия по имени Фидо. Она часто лежала у моих ног, пока я работал. Я никогда не знал более преданного друга, и когда ее переехал автомобиль, я похоронил ее в саду с чувством искренней скорби.

(Пожалуй, это преувеличение. Я не помню в точности ее имени, возможно, что ее звали Роберта.)

Поймите, ведь это только выдумка современной медицины - считать, что причина холеры, тифа или дифтерита кроется в бактериях и микробах. Чепуха! Причиной холеры является страшная боль в животе, а дифтерит происходит от попытки лечить больное горло.

Теперь давайте перейдем к вопросу о пище.

Ешьте все, что хотите. Ешьте много. Да, ешьте очень-очень много. Ешьте до тех пор, пока не почувствуете, что еще кусок - и вам уже не перебраться через комнату и не пристроиться со всей этой поглощенной пищей на мягком диване. Ешьте все, что вам нравится, ешьте до отвала. Мериллом тут должно служить только одно - можете ли вы заплатить за то, что едите. Если не можете - не ешьте.

И послушайте - не заботьтесь вы о том, содержится ли в вашей пище крахмал, белок, клейковина и азот. Если вы такой осел, что хотите есть подобные вещи, пойдите купите их себе и ешьте на здоровье. Сходите в прачечную, наберите там целый мешок крахмала и ешьте сколько влезет. Съешьте все, запейте хорошим глотком клея, а потом добавьте полную ложку портлендского цемента. И вы будете склеены хорошо и прочно.

Если вы любите азот, попросите аптекаря налить вам полный бидон и потягивайте его через соломинку у стойки, где торгуют газированной водой. Только не надо думать, что можно примешивать все эти вещества к вашей пище. В обыкновенных кушаньях, которые мы едим, нет никакого азота, фосфора или белка. В каждом приличном доме хозяйка смывает всю эту дрянь в кухонной раковине, перед тем как подать пищу на стол.

И еще два слова по поводу свежего воздуха и физических упражнений. Не хлопчите вы, пожалуйста, ни о том, ни о другом. Напустите в свою комнату побольше свежего воздуха, а потом закройте окна и не выпускайте. Вам хватит его на долгие годы. И не заставляйте ваши легкие работать без передышки. Пусть они отдохнут. Что касается физических упражнений, то, если уж вам без них не обойтись, занимайтесь ими - и помалкивайте. Но если вы можете позволить себе нанять человека, который стал бы играть за вас в бейсбол, участвовать в кроссах или заниматься гимнастикой, пока вы сидите в тени и

покуриваете, глядя на него, - тогда... ну, тогда... о господи! - чего же еще вам остается желать?

КАК СТАТЬ ВРАЧОМ

Прогресс в области техники - это, конечно, удивительная вещь. Человек не может не гордиться им. Я, например, должен прямо сказать, что горжусь. Всякий раз, как мне случается разговаривать с кем-нибудь - разумеется, с кем-нибудь таким, кто разбирается в этом еще меньше, чем я, - разговаривать, ну, хотя бы о чудесных достижениях в области электричества, у меня бывает такое чувство, словно я лично несу ответственность за все это. Когда же речь заходит о линотипе, аэроплане и пылесосе, тут... ну, тут уж мне начинает казаться, что я изобрел их сам. Полагаю, что и все люди с широким кругозором испытывают точно такое же чувство.

Однако сейчас речь пойдет совсем о другом. Мне хочется поговорить о прогрессе в области медицины. Вот тут, если хотите, происходит нечто поразительное. Всякий, кто любит человечество (хотя бы одну его половину женскую или мужскую) и кто оглядывается назад на достижения медицинской науки, не может не чувствовать, как сердце его тает от восторга, а правый желудочек расширяется под влиянием перикардического возбудителя законной гордости.

Вы только подумайте! Ведь всего сотню лет назад не было ни бацилл, ни отравления птомаинами, ни дифтерита, ни аппендицита. Бешенство было почти неизвестно и встречалось крайне редко. Появлением всего этого мы обязаны медицине. Даже такие болезни, как чесотка, свинка и трипаносомоз, которые получили у нас повсеместное распространение, прежде являлись достоянием немногих и были совершенно недоступны широкому массам.

Рассмотрим успехи данной науки с точки зрения ее практического применения. Всего сотню лет назад было принято считать, что лихорадку можно вылечить обыкновенным кровопусканием. Теперь мы определенно знаем, что это невозможно. Еще семьдесят лет назад считалось, что лихорадка поддается лечению наркотиками. Теперь мы знаем, что это не так. Наконец, совсем недавно, каких-нибудь тридцать лет назад, врачи думали, что могут излечивать лихорадку с помощью строгой диеты и льда. Теперь они совершенно убеждены в том, что не могут. На этих примерах мы наглядно видим неуклонный прогресс в лечении лихорадки. Впрочем, мы наблюдаем такие же вдохновляющие успехи и во всех остальных областях медицины. Возьмем ревматизм. Болея ревматизмом, наши предки носили в карманах круглые картофелины и считали, что это им помогает. Теперь врачи разрешают им носить решительно все, что они хотят. Больные, если им угодно, могут ходить с полными карманами арбузов. Это не меняет дела. Или возьмем лечение эпилепсии. Прежде считалось, что при внезапном приступе этой болезни необходимо прежде всего расстегнуть больному воротничок, чтобы помочь ему свободнее дышать. Теперь, напротив, многие врачи придерживаются того мнения, что нужно застегнуть воротничок как можно туже, чтобы помочь больному задохнуться.

И только в одной области, имеющей касательство к медицине, мы наблюдаем полное отсутствие прогресса - я говорю о количестве времени, требующемся для того, чтобы стать хорошим практикующим врачом. В доброе старое время студент, оснащенный всеми необходимыми знаниями, вылетал из колледжа, проучившись две зимы, причем летние каникулы он проводил, сплавливая лес для лесопилки. Иные студенты вылетали даже быстрее. Теперь, чтобы стать врачом, требуется от пяти до восьми лет. Разумеется, все мы готовы засвидетельствовать, что молодежь с каждым годом становится все глупее и ленивее. Это охотно подтвердит каждый, кому за пятьдесят. И все же как-то странно, что теперь человек должен потратить восемь лет, чтобы получить те же самые знания, какие прежде он приобретал за восемь месяцев.

Впрочем, дело не в этом. Положение, которое я хочу развить, состоит в том, что ремесло современного врача очень несложно и научиться ему можно за две недели.

Вот как все это происходит.

Пациент входит в кабинет врача.

- Доктор, - говорит он, - у меня ужасные боли.

- Где?

- Здесь.

- Станьте прямо, - говорит врач, - и положите руки на голову.

Затем врач становится позади пациента и что есть силы ударяет его по спине.

- Вы что-нибудь почувствовали? - спрашивает он.

- Да, - отвечает пациент.

Тогда врач неожиданно поворачивается к пациенту лицом и согнутой левой рукой наносит ему удар чуть пониже сердца.

- Ну, а сейчас? - спрашивает он злорадно, когда пациент как подкошенный валится на кушетку.

- Встаньте, - говорит врач и считает до десяти.

Пациент встает. Врач молча и внимательно смотрит на него и внезапно наносит ему удар в живот, после чего пациент скрючивается от боли и не может вымолвить ни слова. Врач отходит к окну и углубляется в чтение утренней газеты. Потом он поворачивается и начинает бормотать что-то, обращенное не к пациенту, а скорее к самому себе.

- Гм, - говорит он, - здесь мы имеем легкую анестезию барабанной перепонки.

- Неужели, доктор? - спрашивает пациент, полумертвый от страха. - Что же мне делать?

- Вам нужен покой, - говорит врач, - полный покой. Вы должны лечь, соблюдать строгий постельный режим и избегать волнений.

В действительности врач, конечно, не имеет ни малейшего представления о том, чем болен этот человек. Зато он твердо знает, что если больной ляжет в постель и будет лежать спокойно, абсолютно спокойно, то либо он спокойно выздоровеет, либо умрет спокойной смертью. А если в этот промежуток времени врач будет каждое утро приходить к нему, трясти его и колотить, то пациент сделается покорным и, может быть, врач наконец заставит его признаться, чем именно он болен.

- А как насчет диеты, доктор? - спрашивает пациент, уже совершенно перетрусив.

Ответы на этот вопрос бывают весьма разнообразны. Они зависят от того, как чувствует себя сам доктор и давно ли он встал из-за стола. Если время уже близится к полудню и доктор зверски голоден, он говорит:

- О, ешьте побольше, не бойтесь. Ешьте мясо, овощи, крахмал, клей, цемент, что хотите.

Но если доктор только что позавтракал и еле дышит после пирога с черникой, он твердо заявляет:

- Я не советую вам есть. Ни в коем случае. Ни крошки! Голод вам не повредит. Напротив, небольшое самоограничение в еде - лучшее лекарство в мире.

- А как насчет питья?

И на этот вопрос существуют разные ответы. Доктор может сказать так:

- О, вы вполне можете выпить иной раз стаканчик пива, или, если вам больше нравится, джина с содовой, или виски с минеральной водой. А перед сном я на вашем месте, пожалуй, выпил бы подогретого шотландского виски, предварительно положив туда два кусочка сахара, лимонную корочку и немного растертого мускатного ореха.

Все это доктор говорит с неподдельным чувством, и глаза его блестят бескорыстной любовью к медицине. Но если доктор провел предыдущий вечер на небольшой вечеринке в обществе коллег, он, напротив, склонен категорически запретить пациенту алкоголь в любом его виде и отпускает беднягу с ледяной суровостью.

Разумеется, само по себе такого рода лечение может показаться пациенту чересчур примитивным и, пожалуй, не способно внушить ему должное доверие. Зато в наши дни этот недостаток возмещается работой клинической лаборатории. На что бы ни жаловался пациент, врач заявляет, что необходимо отрезать от него все, что только возможно, и отослать все эти частицы, куски и кусочки в какое-то таинственное место - на исследование.

Он отрезает у пациента прядь волос и пишет на бумажке: "Волосы мистера Смита, октябрь 1910 г.". Затем он отрезает нижнюю часть его уха и, завернув ее в бумагу, наклеивает ярлык: "Часть уха мистера Смита, октябрь 1910 г.". Затем с ножницами в руках он осматривает пациента с головы до пят, и если ему понравится еще какая-нибудь частичка его тела, он отрезает ее и заворачивает в бумажку. И вот это-то, как ни странно, преисполняет пациента тем чувством собственной значительности, за которое и стоит платить деньги.

- Да, - говорит вечером того же дня забинтованный с ног до головы пациент нескольким встревоженным друзьям, собравшимся у его постели, - да, доктор полагает, что тут может оказаться легкая анестезия прогноза, но он отослал мое ухо в Нью-Йорк, мой аппендикс - в Балтимору, прядь моих волос издателям всех существующих медицинских журналов, а пока что мне предписаны полный покой и подогретое виски с лимоном и мускатным орехом через каждые полчаса.

Проговорив это, он в изнеможении откидывается на подушку и чувствует себя совершенно счастливым.

И вот, не странно ли?

И вы, и я, и все мы отлично знаем все это, - однако же стоит кому-нибудь из нас заболеть, как мы мчимся к врачу со всей быстротой, на какую способен наемный экипаж. Что до меня, то я лично предпочитаю санитарную карету с колокольчиком. В ней как-то спокойнее.

МОГУЩЕСТВО СТАТИСТИКИ

В вагоне они сидели напротив меня. Я, следовательно, мог слышать все, о чем они беседовали. Очевидно, эти двое только что познакомились и разговорились. Судя по выражению их лиц, они считали себя людьми необычайно высокого интеллекта. Видимо, каждый из них был убежден в том, что он глубокий мыслитель.

У одного из собеседников лежала на коленях открытая книга.

- Я только что вычитал несколько очень интересных статистических данных, - сказал он другому мыслителю.

- Ах, статистика! - ответил тот. - Удивительная вещь эта статистика, сэр! Я и сам очень люблю ее.

- Так, например, - продолжал первый, - я узнал, что капля воды наполнена крошечными... крошечными... гм... забыл, как это они называются... крошечными... гм... штучками, причем каждый кубический дюйм содержит... гм... содержит... Погодите, сейчас я вспомню...

- Ну, скажем, миллион, - сказал второй мыслитель поощрительным тоном.

- Да, да, миллион или, может быть, миллиард... но, во всяком случае, очень много таких штучек.

- Да что вы? - удивился другой. - Право же, в мире бывают изумительные вещи. Например, каменный уголь... Возьмем каменный уголь...

- Отлично, давайте возьмем каменный уголь. - сказал его приятель, откидываясь на спинку дивана с видом ученого, готового насладиться духовной пищей.

- Известно ли вам, что каждая тонна каменного угля, сожженного в топке, доведет состав вагонов длиной в... гм... забыл точную цифру, ну, скажем, состав такой-то и такой-то длины и весящий, ну, скажем, столько-то, доведет его от... от... гм! Не могу сейчас припомнить точное расстояние... доведет его от...

- Отсюда до луны? - подсказал первый.

- Вот-вот! Очень похоже на то. Отсюда до луны. Ну, не удивительно ли это?

- Да, сэр. Но самые поразительные вычисления - это все-таки вычисления, касающиеся расстояния от земли до солнца. Достоверно известно, что пушечное ядро, пущенное... мм... мм... в солнце...

- Пущенное в солнце, - одобрительно повторил его собеседник, словно он сам нередко наблюдал, как это делается.

- И летящее со скоростью... со скоростью...

- Трехсот миль? - высказал предположение его слушатель.

- Да нет же, вы меня не поняли, сэр... Летящее со страшной скоростью, просто страшной... Так вот оно пролетит сто миллионов лет, нет, сто миллиардов - словом, будет лететь поразительно долго, пока не долетит до солнца.

Больше выдержать я не мог.

- При условии, что оно будет пущено из Филадельфии, - сказал я и перешел в вагон для курящих.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ МЕНЯ БРИЛИ

Парикмахеры имеют врожденную склонность к спорту. Они могут совершенно точно сообщить вам, в котором часу начнется сегодняшняя партия в бейсбол, могут, не переставая орудовать бритвой, предсказать исход этой партии, могут с тонкостью профессионалов объяснить, почему все здешние игроки никуда не годятся по сравнению с теми, настоящими игроками, которых они лично видели там-то и там-то. Они способны рассказать клиенту все это, а потом, засунув ему в рот кисточку, уйти в другой конец парикмахерской, чтобы поспорить со своими коллегами о том, кто придет первым на осенних скачках. В парикмахерских исход состязания между боксерами Джефрисом и Джонсоном был известен задолго до самого состязания. Возможность получать и распространять такого рода сведения и составляет смысл жизни парикмахера. А само по себе бритье является для него занятием второстепенным. Внешний мир состоит для парикмахера из клиентов, которых надо швырнуть в кресло, связать по рукам и ногам, обезвредить с помощью всунутого в рот кляпа из мыла, а потом уже снабдить теми необходимыми сведениями о текущих событиях в области спорта, которые могут помочь этим людям провести день у себя в конторе, не вызывая открытого презрения сослуживцев.

До отказа напичкав клиента такого рода информацией, парикмахер немедленно сбривает ему бакенбарды в знак того, что теперь этот человек уже способен поддерживать разговор, и позволяет ему встать с кресла.

Нынешняя публика доросла до понимания истинного положения вещей. Каждый здравомыслящий бизнесмен готов просидеть в кресле полчаса, пока его бреют (сам он мог бы сделать это за три минуты), ибо он знает, что появиться на людях, не отдавая себе ясного отчета, почему Чикаго проиграл два матча подряд, значит выставить себя в глазах общества круглым невеждой.

Бывает, конечно, и так, что парикмахер предпочитает проэкзаменовать клиента, задав ему два-три вопроса. Пригвоздив испытуемого к креслу, он запрокидывает ему голову и покрывает лицо мылом, а потом, упершись коленом ему в грудь и крепко зажав рукой рот, чтобы страдалец не мог произнести ни слова и вдоволь наглотался мыла, спрашивает:

- Ну, как? Что вы скажете насчет вчерашнего матча между командами Детройта и Сент-Луиса?

Разумеется, это вовсе не вопрос. Парикмахер просто хочет сказать:

"Эх ты, простофиля! Держу пари, что ты ни черта не знаешь о великих событиях, которые сейчас происходят в нашей стране".

Из горла клиента доносится какое-то бульканье, словно он пытается ответить, а глаза начинают вращаться в орбитах, но парикмахер тут же ослепляет его мыльной пеной, и, если клиент еще шевелится, он дышит ему в лицо смесью джина и мятных лепешек до тех пор, пока всякие признаки жизни не исчезают у несчастного совершенно. Тогда мучитель начинает подробно обсуждать матч с парикмахером, стоящим за соседним креслом. При этом каждый из них перегибается через распростертый под дымящимися полотенцами неодушевленный предмет, который некогда был человеком.

Чтобы знать такое множество вещей, парикмахеры должны быть высокообразованными людьми. Правда, некоторые из величайших парикмахеров мира начали свою карьеру, не имея никакого образования, даже будучи совсем неграмотными, и только их кипучая энергия и неустанное трудолюбие помогли им выдвинуться. Но это исключение. В наши дни, чтобы добиться успеха, необходимо иметь диплом бакалавра. Так

как курс наук, преподаваемый в Гарвардском и Йельском университетах, был найден чересчур поверхностным, теперь открыты постоянно действующие Парикмахерские университеты, где способный молодой человек за три недели может приобрести столько же знаний, сколько он приобрел бы в Гарварде за три года. Дисциплины, которые преподаются в этих учебных заведениях, таковы:

1. Физиология, включая "Волосы и их уничтожение", "Происхождение и рост бакенбард", "Мыло и его влияние на зрение".

2. Химия, включая лекции об Одеколоне и о том, как изготовить его из рыбьего жира.

3. Практическая анатомия, включая курсы: "Скальп и как снимать его", "Уши и как убирать их", а также, в качестве основного курса для наиболее успевающих слушателей, - "Вены лица и как вскрывать и закрывать их по своему усмотрению с помощью квасцов".

Как я уже сказал, парикмахер призван главным образом заботиться о расширении кругозора клиента, но не следует забывать, что и второстепенное его занятие - уничтожение бакенбард, практикуемое в целях придания клиенту вида хорошо информированного человека, тоже имеет большое значение и требует как длительной тренировки, так и врожденной склонности к этому делу. В парикмахерских современных городов процесс бритья доведен до высшей степени совершенства. Хороший парикмахер уже не заинтересован в том, чтобы мгновенно, без малейшего промедления, сбрить бороду и усы клиента. Он предпочитает сначала сварить его. Для этого он погружает голову клиента в кипяток и там, под дымящимся полотенцем, держит лицо жертвы до тех пор, пока оно не приобретает надлежащий багровый оттенок. Время от времени парикмахер приподнимает полотенце и смотрит, достаточно ли кожа побагровела. Если нет, он кладет полотенце на прежнее место и железной рукой прижимает его к объекту до тех пор, пока не доводит свое дело до конца. Впрочем, окончательный результат полностью окупает его труды: стоит добавить немного овощей, и отлично сваренный клиент одним своим видом способен возбудить у окружающих зверский аппетит.

Во время бритья парикмахеры имеют обыкновение подвергать клиента особому виду моральной пытки, известной под названием "пытки третьей степени". Она состоит в том, что парикмахер терроризирует своего подопечного, предсказывая ему, на основании многолетнего опыта, явную и близкую потерю всякой растительности - как на голове, так и на щеках.

- Ваши волосы, - говорит он проникновенно грустным и сочувственным тоном, - катастрофически выпадают. Не вымыть ли вам голову шампунем?

- Нет.

- Не подпалить ли вам кончики волос? Это закрывает фолликулы.

- Нет.

- Не закупорить ли вам кончики волос сургучом? Это единственное, что может спасти их.

- Нет.

- Не вымыть ли вам голову яйцом?

- Нет.

- Может быть, опрыскать лимонным соком ваши брови?

- Нет.

Парикмахер видит, что имеет дело с человеком твердого характера, и принимается за дело с еще большим воодушевлением. Наклонившись над распростертым в кресле клиентом, он шепчет ему на ухо:

- У вас появилось много седых волос. Не обработать ли вам голову "Восстановителем"? Это будет стоить всего полдоллара.

- Нет.

- Ваше лицо, - снова шепчет парикмахер мягким, ласкающим голосом, сплошь покрыто морщинами. Не втереть ли вам в кожу немного "Омолодителя"?

Эта процедура тянется до тех пор, пока не происходит одно из двух: либо клиент

настолько упорен, что наконец вскакивает с кресла и выходит из парикмахерской с сознанием, что он - изборожденный морщинами, преждевременно одряхлевший человек, чья порочная жизнь запечатлелась на его лице и чьи незакупоренные кончики волос и истощенные фолликулы угрожают ему неизбежным и полным облысением в ближайшие двадцать четыре часа, либо же он уступает. В последнем случае не успевает он сказать "да", как парикмахер издает торжествующий вопль, раздается бульканье кипящей воды - и вот два дюжих брадобрея уже хватают клиента за ноги, тащат под кран и, несмотря на попытки к сопротивлению, устраивают ему гидро-магнетический сеанс. Когда клиент вырывается из их рук и убегает из парикмахерской, весь он так блестит, словно его покрыли лаком.

Но применение гидро-магнетических процедур и "Омолодителя" отнюдь не исчерпывает возможностей современного парикмахера. Он любит оказывать клиенту множество самых разнообразных дополнительных услуг, не имеющих непосредственного касательства к процессу бритья как такового, но приуроченных к нему.

В образцовых современных парикмахерских дело происходит так: пока один человек бреет клиента, другие чистят ему ботинки, костюм, штопают носки, стригут ногти, покрывают эмалью зубы, промывают глаза и меняют форму всех тех частей его тела, которые почему-либо им не нравятся. Иногда во время подобных операций клиент оказывается в тесном кольце из семи-восьми человек, которые дерутся, отвоевывая друг у друга возможность ринуться на него.

Все вышесказанное относится к городским парикмахерским, но никак не к деревенским. В деревенской парикмахерской одновременно находятся только один парикмахер и один клиент. Со стороны это выглядит как честное единоборство, как открытый бой, происходящий на глазах у нескольких зрителей, которые собрались вокруг парикмахерской. В городе человек бреется, не снимая одежды. Но в деревне, где клиент хочет получить за свои деньги максимум удовольствия, с него снимают воротничок, галстук, пиджак, жилет и, стремясь побрить и постричь его на совесть, раздевают до пояса. После чего парикмахер с разбегу накидывается на клиента и обрабатывает ножницами весь его спинной хребет, а потом переходит к более густым волосам, на затылке, орудуя с мощностью газонокосилки, врезающейся в высокую траву.

КАК ПОЙМАТЬ НИТЬ РАССКАЗА

Приходилось ли вам когда-нибудь слышать, как человек пытается рассказать содержание книги, которую он еще не успел дочитать до конца? Это крайне поучительно. Синклер, мой сосед по квартире, сделал вчера вечером такую попытку. Я пришел домой замерзший, усталый и нашел его в возбужденном состоянии; в одной руке он держал объемистый журнал, а в другой - разрезной нож.

- Послушай, до чего интересная история, - начал он, едва я успел переступить порог. - Необыкновенно! Просто не оторваться. Хочешь, я прочитаю тебе отрывки? Или лучше - знаешь что? Я расскажу тебе то, что уже успел прочитать, ты легко поймешь нить рассказа, а дальше мы будем читать вместе.

Я был не очень расположен слушать его, но видел, что от него все равно не отделаться, и поэтому просто ответил:

- Ладно, кидай свою нить, постараюсь поймать ее.

- Итак, - оживленно начал Синклер, - этот самый граф получил это письмо и...

- Постой, - прервал его я, - какой граф и какое письмо?

- Да тот граф, о котором идет речь. Понимаешь? Он, значит, получил от Порфирио это письмо и...

- От какого Порфирио?

- Да от Порфирио, понимаешь? От Порфирио. Он послал ему письмо, объяснил Синклер с легким нетерпением, - послал с Демонио и сказал, чтобы он вместе с ним выследил его и убил.

- Да постой же, - перебил я Синклера, - выследил кого? И кого это надо ужокошить?

- Они собираются убить Демонио.

- А кто принес письмо?

- Демонию.

- Гм! Так этот Демонию, должно быть, круглый идиот! Зачем же ему было самому приносить письмо?

- Так ведь он не знает, что в нем, в этом-то вся штука. - И Синклер начал хохотать при воспоминании об этой штуке. - Понимаешь, этот Карло Карлотти - кондотьер...

- Стоп! - сказал я. - Что такое кондотьер?

- Нечто вроде разбойника. Так вот, он был в заговоре с фра Фраликколо и... Тут у меня возникло одно подозрение.

- Послушай, - твердо сказал я, - если дело происходит в Шотландии, я отказываюсь слушать дальше. Довольно.

- Нет, нет, - поспешно ответил Синклер, - все в порядке. Дело происходит в Италии. Во времена которого-то из Пиев!.. Ну и хитер же он! Знаешь, ведь это он уговорил этого францисканца...

- Минутку! - сказал я. - Какого францисканца?

- Ну, разумеется, фра Фраликколо, - с раздражением ответил Синклер. Так вот, Пио пытается...

- Что? - сказал я. - Пио? Какой Пио?

- Фу ты черт! Пио - это итальянец. Производное от Пия. Он сделал попытку подговорить фра Фраликколо и Карло Карлотти, кондотьера, украсть документ у... Постой, постой... как его?.. Ах, да... у венецианского дога...

- Ты, должно быть, хочешь сказать - дожа?

- Ну да, конечно... Но постой... Что за дьявольщина! Ты совершенно сбил меня, все это совсем не так. Наоборот. Пио ничего не понимает. Он набитый дурак. А вот дож оказался хитрецом. Да, черт возьми! Это ловкий парень! продолжал Синклер, снова воспламеняясь. - Он делает все, что хочет. Он заставляет Демонию... Демонию - это один из наемников дожа, его орудие... так вот, он заставляет его украсть документ у Порфирио и...

- Но каким же образом он может заставить его сделать это? - спросил я.

- О! Демонию находится всецело в руках у дожа, так что он заставляет его вести интригу до тех пор, пока старик Пио не... гм... ну... до тех пор, пока Пио не окажется в его руках. И тогда Пио, разумеется, начинает думать, что Порфирио... ну... словом, что Порфирио держит его в руках.

- Одну секунду, Синклер, - сказал я, - кто, ты говоришь, находится в руках у дожа?

- Демонию.

- Благодарю. А то я что-то запутался, кто у кого в руках. Продолжай...

- Так вот, как раз тогда, когда все шло таким образом...

- Каким образом?

- Да вот так, как я говорил.

- Ладно. Дальше.

- Кто, по-твоему, появляется и расстраивает все интриги, как не эта самая синьорина Тарара в своем домино?..

- Этого еще не хватало! - крикнул я. - У меня просто голова разболелась. Какого черта ей понадобилось являться в своем домино?

- Как какого черта? Чтобы разрушить все это.

- Разрушить что?

- Да всю эту проклятую штуку, - восторженно ответил Синклер.

- А разве она не могла разрушить ее без домино?

- Разумеется, нет! Ведь если бы не домино, дож моментально узнал бы ее. А когда он увидел ее в этом домино и с розой в волосах, он решил, что это Лючия дель Эстеролла.

- Вот дурак-то, а? А это еще что за девица?

- Лючия? О, это замечательная девушка! Это одна из тех южных натур, которые... гм... ну, которые полны чего-то такого...

- Ну, одна из таких веселых девиц, - подсказал я.

- Да нет, что ты! Вовсе она не веселая девица. Словом, она - сестра графини Карантарата, и поэтому фра Фраликколо... нет, нет, не то, она вовсе не сестра, она кузина. В общем, она думает, что она кузина самого фра Фраликколо и что поэтому-то Пио и пытается уничтожить фра Фраликколо.

- Ах, так! - согласился я. - Ну конечно, в таком случае он непременно попытается уничтожить его.

- Ага! - с надеждой глядя на меня, сказал Синклер и, схватив журнал, приготовился разрезать следующие страницы. - Ты, кажется, поймал нить рассказа, а?

- Разумеется, - ответил я. - Тут участвуют дож, и Пио, и Карло Карлотти - кондотьер, и все остальные, о которых ты мне говорил.

- Вот-вот! - сказал Синклер. - Ну и, конечно, еще многие другие, о которых я могу рассказать тебе, если...

- Нет, нет, не стоит, - поспешно сказал я. - Пока что мне вполне хватит и этих - они весьма любопытные субъекты. Итак, стало быть, Порфирио находится в руках у Пио, а Пио - в руках у Демонио, дож - хитрый парень, а Лючия полна чего-то такого... Да, да, я получил довольно ясное представление обо всей этой публике, - с горечью заключил я.

- Вот и прекрасно, - ответил Синклер, - я знал, что тебе понравится. Сейчас мы продолжим. Я только дочитаю эту страницу, а дальше буду читать вслух.

Он торопливо пробежал глазами несколько строчек, оставшихся до конца абзаца, потом разрезал листы и перевернул страницу. На лице его выразились ужас и изумление, взгляд внезапно застыл.

- Ну и чертовщина! - проговорил он наконец.

- А что такое? - спросил я сочувственно, и в моей душе вспыхнула радостная надежда.

- Оказывается, эта проклятая штука без конца, - пролепетал он. - Вот, смотри: "Продолжение следует".

№ 56

То, о чем я сейчас расскажу, поведал мне однажды зимним вечером мой друг А-янь в маленькой комнатке за его прачечной. А-янь - это низенький тихий китаец с серьезным, задумчивым лицом и с тем меланхолически-созерцательным складом характера, какой так часто можно наблюдать у его соотечественников. Меня с А-янем связывает давняя дружба, и немало долгих вечеров провели мы с ним в этой тускло освещенной комнатке, задумчиво покуривая трубки и размышляя в молчании. Что меня особенно привлекает в моем друге - это его богатая фантазия, способность к выдумке, которая, по-моему, является характерной чертой людей Востока и которая позволяет ему забывать добрую половину безрадостных забот, связанных с его профессией, перенося его в другую, внутреннюю, жизнь, созданную им самим. Но вот о его способности к анализу, о его острой наблюдательности мне было совершенно неизвестно вплоть до того вечера, о котором я и хочу рассказать.

Освещенная единственной сальной свечой комнатка, где мы сидели, была маленькая, убогая и, можно сказать, почти без мебели, если не считать наших двух стульев да небольшого стола, на котором мы набивали и прочищали наши трубки. Стену украшали несколько картинок - по большей части дешевые иллюстрации, вырезанные из газет и наклеенные для того, чтобы скрыть пустоту комнаты. Только одна картина была примечательна во всех отношениях - мужской портрет, превосходно выполненный чернилами. На нем был изображен молодой человек с лицом необыкновенно красивым, но бесконечно печальным. Мне давно уже казалось, что А-янь пережил какое-то большое горе, и, сам не знаю почему, я связывал это обстоятельство с висевшим на стене портретом. Однако я всегда воздерживался от каких-либо расспросов, и только в этот вечер мне стала известна его история.

Мы молча курили некоторое время, пока наконец А-янь не заговорил. Человек он вполне культурный, весьма начитанный, и, следовательно, его английская речь вполне правильна с точки зрения конструкции фразы. В его произношении чувствуются, конечно,

некоторая медлительность и чрезмерная мягкость звука, свойственные языку его родины, но я не собираюсь воспроизводить здесь эти особенности.

- Я вижу, - сказал он, - что вы рассматриваете портрет моего несчастного друга, номера Пятьдесят Шесть. Я никогда еще не рассказывал вам о своей утрате, но так как сегодня годовщина его смерти, я был бы рад немного поговорить о нем.

А-янь замолчал. Я снова закурил трубку и кивнул ему, показывая, что приготовился слушать.

- Не знаю, - продолжал он, - когда именно Пятьдесят Шестой вошел в мою жизнь. Разумеется, я мог бы уточнить это по записям в моих книгах, но у меня никогда не было желания сделать это. Понятно, что вначале я интересовался им не больше, чем любым другим моим клиентом, - пожалуй, даже меньше, поскольку за все время наших деловых отношений он ни разу не принес свое белье сам, а всегда присылал его с мальчиком-рассыльным. Когда же я заметил, что он стал одним из постоянных моих заказчиков, я стал задумываться над тем, что за человек этот номер Пять-десять Шесть - так я привык называть его про себя и что он собой представляет. Вскоре я уже смог сделать по поводу этого неизвестного мне клиента некоторые умозаключения. Судя по качеству его белья, он был не богат, но, во всяком случае, жил в полном достатке. По-видимому, этот молодой человек вел правильный образ жизни, подобающий христианину, и время от времени бывал в обществе. Все это я мог заключить из того, что количество белья, присылаемого им в прачечную, было всегда одно и то же, что срок стирки всегда приходился у него на субботний вечер и что раз в неделю он надевал крахмальную рубашку. По характеру это был скромный, непритязательный юноша: высота его воротничков не превышала двух дюймов.

Я взглянул на А-яня с некоторым удивлением. Благодаря недавно опубликованным произведениям одного известного романиста я был знаком с подобным методом анализа, но такие откровения в устах моего восточного друга явились для меня полной неожиданностью.

- Вначале, когда я только что узнал его, - продолжал А-янь, - Пятьдесят Шестой был студентом университета. Конечно, я понял это не сразу. К этому выводу я пришел через некоторое время по той причине, что в течение четырех летних месяцев его обычно не бывало в городе, а также и потому, что во время экзаменационных сессий манжеты его рубашек, когда они ко мне попадали, были испещрены датами, формулами и теоремами. С немалым интересом следил я за ним в период его университетских занятий. В продолжение всех четырех лет я стирал для него еженедельно. Регулярная связь с ним и возможность благодаря постоянному наблюдению проникнуть глубже в пленительный характер этого человека превратили мое первоначальное уважение к нему в прочную привязанность, и теперь я уже по-настоящему тревожился за его судьбу. Во время каждого последующего экзамена я помогал Пятьдесят Шестому чем только мог: крахмалил рукава его рубашек до самого локтя, чтобы дать ему как можно больше места для заметок. Мое волнение во время последнего экзамена не поддается описанию. Номер Пятьдесят Шесть занимался теперь с предельным напряжением. Я мог судить об этом по состоянию его носовых платков, которые на этот раз он, видимо, сам того не сознавая, употреблял вместо перочисток. Поведение молодого человека во время последней экзаменационной сессии явилось доказательством нравственной эволюции, которая произошла в его характере за годы студенчества. Ибо записи на манжетах, столь многочисленные в период первых контрольных работ, на этот раз свелись к отдельным коротким пометкам, да и те относились лишь к вещам сугубо сложным, которые поистине невозможно удержать в памяти. С радостным волнением увидел я наконец в субботней пачке белья, в начале июня, мятую крахмальную рубашку, вся грудь которой была залита вином, и мне стало ясно, что номер Пятьдесят Шесть отпраздновал только что присвоенную ему степень бакалавра искусств.

В ближайшую зиму привычка вытирать перья носовыми платками, замеченная мною во время последнего экзамена, сделалась у него хронической, и я понял, что он начал изучать юриспруденцию. Он упорно работал в тот год, и крахмальные рубашки почти совсем не

появлялись в его белье. А следующей зимой, на втором году изучения законов, началась трагедия его жизни. Я заметил, что качество и количество белья, присылаемого им в стирку, совершенно переменялось. Вместо одной или самое большее двух крахмальных рубашек в неделю появилось четыре, и теперь шелковые носовые платки заняли место прежних полотняных. Мне стало ясно, что Пятьдесят Шестой изменил строгому укладу студенческой жизни и стал чаще бывать в обществе. Спустя некоторое время я заметил и еще нечто: Пятьдесят Шестой влюбился. Вскоре сомневаться в этом было уже невозможно. Он менял теперь семь рубашек в неделю; полотняные носовые платки совсем исчезли из его обихода; высота воротничков от двух дюймов дошла до двух с четвертью и под конец до двух с половиной. У меня сохранился один из перечней белья, сданного им в прачечную в тот период; достаточно взглянуть на этот список, чтобы понять, с какой скрупулезной тщательностью следил он тогда за своим туалетом. О, сколь памятны мне светлые упования этих дней, чередовавшиеся с минутами самого мрачного отчаяния! Каждую субботу с трепетом разворачивал я пакет с бельем, стремясь найти там лишние доказательства его любви. Я помогал моему другу всем, чем только мог. Несмотря на то, что, разводя крахмал, рука моя нередко дрожала от волнения, его рубашки и воротнички являлись жемчужинами моего искусства.

Она, на мой взгляд, была хорошая, порядочная девушка. Ее влияние облагораживало все существо номера Пятьдесят Шесть. До сих пор он иногда носил пристежные манжеты и рубашки с фальшивой крахмальной грудью. Теперь он отказался от них - и прежде всего от рубашек с фальшивой грудью, - с презрением отвергая самую мысль о какой бы то ни было фальши. А через некоторое время, в пылу восторга, он расстался даже и с пристежными манжетами. Оглядываясь назад на эти светлые, счастливые дни, я не могу удержать невольный вздох.

Счастье номера Пятьдесят Шесть как бы вошло в мою жизнь и целиком заполнило ее. Всю неделю я не мог дожидаться субботы. Появление рубашек с фальшивой крахмальной грудью повергало меня в глубочайшую бездну отчаяния; их отсутствие возносило на вершину надежды. Когда зима, смягчившись, уступила место весне, Пятьдесят Шестой наконец набрался мужества, чтобы узнать свою судьбу. Как-то в субботу он прислал мне новый белый жилет - один из тех предметов мужского туалета, каких до сих пор, следуя своим скромным привычкам, мой юный друг упорно избегал. Я должен был привести эту вещь в надлежащий вид. Все средства моего искусства были пущены в ход - ведь я отлично понял назначение этого жилета. В следующую субботу жилет вернулся ко мне, и со слезами радости я увидел на правом плече след ласкового прикосновения маленькой теплой ручки. Так я узнал, что номер Пятьдесят Шесть получил согласие своей избранницы.

А-янь умолк и сидел молча довольно долго. Его трубка, затрещав, погасла и, холодная, лежала у него на ладони. Глаза А-яня были устремлены на стену, где дрожащие тени колебались в тусклом мерцании свечи. Наконец он заговорил снова:

- Не буду описывать счастливые дни, последовавшие за этим событием, дни ярких летних галстуков и белых жилетов, безупречных рубашек и высоких воротничков, которые привередливый влюбленный менял теперь каждый божий день. Наше счастье казалось полным, и я не просил у судьбы ничего больше. Увы, оно было недолговечно! Когда светлые летние дни сменились осенними, я с огорчением начал замечать признаки случайных ссор: то четыре рубашки вместо семи, то появление заброшенных было пристежных манжет и рубашек с фальшивой грудью. За ссорами следовали примирения со слезами раскаяния на плече белого жилета, семь рубашек появлялись вновь... Но ссоры все учащались, а потом настало время бурных сцен, после которых иногда оказывались сломанными пуговицы жилета. Количество рубашек постепенно уменьшалось - оно дошло до трех, потом упало до двух, а высота воротничков моего несчастного друга снизилась до одного и трех четвертей дюйма. Тщетно расточал я номеру Пятьдесят Шесть нежнейшие свои заботы. Моей исстрадавшейся душе казалось, что блеск, который я наводил на его рубашки и воротнички, мог бы смягчить и каменное сердце. Увы! Все мои усилия примирить их, видимо, пропали

даром. Прошел ужасный месяц. Все рубашки с фальшивой грудью и пристежные воротнички вернулись вновь; казалось, несчастный юноша упивается их вероломством. Наконец в один мрачный вечер я увидел, развернув пакет, что он купил себе дюжину целлулоидных воротничков, и сердце подсказало мне, что она покинула его навеки. Не могу вам передать, как страдал в это время мой бедный друг. Достаточно сказать, что от целлулоидных воротничков он перешел к голубым фланелевым рубашкам, а от голубых - к серым. Красный бумажный носовой платок, который я увидел под конец в его белье, явился для меня грозным предостережением - я понял, что обманутая любовь повредила его рассудок, и приготовился к самому худшему. Затем наступил мучительный трехнедельный интервал, когда он не присылал мне решительно ничего, а потом пришел сверток - последний сверток! То был огромный узел, вмещавший, казалось, все его белье. И в этом узле я, к своему ужасу, обнаружил рубашку, на груди которой темнело кровавое пятно и зияла дыра с зазубренными краями - дыра, указывающая место, где пуля пробила насквозь его сердце.

Я вспомнил, что две недели назад мальчишки, продававшие на улицах газеты, выкрикивали сообщение об одном ужасном самоубийстве, и теперь я твердо убежден, что речь шла о номере Пятьдесят Шесть. Когда первоначальная острота моего горя немного утихла, я решил сохранить для себя образ этого человека, нарисовав его портрет, - тот самый, что висит напротив вас. Я немного владею искусством рисования и уверен, что мне удалось схватить выражение его лица. Разумеется, портрет этот сделан мною не с натуры, ибо, как вы уже знаете, я никогда не видел номера Пятьдесят Шесть.

У наружной двери зазвенел колокольчик, возвещая о приходе очередного клиента. Со свойственным ему видом спокойного самоотречения А-янь встал и вышел в другую комнату, где пробыл некоторое время. Когда он вернулся, у него, по-видимому, уже не было настроения продолжать разговор о своем погибшем друге. Вскоре я простился с ним и уныло побрел домой. Дорогой я много размышлял о моем маленьком восточном приятеле и о трогательных причудах его воображения. Но на сердце у меня лежала тяжесть - несколько слов, которые мне бы следовало ему сказать, но которые я не в силах был произнести. Я не мог найти в себе мужество разрушить воздушный замок, созданный его фантазией. Сам я жил замкнуто, уединенно, и мне не довелось испытать такую сильную привязанность, какую испытал мой добрый друг... Но меня мучило воспоминание о некоем огромном узле белья, который я послал ему приблизительно год назад. Меня не было в городе три недели, и сверток, естественно, оказался тогда значительно более объемистым, чем обычно. И, кажется, в этом узле была одна рваная рубашка, безнадежно испачканная красными чернилами, которые пролились из бутылки, разбившейся в моем чемодане, и прожженная в том месте, куда упал пепел от моей сигары, когда я укладывал белье в узел. Все это я помню не так уж отчетливо, но в чем я совершенно уверен, это в том, что до прошлого года, перед тем как я стал отдавать белье в более современное прачечное заведение, мой номер у А-яня был 56.

МЕСТЬ ФОКУСНИКА

- А теперь, леди и джентльмены, - сказал фокусник, - когда вы убедились, что в этом платке ничего нет, я выну из него банку с золотыми рыбками. Раз, два! Готово.

Все в зале повторяли с изумлением:

- Просто поразительно! Как он делает это?

Но Смышленный господин, сидевший в первом ряду, громким шепотом сообщил своим соседям:

- Она... была... у него... в рукаве.

И тогда все обрадованно взглянули на Смышленного господина и сказали:

- Ну, конечно. Как это мы сразу не догадались?

И по всему залу пронесся шепот:

- Она была у него в рукаве.

- Следующий мой номер, - сказал фокусник, - это знаменитые индийские кольца.

Прошу обратить внимание на то, что кольца, как вы можете убедиться сами, не соединены

между собой. Смотрите - сейчас они соединятся. Бум! Бум! Бум! Готово!

Раздался восторженный гул изумления, но Смышленный господин снова прошептал:

- Очевидно, у него были другие кольца - в рукаве.

И все опять зашептали:

- Другие кольца были у него в рукаве.

Брови фокусника сердито сдвинулись.

- Сейчас, - продолжал он, - я покажу вам самый - интересный номер. Я выну из шляпы любое количество яиц. Не желает ли кто-нибудь из джентльменов одолжить мне свою шляпу? Так! Благодарю вас. Готово!

Он извлек из шляпы семнадцать яиц, и в продолжение тридцати пяти секунд зрители не могли прийти в себя от восхищения, но Смышленный нагнулся к своим соседям по первому ряду и прошептал:

- У него курица в рукаве.

И все зашептали друг другу:

- У него дюжина кур в рукаве.

Фокус с яйцами потерпел фиаско.

Так продолжалось целый вечер. Из шепота Смышленного господина явствовало, что, помимо колец, курицы и рыбок, в рукаве фокусника были спрятаны несколько карточных колод, каравай хлеба, кровать для куклы, живая морская свинка, пятидесятицентовая монета и кресло-качалка.

Вскоре репутация фокусника упала ниже нуля. К концу представления он сделал последнюю отчаянную попытку.

- Леди и джентльмены, - сказал он. - В заключение я покажу вам замечательный японский фокус, недавно изобретенный уроженцами Типперэри. Не угодно ли будет вам, сэр, - продолжал он, обращаясь к Смышленому господину, - не угодно ли вам передать мне ваши золотые часы?

Часы были немедленно переданы ему.

- Разрешаете вы мне положить их вот в эту ступку и растолочь на мелкие кусочки? - с ноткой жестокости в голосе спросил он.

Смышленный утвердительно кивнул головой и улыбнулся.

Фокусник бросил часы в огромную ступку и схватил со стола молоток. Раздался странный треск.

- Он спрятал их в рукаве, - прошептал Смышленный.

- Теперь, сэр, - продолжал фокусник, - разрешите мне взять ваш носовой платок и проткнуть в нем дырки. Благодарю вас. Вы видите, леди и джентльмены, тут нет никакого обмана, дырки видны простым глазом.

Лицо Смышленного сияло от восторга. На этот раз все казалось ему действительно загадочным, и он был совершенно очарован.

- А теперь, сэр, будьте так любезны передать мне ваш цилиндр и разрешите потанцевать на нем. Благодарю вас.

Фокусник поставил цилиндр на пол, проделал на нем какие-то па, и через несколько секунд цилиндр стал плоским, как блин.

- Теперь, сэр, снимите, пожалуйста, ваш целлулоидный воротничок и разрешите мне сжечь его на свечке. Благодарю вас, сэр. Не позволите ли вы также разбить молотком ваши очки? Благодарю вас.

На этот раз лицо Смышленного приняло выражение полной растерянности.

- Ну и ну! - прошептал он. - Теперь уж я решительно ничего не понимаю.

В зале стоял гул. Наконец фокусник выпрямился во весь рост и, бросив уничтожающий взгляд на Смышленного господина, сказал:

- Леди и джентльмены! Вы имели возможность наблюдать, как с разрешения вот этого джентльмена я разбил его часы, сжег его воротничок, раздавил его очки и протанцевал фокстрот на его шляпе. Если он разрешит мне еще разрисовать зеленой краской его пальто

или завязать узлом его подтяжки, я буду счастлив и дальше развлекать вас... Если нет - представление окончено.

Раздались победоносные звуки оркестра, занавес упал, и зрители разошлись, убежденные, что все же существуют и такие фокусы, к которым рукав фокусника не имеет никакого отношения.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДЖОНА СМИТА

Жизнеописания великих людей занимают большое место в нашей литературе. Великий человек - это поистине удивительное явление. Он проходит по столетию, оставляя на всем свои следы, а потом уж и не разберешь, какой номер калош он носил. Стоит возникнуть революции, или новой религии, или национальному возрождению любого рода, как великий человек уже тут как тут, как он становится во главе любого движения и прибирает к рукам все, что получше. Даже после смерти он оставляет длинный хвост второсортных родственников, которые еще лет пятьдесят занимают все лучшие места в истории.

Итак, сомнения нет, жизнеописания великих людей представляют огромный интерес. Но должен сознаться, что по временам я испытываю чувство какого-то протеста, и тогда мне кажется, что обыкновенный, средний человек тоже имеет право на то, чтобы кто-нибудь написал его биографию. Именно для того, чтобы подкрепить свою точку зрения наглядным примером, я и хочу описать жизнь Джона Смита, человека, который не блистал никакими особенными талантами, а был просто обыкновенный, средний человек - такой же, как вы, как я, как все остальные люди.

С самого раннего детства Джон Смит ничем не выделялся среди товарищей. Мальчик не изумлял наставников своим феноменально ранним развитием. Нельзя сказать, чтобы он с юных лет увлекался чтением. Ни один почтенный старец ни разу не возложил руку на голову Смита и не сказал, что пусть, мол, люди попомнят его слова - этот мальчик рано или поздно станет большим человеком. И у отца Джона тоже не было обыкновения смотреть на сына с благоговейным восторгом. Отнюдь нет! Отец просто никак не мог решить - от природы ли Джон так глуп или он только прикидывается дурачком, считая, что это модно. Другими словами, Джон был такой же человек, как вы, как я, как все остальные люди.

Занимаясь спортом, этим украшением и отрадой современной молодежи, Смит, в отличие от великих людей, ничем не затмевал своих сверстников. Он не умел ездить верхом, как молодой бог. Он не умел кататься на коньках, как молодой бог. Он не умел плавать, как молодой бог. Он не умел стрелять, как молодой бог. Он ничего не умел делать, как молодой бог. Он был точно такой же, как мы с вами.

Нельзя также сказать, чтобы необыкновенная храбрость мальчика возмещала его физические несовершенства, как об этом неизменно сообщается в биографиях знаменитых людей. Напротив. Он боялся своего отца. Он боялся своего школьного учителя. Он боялся собак. Он боялся выстрелов. Он боялся молнии. Он боялся ада. Он боялся девушек.

Выбирая профессию, Смит не проявил того жадного стремления к какому-нибудь определенному занятию, какое мы часто наблюдаем у будущих знаменитостей. Он не хотел быть юристом, потому что для этого надо было изучать законы. Не хотел быть врачом, потому что для этого надо было изучать медицину. Не хотел быть коммерсантом, потому что для этого надо было изучать коммерцию. И не хотел быть школьным учителем, потому что слишком много видел их на своем веку. Если бы это зависело от него, Джон выбрал бы нечто среднее между Робинзоном Крузо и принцем Уэльским. Запретив ему и то и другое, отец устроил его приказчиком в галантерейный магазин.

Таково было детство Смита. Когда оно кончилось, в наружности юноши нельзя было найти ничего такого, что выдавало бы в нем человека гениального. Случайный наблюдатель не заметил бы никаких признаков гениальности ни в его удлинённом покато лбе, ни в широком лице, ни в тяжелых складках рта, ни в больших ушах, торчащих по бокам коротко остриженной головы. Да, он не заметил бы этих признаков. И, по правде сказать, их там и не было.

Вскоре после того, как Смит начал свою деловую жизнь, он впервые подвергся

приступу той тяжелой болезни, которая так часто посещала его впоследствии. Этот приступ случился с ним однажды ночью, на пути домой, когда он возвращался с чудесной вечеринки, где пел и танцевал вместе со своими школьными товарищами. Симптомы были таковы: появление каких-то неровностей на тротуаре, пляска уличных фонарей и необычное покачивание домов, требующее исключительной устойчивости, ловкости и умения приспособить к нему свой шаг. На протяжении всего приступа больной упорно отказывался принимать воду, что, по-видимому, указывало на наличие одной из форм водобоязни. Начиная с этого времени такого рода мучительные приступы сделались у Смита хроническими. Они случались с ним довольно часто и уж непременно - в субботние вечера, первого числа каждого месяца и в последний четверг ноября.* Жестокие припадки водобоязни бывали у Смита также в сочельник, а после выборов становились просто ужасными.

---

* В последний четверг ноября отмечается День благодарения национальный американский праздник, установленный в память первых английских колонистов, прибывших в Америку в 1620 году на "Мейфлауере" и основавших колонию в Плимуте (Массачусетс).

Но вот в жизни Смита произошло одно событие, о котором он, быть может, не раз сожалел впоследствии. Не успел он достигнуть зрелого возраста, как судьба свела его с прекраснейшей девушкой. Она не походила ни на одну женщину в мире. У нее была более глубокая натура, чем у всех остальных людей. Смит сразу заметил это. Она понимала и чувствовала такие вещи, каких обыкновенные люди не понимают и не чувствуют. Она понимала его, Смита. Она тонко чувствовала юмор и умела ценить шутку. Как-то вечером он рассказал ей те шесть анекдотов, которые знал, и она сказала, что они великолепны. В ее присутствии Смит чувствовал себя на вершине блаженства. В первый раз, когда его пальцы коснулись ее пальчиков, он весь затрепетал. Вскоре оказалось, что когда его рука сжимает ее руку, он трепещет еще сильнее, а когда ему случается сесть рядом с ней на кушетку, причем его голова прижимается к ее ушку, а рука обвивает ее талию, его охватывает неудержимая дрожь. Смит вообразил, что жаждет пройти свой жизненный путь вместе с ней. Он предложил ей поселиться у него и взять на себя заботу о его одежде и еде. А взамен он обещал ей стол и квартиру, около семидесяти пяти центов в неделю наличными, а также изъявил готовность стать ее рабом.

Он стал ее рабом, и вскоре десять младенческих пальчиков вошли в его жизнь, потом еще десять, а потом еще и еще, пока весь дом не заполнился ими. Теща тоже постепенно вошла в его жизнь, и всякий раз, как она появлялась, на Смита накатывал страшный приступ водобоязни. Как это ни странно, ни один ребенок не исчез из его жизни и не стал для него грустным, но дорогим воспоминанием. Ну, нет! Маленькие Смиты были не из таковских. Все девять выросли и превратились в длинных, сухопарых парней с массивными челюстями, с большими, торчащими, как у отца, ушами и с полным отсутствием каких бы то ни было талантов.

В жизни Смита никогда не было тех важных поворотных пунктов, какие бывают в жизни великих людей. Правда, с годами в его служебной карьере произошли кое-какие изменения. Сначала его повысили в должности - из отдела лент перевели в отдел воротничков, из отдела воротничков - в отдел мужских брюк, а из отдела мужских брюк - в отдел модных мужских рубашек. Потом, когда он состарился и стал работать хуже, его понизили - из отдела модных мужских рубашек перевели в отдел мужских брюк и так далее - до отдела лент. А когда он стал совсем уж стар, его уволили, взяв на его место молодого человека, у которого был рот до ушей и рыжие волосы. Он мог делать то же самое, что делал Смит, а получал вдвое меньше. Такова была карьера Джона Смита. Она не может сравниться с карьерой мистера Гладстона, но ничем не отличается от нашей с вами.

После этого Смит прожил еще пять лет. Сыновья кормили его. Они делали это без особой охоты, но таков был их долг. В старости Смит не мог поразить тех, кто вздумал бы

зайти его проведать, блестящим умом и богатым запасом забавных историй. Он знал семь историй и шесть анекдотов. Истории были очень длинные, и все они касались его самого, а в анекдотах говорилось об одном коммивояжере и одном методистском священнике. Впрочем, никто никогда не заходил его проведать, и потому это не имело значения.

Шестидесяти пяти лет Смит заболел и после надлежащего ухода умер. Над его могилой был воздвигнут памятник с рукой, указующей на север-северо-восток.

Но я не думаю, чтобы ему довелось когда-либо попасть туда. Он был слишком похож на нас с вами.

ПО ПОВОДУ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Подобно большинству людей, я время от времени загораюсь желанием заняться коллекционированием.

Начал я с почтовых марок. Как-то раз я получил письмо от одного приятеля, который незадолго до того уехал в Южную Африку. На конверте была треугольная марка, и, увидав ее, я вдруг подумал. "Решено! Я буду собирать марки! Я посвящу этому делу всю свою жизнь".

Купив альбом с отделениями для марок всех стран, я немедленно приступил к составлению коллекции. За три дня моя коллекция сделала поразительные успехи. В нее вошли:

- одна марка мыса Доброй Надежды,
- одна одноцентовая марка Соединенных Штатов Америки,
- одна двухцентовая марка Соединенных Штатов Америки,
- одна пятицентовая марка Соединенных Штатов Америки,
- одна десятицентовая марка Соединенных Штатов Америки.

После этого дело застопорилось. Некоторое время я еще продолжал как бы между прочим упоминать о моей коллекции и говорил, что у меня есть несколько очень ценных южноафриканских марок. Но вскоре мне надоело даже лгать по этому поводу.

Изредка я принимаюсь коллекционировать монеты. Всякий раз, как ко мне попадает старый полупенсовик или мексиканская монета в двадцать пять сентаво, я начинаю думать, что, собирая редкости такого рода, можно быстро составить весьма ценную коллекцию. Когда я впервые попытался осуществить свое намерение, я был полон энтузиазма, и вскоре моя коллекция уже насчитывала немало раритетов. Вот их перечень:

№ 1. Старинная римская монета. Эпоха Калигулы. Это, конечно, была жемчужина всей коллекции; ее как-то дал мне один приятель, и именно из-за нее я и начал собирать монеты.

№ 2. Маленькая медная монета. Достоинством в один цент. Соединенные Штаты Америки. По всей видимости, современная.

№ 3. Маленькая никелевая монета. Круглая. Соединенные Штаты Америки. Достоинством в пять центов.

№ 4. Маленькая серебряная монета. Достоинством в десять центов. Соединенные Штаты Америки.

№ 5. Серебряная монета. Круглая. Достоинством в двадцать пять центов. Соединенные Штаты Америки. Очень красивая.

№ 6. Большая серебряная монета. Круглая. Надпись - "Один доллар". Соединенные Штаты Америки. Весьма ценная.

№ 7. Старинная британская медная монета. По-видимому, эпохи Карактакуса. Очень тусклая. Надпись: "Victoria Dei gratia regina".* Весьма ценная.

---

* Виктория, королева божьей милостью (лат.).

№ 8. Серебряная монета. По-видимому, французская. Надпись: "Funf Mark. Kaiser Wilhelm".*

---

* Пять марок. Император Вильгельм (нем.).

№ 9. Круглая серебряная монета. Очень стертая. Часть надписи: "E Pluribus Unum".*

По-видимому, русский рубль, но с той же степенью вероятности может оказаться японской иеной или шанхайским петухом.

---

* Из многих - одно (лат.).

Вот все, что было в этой коллекции. Она продержалась у меня почти всю зиму, и я очень гордился ею. Но однажды вечером я взял свои монеты в город, чтобы показать их приятелю, и мы истратили № 3, № 4, № 5, № 6 и № 7, заказав скромный обед на двоих. После обеда я купил себе на одну иену сигар, а реликвию эпохи Калигулы превратил в такое количество подогретого виски, какое мне за нее дали. После этого я вдруг почувствовал прилив безрассудной отваги и опустил № 2 и № 8 в кружку для сбора денег на содержание больницы для детей бедняков.

Следующей моей попыткой были ископаемые. За десять лет я раздобыл две штуки. Потом бросил это дело.

Как-то один приятель показал мне очень интересную коллекцию старинного, редкого оружия, и некоторое время я бредил этой затеей. Мне удалось раздобыть несколько любопытных образчиков:

№ 1. Старый кремневый мушкет моего дедушки. (Он много лет употреблял его на ферме вместо лома.)

№ 2. Старый сыромятный ремень моего отца.

№ 3. Старинный индейский наконечник стрелы, найденный мною в тот день, когда я начал коллекционировать оружие. Похож на треугольный камень.

№ 4. Старинный индейский лук, найденный мною за лесопилкой на следующий день после того, как я начал собирать свою коллекцию. Напоминает прямую ветку вяза или дуба. Забавно думать, что, быть может, этот самый лук фигурировал в свирепой схватке между какими-нибудь дикими племенами.

№ 5. Каннибальский нож или кинжал с прямой рукояткой. Найден на островах Тихого океана. Читатель содрогнется от страха, когда узнает, что это грозное оружие, которое я купил на третий день после того, как начал собирать свою коллекцию, было выставлено в захудалой лавчонке в качестве обыкновенного кухонного ножа. Глядя на него, невольно представляешь те ужасные сцены, свидетелем коих он, несомненно, был.

Эта коллекция хранилась у меня очень долго - до тех пор, пока в минуту безумного увлечения я не преподнес ее некоей молодой леди по случаю нашей помолвки. Но мой дар показался ей чересчур претенциозным, и наши отношения постепенно утратили свою сердечность.

В итоге я склонен посоветовать начинающему коллекционеру ограничиться собиранием монет. Я же коллекционирую теперь американские банкноты (предпочтительно эпохи Тафта*) и нахожу это занятие чрезвычайно увлекательным.

---

* Уильям Тафт (1857 - 1930) - американский государственный деятель, президент США (1909 - 1913).

КАК ПИСАТЬ РОМАНЫ

Предположим, что на первых страницах современного душещипательного романа, где изображен страшный поединок между молодым лейтенантом Гаспаром де Во и Хеари Ханком, главарем шайки итальянских разбойников, вы читаете приблизительно следующее:

"Неравенство сил противников было очевидно. С возгласом, в котором прозвучали ярость и презрение, высоко подняв меч и зажав кинжал в зубах, огромный бандит бросился на своего бесстрашного соперника. Де Во казался почти подростком, но он не дрогнул перед натиском врага, доньше считавшегося непобедимым. "Боже великий! - вскричал фон Смит. - Он погиб!"

Вопрос. Скажите откровенно, на кого из участников этого боя вы хотите поставить?

Ответ. На де Во. Победит он. Хеари Ханк швырнет его на одно колено и с диким возгласом "Капут!" приставит кинжал к его груди, но в эту секунду де Во сделает

неожиданный выпад (один из тех выпадов, которым он научился еще в родительском доме, штудировав учебник по фехтованию) и...

Вопрос. Отлично. Вы ответили правильно. Идем дальше. Предположим, что на следующих страницах де Во, убив Хеари Ханка, оказывается вынужденным покинуть родные края и бежать на восток, в пустыню. Разве это не внушает вам опасений за его жизнь?

Ответ. Честно говоря, нет. С де Во ничего не случится. Его имя стоит на титульном листе книги, и вам никак нельзя его убить.

Вопрос. Если так, слушайте далее: "Солнце Эфиопии безжалостно сжигало пустыню, когда погруженный в раздумье де Во, сидя на верном слоне, продолжал свой путь. Со своего возвышения он зорко осматривал необозримые пески. Внезапно какой-то одинокий всадник показался на горизонте. За ним второй, третий, потом еще шесть, и через несколько мгновений вся эта толпа одиноких всадников набросилась на де Во. Раздались дикие крики "Аллах!", треск ружейных выстрелов. Де Во соскользнул со спины слона и рухнул на песок, а испуганный слон заметался в разных направлениях. Пуля попала де Во прямо в сердце". Ну, что вы на это скажете? Уж теперь-то де Во убит?

Ответ. Прошу извинить меня, но де Во не умер. Пуля действительно попала ему прямо в грудь, да, прямо в грудь, но она скользнула по семейной библии, которую он носил в кармане жилета на случай болезни, повредила несколько гимнов, лежавших в заднем кармане, и сплющилась, наткнувшись на записную книжку, в которой де Во вел дневник и которую носил в рюкзаке.

Вопрос. Но если, несмотря ни на что, де Во все еще остался жив, вы не можете не понимать, что вряд ли он уцелеет после смертоносного укуса донголы в джунглях.

Ответ. Ничего ему не сделается. Дружески расположенный араб отнесет его в палатку шейха.

Вопрос. Кого напомним шейху де Во?

Ответ. Ну, разумеется, его любимого сына, исчезнувшего много лет назад.

Вопрос. Уж не был ли этим сыном Хеари Ханк?

Ответ. Безусловно. Это ясно каждому, кроме шейха, который, ничего не подозревая, исцеляет де Во. Он исцеляет его с помощью травы, носящей простое, изумительно простое название, известное, однако, одному только шейху. С тех пор как шейх начал лечиться этой травой сам, он не признает никакой другой.

Вопрос. Шейх неминуемо узнает плащ, который носит де Во, и в связи с этим у него возникнут подозрения по поводу смерти Хеари Ханка. Повлечет ли это за собой смерть де Во?

Ответ. Нет. К этому времени молодому лейтенанту становится ясно, что убить его нельзя и что читатель осведомлен об этом. Он решает расстаться с пустыней. Его поддерживает мысль о матери, а также об отце, седом, сгорбленном старце... Интересно, горбится ли он до сих пор или уже перестал? А по временам он вспоминает о другом существе, которое для него значит больше, чем даже отец, - о той, которая... Впрочем, хватит... Де Во возвращается в свой старинный особняк в Пикадилли.

Вопрос. Что произойдет, когда де Во вернется в Англию?

Ответ. Произойдет следующее: "Тот, который десять лет назад покинул Англию безусым юнцом, вернулся бронзовым от загара, сильным мужчиной. Но кто встречает его радостной улыбкой? Неужели та девочка, правда умненькая, но ничем не примечательная девочка, подруга его детских игр, - неужели она могла превратиться в эту восхитительную, изящную девушку, к ногам которой склоняется половина самых знатных женихов Англии? "Неужели это она?" - с изумлением вопрошает себя де Во".

Вопрос. Это она?

Ответ. Ну, разумеется, она. Это она, а это он, а вот они оба. Такая девица не стала бы ждать так долго - целых пятьдесят страниц, - если бы это не было ей нужно.

Вопрос. Очевидно, вы уже догадались, что между восхитительной особой к молодым

лейтенантом возникнет роман. Как по-вашему - будет этот роман протекать совершенно гладко, без всяких осложнений?

Ответ. О нет! Я убежден, что после той сцены, которая привела героя в Лондон, автор не успокоится до тех пор, пока не введет в роман следующую сакраментальную сцену: "Пораженный кошмарным открытием, Гаспар де Во долго и бесцельно бродил по темным улицам, пока не оказался вдруг на Лондонском мосту. Он перегнулся через парапет и взглянул вниз на бурлящую воду. В шуме спокойных, но стремительных волн было нечто такое, что как будто манило, влекло его к себе. А почему бы и нет, в конце концов? Несколько секунд де Во стоял в нерешимости".

Вопрос. Бросится он в воду?

Ответ. Плохо же вы знаете Гаспара! Он будет стоять в нерешимости ровно столько, сколько это необходимо, а потом, выдержав жестокую борьбу с самим собой, призовет на помощь все свое мужество и убежит с моста.

Вопрос. Должно быть, нелегко ему было отказаться от мысли прыгнуть в воду?

Ответ. Еще бы! Многие из нас настолько малодушны, что сразу прыгнули бы, но Гаспар не таков. А кроме того, у него еще осталось немножко целебной травы шейха. И он начинает жевать ее.

Вопрос. Но что же все-таки случилось с де Во? Может быть, он съел что-нибудь неподходящее?

Ответ. Нет, дело не в еде. Дело в ней. Удар нанесен с этой стороны. Ей не нужны люди, опаленные солнцем; ее не прельстишь загаром. Она собирается выйти замуж за герцога, и молодой лейтенант оказывается вне игры. Дело в том, что современные романисты стоят выше счастливых концов. На закуску им нужны трагедия и разбитая жизнь. Чтобы было пострашнее.

Вопрос. Чем же кончится книга?

Ответ. Ну... де Во вернется в пустыню, бросится на шею к шейху и поклянется, что станет для него вторым Хеари Ханком. В конце будет панорама пустыни: шейх со своим вновь обретенным сыном стоят у входа в палатку, солнце заходит за пирамиду, а верный слон Гаспара лежит у его ног, с безмолвной преданностью глядя ему в глаза.

ОНИ ВЫБИЛИСЬ В ЛЮДИ

Оба они были, что называется, удачливые дельцы - люди с круглыми, лоснящимися физиономиями, с кольцами на жирных, похожих на сосиски пальцах, с необъятными животами, выпиравшими из широких жилетов. Они сидели сейчас друг против друга за столиком в первоклассном ресторане и мирно беседовали в ожидании официанта, которому собирались заказать обед. Разговор зашел о далеких днях молодости и о том, каким образом каждый из них начинал жизнь, впервые очутившись в Нью-Йорке.

- Знаете, Джонс, - сказал один из них, - мне никогда не забыть первых нескольких лет, которые я провел в этом городе. Да, черт возьми, это было нелегко! Известно ли вам, сэр, что когда я впервые попал сюда, весь мой капитал равнялся пятидесяти центам, все имущество состояло из того тряпья, что было на мне, а ночевать мне приходилось - хотите верьте, хотите нет - в порожнем бочонке из-под дегтя. Нет, сэр, - продолжал он, откидываясь на спинку кресла и щуя глаза с выражением человека, выдавшего вида, - нет, сэр, такой субъект, как вы, избалованный роскошью и легкой жизнью, не имеет ни малейшего представления о том, что значит ночевать в бочонке из-под дегтя, да и о других вещах такого рода.

- Милейший Робинсон, - с живостью возразил его собеседник, - если вы воображаете, что мне не пришлось испытать нужду и лишения, то жестоко ошибаетесь. Когда я впервые вошел в этот город, у меня, сэр, не было и цента - ни единого цента, а что касается жилья, то я месяцами ночевал в старом ящике от рояля, валявшемся за оградой какой-то фабрики. И вы еще говорите мне о нужде и лишениях! Возьмите мальчишку, который привык к хорошему теплему бочонку из-под дегтя, посадите его на ночку-другую в ящик от рояля, и тогда...

- Знаете, дружище, - с легким раздражением перебил его Робинсон, теперь мне ясно,

что вы ничего не смыслите в бочонках. Да пока вы лежали, уютненько развалившись в своем ящике от рояля, я в зимние ночи трясся на сквозняке в своем бочонке - ведь в нем, как и во всяком бочонке, естественно, имелась дыра для затычки на самом дне.

- На сквозняке! - вызывающе хмыкнул Джонс. - На сквозняке! Да не говорите мне, пожалуйста, о сквозняках. В том ящике, о котором рассказываю я, была оторвана целая доска - да еще с северной стороны. Бывало, сижу я там по вечерам и зубрю уроки, а снег так и валит прямо на меня. Толщина слоя доходила до фута... И все-таки, сэр, - продолжал он более спокойным голосом, - хоть вы, я знаю, и не поверите мне, но самые счастливые дни моей жизни протекли именно в этом старом ящике. Ах, что это было за славное времечко! Светлые, чистые, невинные дни! Бывало, проснешься утром и просто захохочешь от радости. Вот вы, уж конечно, не вынесли бы такого образа жизни.

- Это я-то не вынес бы! - с яростью вскричал Робинсон. - Это я-то, черт побери! Да я просто создан для такой жизни! Я и сейчас мечтаю хоть немного пожить так. Что же касается душевной чистоты, то держу пари, что у вас не было и десятой доли той чистоты, какая была у меня. Да что я говорю десятой? Пятнадцатой, тридцатой! Вот это была жизнь! Разумеется, вы мне не поверите и скажете, что все это ложь, а между тем я отлично помню вечера, когда у меня в бочонке сидели по два, а то и по три приятеля, и мы за полночь дулись в карты при свете огарка.

- По два или по три! - рассмеялся Джонс. - Да знаете ли вы, дорогой мой, что у меня в моем ящике от рояля сживало по полдюжине ребят? Сначала мы ужинали, потом играли в карты. Вот! А кроме того - в шарады, в фанты и черт его знает во что еще! Ах, что это были за ужины! Клянусь Юпитером, Робинсон, вы, горожане, испортившие себе пищеварение всякими изысканными яствами, и представления не имеете, с каким аппетитом человек может уплетать картофельные очистки, корку засохшего пирога или...

- Ну, если уж говорить о грубой пище, - перебил его Робинсон, - то, полагаю, и я кое-что смыслю в этом деле. Мне не раз случалось завтракать холодной овсяной кашей, которую хозяйка уже собиралась выбросить на помойку, а бывало и так, что я делал вылазку в хлев и выпрашивал немного месива из отрубей - того самого, что предназначалось пороссятам. Да уж кому-кому, а мне частенько приходилось уписывать свиное пойло.

- Свиное пойло! - вскричал Джонс, стукнув кулаком по столу. - Да если хотите знать, свиное пойло больше устраивает меня, чем...

Внезапно он замолчал, с легким удивлением глядя на появившегося у стола официанта.

- Что вы желаете заказать к обеду, джентльмены? - спросил тот.

- К обеду? - переспросил Джонс после минутной паузы. - К обеду? О, что-нибудь! Все равно что! Я никогда не замечаю, что я ем. Дайте мне немного холодной овсяной каши, если она у вас имеется, или кусок солонины. Впрочем, подавайте что хотите - мне это совершенно безразлично.

Официант с бесстрастным видом обернулся к Робинсону.

- Принесите и мне холодной овсяной каши, - сказал тот, метнув вызывающий взгляд на Джонса, - если найдется - вчерашней... Немного картофельных очистков и стакан снятого молока.

Наступило молчание. Джонс глубже уселся в кресло и сурово взглянул на Робинсона. Несколько секунд мужчины смотрели друг другу в глаза - вызывающе, неумолимо и напряженно. Затем Робинсон медленно повернулся в кресле и окликнул официанта, который удалялся, повторяя про себя названия заказанных блюд.

- Вот что, милейший, - сказал он, сурово нахмурив брови, - пожалуй, я немного изменю заказ. Вместо холодной овсяной каши я возьму... гм... да, я возьму горячую куропатку. Можете также принести мне парочку устриц и чашку бульона (а-ля тортю, консоме или что-нибудь в этом роде). Кстати, подайте уж и какой-нибудь рыбки, кусочек стилтонского сыра, немного винограду или грецких орехов.

Официант повернулся к Джонсу.

- Пожалуй, я закажу то же самое, - сказал Джонс и добавил: - Не забудьте захватить

бутылку шампанского.

И теперь, когда Джонс и Робинсон сходятся вместе, они уже никогда больше не предаются воспоминаниям о бочонке из-под дегтя и о ящике от рояля.

ОБРАЗЧИК ДИАЛОГА,

при помощи которого легко показать, каким образом
можно навсегда излечить заядлого фокусника
от пристрастия к карточным фокусам

Присяжный фокусник, которому после партии в вист наконец удалось хитростью завладеть карточной колодой, говорит:

- Вам когда-нибудь случалось видеть карточные фокусы? Сейчас я покажу вам один, очень интересный. Возьмите карту.

- Благодарю вас. Мне не нужна карта.

- Да нет. Возьмите одну карту, любую, какую хотите, и я скажу, какую именно вы взяли.

- Кому скажете?

- Да вам скажу, вам. Я угадаю, какую именно карту вы взяли. Поняли? Берите же карту.

- Любую?

- Да.

- Любой масти?

- Да, да.

- Ну, хорошо. Погодите, я должен подумать. Дайте мне... Ну, скажем, дайте мне пикового туза.

- Господи боже ты мой! Да вы должны сами взять карту, из колоды.

- Ах, из колоды? Это другое дело. Давайте колоду. Ну, вот! Взял.

- Взяли?

- Да, взял. Это тройка червей. Ну что? Вы так и думали, что это она?

- Черт возьми! Вы не должны были говорить мне, что именно вы взяли. Вы все испортили. Ну, ладно. Начнем сначала. Возьмите карту.

- Есть. Взял.

- Положите ее обратно в колоду. Благодарю вас. (Тасует карты.) Раз! Два! Три! Готово! (Торжествующим тоном.) Ну что, это она?

- Да откуда мне знать, она это или не она? Я ведь ее не видел.

- Не видели! О господи! Да ведь вам надо было взять карту и запомнить ее.

- Ах, так? Значит, вы хотели, чтобы я ее запомнил?

- Ну да, разумеется! Берите карту.

- Отлично. Взял. Действуйте.

(Фокусник тасует карты.)

- Раз! Два! Три!.. Что за черт! Скажите, вы положили карту обратно в колоду?

- Я? Зачем же? Я держу ее в руке.

- Боже милостивый! Послушайте. Возьмите одну карту, одну - понимаете? Посмотрите на нее хорошенько. Запомните ее. Потом положите обратно в колоду. Поняли?

- Конечно. Только мне не совсем ясно, как это вы можете догадаться, какую именно карту я выбрал. Вы, должно быть, дьявольски ловкий парень.

(Фокусник тасует карты.)

- Раз! Два! Три! Готово! Вот ваша карта. Так или нет? (Наступает решающий момент.)

- Нет. Это не моя карта. (Это чистейшая ложь, но небо простит вас за нее.)

- Не та карта?! Быть этого не может! Гм... Возьмите другую. Но только уж теперь хорошенько запомните ее, ладно? Я никогда не ошибаюсь. Я пробовал этот проклятый фокус на моей матери, на отце, на всех, кто приходил к нам в гости. Берите же карту. (Тасует карты.) Раз! Два! Три! Вот она!

- Нет. Мне очень жаль, но это не моя карта. Попробуйте еще разок. Прошу вас. Может быть, вы немного возбуждены? Ведь я был таким ослом, так долго не понимал, в чем дело.

Знаете что - идите посидите спокойно полчаса на веранде, а потом попробуем еще раз. Что? Вам пора домой? Какая досада! Это, должно быть, чертовски остроумный фокус. До свидания!

ИЗ СБОРНИКА

"РОМАНЫ ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ"

(1911)

ПОМЕШАВШИЙСЯ НА ТАЙНЕ,
ИЛИ ДЕФЕКТИВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Великий сыщик сидел у себя в кабинете. Он был в длинном зеленом халате, на отворотах которого виднелось с полдюжины секретных опознавательных значков.

Позади, на специальной вешалке, висело несколько пар фальшивых бакенбард.

Сбоку лежали очки - синие, черные, автомобильные.

В случае чего великий сыщик мгновенно мог бы до неузнаваемости изменить свой облик.

Рядом с ним на стуле стояли ведро с кокаином и ковш.

Лицо сыщика было абсолютно непроницаемым.

На столе лежала кипа пакетов с шифrogramмами. Великий сыщик быстрым движением вскрывал их один за другим, расшифровывал и бросал в находящийся тут же шифропровод.

В дверь постучали.

Великий сыщик поспешно накинул розовое домино, приладил фальшивые черные бакенбарды и крикнул:

- Войдите!

Вошел секретарь.

- А, это вы! - сказал сыщик и принял свой прежний вид.

- Сэр, - страшно волнуясь, начал секретарь, - совершено загадочное преступление.

- А, - произнес великий сыщик, и глаза у него загорелись. - Полиция на всем континенте, разумеется, совершенно сбита с толку?

- Она настолько сбита с толку, - ответил секретарь, - что агенты сотнями лежат в обмороке, а многие даже покончили с собой.

- Так, - продолжал сыщик, - и, конечно, ничего подобного не значится в анналах лондонской полиции?

- Точно так.

- И, надо думать, с этой тайной связаны имена, произнося которые, вы едва осмеливаетесь дышать - или, по крайней мере, прополаскиваете перед этим горло борной или марганцовкой?

- Совершенно верно.

- И, по-видимому, она чревата такими ужасными международными осложнениями, что если мы не раскроем ее, то в ближайшие шестнадцать минут Англия окажется в состоянии войны со всеми странами мира?

Секретарь, все еще дрожа от волнения, снова дал утвердительный ответ.

- И, наконец, по всей вероятности, преступление совершено среди бела дня, где-нибудь у входа в Английский банк или в гардеробе палаты общин, под самым носом у полиции?

- Да, - отвечал секретарь, - именно так.

- Прекрасно, - сказал великий сыщик, - тогда накиньте вот это, приклейте бакенбарды и расскажите, что же случилось.

Секретарь завернулся в голубое домино с кружевными прошивками, наклонился и прошептал на ухо великому сыщику:

- Похищен принц Вюртембергский!

Великий сыщик привскочил, словно ему поддали ногой под зад.

Похищен принц! Наверное, кто-нибудь из Бурбонов! Отпрыск древнейшего в Европе рода!

Да, стоящая перед ним задача была достойна его аналитического ума.

Мозг великого сыщика заработал с быстротою молнии.

- Погодите! - вскричал он. - Откуда вам все это известно?

Секретарь протянул ему листок. Это была телеграмма от префекта парижской полиции. Она гласила: "Украден принц Вюртембергский тчк вероятно переправлен Лондон тчк необходимо возратить обратно открытию выставки тчк награда тысяча фунтов".

Так! Принца убрали из Парижа как раз в тот момент, когда его появление на международной выставке могло бы стать политическим событием первостепенного значения.

Для великого сыщика думать значило действовать, а действовать значило думать. Иногда ему удавалось делать и то и другое одновременно.

- Телеграфируйте в Париж. Пусть сообщат приметы принца.

Секретарь поклонился и вышел.

В ту же минуту за дверью послышалось легкое царапанье.

Появился посетитель. Он бесшумно полз на четвереньках, прикрывая голову и плечи каминным ковриком, так что разглядеть, кто это, было совершенно невозможно.

Он дополз до середины комнаты.

Тут он встал на ноги.

Великий боже!

Это был премьер-министр Англии!

- Вы! - воскликнул сыщик.

- Я, - ответил премьер-министр.

- Вы пришли по делу о похищении принца Вюртембергского?

Премьер-министр вздрогнул:

- Откуда вы знаете?

Великий сыщик улыбнулся своей загадочной улыбкой.

- Что же, - сказал премьер-министр, - не стану скрывать. Все это очень близко меня касается. Найдите принца Вюртембергского, верните его целым и невредимым в Париж, и я прибавлю к объявленной награде еще пятьсот фунтов. Но только смотрите, - многозначительно добавил он, выходя из кабинета, примите меры, чтобы ему не испортили окраску и не купировали хвост.

"Что такое? Не купировали принцу хвост?" Великий сыщик почувствовал легкое головокружение. Значит, банда негодяев решила... Нет, нет, что за дикая мысль!

Снова раздался стук в дверь.

Появился еще один посетитель, закутанный с головой в длинный пурпурный плащ. Он полз на животе, извиваясь как червяк.

Наконец он поднялся и выпростал голову.

Великий боже!

Это был сам архиепископ Кентерберийский!

- Ваше высокопреосвященство, - воскликнул пораженный сыщик, - ради бога, не вставайте, умоляю вас! Садитесь, ложитесь, делайте что угодно, только не вставайте.

Архиепископ снял митру и усталым движением повесил ее на вешалку для бакенбард.

- Вы пришли по делу о принце Вюртембергском?

Архиепископ вздрогнул и сверху вниз осенил себя крестным знаменем: неужели перед ним ясновидец?

- Да, - ответил он, - от успеха розысков зависит очень многое. Но я пришел только затем, чтобы сообщить вам, что вас желает видеть моя сестра. Сейчас она будет здесь. Она вела себя крайне неблагоразумно, и теперь все ее состояние целиком зависит от принца. Если вам не удастся вернуть его в Париж, она разорена.

Архиепископ надел митру, осенил себя крестным знаменем снизу вверх, завернулся в плащ и, мурлыча как кот, на четвереньках удалился из кабинета.

В глазах великого сыщика отразилось волнение - он был глубоко тронут. На лице заиграли морщины.

- Итак, - пробормотал он, - в деле замешана сестра архиепископа, графиня Уопли.

Хотя великий сыщик был хорошо знаком с жизнью высших кругов общества, он почувствовал, что на этот раз столкнулся с чем-то совершенно из ряда вон выходящим.

В дверь громко постучали.

Вошла графиня Уопли, вся в мехах.

Графиня была первой красавицей Англии. Она величественно шагнула в комнату, величественно схватила стул и уселась, повернув к сыщику свою величественную лицевую сторону.

Затем она сняла бриллиантовую тиару и положила ее возле себя на специальную подставку для тиар. Потом расстегнула жемчужное боа и повесила его на вешалку для жемчугов.

- Вы пришли, - начал великий сыщик, - по делу о принце Вюртембергском.

- Паршивый щенок! - раздраженно воскликнула графиня.

Ну и ну! Новое осложнение! Графиня вовсе не влюблена в принца, она даже обозвала молодого Бурбона щенком!

- Вас, по-видимому, интересует его судьба?

- Интересует? Еще бы! Я же сама его выкормила.

- Вы... его... что? - только и смог пробормотать великий сыщик, и его обычно бесстрастное лицо покрылось ярким румянцем.

- Я его сама выкормила, - отвечала графиня, - и теперь могла бы получить за него десять тысяч фунтов. Не удивительно, что я хочу, чтобы его скорее вернули в Париж! Но только имейте в виду, - продолжала она, - если у принца купирован хвост или испорчена отметина на животе, - тогда пусть уж лучше его совсем уберут.

У великого сыщика закружилась голова, он прислонился к стене. Хладнокровное признание прекрасной посетительницы потрясло его до мозга костей. Она - мать молодого Бурбона; она связана незаконными узами с одной из величайших в Европе фамилий; она истратила все свое состояние на какой-то роялистский заговор, хотя, инстинктом постигнув законы европейской политики, прекрасно понимает, что даже простое удаление наследственных примет принца может лишить его поддержки французского народа.

Графиня надела тиару и удалилась.

Вошел секретарь.

- Получены три совершенно непонятные телеграммы из Парижа, - сказал он и протянул первую. Она гласила: "Принца Вюртембергского длинная голова зпт отвислые губы зпт широкие уши зпт очень длинное туловище зпт короткие задние ноги".

Эти слова привели великого сыщика в явное замешательство.

Он прочел вторую телеграмму: "Принца Вюртембергского легко опознать глухому лаю".

И, наконец, третью: "Принца Вюртембергского можно опознать белой отметиной в середине спины".

Сыщик и его секретарь молча смотрели друг на друга.

Все это было совершенно непостижимо. Тайна казалась непроницаемой. Она сводила с ума.

Наконец великий сыщик заговорил:

- Дайте мне мое домино. Придется проследить каждую нить отдельно.

Он помолчал, пока его острый ум быстро анализировал и синтезировал наличные данные.

- Молодой человек, - бормотал он, - очевидно, молодой, поскольку графиня назвала его щенком; с длинной головой и отвислыми губами (вероятно, сильно пьет!), с белой отметиной на спине (первый предвестник тяжелых последствий распутной жизни). Да, да, эта нить быстро приведет меня к цели.

Великий сыщик встал.

Он завернулся в длинный черный плащ. Белые бакенбарды и синие очки дополнили его

туалет.

В таком совершенно неузнаваемом виде он отправился в путь.

Поиски начались.

Четыре дня он бродил по Лондону.

Он обошел все бары. В каждом выпивал по стакану рома. В одни он заходил переодетый матросом, в другие - солдатом. В некоторых он появлялся в одежде священника. Поскольку он всегда платил наличными, на него никто не обращал внимания.

Но поиски оказались безрезультатными.

Однажды подозрение пало на каких-то двух молодых людей. Их арестовали, но тут же выпустили. Ни в том, ни в другом случае приметы не совпадали полностью.

У одного были длинная голова и отвислые губы, но не было отметины на спине.

У другого была отметина, но он не умел лаять.

Итак, ни один из них не был молодым Бурбоном.

Великий сыщик продолжал поиски, не останавливаясь ни перед чем.

Как-то ночью он тайно проник в дом премьер-министра. Обыскал его сверху донизу. Измерил все окна и двери. Поднял все половицы. Обследовал водопровод, канализацию и мебель. Нигде ничего!

Так же потихоньку пробрался он во дворец архиепископа. Обыскал его сверху донизу. Переодевшись певчим, отстоял службу в церкви. Нигде ничего.

Все еще не теряя надежды, великий сыщик проник в дом графини Уопли. Он переоделся горничной и поступил к ней на службу.

Тут-то он и напал на след, который привел его к разгадке тайны.

В будуаре графини на стене в большой раме висела фотография. Это был портрет.

А под ним стояло: "Принц Вюртембергский".

На портрете была изображена такса.

Очень длинное туловище, широкие уши, некупированный хвост, короткие задние ноги - словом, совпадали все приметы.

На какую-то долю секунды мозг великого сыщика словно озарила вспышка молнии, и он проник в суть тайны.

Принц был собакой!

Быстро накинув домино поверх платья горничной, он бросился на улицу, подозвал проезжавший мимо кэб и мгновенно оказался у себя в конторе.

- Я раскрыл ее! - задыхаясь, крикнул он секретарю. - Загадка разгадана. Я соединил все звенья. Путем чистого анализа я дошел до правильного решения. Слушайте же: задние ноги, отметина на спине, отвислые губы, щенок... Как? Неужели это вам ничего не подсказывает?

- Ничего, - в полном недоумении отвечал секретарь, - задача кажется мне совершенно неразрешимой.

Великий сыщик понемногу успокоился и снисходительно улыбнулся:

- Все это, дорогой мой, означает лишь то, что принц Вюртембергский собака. Да, да, призовая такса графини Уопли. Графиня сама ее выкормила, и теперь ее такса стоит двадцать пять тысяч фунтов, не считая десяти тысяч фунтов, обещанных за нее на парижской выставке собак. Поэтому и не удивительно, что...

Тут великого сыщика прервал громкий женский вопль:

- Великий боже!

И в кабинет, словно безумная, вбежала графиня Уопли.

Ее тиара съехала набок.

Жемчужины с ее одежды сыпались прямо на пол.

Она заламывала руки и стонала.

- Ему купировали хвост, - еле выговорила она, - и выстригли всю шерсть на спине. Что мне делать? Я разорена!

- Madame, - спокойно сказал великий сыщик, невозмутимый как бронзовая статуя, - возьмите себя в руки. Я еще могу вас спасти.

- Вы?

- Я!

- Как?

- Слушайте же. Вы должны были выставить принца в Париже?

Графиня кивнула.

- В нем все ваше состояние?

Графиня снова кивнула.

- Собаку украли, отвезли в Лондон, купировали ей хвост, изменили окраску?

Пораженная такой глубокой проницательностью великого сыщика, графиня все кивала и кивала головой.

- Вы разорены?

- Да, - прошептала она, задыхаясь, и опустилась на пол в груды жемчужин.

- Madame, - повторил великий сыщик, - еще не все потеряно.

Он выпрямился во весь рост. Выражение нестигаемой непреклонности не сходило с его лица.

На карту были поставлены честь Англии и состояние самой красивой женщины страны.

- Да, я это сделаю, - прошептал он. - Встаньте, дорогая леди. Не бойтесь ничего. Я перевоплощусь в вашу собаку!

В тот же вечер великого сыщика можно было увидеть на палубе пакетбота Дувр - Кале. Он был в длинном темном плаще и стоял на четвереньках у ног своего секретаря, который держал его на коротком поводке. От возбуждения он то и дело лаял на волны и лизал секретарю руку.

- Какая замечательная собака! - говорили пассажиры.

Костюм собаки удался на славу! Великого сыщика обмазали клеем и облепили собачьей шерстью. Отметина на спине получилась просто великолепно. Хвост, соединенный с автоматическим регулятором, двигался из стороны в сторону, повинуюсь малейшему движению мысли. В глазах светился ясный ум.

На следующий день его экспонировали на международной выставке по группе такс.

Он покорила сердца всех присутствующих.

- Quel beau chien!* - восклицали французы.

---

* Какая красивая собака! (франц.).

- Ach! Was ein Dog!* - восклицали испанцы.

---

* Что за пес! (нем. искаж. и англ.).

Великий сыщик получил первый приз.

Состояние графини было спасено.

К несчастью, великий сыщик забыл о налоге на собак, вследствие чего его вскоре поймали и уничтожили собачники.

Но это, конечно, не имеет никакого отношения к нашему рассказу и приводится в заключение просто так, как обстоятельство, не лишнее некоторого интереса.

ГВИДО ГАШПИЛЬ ГЕНТСКИЙ

Рыцарский роман

Это случилось в те времена, когда рыцарское сословие было в полном расцвете.

Солнце медленно, то взмывая вверх, то снова падая, склонялось к востоку и меркнувшими лучами озаряло мрачные башни Буггенбергского замка.

На зубчатой башне замка, простерши руки в пустоту, стояла Изольда Прекрасная. На лице ее, словно обращенном с немой мольбой к небесам, застыли безумная тоска и отчаяние.

Наконец уста ее прошептали: "Гвидо", и из груди вырвался глубокий вздох.

Легкая, словно сальфиды, она светилась такой воздушной, неземной красотой, что, казалось, почти не дышала.

И в самом деле, она почти не дышала.

Стан ее, стройный и гибкий как лоза, был тонок и изящен, словно меридиан. Она выглядела такой хрупкой, что, казалось, вот-вот рассыплется при первом же движении. Черты ее отличались поразительной subtilностью, совершенно исключавшей возможность каких-либо мыслительных процессов.

С плеч ее мягкими, струящимися складками ниспадала длинная темно-лазорева накидка, схваченная в талии шитым поясом, концы которого сопрягались серебряною пряжкой. Грудь прикрывал кружевной корсаж, заканчивавшийся у шеи пышным кринолином, а на голове красовалась высокая остроконечная шапка, похожая на огнетушитель и наклоненная назад под углом в сорок пять градусов.

- Гвидо! - шептала Изольда. - Гвидо!

И снова и снова заламывала она руки и, словно безумная, бормотала:

- Ах, нейдет он, нейдет!

Солнце зашло. На хмурый Буггенбергский замок и древний город Гент, раскинувшийся у стен его, спустилась ночь. Когда совсем стемнело, окна замка запылали червонным пламенем, ибо был канун рождества и в большом зале замка шел веселый пир, который маркграф Буггенбергский устроил в честь помолвки своей дочери Изольды с Бертраном Банкнотом.

Маркграф созвал на пир всех своих вассалов и ленников - Шервуда Шелудивого, Мориса Москита, Роллона Рейнвейна и многих других.

А в это время леди Изольда стояла на зубчатой стене и тосковала по далекому Гвидо.

Любовь Изольды и Гвидо была той чистой и почти неземной страстью, какая встречалась только в средние века.

Они ни разу не видели друг друга. Гвидо никогда не видел Изольду, Изольда никогда не видела Гвидо. Они ни разу не слышали голоса друг друга. Они ни разу не встречались. Они никогда не были знакомы.

И все же они любили.

Любовь поразила их сердца внезапно. В ней было все то романтически-мистическое очарование, которое составляет величайшее счастье любви.

Как-то раз, много лет тому назад, Гвидо увидел имя Изольды Прекрасной, начертанное углем на заборе.

Он побледнел, упал в обморок и тут же отправился в Иерусалим.

В тот же самый день Изольда, проходя по одной из улиц Гента, увидела кольчугу с гербом Гвидо, висевшую на веревке для сушки белья, и тут же замертво упала на руки своей кормилицы.

С этого дня они полюбили друг друга.

Часто по утренней зорьке Изольда выходила за ворота замка и бродила с именем Гвидо на устах. Она называла его деревьям, нашептывала цветам, рассказывала о нем птицам. Многие из них даже выучили это имя наизусть. Иногда она скакала верхом по песчаному берегу и бросала имя Гвидо набегавшим волнам. Случалось, что она говорила о нем с травой, с вязанкой хвороста или даже с кучей угля.

Хотя Изольда и Гвидо ни разу не виделись, они свято хранили в памяти дорогие друг другу черты. Гвидо всегда носил под кольчугой портрет Изольды, вырезанный на слоновой кости. Он нашел его у подножия утеса, на котором возвышался замок, - между самим замком и старинным городом Гентом, раскинувшимся у его стен.

Откуда он знал, что это - Изольда?

Ему незачем было спрашивать. Само сердце подсказало ему, что это она.

А Изольда? Не менее бережно хранила она под корсажем миниатюру Гвидо Гашпиля. Она увидела ее в коробе странствующего торговца и отдала за нее свое жемчужное ожерелье. Отчего же решила она, что это его портрет, то есть, что это именно его портрет?

Да потому, что под портретом был герб. Тот самый геральдический рисунок, что и на кольчуге, которая впервые покорила ее сердце. Днем и ночью он стоял у нее перед глазами: в червленом поле - лев цвета естественного, и в трех гречишных полях - пес цвета

сверхъестественного.

Если любовь Изольды горела чистым огнем, то и любовь Гвидо пылала не менее чистым пламенем.

Едва любовь к Изольде проникла в сердце Гвидо, как он поклялся свершить какой-нибудь отчаянно героический подвиг, отправиться в беспримерно опасный поход, проявить ошеломляющую храбрость и доказать, что он достоин быть рыцарем Изольды Прекрасной.

Он дал священный обет, что до свершения подвига не станет есть ничего, кроме еды, не станет пить ничего, кроме питья, и тотчас же отправился в Иерусалим, чтобы убить в честь Изольды сарацина. Вскоре ему на самом деле удалось убить одного, и притом довольно крупного. Однако, памятуя о клятве, он тут же снова пустился в путь-дорогу, на этот раз к пределам Паннонии, чтобы убить в честь Изольды еще и турка. Из Паннонии он поскакал в Каледонию, где в честь своей дамы заколол каледонца.

Каждый год и каждый месяц совершал Гвидо новый беспримерный подвиг в честь Изольды.

А Изольда тем временем ждала.

Нельзя сказать, чтобы в Генте не было претендентов на ее руку. Напротив, великое множество их только и ждало случая исполнить малейший ее каприз.

В ее честь рыцари ежедневно совершали чудеса храбрости. Добиваясь любви прекрасной дамы, они готовы были уморить себя разными обетами: Хьюберт Хорек прыгнул в море, а Конрад Кокосовая Кожура бросился вниз головой в лужу с самой высокой башни замка; Гуго Горемыка повесился на собственном поясе на кусте орешника и отчаянно отбивался, когда его пытались снять; Зигфрид Замухрышка глотнул серной кислоты.

Но Изольда Прекрасная оставалась равнодушной к их стараниям снискать ее благоволение.

Напрасно ее мачеха Хильда Худая уговаривала падчерицу выйти замуж. Напрасно отец ее, маркграф Буггенбергский, требовал, чтобы она наконец остановила свой выбор на ком-нибудь из окружающих ее поклонников.

Сердце Изольды неукоснительно хранило верность Гвидо.

Время от времени наши влюбленные обменивались знаками любви. Из Иерусалима Гвидо прислал ей палочку с зарубкой в знак своей неизменной верности. Из Паннонии он прислал щепочку, а из Венеции дощечку в два фута. Изольда бережно хранила эти сокровища и на ночь прятала их под подушку.

Наконец, после многолетних странствований, Гвидо решил увенчать свою любовь последним подвигом в честь Изольды.

Он задумал вернуться в Гент, взобраться ночью на скалу, проникнуть в замок и, чтобы еще раз доказать всю силу своей любви, убить в честь Изольды ее отца, сбросить в ров мачеху, сжечь замок, а самое возлюбленную похитить.

Не теряя ни минуты, он принялся за осуществление этого плана. В сопровождении пятидесяти верных соратников во главе с Беовулфом Буравом и Швоном Штопором он направился в Гент. Под покровом ночи они подошли к подножию утеса, на котором стоял замок, и на четвереньках поползли друг за дружкой вверх по крутой, вьющейся спиралью тропе, которая вела к воротам замка. К шести часам они проползли один виток. В семь миновали второй, а к тому времени, когда пир в замке был в полном разгаре, они сделали уже четыре оборота.

Гвидо Гашпиль все время полз впереди. Его кольчуга была тщательно скрыта под пестрым плащом, а в руке он держал рог.

По уговору он должен был проникнуть в замок через боковые ворота и, выкрад у маркграфа ключ от главных ворот, дать отряду сигнал к штурму.

Надо было спешить, ибо в эту самую рождественскую ночь маркграф, которому наскучило упрямство дочери, решил облагодетельствовать Бертрана Банкнота и отдать ему руку Изольды.

В большом зале замка шел пир горой. Могучий маркграф сидел во главе стола, осушая кубок за кубком в честь Бертрана Банкнота, который в доспехах и шлеме с плюмажем сидел подле него.

Маркграф веселился вовсю, ибо у ног его примостился новый шут: сенешаль только что впустил его в замок через боковые ворота. Его шутки - ведь маркграф еще ни разу не слышал их - то и дело исторгали неудержимый смех из могучей груди рыцаря.

- Клянусь телом господним! - хохотал он. - В жизни не слышал ничего подобного! Так, значит, возница сказал пилигриму, что уж коли тот просил высадить его из повозки, так, стало быть, он и должен его высадить, хоть кругом еще ночь? Пресвятой Панкратий, и откуда он только выкопал такую новенькую историю? Ну-ка, расскажи еще раз, - может, даст бог, я и запомню.

И достойный рыцарь откинулся назад, изнемогая от смеха.

В ту же минуту Гвидо - ибо под плащом шута скрывался не кто иной, как он сам, - ринулся вперед и сорвал у маркграфа с пояса ключ от главных ворот.

Затем, отшвырнув в сторону плащ и шутовской колпак, он встал во весь рост, сверкая кольчугой. В одной руке он держал рог, в другой - огромную булаву, которой размахивал над головой.

Гости повскакали с мест, хватаясь за кинжалы.

- Гвидо! Гвидо Гашпиль! - кричали они.

- Назад! - возгласил Гвидо. - Вы у меня в руках.

И, поднеся рог к губам, он набрал в грудь побольше воздуха и изо всех сил выдохнул его.

Потом дунул еще раз, тоже изо всех сил.

Ни звука.

Рог не трубил!

- Хватайте его! - закричал маркграф.

- Пойдите, - сказал Гвидо. - Я взываю к законам рыцарства. Я пришел сюда ради леди Изольды, которую вы отдаете за Бертрана. Дайте мне сразиться с ним в честном поединке, один на один.

Со всех сторон раздались возгласы одобрения.

Поединок был ужасен.

Сначала Гвидо, схватив обеими руками булаву, поднял ее высоко над головой и со страшной силой обрушил на шлем Бертрана. Потом он встал лицом к Бертрану, и тот, подняв свою булаву, обрушил ее на голову Гвидо. Потом Бертран встал спиной к Гвидо, а Гвидо размахнулся и сбоку нанес ему ужасный удар пониже спины. Бертран ответил ударом на удар и тут же встал на четвереньки, а Гвидо трахнул его по спине.

Поистине соперники проявляли чудеса ловкости.

Некоторое время исход борьбы казался сомнительным. Потом на доспехах Бертрана появились вмятины, удары его утратили прежнюю силу, и он упал ничком. Гвидо не преминул воспользоваться полученным преимуществом и так измолотил Бертрана, что тот совсем расплющился и стал не толще жестянки из-под сардин. Затем, поставив ногу ему на грудь, Гвидо опустил забрало и огляделся.

В то же мгновение раздался душераздирающий крик.

Изольда Прекрасная, встревоженная шумом боя, вбежала в зал.

С минуту влюбленные молча смотрели друг на друга.

Затем по лицам их пробежала судорога нестерпимой боли, и они без чувств попадали в разные стороны.

Произошла ужасная ошибка!

Гвидо был не Гвидо, а Изольда - не Изольда. Портреты обманули их обоих. На портретах были изображены совсем другие лица.

Потоки позднего раскаяния затопили сердца влюбленных.

Видя, что несчастный Бертран, измолоченный ударами, стал плоским, как игральная

карта, и приведен в полную негодность, Изольда почувствовала к нему жалость; тут она вспомнила, как Конрад Кокосовая Кожура бросился головой в лужу, а Зигфрид Замухрышка скорезился от боли, глотнув серной кислоты.

Гвидо же думал об убитых сарацинах и погибших турках.

И все это было впустую.

Их любовь не увенчалась наградой.

Каждый оказался не тем, кем его считал другой. Таков удел любви на этом свете - вот в чем аллегорический смысл нашей повести из рыцарских времен.

Сердца влюбленных не выдержали. Они разбились. Одновременно.

Влюбленные испустили дух.

А в это время Швон Штопор, Беовулф Бурав и сорок их верных товарищей, толкаясь и теснясь, поспешно спускались на четвереньках по крутой выющейся тропе, так что самая задняя часть их тела возвышалась над всеми остальными.

ГУВЕРНАНТКА ГЕРТРУДА,
ИЛИ СЕРДЦЕ СЕМНАДЦАТИЛЕТНЕЙ

Краткое содержание предыдущих глав:

предыдущих глав не было

На западном побережье Шотландии была бурная грозовая ночь. Впрочем, для нашего рассказа это не имеет значения, потому что дело происходило вовсе не в Западной Шотландии. Собственно говоря, на восточном побережье Ирландии погода была ничуть не лучше.

Местом действия нашего повествования была Южная Англия, и события разворачивались как в окрестностях, так и непосредственно в стенах замка Knotacentinum Towers (произносится: Ношем Тоз), поместье лорда Knotacent (произносится: Нош).

Но при чтении рассказа совершенно не обязательно произносить ни то, ни другое.

Дом в Ношем Тозе был типичным образцом английской архитектуры. Основную часть его составляла елизаветинская постройка из красного кирпича, тогда как более древнее крыло, которым особенно гордился граф, по всем признакам некогда было главной башней норманского замка; позднее, во времена Ланкастеров, к ней была пристроена тюрьма, а затем, при Плантагенетах, приют для сирот. Во все стороны от дома тянулись великолепные леса и парк, в котором с незапамятных времен росли дубы и вязы, а ближе, у самого дома, сплошной стеной стояли заросли малины и герани, посаженные еще крестоносцами.

Воздух вокруг этого величественного старого замка звенел от щебетания дроздов, карканья куропаток и нежных, чистых трелей грачей; по лужайкам с важным видом расхаживали ручные олени, антилопы и другие парнокопытные настолько ручные, что они обглодали солнечные часы. В общем, это был настоящий зверинец.

Через парк к дому вела прекрасная широкая аллея, проложенная еще Генрихом VII.

Лорд Нош стоял у себя в библиотеке перед камином. Его суровое аристократическое лицо вышколенного дипломата и государственного деятеля было искажено судорогой гнева.

- Мальчишка! - воскликнул он. - Ты женишься на этой девушке, или я лишу тебя наследства. Ты мне больше не сын.

Молодой лорд Роналд гордо выпрямился и ответил отцу столь же вызывающим взглядом.

- Ну что ж, - бесстрашно сказал он, - отныне вы мне больше не отец. Я найду себе другого. Но женюсь я только на той, которую люблю. А эта девушка, которой мы никогда и не видели...

- Глупец, - сказал граф, - неужели ты откажешься от нашего поместья и старинного имени? Мне говорили, что девушка эта красавица; ее тетка согласна. Они французы. Ха! Французы знают толк в женской красоте!

- Но почему...

- Никаких "почему", - отрезал граф. - Слушай, Роналд, даю тебе месяц на размышление. Ты проведешь его здесь. Если же по истечении этого срока ты вновь откажешься мне

повиноваться, то покинешь этот дом с одним шиллингом в кармане.

Лорд Роналд ничего не ответил. Он стремительно выскочил из комнаты, столь же стремительно вскочил на лошадь и как безумный поскакал во всех направлениях.

Как только за Роналдом захлопнулась дверь библиотеки, граф, обессилев, опустился в кресло. Выражение лица его изменилось. Теперь это был не надменный аристократ, а затравленный преступник.

- Роналд должен жениться на этой девушке, - чуть слышно прошептал он. Скоро она все узнает. Тучимов бежал из Сибири. Он все знает и не станет молчать. К ней перейдут все рудники и с ними это поместье, а я... Однако довольно.

Граф встал, подошел к буфету, осушил ковш джина с перцовкой пополам и снова стал благороднейшим английским аристократом.

Как раз в эту минуту в конце аллеи показался высокий кабриолет, которым правил грум в ливрее графа Ноша; рядом с грумом сидела молоденькая девушка, почти еще ребенок, ростом едва ли не меньше самого грума. Плоская шляпка с черными ивовыми перьями скрывала ее лицо, до того похожее на лицо, что всякий сразу видел, что это лицо.

Нужно ли говорить, что это была гувернантка Гертруда, которая как раз в этот день должна была прибыть в Ношем Тоз и приступить к исполнению своих обязанностей.

В ту самую минуту, когда кабриолет въехал в аллею, со стороны дома показался всадник - высокий молодой человек с удлинённым аристократическим лицом, обличавшим его знатное происхождение, верхом на лошади, морда которой была еще длиннее, чем лицо молодого человека.

Но кто же этот высокий юноша, который с каждым скачком лошади все приближается и приближается к Гертруде? Ах, кто же он? В самом деле, кто? Догадываются ли мои читатели, что это не кто иной, как лорд Роналд?

Встреча молодых людей предопределена судьбой. Все ближе и ближе приближаются они друг к другу. Наконец на одно короткое мгновение они встречаются. Гертруда поднимает голову и обращает к молодому аристократу глаза, столь удивительно похожие на глаза, что кажется, будто они покрыты глазурью, а лорд Роналд устремляет на сидящую в кабриолете девушку взор очей столь очевидный, что только очки или бочки могли бы затмить его выразительную очевидность.

Может быть, то занялась заря любви? Наберитесь терпения, и вы все узнаете. Не будем портить рассказ.

А теперь поговорим о Гертруде. Гертруда де Монморанси Мак-Фиггин не помнила ни отца, ни матери. Оба они умерли за много лет до ее рождения. О матери Гертруде почти ничего не было известно. Она знала лишь, что та была француженкой, женщиной необычайной красоты, у которой все родственники и даже деловые знакомые погибли во время революции.

Тем не менее Гертруда свято чтит память родителей. На груди она носила медальон, в котором бережно хранила миниатюру матери, а на спине (за воротом) - дагерротип отца. Портрет бабушки всегда был у нее в рукаве, изображения двоюродных братьев и сестер торчали из башмаков, а под собою она... Впрочем, достаточно, вполне достаточно.

Об отце Гертруда знала и того меньше. Он был англичанин знатного происхождения и много лет прожил за границей, кочуя из страны в страну. Вот и все, что ей было известно. В наследство дочери он оставил русскую грамматику, румынско-английский словарь, теодолит и сочинение по горному делу.

С младенческих лет Гертруда воспитывалась у тетки, которая заботливо наставляла ее в основах христианства, а заодно, на всякий случай, познакомила и с мусульманством.

Когда Гертруде минуло семнадцать, тетка умерла от водобоязни при обстоятельствах весьма загадочных. В тот день ее посетил какой-то незнакомец, с лицом, заросшим густой бородой, судя по одежде - русский. Когда после его ухода Гертруда вошла к тетке, она нашла ее в состоянии острого коллапса, быстро сменившегося эллипсом, из которого больная так и не вышла.

Во избежание пересудов объявили, что она скончалась от водобоязни. И вот Гертруда осталась одна как перст. Что делать? - вот вопрос, естественно вставший перед девушкой.

Однажды, когда Гертруда сидела, размышляя над своей участью, ей на глаза попало объявление: "Требуется гувернантка, знающая французский, итальянский, русский и румынский языки, музыку и горное дело. Жалованье 1 фунт 4 шиллинга 4 1/2 пенса в год. Обращаться к графине Нош, Белгрейв Террас, 41, 6, с 11.30 до 11.35 ежедневно".

Природа наделила девушку быстрым умом: не прошло и получаса, как она обратила внимание на одно чрезвычайно странное обстоятельство - требования, предъявляемые к гувернантке в этом объявлении, полностью совпадали с тем, что она сама знала и умела делать.

Точно в указанное время она предстала перед графиней Нош на Белгрейв Террас. Графиня приветствовала ее с такой очаровательной простотой, что Гертруда сразу почувствовала себя легко и свободно.

- Вы хорошо владеете французским? - спросила графиня.

- Oh, oui, - скромно ответила девушка.

- И итальянским? - продолжала графиня.

- Oh, si, - ответила Гертруда.

- И немецким? - в полном восторге спросила графиня.

- Ach, ja, - отвечала Гертруда.

- И русским?

- Yaw.

- И румынским?

- Yer.

Пораженная необычайными познаниями девушки в иностранных языках, графиня посмотрела на нее внимательнее. Где она видела эти черты? В раздумье провела она рукой по лбу и сплонула на пол. Но нет, воспоминание ускользало от нее.

- Довольно, - сказала она. - Я беру вас с сегодняшнего дня. Завтра вы отправляетесь в Ношем Тоз и начинаете занятия с детьми. Кроме того, вам придется помогать графу в его переписке с Россией. У него большой пай в Чминских рудниках.

Чминск! Почему это простое слово так странно знакомо прозвучало в ушах девушки? Почему? Да потому, что именно оно было написано рукой ее отца на титульном листе его книги по горному делу. Какая тайна была здесь сокрыта?

И вот на следующий день Гертруда едет по аллее Ношем Тоза.

Она вышла из коляски, прошла через семь рядов слуг, одетых в ливреи, дала каждому из них по соверену и вошла в замок.

- Милости просим, - сказала графиня и помогла Гертруде отнести наверх чемоданы.

Затем девушка сошла вниз, где ее тотчас провели в библиотеку и представили графу. Как только граф взглянул гувернантке в лицо, он вздрогнул. Где он видел эти черты? Где? На скачках? Нет! В театре? В автобусе? Нет! Какое-то неуловимое воспоминание шевелилось у него в мозгу. Крупными шагами он торопливо подошел к буфету, осушил полтора ковша бренди и снова стал безупречным английским джентльменом.

Пока Гертруда знакомится в детской с двумя золотоволосыми крошками своими новыми питомцами, обратится к графу и его сыну.

Лорд Нош мог бы служить образцом английского аристократа и государственного деятеля. Годы, проведенные им на дипломатической службе в Константинополе, Санкт-Петербурге и Солт-Лейк-Сити, наложили на него отпечаток особой утонченности и благородства, а длительное пребывание на острове Святой Елены, острове Питкэрн и в Гамильтоне (Онтарио) сделало его совершенно невосприимчивым к внешним воздействиям. Будучи младшим казначеем милиции графства, он изведal суровую изнанку военной жизни, а наследственная придворная должность Подачавателя Воскресных Штанов дала ему возможность лично общаться с его величеством.

Страсть к охоте снискала ему любовь всех его арендаторов. Он был заядлым охотником

и не знал себе равных в травле лисиц, собак, резанье свиней, ловле летучих мышей и других развлечениях людей своего класса.

В этом отношении лорд Роналд пошел в отца. С самого рождения он был многообещающим мальчиком. В Итоне он зарекомендовал себя прекрасным игроком в волан, а в Кембридже был первым по классу вышивания. Его имя называли в связи с предстоящим всеанглийским чемпионатом по пинг-понгу, победа в котором обеспечила бы ему место в парламенте.

Вот каким образом гувернантка Гертруда обосновалась в Ношем Тозе.

Быстро промелькнули дни и недели.

Очаровательная простота прекрасной сироты стяжала ей всеобщее расположение. Ее маленькие воспитанники исполняли каждое ее желание. "Я люблю тебя", - говорила крошка Крикунда, положив золотую головку к ней на колени. Слуги тоже полюбили Гертруду всей душой. По утрам, когда она была еще в постели, старший садовник приносил ей букет прекрасных роз, его первый помощник - кочан ранней цветной капусты, второй - побег поздней спаржи, и даже девятый и десятый умудрялись принести кто пучок свекольной ботвы, а кто охапку сена. Весь день ее комната была набита садовниками, а по вечерам пожилой дворецкий, растроганный одиночеством бедной сиротки, тихонько стучался в дверь и приносил ей графинчик ржаного виски с содовой или коробку дешевых питтсбургских сигар. Даже бессловесные твари по-своему, бессловесно, восхищались ею. Бессловесные грачи садились ей на плечи, а когда она шла гулять, бессловесные собаки со всей округи бежали за ней следом.

А Роналд? Ах, Роналд! Да... Они уже успели встретиться и поговорить.

- Какое хмурое утро, - сказала Гертруда. - *Quel triste matin!** *Was fur ein aller verdammter Tag!***

* Какое печальное утро! (франц.).

** Что за распроклятый день! (нем. искаж.).

- Распроклятый, - подтвердил Роналд.

"Распроклятый!" - целый день звучало потом у нее в ушах.

После этого они постоянно были вместе. Днем играли в теннис и в пинг-понг, вечером же, согласно давно заведенному распорядку, играли с графом и графиней в покер по двадцать пять центов, а потом подолгу сидели вдвоем на веранде и смотрели, как из-за горизонта огромными кругами взмывает луна.

Вскоре Гертруда поняла, что лорд Роналд питает к ней чувства более нежные, чем требуется для игры в пинг-понг. Иногда, особенно после обеда, когда они оставались вдвоем, он впадал в состояние глубокой аллопатии.

Однажды поздно вечером, когда Гертруда удалилась в свои покои (ушла в свою комнату) и, прежде чем пасть в объятия Морфея - иными словами, прежде чем лечь спать, - собралась было уединиться, она распахнула окно, и пред нею предстало (она увидела) лицо Роналда. Он сидел под окном на кусте терновника, и лицо его, обращенное к ней, покрывала смертельная бледность.

А пока дни шли за днями. Жизнь в Тозе текла по раз и навсегда заведенному распорядку, обычному для крупного английского поместья. В 7 удар гонга поднимал всех с постели, в 8 звук горна созывал к завтраку, в 8.30 свисток напоминал о молитве, в 1 час флаг, взлетающий до половины мачты, приглашал к ленчу, в 4 выстрел звал к чаю, в 9 первый звонок оповещал, что пора переодеться, в 9.15 второй - что пора продолжать переодеться, а в 9.30 ракета возвещала, что обед подан. В полночь вставали из-за стола, и в час пополуночи звон колокола призывал всех домочадцев к вечерней молитве.

Срок, данный лорду Роналду отцом, истекал. Было уже пятнадцатое июля. Потом, через день-два, настало семнадцатое, и почти вслед за ним восемнадцатое.

Иногда граф, встретив Роналда в зале, сурово произносил:

- Помни, сын мой: или ты покоришься, или я лишу тебя наследства.

А как относился граф к Гертруде? Вот тут-то и была единственная капля горечи в чаше счастья девушки. Почему-то - а почему, Гертруда никак не могла понять, - граф выказывал к ней явную неприязнь.

Однажды, когда она проходила мимо дверей библиотеки, он швырнул в нее ботфортом. В другой раз, завтракая с ней вдвоем, он ударил ее по лицу сосиской.

В ее обязанности входило переводить для графа его русскую корреспонденцию. Но напрасно искала она в ней разгадку тайны. Однажды из России пришла телеграмма. Гертруда вслух прочла ее графу: "Тучимов отправился женщине тчк она умерла".

Граф побагровел от ярости. Именно в этот день он и ударил ее сосиской.

А затем, спустя некоторое время, когда граф охотился на летучих мышей, а Гертруда с истинно женским любопытством, которое выше всяких обид, разбирала его корреспонденцию, она вдруг нашла ключ к тайне.

Оказывается, лорд Нош не был законным владельцем Тоза. Настоящий наследник, его дальний родственник, потомок старшей линии Ношей, умер в России, в тюрьме, куда он попал благодаря проискам графа, бывшего тогда посланником в Чминске. Дочь этого родственника и была законной наследницей Ношем Тоза.

Перед глазами Гертруды ожила вся история этой семьи; только имя законного наследника оставалось от нее скрытым, оно не упоминалось ни в одной бумаге.

Странная вещь сердце женщины! Может быть, вы думаете, что Гертруда с презрением отвернулась от графа? Ничего подобного. Печальная судьба этой девушки научила ее состраданию.

Но тайна все еще оставалась неразгаданной! Почему граф вздрагивал всякий раз, когда смотрел ей в лицо? Порою он даже подскакивал при этом сантиметра на четыре, так что это всем бросалось в глаза. Тогда он торопливо осушал ковш рома с виши и снова становился истинно английским джентльменом.

И все же развязка неотвратимо приближалась. Гертруда на всю жизнь запомнила этот день.

В тот вечер в Ношем Тозе был большой бал. Съехались все соседи. Как билось сердце Гертруды от томительного предчувствия, с каким трепетом обследовала она свой скудный гардероб, чтобы не уронить себя в глазах лорда Роналда. Ее туалеты, и в самом деле, можно было пересчитать по пальцам, но зато она обладала врожденным вкусом, унаследованным от матери-француженки. Гертруда приколола к волосам одну-единственную розу, а из старых газет и подкладки от зонтика соорудила себе такое платье, что оно оказало бы честь любому королевскому двору. Талию она перехватила тонким поясом из бечевки, а к ушам подвесила на нитке кусочки старинного кружева, завещанного ей матерью.

Словно магнитом, Гертруда притягивала к себе взоры гостей. Скользя под звуки музыки, она казалась олицетворением девической чистоты и прелести, которой невозможно было перевосхититься.

Бал был в полном разгаре. Он уже совсем разгорелся.

Роналд стоял с Гертрудой в кустарнике. Они смотрели друг другу в глаза.

- Гертруда, - сказал он, - я люблю вас.

От этих простых слов затрепетала каждая клетка ее костюма.

- Роналд! - прошептала она и бросилась ему на шею.

В это мгновение они увидели графа, - он стоял перед ними, весь залитый лунным светом. Негодование искажало его суровые черты.

- Так! - сказал он, обращаясь к Роналду. - Ты, кажется, уже сделал свой выбор?

- Да! - гордо ответил Роналд.

- Значит, ты предпочитаешь эту нищую девчонку богатой наследнице, которую я тебе сватаю?

Ошеломленная, Гертруда переводила взгляд с отца на сына.

- Да, - ответил Роналд.

- Ну что ж, пусть будет так, - сказал граф и, осушив ковш джина, который захватил с

собой, снова мгновенно успокоился. - Я лишаю тебя наследства. Ступай прочь и не смей сюда возвращаться.

- Пойдемте, Гертруда, мы уйдем отсюда вместе, - нежно сказал Роналд, глядя на девушку.

Гертруда молча стояла перед ними. Роза выпала у нее из волос. Кружевные серьги потерялись, бечевка, опоясывавшая ее талию, развязалась. Газеты измялись до неузнаваемости. Но даже в таком виде она сохраняла полное самообладание.

- Ни за что, - твердо сказала она. - Я ни за что не приму от вас такой жертвы, Роналд.

И затем добавила ледяным тоном, обращаясь к графу:

- Сэр, в моем сердце не меньше гордости, чем в вашем. Дочь Мечникова Мак-Фиггина не нуждается ни в чьих благодеяниях.

С этими словами она вытащила из-за пазухи дагерротип отца и прижала его к губам.

Граф подпрыгнул как подстреленный.

- Это имя! - воскликнул он. - Это лицо! Эта фотография! Погодите!

Ну вот, дальше можно и не продолжать. Мои читатели уже давно обо всем догадались. Наследницей была Гертруда.

Молодые люди заключили друг друга в объятия. Гордое лицо графа прояснилось.

- Благослови вас бог, - сказал он.

Появилась графиня, и гости потоком хлынули на лужайку. При свете занимающейся зари все поздравляли молодую чету.

Гертруда и Роналд обвенчались. Счастье их было безоблачным. Что тут еще можно добавить? Да, еще вот что. Через несколько дней граф был убит на охоте. Графиню поразила молния. Дети утонули. Итак, счастье Гертруды и Роналда было совершенно безоблачным.

ЗАТЕРЯННЫЙ СРЕДИ ЗЫБЕЙ,

ИЛИ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ В ОКЕАНЕ

Старинный морской рассказ

В августе 1867 года в должности второго помощника капитана я ступил на палубу "Покорителя пучин", стоявшего в грейвзэндском доке.

Но сначала позвольте сказать несколько слов о себе.

Я был высок, красив, молод, ладно и крепко скроен; тело мое было бронзовым от постоянного воздействия солнечных и лунных лучей, а кое-где там, куда случайно попал свет звезд, даже медно-красным. Лицо мое красноречиво свидетельствовало о честности, уме и редкой проницательности, сочетавшихся с истинно христианской кротостью, простотой и скромностью.

Ступив на палубу, я не мог удержаться от легкого приступа восторга, когда в бочонке смолы, стоявшем возле мачты, увидел свое отражение - фигуру заправского моряка, - а затем, несколько позднее, с трудом подавил чувство огромной радости, снова увидев себя, на этот раз уже в ведре с трюмной водой.

- Добро пожаловать, мистер Сбейсног, - окликнул меня капитан Трюм, выходя из нактоуза и протягивая мне руку через гакаборт.

Передо мною стоял настоящий морской волк лет тридцати - шестидесяти. Лицо его было чисто выбрито, если не считать огромных бакенбард, густой бороды и длинных усов, а мощная кормовая часть заключена в широченные парусиновые штаны, на тыльной стороне которых вполне уместилась бы вся история британского флота.

Рядом с ним стояли первый и третий помощники - тихие, тщедушные люди, взиравшие на капитана Трюма, как мне показалось, не без затаенного страха.

Судно было готово к отплытию. Шли последние шумные приготовления, столь милые сердцу моряка. Матросы спешно приколачивали на место мачты, прилаживали к борту бушприт, драили шпигаты с подветренной стороны и заливали горячей смолой трап.

Капитан Трюм, прижав к губам рупор, сурово, как и подобает моряку, командовал:

- Джентльмены, не переутомляйтесь. Помните, у нас еще уйма времени. Пожалуйста, не выходите без надобности на солнцепек. Осторожно, Джонс, не споткнись о снасти - их,

кажется, натянули чересчур высоко. Ай-ай-ай, Уильямс, ну как же ты так перемазался в смоле? На тебя и посмотреть-то страшно!

Я стоял, прислонившись к гафелю грот-мачты, и думал, - да, дорогой читатель, - думал о своей матушке. Надеюсь, это не роняет меня в твоих глазах? Всякий раз, когда дела у меня не ладятся, я к чему-нибудь прислоняюсь и думаю о матушке. А если уж они идут из рук вон плохо, поднимаю одну ногу, замираю на месте и думаю об отце. После этого я готов ко всему.

Думал ли я также о той, что моложе матери и прекраснее отца? Да, думал. "Мужайся, дорогая, - шептал я накануне, когда, спрятав милую головку под мой плащ, она в порыве девического горя пнула меня каблучком. - Через каких-нибудь пять лет плавание окончится, а еще через два-три года я привезу столько денег, что смогу купить подержанную рыболовную снасть и осесть на берегу".

Тем временем приготовления закончились. Все мачты были на месте, паруса приколочены, и матросы рубили сходни.

- Готово? - загремел капитан.

- Есть, сэр.

- Тогда поднять якорь на борт и послать кого-нибудь вниз с ключом от баталерки.

Открытие баталерки! Последняя грустная церемония перед отплытием! Сколько раз за время моих скитаний приходилось мне наблюдать, как горстка людей, которые скоро будут надолго оторваны от дома, в каком-то странном оцепенении ожидает, пока матрос откроет баталерку.

На следующее утро при свежем попутном ветре мы обогнули Англию и вышли в Ла-Манш.

Нет ничего прекраснее Ла-Манша для тех, кто никогда его не видел! Это главная артерия мира. Взад и вперед по проливу снуют голландские, шотландские, венесуэльские и даже американские суда. То и дело проносятся китайские джонки. Военные корабли, моторные яхты, айсберги и плоты сплавного леса движутся во всех направлениях. Добавьте к этому висящий над проливом густой туман, совершенно скрывающий его от глаз, и вы получите некоторое представление о величии развернувшейся перед нами картины.

Уже три дня, как мы в открытом море. Первые приступы морской болезни начинают проходить, и я все реже думаю об отце.

На третий день утром ко мне в каюту заходит капитан Трюм.

- Мистер Сбейсног, - говорит он, - мне придется просить вас отстоять две вахты подряд.

- Что случилось? - спрашиваю я.

- Два другие мои помощника упали за борт, - отвечает он в замешательстве и отводит глаза.

- Слушаюсь, сэр, - коротко бросаю я, но про себя думаю, что все это очень странно. Как это два помощника ухитрились в одну и ту же ночь упасть за борт?

Несомненно, тут какая-то тайна!

Еще через два дня капитан явился к завтраку в таком же замешательстве и так же отводя глаза.

- Что-нибудь случилось? - спросил я.

- Да, - ответил он, стараясь держаться непринужденно, но при этом так нервно перекатывал пальцами крутое яйцо, что чуть было не раздавил его, - к сожалению, я должен сообщить, что мы лишились боцмана!

- Боцмана? - воскликнул я.

- Да, - ответил капитан Трюм, несколько успокаиваясь, - он упал за борт. Отчасти в этом виноват я сам. Это случилось рано утром. Я поднял его на руки, чтобы он лучше рассмотрел айсберг, и совершенно случайно, уверяю вас, совершенно случайно, уронил за борт.

- Капитан Трюм, - осведомился я, - а вы предприняли что-нибудь для его спасения?

- Пока еще нет, - смущенно ответил он.

Я пристально посмотрел ему в лицо, но ничего не сказал.

Прошло десять дней.

Мрак тайны все сгущался. В четверг стало известно, что со штирборта пропали два вахтенных. В пятницу исчез помощник плотника. А в ночь на субботу произошло одно совсем пустячное событие, которое тем не менее дало мне ключ к пониманию того, что происходило на судне.

В полночь, стоя у руля, я вдруг заметил в темноте капитана, который куда-то тащил за ногу юнгу. Я успел привязаться к этому смышленому, веселому пареньку и теперь с интересом следил за действиями капитана, гадая, что тот предпримет. Дойдя до кормы, капитан внимательно осмотрелся и бросил мальчика за борт. На мгновение голова бедняги мелькнула среди отливавшей фосфорическим блеском воды. Капитан швырнул в него сапогом, облегченно вздохнул и отправился вниз.

Вот она, разгадка! Капитан сбрасывал экипаж за борт. На следующее утро мы, как обычно, встретились за завтраком.

- Бедняга Уильямс свалился за борт, - объявил капитан, схватил кусок корабельного бекона и впился в него зубами, словно собираясь съесть.

- Капитан, - страшно волнуясь, начал я и с такой яростью бросился с ножом на свежую корабельную булку, что чуть не разрезал ее, - ведь это вы сбросили его за борт!

- Да, - ответил капитан, внезапно успокаиваясь, - я действительно уже сбросил несколько человек за борт, а в ближайшее время отправлю туда же и остальных. Послушайте, Сбейсног, вы молоды, честолюбивы, на вас можно положиться. Я хочу кое о чем с вами потолковать.

Окончательно успокоившись, он подошел к шкафчику, пошарил в нем рукой и, вытащив поблекший от времени кусок желтого пергамента, разложил его на столе. Это была не то карта, не то план. В самой середине был нарисован кружок. В центре кружка стояли крошечная точка и буква К, с одного края карты - буква С, а с другого, противоположного первому, - буква Ю.

- Что это такое? - спросил я.

- Неужто не догадываетесь? - в свою очередь спросил капитан Трюм. - Это же необитаемый остров.

- Вот как? - изумился я и, как по наитию, добавил: - Буква С означает север, а Ю - юг.

- Сбейсног! - вскричал капитан и с такой силой стукнул кулаком по столу, что ломоть корабельной булки три или четыре раза подпрыгнул в воздухе. - Как это вы догадались? Ведь я до сих пор не мог понять значение этих букв!

- А что означает буква К? - спросил я.

- Клад, зарытый клад, - сказал капитан и, перевернув карту, прочитал: "Точка указывает место, где в песке зарыт клад. Там в коричневом кожаном чемодане спрятано полмиллиона испанских долларов".

- А где расположен этот остров? - осведомился я, не помня себя от волнения.

- Вот этого-то я и не знаю, - ответил капитан. - Я намерен бороздить океан взад и вперед, пока не найду его.

- А до тех пор?

- А до тех пор нужно прежде всего сократить насколько возможно численность команды, чтобы в дележе участвовало поменьше народу. Ну так как? - добавил он в порыве откровенности, и я почувствовал, что этот человек, несмотря на все его недостатки, стал мне близок. - Хотите стать моим компаньоном? Сбросим их всех за борт, только кока оставим до последней минуты, отыщем клад и будем богачами до конца наших дней.

Читатель, ты не осудишь меня за то, что я сказал "да"? Я был молод, горяч, честолюбив, полон радужных надежд и ребяческого пыла.

- Капитан Трюм, - воскликнул я, протягивая ему руку, - располагайте мною!

- Прекрасно! - ответил капитан. - А теперь пойдите на бак и разузнайте, что там думают

обо всем происходящем.

Я отправился в носовой кубрик. Это было скромное помещение. На полу лежал один-единственный ковер грубой работы. В комнате стояли простые кресла, письменные столы и строгой формы плевательницы; за сине-зелеными ширмами виднелись узкие кровати с медными шишками.

Было воскресное утро, и большинство матросов еще сидели в халатах.

Когда я вошел, они встали и сделали реверанс.

- Сэр, - сказал помощник боцмана Томпкинс, - считаю своим долгом сообщить вам, что команда недовольна.

Кое-кто кивнул в знак согласия.

- Нам не нравится, что люди один за другим падают за борт, - продолжал он, и голос его зазвенел от еле сдерживаемого наплыва чувств. - Это же просто нелепо, сэр, и, если мне позволено так выразиться, команда весьма недовольна.

- Томпкинс, - твердо возразил я, - вам следовало бы понимать, что мое положение не позволяет мне выслушивать такие мятежные речи.

Я прошел к капитану и доложил:

- Кажется, назревает бунт.

- Вот и прекрасно! Он избавит нас от изрядного количества людей, задумчиво ответил капитан, потирая руки и разглядывая высокие волны Южной Атлантики через широкий, старинного типа иллюминатор в задней стене каюты. К тому же я с минуты на минуту ожидаю появления пиратов, и тогда команда порядком поубавится. Однако об этом после. - Тут он нажал кнопку звонка и вызвал матроса. - Попросите мистера Томпкинса пожаловать ко мне.

- Томпкинс, - начал капитан, как только помощник боцмана явился, встаньте, пожалуйста, на этот ящик, просуньте голову в иллюминатор и скажите, что вы думаете о погоде.

- Есть, сэр, - ответил честный моряк с таким простодушием, что мы с капитаном обменялись улыбкой.

Томпкинс влез на ящик и по пояс высунулся из иллюминатора. Мы тотчас же схватили его за ноги и вытолкнули наружу. Снизу донесся всплеск воды.

- Ну, с Томпкинсом все обошлось как нельзя лучше, - сказал капитан Трюм. - Извините, если я отвлекусь: мне нужно сделать запись о его смерти в судовом журнале.

- Да, так я говорил, - снова начал он, - что будет очень хорошо, если команда взбунтуется. Это нам только на руку. А рано или поздно так оно и будет. Это дело обычное. Однако я не стану форсировать события, пока мы не столкнулись с пиратами. В этих широтах их можно ожидать в любую минуту. А пока что, мистер Сбейсног, - сказал он, вставая, - я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы продолжали сбрасывать за борт по несколько человек в неделю.

Через три дня мы обогнули мыс Доброй Надежды и вошли в чернильно-черные воды Индийского океана. Теперь наш курс шел зигзагами; погода нам благоприятствовала, и мы с бешеной скоростью носились взад и вперед по зеркальной глади моря.

На четвертый день появились пираты. Не знаю, довелось ли тебе, читатель, встречаться с пиратами или пиратским судном. Вид его способен вселить ужас в самые отважные сердца. Пиратский бриг был сплошь черный, на мачте развевался черный флаг, по палубе под сенью черных парусов прохаживались под руку какие-то люди, с головы до ног одетые в черное. На носу белыми буквами было выведено - "Пиратский корабль".

При виде пиратского судна наш экипаж заметно струхнул. Да и то сказать: это зрелище заставило бы поджать хвост даже собаку.

Оба судна сошлись борт к борту. Тут их крепко-накрепко принайтовили друг к другу веревкой, затем для верности прихватили шпагатом и перекинули между ними мостки. В мгновение ока пираты запрудили нашу палубу. Они вращали глазами, скрежетали зубами и точили себе ногти.

А потом начался бой. Он продолжался два часа, не считая единственного пятнадцатиминутного перерыва на завтрак. Бой был ужасен. Люди висли друг на друге, пинали друг друга ногами, били друг друга по лицу и нередко настолько забывались, что позволяли себе кусаться. Помню, как один детина огромного роста размахивал скрученным в узел полотенцем, хлеща наших людей направо и налево, пока капитан Трюм не бросился на него и не ударил его кожурой от банана прямо по губам. Через два часа с обоюдного согласия было решено, что битва закончилась вничью со счетом 61 1/2 : 62.

Корабли отдали концы и под громкое "ура" экипажей легли каждый на свой курс.

- А теперь, - сказал капитан мне на ухо, - давайте посмотрим, кто из наших достаточно ослаб и легко может быть отправлен за борт.

Он спустился вниз, но через несколько минут вернулся бледный как смерть.

- Сбейсног, - сказал он, - судно идет ко дну. Кто-то из пиратов (нечаянно, разумеется, - я не хочу никого обвинять) продырявил обшивку. Надо послушать, что творится в трюмном отсеке.

Мы приложили ухо к переборке. В трюме булькала вода.

Матросы установили помпу и стали качать с отчаянным напряжением сил, которое знакомо лишь тем, кому привелось тонуть на судне, получившем пробоину.

В шесть часов пополудни вода в трюме поднялась на полдюйма, с наступлением ночи - на три четверти дюйма, а к утру, после целой ночи неослабных усилий, стояла уже на семи восьмых дюйма.

К полудню следующего дня она дошла до пятнадцати шестнадцатых дюйма, а ночью прослушивание показало, что уровень воды поднялся до тридцати одной тридцать второй дюйма. Положение становилось отчаянным. При такой скорости наполнения трюма едва ли можно было предсказать, насколько поднимется вода в ближайшие дни.

Вечером капитан позвал меня к себе в каюту. Перед ним лежали счетные таблицы, по всему полу валялись огромные листы бумаги, сплошь исписанные дробями.

- Сбейсног, судно обречено, - сказал он. - По существу, оно уже начало погружаться. Я могу это доказать. Может быть, потопление займет шесть месяцев, а может быть, и несколько лет, но если ничего не изменится, корабль неизбежно пойдет ко дну. Предотвратить это невозможно. Надо бежать.

В ту же ночь под покровом темноты, пока команда откачивала воду, мы с капитаном построили плот.

Никем не замеченные, мы свалили мачты, обрубили их до нужной длины, сложили крест-накрест и связали шнурками от ботинок. Затем молниеносно погрузили на плот пару ящиков с продовольствием и напитками, секстант, хронометр, газометр, велосипедный насос и еще кое-какие приборы. После этого, воспользовавшись моментом, когда корабль от качки сильно накренился, мы спустили плот на воду, спустились по веревке сами и под покровом непроглядной тропической ночи потихоньку отчалили от обреченного судна.

Утром следующего дня мы уже были крошечной, не больше, чем вот эта (.), точкой, затерявшейся в просторах Индийского океана.

Мы оделись, тщательно выбрались и вскрыли ящики с едой и напитками.

И только тут мы поняли весь ужас нашего положения.

В глубоком волнении следил я напряженным взглядом, как капитан одну за другой вынимает из ящика прямоугольные банки с консервированным мясом. Их было пятьдесят две. Обоим нам сверлила мозг одна и та же мысль. Наконец появилась последняя банка. Тут капитан вскочил на ноги и устремил в небо безумный взгляд.

- Консервный нож! - вырвалось у него. - О боже, консервный нож!

И он рухнул без чувств.

Тем временем я дрожащими руками вскрыл другой ящик. В нем были большие бутылки пива, плотно закупоренные патентованными пробками. Я вытащил их одну за другой. Когда появилась последняя, я взглянул в пустой ящик, вскрикнул: "Чем? Чем? О милосердный боже, чем их открыть?" - и замертво упал на капитана.

Наконец мы очнулись и увидели, что мы - все еще крошечная точка, затерянная среди океана. Нам даже показалось, что мы стали еще меньше.

Над нами простиралось сверкающее, медно-красное небо тропиков. Тяжелые свинцовые волны плескались у краев плота. А по всему плоту валялись банки с консервами и бутылки пива. То, что пришлось нам перенести в последующие дни, невозможно описать. Мы били и колотили по банкам кулаками. Мы дошли до того, что, рискуя вконец испортить банки, изо всей силы швыряли их о плот. Мы топтали их ногами, грызли зубами, осыпали проклятиями. Мы тянули и выкручивали пробки из бутылок, били горлышками о банки, примиряясь даже с тем, что можем разбить стекло и испортить бутылки.

Все было напрасно.

А потом мы целыми днями сидели молча, испытывая страшные муки голода. Нам нечего было читать, нечего курить, не о чем разговаривать.

На десятый день капитан нарушил молчание.

- Бросим жребий, Сбейсног, - сказал он. - Видно, дело идет к тому.

- Да, - мрачно отозвался я, - с каждым днем мы теряем в весе.

Перед нами вставала ужасная перспектива людоедства. Мы решили бросить жребий.

Я приготовил палочки и протянул их капитану. Ему досталась та, что подлиннее.

- Что она означает? - спросил он дрожащим голосом, колеблясь между надеждой и отчаянием. - Я выиграл?

- Нет, Трюм, - с грустью возразил я, - вы проиграли.

Не буду останавливаться на последовавших за этим днях - долгих безмятежных днях, проведенных на плоту. Силы мои, подорванные голодом и лишениями, понемногу восстанавливались. Это были, дорогой читатель, дни глубокого, безмятежного покоя, и все же, вспоминая о них, я не могу не пролить слез о том смельчаке, благодаря которому они были тем, чем были.

На пятый день удары плота о берег пробудили меня от крепкого сна. Я, видимо, слишком плотно поел и не заметил, как приблизился к земле.

Передо мною лежал круглый остров с низким песчаным берегом. Я сразу узнал его.

- Остров сокровищ! - воскликнул я. - Наконец-то я вознагражден за мой героизм!

Лихорадочно бросился я к середине острова. И что же я увидел? В песке зияла огромная свежевыкопанная яма, рядом валялся пустой кожаный чемодан, а на обломке доски, торчащей ребром, было написано: ""Покоритель пучин", октябрь 1867". Так! Значит, негодяи заделали пробоину в трюме, направились прямо к острову, о существовании которого они узнали благодаря карте, столь неосторожно оставленной нами на столе в каюте капитана, и лишили нас с беднягой Трюмом честно заслуженного сокровища.

От обиды на столь черную неблагодарность у меня помутилось в голове, и я медленно опустился на песок.

Я остался на острове.

Там я жил, кое-как перебиваясь с песка на гравий и прикрывая наготу листьями кактусов. Шли годы. Постоянное употребление в пищу песка и тины подорвало мое некогда крепкое здоровье. Вскоре я заболел, умер и похоронил себя.

Что, если бы и прочие авторы морских рассказов последовали моему примеру!

ИЗ СБОРНИКА

"ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРЕДЕЛА"

(1913)

МОЙ НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ

Он вошел в купе для курящих пультмановского вагона. Я сидел там один.

На нем было длинное пальто на меху, а в руках он держал пятидесятидолларовый чемоданчик.

Он поставил чемодан на сиденье и лишь после этого заметил меня.

- Ну и ну! - сказал он, и лицо его, словно солнечным лучом, осветилось отблеском какого-то воспоминания.

- Ну и ну! - повторил я.

- Боже милостивый, - сказал он, энергично пожимая мне руку, - ну, кто бы мог подумать, что мы встретимся?

"В самом деле, кто?" - подумал я про себя.

Он устремил на меня внимательный взгляд.

- Ты несколько не изменился, - сказал он.

- И ты тоже, - живо отозвался я.

- Разве только немного пополнел, - продолжал он, критически разглядывая меня.

- Да, - согласился я, - немного есть. Но, пожалуйста, и ты тоже не похудел.

Я сказал это, чтобы оправдать излишнюю полноту, в которой можно было бы меня упрекнуть.

- Впрочем, нет! - продолжал я решительным тоном. - Ты выглядишь почти точно так же, как прежде.

И все время я мучительно вспоминал, кто бы это мог быть. Я совершенно не помнил этого человека. Мне казалось, что я вижу его впервые в жизни. Я вовсе не хочу этим сказать, что у меня плохая память. Напротив, память у меня на редкость хорошая. Правда, я с трудом запоминаю имена. Частенько бывает также, что я не могу запомнить лицо, а иногда забываю, так сказать, внешний облик человека и, уж конечно, не замечаю, кто как одет. Но, помимо этих деталей, я никогда никого не забываю и горжусь этим. А если мне и случится иной раз забыть имя или лицо, я никогда не теряюсь. Я знаю, как себя держать в подобной ситуации. Нужно только обладать хладнокровием, находчивостью, и тогда все идет как по маслу.

Мой друг уселся.

- Давненько мы не видались, - сказал он.

- Давненько, - повторил я с ноткой грусти в голосе.

Мне хотелось, чтобы он почувствовал, что и меня тоже сильно тяготила эта разлука.

- Но время промелькнуло очень быстро.

- Как одно мгновение, - охотно согласился я.

- Удивительно, как быстро течет жизнь, - сказал он. - Мы теряем след наших друзей, и все вокруг становится совсем другим. Я часто думаю об этом. И по временам мне так хочется знать, куда же разбрелась вся наша старинная компания.

- Мне тоже, - сказал я.

И действительно, сейчас, в эту самую минуту, я как раз думал о том же самом. Я давно уже заметил, что при подобных обстоятельствах человек рано или поздно начинает вспоминать о "нашей старинной компании", "о наших мальчиках" или о "нашей шумной ватаге". Вот тут-то и представляется возможность выяснить, кто он такой.

- Случалось тебе за это время возвращаться на старое пепелище? спросил он.

- Ни разу, - отрезал я уверенно и твердо.

Такой ответ был совершенно необходим. Я почувствовал, что "старое пепелище" следует исключить из нашего разговора - во всяком случае, до тех пор, пока мне не удастся выяснить, где оно находится.

- Впрочем, - продолжал он, - я думаю, у тебя едва ли появлялось такое желание.

- Пока еще нет, - ответил я очень осторожно.

- Понимаю. И прошу извинить меня, - сказал он. Мы помолчали.

Итак, я выиграл первое очко. Я выяснил, что где-то у меня имелось "старое пепелище", посетить которое мне хотелось не так уже сильно. На этом фундаменте уже можно было построить какое-то здание.

Вскоре он заговорил снова.

- Время от времени, - сказал он, - я встречаю кое-кого из старых товарищей. Они вспоминают тебя и интересуются, что ты теперь подделываешь.

"Бедняги", - подумал я, но не сказал этого вслух.

Я понял, что настал момент нанести сокрушительный удар. И, применяя метод, которым всегда пользуюсь в подобных случаях, отважно ринулся на противника.

- Скажи, пожалуйста, - начал я с оживлением, - где сейчас Билли? Знаешь ты что-нибудь о Билли?

Право же, это надежный ход. В каждой старинной компании есть свой Билли.

- Конечно, - ответил мой друг. - Билли хозяйничает на ранчо в Монтане. Я видел его весной в Чикаго. Он весит около двухсот фунтов - ты бы ни за что не узнал его.

"Разумеется, не узнал бы", - пробормотал я про себя.

- А где Пит? - спросил я. Этот прием тоже был вполне надежен. Питы бывают повсюду.

- Ты имеешь в виду брата Билли? - спросил он.

- Вот, вот, брата Билли - Пита. Я частенько вспоминаю о нем.

- О, старина Пит уже не тот, что был, - ответил незнакомец. - Он остепенился... Словом, Пит теперь женатый человек.

И он начал хохотать.

Я тоже засмеялся. Ведь при известии о том, что кто-то женился, всегда принято смеяться. Предполагается, что сообщение о женитьбе старины Пита кто бы он ни был - должно вызвать гомерический хохот. Итак, я продолжал преспокойно посмеиваться, надеясь, что этого смеха мне хватит до самого конца. Мне оставалось проехать всего лишь пятьдесят миль. Не так уж трудно растянуть смех на пятьдесят миль - конечно, если делать это с умом.

Однако мой друг не успокоился на этом.

- Мне не раз хотелось написать тебе, - сказал он, конфиденциально понижая голос. - Особенно после того, как я услышал о твоей потере.

Я промолчал. Что бы это я мог потерять? Деньги? Если да, то сколько? И каким образом я потерял их? Интересно было бы узнать, полностью разорила меня эта потеря или только частично.

- Человек никогда не может полностью оправиться после такой потери, мрачно изрек он.

Очевидно, мое разорение было окончательным. Но я ничего не сказал и, оставаясь под прикрытием, ждал, чтобы он выпустил свой заряд.

- Да, - продолжал незнакомец, - смерть всегда ужасна.

Смерть! Так речь шла о смерти. Я чуть не подпрыгнул от радости. Теперь все пойдет как по маслу. В таких случаях поддерживать разговор - проще простого. Нужно только сидеть спокойно и ждать, пока не выяснится, кто именно умер.

- Да, - прошептал я, - ужасна. Но бывает и так, что...

- Совершенно справедливо. Особенно в таком возрасте.

- Ты прав, в таком возрасте и после такой жизни.

- В здравом уме и твердой памяти до последней минуты, не так ли? - с горячим сочувствием спросил он.

- Да, - сказал я, ощутив под собой твердую почву. - Сохранив способность сидеть в постели и курить почти до самых последних дней.

- Как? - спросил он с изумлением. - Разве твоя бабушка...

Бабушка? Ах, вот оно что!

- Прости, пожалуйста, - сказал я, раздраженный собственной глупостью. Когда я сказал курить, я имел в виду ее способность выносить табачный дым. Знаешь, она так любила, чтобы кто-нибудь потихоньку дымил возле нее, чтобы кто-нибудь сидел рядом и читал вслух. Только это и успокаивало ее.

Отвечая ему, я слышал, как поезд, с дребезжанием и грохотом промчавшись по стрелкам мимо семафоров, замедлил ход.

Мой друг поспешно выглянул из окна.

Лицо его было взволнованно.

- О господи! - сказал он. - Это узловая станция. Я проехал. Мне надо было сойти на предыдущей остановке... Эй, проводник! - крикнул он, высунувшись в коридор. - Сколько мы здесь стоим?

- Только две минуты, сэр, - отозвался проводник. - Поезд малость опоздал и теперь

должен нагнать свое.

Мой друг стоял теперь возле своего чемодана и, вытащив связку ключей, лихорадочно тыкал то одним, то другим в замок, пытаясь открыть его.

- Придется дать телеграмму, что ли... Просто не знаю, как и быть, бормотал он. - Черт бы побрал этот замок! Все мои деньги в чемодане.

Теперь я больше всего боялся, что он не успеет сойти и на этой станции.

- Возьми, - сказал я, вынимая из кармана несколько монет. - Перестань возиться с замком. Вот деньги.

- Спасибо! - сказал он, сгребая с моей ладони все, что там было (он так волновался, что захватил все). Только бы успеть!

Он выскочил из вагона. Я видел из окна, как он шел к залу ожидания. Мне показалось, что он не так уж торопится. Я стал ждать.

Проводники закричали:

- По вагонам! По вагонам!

Дали третий звонок, паровоз запыхтел, и через секунду поезд отошел от станции.

"Вот идиот! - подумал я. - Опоздал! А ведь его пятидесятидолларовый чемодан остался здесь".

Я все еще ждал, глядя в окно, и думал, кто же он такой, этот человек.

И вдруг я снова услышал голос проводника. По-видимому, он вел кого-то по коридору.

- Я осмотрел весь вагон, сэр, - говорил он.

- Я оставил его вот в том купе, где сидела моя жена. Он стоял на диване, у нее за спиной, - сердито произнес чей-то незнакомый голос, и хорошо одетый господин заглянул в мое купе.

Лицо его озарилось радостной улыбкой. Но эта улыбка относилась не ко мне. Она относилась к пятидесятидолларовому чемодану.

- Вот он! - крикнул господин и, схватив чемодан, унес его.

Совершенно убитый, я откинулся на спинку дивана.

Старинная компания! Женитьба Пита! Смерть моей бабушки! Боже великий! А мои деньги! Теперь все стало ясно. Тот, другой, тоже "поддерживал разговор", но он-то делал это с определенной целью.

Каким же я был ослом!

Ну нет, если когда-нибудь мне еще раз доведется завязать беседу со случайным дорожным спутником, я больше не стану проявлять столь исключительную находчивость.

У ФОТОГРАФА

- Я хотел бы сфотографироваться, - сказал я.

Фотограф как будто обрадовался. Это был понурого вида мужчина в сером костюме, с отсутствующим взглядом естествоиспытателя. Впрочем, нет необходимости описывать его внешность. Всякий знает, как выглядит фотограф.

- Посидите здесь и обождите, - сказал он.

Прошел час. Я прочел "Спутник женщины" за 1912 год, "Журнал для молодых девушек" за 1902 год и "Детский журнал" за 1888 год. Я начал понимать, что совершил недопустимый промах, нарушив уединение этого жреца науки и помешав ему в его ученых изысканиях - особенно при наличии такого лица, как мое.

По истечении часа фотограф открыл внутреннюю дверь.

- Войдите, - сурово сказал он.

Я вошел в ателье.

- Сядьте, - сказал фотограф.

Я сел. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь плотную хлопчатобумажную простыню, прикрывавшую матовое стекло крыши, падал на меня сверху.

Фотограф выкатил свой аппарат на середину комнаты, встал сзади и прильнул к нему лицом.

Пробыв в таком положении не больше секунды - ровно столько, сколько ему

понадобилось, чтобы бросить на меня беглый взгляд, - он отошел от аппарата, взял палку с крючком на конце, отдернул простыню на потолке и распахнул оконные рамы; должно быть, этот человек безумно стосковался по свежему воздуху и свету.

Затем он снова подошел к аппарату и накинул на себя небольшое черное покрывало. На этот раз он стоял совершенно неподвижно. Я догадался, что он молится, и сидел не шевелясь.

Когда наконец фотограф подошел ко мне, вид у него был весьма мрачный. Он покачал головой.

- Лицо никуда не годится, - сказал он.

- Знаю, - спокойно ответил я, - я всю жизнь знал это.

Он вздохнул.

- Полагаю, что оно получится лучше, - сказал он, - если снять его в три четверти.

- Ну конечно! - вскричал я с восторгом, обрадованный гуманностью фотографа. - Ваше тоже получилось бы лучше в три четверти... Сколько есть лиц, которые кажутся нам грубыми, ограниченными, тупыми, - продолжал я, - но стоит повернуть их в три четверти, и выражение становится широким, открытым, почти беспредельно...

Но фотограф уже не слушал меня. Он подошел ко мне вплотную и, схватив мою голову обеими руками, начал поворачивать ее вправо. Я подумал, что он хочет поцеловать меня, и закрыл глаза.

Но я ошибся.

Он повернул мою голову до отказа и теперь стоял, глядя на меня в упор.

Потом снова вздохнул.

- Не нравится мне ваша голова, - сказал он.

После этого он подошел к аппарату и опять взглянул на меня.

- Приоткройте рот, - сказал он.

Я раздвинул губы.

- Теперь - закройте, - торопливо добавил он.

И снова стал смотреть на меня.

- Уши не на месте, - сказал он. - Опустите их немного. Благодарю вас. Теперь глаза. Закатите их дальше под веки. Будьте любезны положить руки на колени и чуть-чуть поднять лицо кверху. Вот-вот, так уже лучше. А теперь расправьте плечи - так! И согните шею - так! Подожмите живот - так! Выгните бедро по направлению к локтю - вот так! Лицо ваше мне все еще не очень нравится, оно великовато, но...

Я перевернулся на своем табурете.

- Хватит! - воскликнул я с волнением, но, как мне кажется, и с достоинством. - Это лицо принадлежит мне. Оно не ваше, оно мое. Я прожил с ним сорок лет и знаю его недостатки. Я знаю, что его не назовешь классическим. Знаю, что оно не очень красит меня. Но все-таки это мое лицо, единственное, которое у меня есть...

Я почувствовал, что голос мой дрогнул, но все же продолжал:

- И каково бы оно ни было, это лицо, я привык к нему и полюбил его. Этот рот - мой, а не ваш. Эти уши - мои, и если ваши пластинки чересчур узки для них...

Тут я замолчал и хотел было встать со стула.

Фотограф дернул за шнурок. Что-то щелкнуло. Я видел, как аппарат еще вибрирует от сотрясения.

- Кажется, мне удалось схватить черты лица как раз в момент оживления, - сказал фотограф, растягивая губы в довольной усмешке.

- Ах, вот как! - сказал я, пытаюсь съязвить. - Черты лица? Вы, должно быть, не думали, что я могу вдохнуть в них жизнь, а? Ну, ладно, дайте мне взглянуть на снимок.

- О, пока еще не на что смотреть, - ответил он. - Сначала надо проявить негатив. Приходите в субботу, и я покажу вам пробную карточку.

Я пришел в субботу.

Фотограф пригласил меня в ателье. Мне показалось, что на этот раз он был еще

спокойнее и серьезнее, чем в день нашего знакомства. Мне даже показалось, что в его манере себя держать появилось нечто горделивое.

Он развернул передо мной большую пробную фотографию, и в течение нескольких минут мы оба молча смотрели на нее.

- Это я? - спросил я наконец.

- Да, - спокойно ответил он, - это вы!

И мы снова стали рассматривать фотографию.

- Глаза... - нерешительно сказал я. - Глаза не очень похожи на мои.

- Конечно, нет, - ответил он. - Я подретушировал их. Они получились великолепно, не правда ли?

- Прекрасно, - согласился я, - но брови... Разве у меня такие брови?

- Нет, - сказал фотограф, бросив беглый взгляд на мое лицо. - Ваши брови я убрал. У нас теперь есть такой препарат, знаете, дельфид, с помощью которого мы делаем новые брови. А вот здесь, вы можете проследить, где именно, я уничтожил волосы у вас на лбу. Мне не нравится, когда волосы на черепе растут слишком низко.

- Ах так, вам это не нравится? - повторил я.

- Нет, - сказал он, - они там не нужны. Я люблю начисто убирать волосы с гладких поверхностей и делать новую линию лба.

- А как насчет рта? - спросил я с горечью, которая, к сожалению, ускользнула от фотографа. - По-вашему, это мой рот?

- Рот немного подправлен, - ответил он. - У вас он расположен слишком низко. Я не мог его использовать.

- А вот уши, - сказал я, - уши, как это ни странно, очень похожи на мои. Да, они точь-в-точь как у меня.

- Это верно, - задумчиво произнес фотограф, - но при печатании карточек я легко могу изменить их. У нас теперь есть такое вещество - сульфид, при помощи которого уши полностью удаляются. Я посмотрю, нельзя ли будет...

- Послушайте, - перебил я его, вдохнув в свои "черты" максимум жизни и говоря с таким уничтожающим презрением, которое, кажется, способно было раздавить человека на месте. - Послушайте, я пришел сюда, чтобы получить фотографию, карточку, нечто такое, что походило бы на меня (каким бы нелепым вам ни казалось подобное желание). Я хотел иметь нечто такое, что являлось бы копией моего лица, того лица, которое даровала мне природа, как ни скромна ее дар. Я хотел иметь нечто такое, что мои друзья могли бы хранить после моей смерти и что могло бы послужить утешением в их горе. По-видимому, я ошибся. Мое желание не сбылось. Так делайте же свое черное дело. Берите свой негатив, или как там вы его называете, окунайте его в сульфид, бромид, оксид, ерундид - во что вам заблагорассудится, - удаляйте глаза, подправляйте рот, кромсайте лицо, реставрируйте губы, одухотворяйте галстук и перекраивайте жилет! Наведите на снимок глянец, отретушируйте его, украсьте позолотой - делайте все, пока вы, даже вы сами, не удостоверитесь, что работа кончена. А потом возьмите фотографию и сохраните для себя и для своих друзей. Быть может, они оценят ее. Мне же эта штука не нужна.

Тут я залился слезами и выбежал из ателье.

ИЗ СБОРНИКА

"ЕЩЕ НЕМНОЖКО ЧЕПУХИ"

(1916)

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ МИСТЕРА ГРАНЧА

Из его личных наблюдений

I

МНЕНИЕ О ХОЗЯИНЕ

Дрянь человек. И заметьте, я говорю это без всякого предубеждения. Я не питаю к нему никаких дурных чувств. Просто он дрянь, и все. Мелкий человечиска - вот уж точно, иначе его не назовешь... Разумеется, мое жалованье тут ни при чем. Я считаю ниже своего

достоинства упоминать здесь о всей этой истории, хотя, если уж на то пошло, когда после пятнадцати лет безупречной службы вы просите о прибавке каких-нибудь пятисот долларов в год, хозяин, казалось бы, должен с радостью пойти вам навстречу. Бог с ним, я не питаю к этому человеку дурных чувств. Отнюдь нет. Если бы он вдруг умер, никто не жалел бы о нем так искренне, как я. Уверю вас, если бы он вдруг упал в реку и утонул, или провалился в канализационный люк и задохнулся, или поднес спичку к бензобаку и взорвался (мало ли что может с ним случиться), я был бы глубоко огорчен его преждевременной смертью.

Но что такое его мелочность по сравнению с его невежеством! Ведь он абсолютно пустое место. Конечно, я не собираюсь сообщать об этом каждому встречному и поперечному. Наоборот, я всегда решительно пресекаю кривотолки; все равно поголовно весь город знает ему цену. Просто ума не приложу, как этот человек мог добиться такого положения, какое он теперь занимает! Ведь он и держится на этом месте только благодаря тому, что вся контора на него работает. Иначе он не усидел бы и полдня.

Помилуйте! Письма, которые он пишет, пестрят ошибками (разумеется, это между нами!). Да, да! Орфографическими ошибками! Спросите хотя бы у его машинистки.

Я часто задаю себе вопрос: зачем я продолжаю у него работать? Десятки различных компаний были бы рады видеть меня в числе своих служащих. Вот совсем недавно (еще и десяти лет не прошло) мне предлагали - да, да, именно предлагали - отправиться в Японию продавать библии. Как я жалею теперь, что не согласился! Мне, конечно, понравились бы японцы. Они настоящие джентльмены, эти японцы! Они-то не стали бы отказывать в просьбе человеку, который вот уже целых пятнадцать лет трудится в поте лица своего.

Я не раз подумывал о том, чтобы заявить ему об уходе. Я так и сказал жене: пусть он лучше не доводит меня до крайности, не то как-нибудь войду к нему в кабинет, да и выложу все, что о нем думаю. Так меня и подмывает, так и подмывает! Часто, возвращаясь в трамвае с работы, я повторяю в уме все, что собираюсь ему сказать.

Советую ему быть со мной повежливее. Так-то!

II

ПАСТОР ЕГО ПРИХОДА

Тупой человек. Тупой - лучшего слова и не подберешь, - тупой и нудный. Не скажу, что он плохой человек. Может быть, даже хороший. Против этого я не спорю. Просто до сих пор его хорошие качества ни в чем не проявлялись. Впрочем, я взял себе за правило никогда не говорить ничего такого, что может испортить чью-либо репутацию.

А его проповеди! Не далее как в прошлое воскресенье он подарил нас проповедью об Исаве. Ну знаете, дальше некуда! Жаль, что вы не слышали! Невероятная чушь! Возвращаясь из церкви, я сказал жене и шедшим с нами знакомым, что уж не знаю, чем он только думал, когда сочинял эту проповедь. Заметьте, я принципиально против критики, когда дело касается проповеди. Я всегда считал своим священным долгом воздерживаться в этом вопросе от всякой критики, и если говорю, что он нес околесицу, то не для того, чтобы критиковать проповедь, - я просто констатирую факт. Подумайте только, ведь мы платим ему тысячу восемьсот долларов в год! И при этом он не вылезает из долгов! Интересно, куда он деваает деньги? Расходов у него никаких. Семья небольшая - всего четверо детей. Просто транжирит. И вечно его где-то носит: в прошлом году ездил в Нью-Йорк на собрание синода (отсутствовал целых четыре дня!), три года назад укатил в Бостон на какой-то семинар по священному писанию и провел там чуть ли не целую неделю, да еще взял с собой жену.

Поверьте, если человек вот так попусту тратит время, мотаясь по всей стране, - сегодня здесь, завтра там, - где уж ему заниматься делами прихода.

Я - человек религиозный. Во всяком случае, считаю себя таковым. И чем старше я становлюсь, тем все больше верю, что грешников в загробной жизни ждут вечные муки. Посмотришь вокруг и видишь, что это совершенно необходимо. Да, я считаю себя религиозным человеком, но когда приходят с подписным листом и пытаются вытянуть из меня пятьдесят долларов единственно для того, чтобы этот человек смог выпутаться из долгов, я говорю - "нет". Истинная религия выше денег. Таково, во всяком случае, мое

мнение.

III

ПАРТНЕР ПО БРИДЖУ

Осел. Форменный осел. Не понимаю, как у такого человека хватает духу садиться за карты. Я бы ничего не сказал, если бы у него было хоть какое-нибудь - пусть самое смутное - представление о том, как надо играть. Но он ровным счетом ничего в этом не смыслит. Три раза я подавал ему знак передать мне ход, но он и ухом не повел. Ведь я понимал, что, если он не передаст мне хода, ускользнет последний шанс. Но разве этот осел способен что-нибудь сообразить? А потому него еще хватило нахальства спросить меня, о чем я думал, идя с червей, когда он ясно дал мне понять, что у него их нет. Тут я не выдержал и как можно вежливее осведомился, почему, собственно, он игнорировал мой сигнал сбросить пики. Вместо ответа он имел наглость спросить меня, на каком основании я пренебрег его сигналом сбросить трефы при второй сдаче, то есть в тот самый момент, когда я трижды подавал ему знак передать мне игру. Я не мог этого так оставить и перед тем, как уйти домой, специально подошел к нему и сказал тоном, полным самой едкой иронии, которую только осел не сумел бы уловить, что мне не часто выпадало удовольствие проводить столь приятный вечер за карточным столом.

Ну, где ему понять иронию! Он ничего не почувствовал! Ни о чем не догадываясь, он самым дружеским образом стал уверять меня, что не пройдет и года, как я научусь превосходно играть в бридж. Это я-то! Научусь превосходно играть в бридж! Этого я не мог так оставить! Уходя, я подарил его презрительным взглядом! Одним только взглядом!.. Жаль, что он разговаривал с кем-то из гостей и, кажется, ничего не заметил.

IV

ХОЗЯЙКА ДОМА, КУДА ЕГО ПРИГЛАСИЛИ ОБЕДАТЬ

Просто уму непостижимо, по какому принципу эта женщина выбирает людей, приглашая гостей к обеду. Признаться, я люблю ходить на обеды. По-моему, это лучшая форма общения с людьми. Но я люблю встречаться с теми, кто способен поддержать за столом интересную беседу, а не с каким-то тупоголовым сбродом. Мне нравится, когда за столом ведется разговор о предметах значительных. Но чего можно ожидать от сборища идиотов? Казалось бы, светские люди должны интересоваться серьезными вопросами или, по крайней мере, должны хотя бы делать вид, что им это интересно. Ничего подобного. Не успел я открыть рот, чтобы сообщить о новом курсе немецкой марки в связи с падением курса стерлинга - уж о чем, о чем, но об этом-то каждому интересно послушать, как вдруг вся компания повернулась ко мне спиной и уставилась на этого несносного осла англичанина (забыл, как его зовут). Ну неужели только потому, что человек побывал во Фландрии и носит руку на перевязи (из-за чего дворецкому пришлось разрезать ему бифштекс), неужели только поэтому целый стол внимал ему, как оракулу? В особенности женщины: знаете, как они иногда слушают какого-нибудь болвана, опершись локтями о стол, - просто смотреть противно.

Все это показалось мне на редкость бестактным, и при первой же паузе я попытался прийти на помощь хозяйке, заговорив с ней о том, что принятие билля о государственной субсидии судостроительной промышленности возместит нам тоннаж иностранных судов. Но тщетно. Ее умственных способностей просто не хватило на то, чтобы поддержать серьезную беседу. Поверите ли, она даже головы не повернула.

В течение всего обеда этот осел англичанин и еще какой-то актеришка, который с утра до вечера торчит у них в доме и вечно передразнивает театральную братию, были в центре внимания всего общества. Не знаю, может быть, кому-нибудь это и нравится, но мне, откровенно скажу, нет. Пусть себе кривляется в театре. И вообще, по-моему, всякое стремление вызвать смех за обедом свидетельствует о дурном вкусе. Противно смотреть, когда за едой люди вдруг начинают покатываться от хохота. Насколько я могу судить, у меня превосходно развито чувство юмора - лучше, чем у многих других. Я знаю, как надо рассказывать смешную историю, ее надо рассказывать обстоятельно, не спеша, помогая

слушателю уловить, в чем соль, и исподволь подготавливая его необходимыми объяснениями к пониманию сути. Но в подобной компании стоит лишь начать интересную историю, как какой-нибудь дурак сейчас же тебя перебивает. Совсем недавно - лет пятнадцать назад - я проводил лето в Адирондакских горах, и там со мной произошел презабавный случай. Но только я приступил к рассказу, даже не успел в самых общих чертах дать описание Адирондаки, как - что бы вы думали? - хозяйка (ну, не дура ли она после этого?) вдруг подымается из-за стола и вместе с дамами выходит в гостиную.

За столом остались одни мужчины со своими сигарами. Ну, чтобы тут вставить словечко - об этом и думать нечего! Мужчины во сто раз хуже женщин. Они столпились вокруг этого чертова англичанина и стали засыпать его вопросами о Фландрии и о том, как идут дела на фронте. Напрасно я пытался хоть на минуту привлечь к себе внимание рассказом о своей поездке по Бельгии в 1885 году и о том, какое впечатление произвели на меня бельгийские крестьяне. Хозяин взглянул на меня, предложил мне портвейна и тут же повернулся к этому болвану англичанину.

А когда мы перешли в гостиную, меня и вовсе оттеснили в угол, где я, к величайшему моему отвращению, оказался рядом с этим сверхидиотом профессором, который приходится хозяевам не то дядей, не то еще кем-то. В жизни не видел более надоедливой человека. Он довел меня до белого каления, долго и нудно рассказывая о своих впечатлениях от поездки в 1875 году по Сербии и о сербских крестьянах.

Мне очень хотелось уйти в самом начале вечера, но это было бы слишком демонстративно.

Беда с такими женщинами! Кого только они приглашают к себе в дом?

V

ЕГО СЫНОК

Как, вы не знаете моего мальчика? Не может быть! Вы, конечно, его видели. Он ходит в школу мимо вашего дома. Не сомневаюсь, вы встречали его тысячу раз. Разве его можно не заметить? Глаза невольно на нем останавливаются. Всякий скажет: "Ну, что за чудесный мальчишка!" Прохожие всегда на него оглядываются. Он вылитый я. Все в один голос так говорят.

Сколько ему лет? Двенадцать. Точнее, вчера ему исполнилось двенадцать и две недели. Но он такой развитой, что ему можно дать все пятнадцать. Как он рассуждает! Удивительно интересно. Я нарочно завел тетрадку, и у меня уже многое записано. Когда будете у нас, я вам почитаю. Загляните как-нибудь вечером. Приходите пораньше, чтоб у нас в запасе был целый вечер. Однажды, знаете, он спросил у меня: "Папочка (он всегда зовет меня папочкой), почему небо голубое?" Представляете, над чем задумывается двенадцатилетний мальчишка! Он прямо засыпает меня такими вопросами. Мне их всех и не упомянуть!

Будьте уверены, я воспитываю его как надо. Недавно принес ему копилку. Пусть откладывает туда понемножку, пусть не тратит ни цента, а когда вырастет, у него уже будут собственные сбережения.

Последний раз в день рождения я опустил ему в копилку золотую пятидолларовую монету, объяснив, конечно, что можно выжать из этих денег, если с умом взяться за дело. Он так слушал, что любо было смотреть.

А потом говорит: "Папочка, правда, ты у меня самый добрый?"

Приходите как-нибудь посмотреть на мальчишку.

ИСТОРИЯ ПРЕУСПЕВАЮЩЕГО БИЗНЕСМЕНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

Нет, сэр, мне никто не помогал: я сам выбился в люди. В детстве меня не баловали. (Возьмите сигару. Я плачу за них пятьдесят центов за штуку!) Образования я, в сущности, не получил никакого. Я и читать-то толком не умел, когда бросил школу, а писать - грамотно писать по-английски научился, только когда вошел в дело. Но могу с уверенностью сказать - среди обувщиков никто не напишет делового письма лучше меня. Мне до всего пришлось доходить самому. Правда, дробей я так и не знаю, но, по-моему, они ни к чему. Географию я

тоже никогда не учил, а что знаю, вычитал из железнодорожных расписаний. Поверьте мне, больше и не нужно. Сына я послал в Гарвард. Так, видите ли, захотелось его мамаше. Но пока незаметно, чтобы он там чему-нибудь научился - во всяком случае, чему-нибудь полезному для дела. Говорят, в колледже формируют характер и учат хорошим манерам. А по-моему, все это можно приобрести с тем же успехом, занимаясь бизнесом. Ну, как вино? Нравится? Если нет, говорите прямо - я задам головоломку метрдотелю: они достаточно дерут с меня. Это сухое вино обходится мне по четыре доллара за бутылочку.

Да, так мы говорили о том, с чего я начал. Много пришлось хлебнуть мне в жизни. Когда добрался до Нью-Йорка - мне было тогда шестнадцать, - у меня оставалось всего-навсего восемьдесят центов. Я жил на них почти неделю, пока бродил по городу в поисках работы. Брал тарелку супа и кусок мяса с картошкой - всего на восемь центов, и, поверьте мне, это было намного вкуснее, чем то, что они подают мне в этом чертовом клубе. А тот ресторанчик... Жаль, позабыл, где он находится. Где-то на Шестой авеню.

Помнится, на шестой день я получил работу на обувной фабрике. Меня поставили к машине. Вы небось никогда не бывали на обувной фабрике? Нет, конечно. Откуда же! Так вот, оборудование у нас сложное. Уже тогда, чтобы сделать один башмак, работало тридцать пять машин, а теперь их у нас пятьдесят четыре. Я никогда раньше в глаза не видел ни одной машины, но мастер меня все-таки взял.

- Парень ты, видать, крепкий, - сказал он. - Попробовать можно.

Так я и начал. Я ничего не умел делать, но с первого дня все пошло у меня как по маслу. Сначала мне платили четыре доллара в неделю, а через два месяца уже набавили двадцать пять центов.

Ну вот, проработал я месяца три и пошел к старшему мастеру, начальнику моей мастерской.

- Скажите, мистер Джонс, - говорю, - хотите сэкономить десять долларов в неделю?

- Каким образом? - спрашивает он.

- Проще простого. Я тут понемногу присматривался к тому, что делает мой мастер. Я вполне могу выполнять его работу. Увольте его, а меня поставьте на его место и платите мне половину.

- А справишься? - говорит он.

- Испытайте! - говорю я. - Рассчитайте его и дайте мне показать себя.

- Ну что ж, - говорит он. - Мне нравится такая напористость. Ты, видно, парень с головой.

Так вот, значит, рассчитал он мастера, а на его место поставил меня, и, представьте, я прекрасно справился. Вначале было трудновато, но я работал по двенадцать часов в день, а по ночам читал книжку про обувные машины. Так прошло около года.

Однажды я спустился в контору к управляющему.

- Мистер Томсон, - говорю я, - хотите сэкономить сто долларов ежемесячно?

- А как? - говорит он. - Присаживайтесь.

- Очень просто, - говорю я. - Вы увольняете Джонса, а меня назначаете на его место старшим мастером. Я выполняю его работу, а заодно и свою, и все это обходится вам на сто долларов дешевле.

Он поднялся и вышел в соседнюю комнату. Я слышал, как он сказал мистеру Ивенсу, одному из директоров фирмы:

- У парня есть голова на плечах.

Потом он вернулся и говорит:

- Хорошо, молодой человек. Мы дадим вам возможность показать себя. Как вам известно, мы всегда рады помочь нашим служащим всем, чем можем. В вас чувствуется хорошая закваска. Такие люди нам нужны.

Словом, на другой день они уволили Джонса и назначили меня старшим мастером. Я легко справился с этой работой. Чем выше, тем легче, если только знаешь дело и имеешь настоящую хватку. На этой должности я оставался целых два года. Я откладывал все свое

жалованье, оставляя на жизнь только двадцать пять долларов в месяц, и не тратил зря ни одного цента. Правда, один раз я заплатил двадцать пять центов, чтобы посмотреть, как Ирвинг играет Макбета, а в другой - купил за пятнадцать центов билет на галерку и смотрел оттуда, как пиликают на скрипке. Откровенно говоря, я не верю, что театр приносит какую-то пользу. Пустое это занятие, на мой взгляд.

Спустя некоторое время я отправился в контору мистера Ивенса:

- Мистер Ивенс, я хочу, чтобы вы уволили управляющего Томсона.

- Это еще зачем? Что он натворил? - спрашивает мистер Ивенс.

- Ничего, - говорю я. - Просто, кроме своей, я могу взять на себя и его работу, и за это вы будете платить мне ровно столько, сколько платили ему, а мое жалованье останется при вас.

- Заманчивое предложение, - говорит он.

Короче, они уволили Томсона, и я занял его место. Вот тогда-то и началась моя карьера. Дело в том, что контроль над производством был теперь в моих руках, и я мог понижать или повышать себестоимость продукции, как мне было выгодно. Вы, надо думать, ничего не понимаете в таких вещах, - этому в колледжах не учат, - но даже вы, по всей вероятности, знаете, что такое дивиденды, и вам известно, что управляющий, если, конечно, он человек энергичный, с характером и деловой хваткой, может вертеть себестоимостью как угодно, в особенности за счет накладных расходов. Акционерам же приходится довольствоваться тем, что им дадут, и еще говорить "спасибо". Они никогда не посмеют уволить управляющего - ведь все нити в его руках. Побоятся развалить дело.

Вы спросите, зачем я ввязался в эту игру. Сейчас объясню. К тому времени я уже успел сообразить, что мистер Ивенс, который сидел у них главным директором, и все остальные члены правления не очень-то разбираются в делах фирмы: производство разрослось, и они уже не могли охватить его во всех деталях. А в обувной промышленности важна каждая мелочь. Это вам не что-нибудь, а сложное дело. Словом, у меня явилась мысль выжить их из дела, ну если не всех сразу, то, во всяком случае, большинство.

Сказано - сделано. И вот однажды я отправился прямо на дом к старому Гугенбауму, председателю правления. Он ворочал делами не только нашего акционерного общества, но еще многих других, и попасть к нему было почти невозможно. Никого к себе не пускал без доклада. Но я пошел к нему домой поздно вечером и добился приема. Сначала я поговорил с его дочерью и заявил ей, что мне нужно немедленно видеть ее папашу. Я сказал это так решительно, что она не посмела отказать. Если умеешь разговаривать с женщинами, они никогда тебе не откажут.

Короче, я объяснил мистеру Гугенбауму, как можно обделать это дельце.

- Я могу довести дивиденды до нуля, - говорю я, - и ни один черт не подкопается. Вы скупили все акции по сходной цене, а года через два я снова подниму дивиденды до пятнадцати, а может, даже и двадцати процентов.

- Ваши условия? - говорит старый волк, пронизывая меня острым взглядом. Голова у нашего старика была что надо, во всяком случае - в те времена.

Что ж, я сообщил ему свои условия.

- Хорошо, - говорит Гугенбаум. - Действуйте. Только имейте в виду никаких письменных обязательств.

- Что вы, мистер Гугенбаум! - говорю я. - Мы с вами люди честные, и одного вашего слова для меня вполне достаточно.

Дочка проводила меня до дверей. Она, бедняжка, не знала, хорошо ли сделала, что пустила меня к старику, и очень из-за этого расстроилась. Ну, я постарался ее успокоить. Потом каждый раз, когда мне нужно было поговорить с папашей, я действовал через дочку, и уж она все устраивала.

Удалось ли нам выжить из дела акционеров? А как же! Это не потребовало даже особых усилий. Видите ли, с одной стороны, мой старик сумел вздуть цены на кожу, а с другой - я спровоцировал рабочих на забастовку. Дивиденды падали, и через год члены

правления, перепугавшись, стали выходить из дела, ну а за ними, как всегда бывает, бросилась врассыпную вся мелкая сошка. Старик подобрал то, что они побросали, и половину отдал мне.

Вот так-то я и выбился в люди. Теперь я контролирую всю обувную промышленность в двух штатах. Более того, "Компания по обработке кож" уже в наших руках, так что практически все это составляет один концерн.

Что случилось с папашей Гугенбаумом? Удалось ли мне выжить старика? Нет, знаете ли, я не стал этим заниматься. Мне это было ни к чему. В общем... как вам сказать... я все ходил к нему в дом по всяким делам, ну и так получилось, что я женился на его дочери. Так что вроде мне не было особой необходимости выгонять его. Он теперь живет с нами. Старик совсем сдал и уже не может заниматься делами. Фактически я решаю за него все вопросы. Свое недвижимое имущество он передал моей жене. Она в таких вещах ничего не смыслит. Да к тому же она и вообще робкая - такая уж натура, - так что приходится мне и здесь поспевать. Ну, а если со стариком что-нибудь случится, мы, разумеется, наследуем все его состояние. Ему уж недолго осталось... Смотрю я на него - совсем он никуда не годится.

Мой сын? Да, я бы хотел, чтобы он вошел в дело. Но сам-то он не очень этим интересуется. Боюсь, он пошел в мать. А может быть, это влияние колледжа? Мне почему-то кажется, что в колледжах не умеют развивать в молодых людях деловую хватку. А вы как думаете?

СЧАСТЛИВЫ ЛИ БОГАТЫЕ?

Приступая к этому очерку, я прежде всего должен сказать, что материал, которым я располагаю, нельзя считать достаточно полным. За всю свою жизнь я ни разу, да-да, ни разу не встретил по-настоящему богатого человека. Часто мне казалось, что я нашел его. Но, увы, почти тотчас же обнаруживалось, что я ошибся: он не богат. Он беден. Очень беден. Сидит без гроша. Ему позарез нужны деньги. Не знаю ли я, спрашивает он, у кого бы перехватить десять тысяч долларов.

Я неизменно впадал в одну и ту же ошибку. У меня сложилось впечатление, что, если в доме пятнадцать человек прислуги, хозяева его - люди богатые. Я почему-то полагал, что отправиться в лимузине за шляпкой, которая стоит пятьдесят долларов, может только весьма состоятельная женщина. Ничего подобного! При ближайшем рассмотрении оказывалось, что все мои знакомые люди небогатые и, по их словам, находятся в крайне стесненных обстоятельствах. Нет, кажется, у них это называется "сидеть на мели". Если в опере в ложе бельэтажа появляется разодетая компания, можете быть уверены все они сидят на мели. А роскошный лимузин, который ждет их у подъезда, ровным счетом ничего не значит.

Не далее как вчера один мой приятель - он имеет десять тысяч долларов в год - признался, тяжело вздыхая, что ему не под силу угнаться за богатыми. При его средствах это абсолютно невозможно. И совершенно то же самое я слышал в одной знакомой мне семье, у которой двадцать тысяч годового дохода. Где им тягаться с богатыми! Они даже и не пытаются. А вот, пожалуйста, свидетельство весьма уважаемого адвоката, которому его практика приносит не менее пятидесяти тысяч долларов в год. Со свойственной ему прямоотой и откровенностью он заявил, что не видит никакой возможности равняться с богатыми и предпочитает трезво оценивать свое положение: он беден. И, разумеется, он может предложить мне - уж не взыщите! - только самый скромный - так он выразился - обед, за которым, кстати сказать, нам прислуживали трое мужчин и две женщины.

Насколько мне помнится, я не имел счастья беседовать с мистером Карнеги, но ничуть не сомневаюсь, что он, безусловно, считает совершенно для себя невозможным равняться с мистером Рокфеллером. Ну, а мистер Рокфеллер, вероятно, тоже думает, что и ему до кого-то не дотянуться.

Однако должны же все-таки где-то быть и богатые люди. Мне нет-нет да и удается напасть на их след. Вот, например, наш швейцар недавно уверял меня, что в Англии у него есть богатый кузен. Кузен этот работает на Юго-Западной железной дороге и получает целых десять фунтов в неделю. Он превосходный работник, и железная дорога просто не может без

него обойтись. Потом еще у прачки, которая стирает белье на весь наш дом, есть богатый дядюшка в Уиннипеге. Он живет в собственном доме и еще ни разу его не закладывал, а две его дочери учатся в колледже.

Но обо всех этих богатых людях я знаю только понаслышке, а потому не берусь утверждать что-нибудь наверняка.

Говоря о богатых и рассуждая о том, счастливы ли они, я, само собой разумеется, делаю выводы только на основании того, что лично видел и слышал. И вот к какому я пришел заключению: богатые подвергаются тяжким испытаниям и переживают жестокие трагедии, о которых счастливые бедняки не имеют ни малейшего представления.

Прежде всего я обнаружил, что богатые постоянно страдают от денежных затруднений. Курс стерлинга падает на десять пунктов в день, а бедняк преспокойно сидит себе дома. Вы думаете, его это тревожит? Нисколько. Пассивный торговый баланс грозит затопить страну. На кого возлагают обязанность сдерживать натиск? На богатых. Изъятие вкладов из государственного банка достигает ста процентов. А бедняк покупает себе за десять центов билет в кино и хохочет во все горло. Ему-то что?

Между тем богатый человек не знает буквально ни минуты покоя.

Например, в прошлом месяце один молодой человек - некто по фамилии Спагг - превысил в банке кредит на двадцать тысяч долларов. Мы как раз обедали вместе в клубе, и он рассказал мне об этом, прося извинить его за мрачный вид. Конечно, вся эта история была ему неприятна. Кроме того, банк вел себя на редкость бестактно: директор позволил себе обратить внимание мистера Спагга на перерасход! Я, понятно, не мог ему не посочувствовать, потому что сам как раз превысил кредит на двадцать центов, и уж коль скоро банк принялся за своих должников, следующим на очереди вполне мог оказаться и я. Спагг сказал, что, пожалуй, завтра утром придется позвонить секретарю пусть реализует несколько акций и погасит долг. Подумайте, как это ужасно! Бедняки избавлены от таких крайностей! Бывает, конечно, что им приходится продать кое-что из мебели, но чтобы вот так - взять и отнести на биржу ценные бумаги из собственного письменного стола, - нет, такой трагедии им не доводилось и никогда не доведется испытать.

Мы частенько обсуждали с мистером Спаггом проблему - что же такое богатство. Он из тех, кто сам выбился в люди. Не раз он говорил мне, что состояние, которое он приобрел, лежит на нем тяжким бременем. Спагг уверяет, что чувствовал себя несравненно счастливее, когда был простым, небогатым человеком. Иногда, угощая меня обедом из девяти блюд, он вдруг признается, что кусок вареной свинины с брюквенным пюре ему гораздо больше по душе, чем все эти разносолы. Будь его воля, говорит он, весь его обед состоял бы из пары сосисок с ломтиком поджаренного хлеба. Но что-то - я забыл, что именно, - мешает ему жить так, как хочется. Сколько раз я наблюдал, как мистер Спагг отодвигал от себя полный до краев или уже пустой бокал шампанского. За фермой его отца, вспоминал он, бежал ручеек: растянешься, бывало, на траве, припадешь к воде и пьешь сколько душе угодно. Никакое шампанское не сравнится с этой живительной влагой! Я посоветовал Спаггу лечь на пол и попить из блюдца содовой. Но он почему-то пренебрег моим советом.

Мне доподлинно известно, что мой друг Спагг, будь это только возможно, с радостью отказался бы от своего состояния. Раньше, когда я ничего не понимал в таких делах, мне всегда казалось, что нет ничего проще, как взять да и отдать принадлежащие вам деньги. Не тут-то было. Богатство - это тяжкое бремя, и вы обязаны нести его на своих плечах. Если у вас есть деньги, много денег, вы обязаны владеть ими ради служения обществу. Вам следует помнить, что они дают вам возможность творить добро и помогать ближним своим, всячески облегчая и скрашивая их жизнь. Одним словом, богатство - это священная обязанность. Спагг так долго и так обстоятельно беседовал со мной на эту тему в клубе - в особенности об обязанности богатых облегчать жизнь бедняков, - что лакей, специально находившийся при Спагге, чтобы подносить ему зажженную спичку каждый раз, когда он закуривал, засыпал, привалившись к косяку, а шофер, ожидавший хозяина на улице, примерзал к сиденью.

Итак, Спагг смотрит на свое богатство как на высокую миссию. Почему бы ему не

пожертвовать деньги на какой-нибудь колледж, спрашиваю я. Но Спагг отклоняет мое предложение - он, к сожалению, никогда не учился в колледже. Тогда я обращаю его внимание на фонд помощи учителям: несмотря на все усилия мистера Карнеги и других филантропов, у нас все еще есть несколько десятков тысяч учителей, хороших, опытных, энергичных учителей, которые работают изо дня в день, не имея иных доходов, кроме скромного жалования. Так они вынуждены будут работать до восьмидесяти пяти лет (если доживут), и только тогда им дадут пособие по старости. Но мистер Спагг не соглашается жертвовать на учителей: эти люди, говорит он, - национальные герои. Они черпают себе награду в своем труде.

Мистер Спагг - человек одинокий, и как бы там ни было, при всей глубине его переживаний, в них есть все-таки что-то эгоистическое. В богатых домах вернее сказать, в особняках - вот где льются невидимые миру слезы, о которых ничего не знают, да и не могут знать счастливые бедняки.

Совсем недавно я был свидетелем трагедии, разыгравшейся в доме Эшкрофт-Фаулеров. Они пригласили меня к обеду. Когда мы садились за стол, миссис Эшкрофт-Фаулер чуть слышно спросила мужа:

- Что, Медоуз уже говорил с тобой?

Мистер Фаулер покачал головой с печальным видом.

- Нет еще, - ответил он, вздыхая.

И супруги переглянулись, словно ища друг у друга сочувствия и помощи, как люди, привыкшие вместе сносить удары судьбы.

Эшкрофты - мои старые друзья, и сердце мое тревожно сжалось. За обедом, наблюдая, как Медоуз - их дворецкий - наполняет бокалы вином, я не мог избавиться от тягостного чувства, что над моими друзьями нависла беда.

Обед кончился, миссис Эшкрофт-Фаулер удалилась в гостиную, оставив нас с Фаулером допивать портвейн. Я придвинул свой стул ближе к Фаулеру.

- Дорогой мой, - начал я, - мы с вами старые друзья, и, надеюсь, вы извините мою нескромность. Мне показалось, что вы и ваша жена чем-то озабочены.

- Да, - сказал он печальным, тихим голосом. - Вы угадали.

- Простите меня, - продолжал я. - Может быть, вы расскажете мне о своем горе: когда поделишься с другом, на душе становится как-то легче. У вас неприятности из-за Медоуза?

Наступило молчание. Я догадывался, о чем пойдет речь, и ждал, когда он заговорит.

- Медоуз уходит от нас, - промолвил он наконец, собрав все свои силы, чтобы произнести эти роковые слова как можно спокойнее.

- Друг мой! - воскликнул я, беря его руку в свои.

- Вы понимаете, как нам тяжело. Прошлой зимой ушел Франклин. И, поверьте, без всякого повода с нашей стороны: мы делали все, что могли. Теперь Медоуз.

В голосе Фаулера слышались слезы.

- Он еще не заявил о своем уходе, - продолжал мой бедный друг, - но мы знаем: он не останется. На это нет никакой надежды.

- В чем же дело? - спросил я.

- Никаких конкретных жалоб у него нет. Просто ему у нас не нравится. Мы ему не подходим.

Фаулер закрыл лицо рукой. Наступило молчание.

Подождав немного, я тихо вышел из столовой и покинул дом, не поднимаясь в гостиную. Несколько дней спустя я узнал, что Медоуз действительно ушел от них. Эшкрофт-Фаулеры просто в отчаянии. Говорят, они решили снять в Гранд-отеле небольшой номер в десять комнат с четырьмя ванными, чтобы хоть как-нибудь дотянуть эту зиму.

Не стоит, однако, сгущать краски и представлять дело так, будто богатые вовсе не знают мгновений истинного безоблачного счастья. По моим наблюдениям, оно приходит к ним именно тогда, когда им удастся разориться полностью и окончательно разориться. Можно потерять деньги, играя на бирже или пользуясь услугами банка, или любым другим

способом. Техническая сторона вопроса чрезвычайно проста.

Когда богатый человек разоряется, он, насколько я могу судить, чувствует себя превосходно и может делать все, что ему вздумается. В подтверждение правильности моего суждения приведу кое-какие факты из моих недавних наблюдений.

На днях мы с приятелем шли по улице; мимо нас промчалась роскошная машина, в которой сидел элегантный молодой человек, весело болтавший с красивой женщиной. Мой приятель дружески раскланялся с прелестной парой и, сняв шляпу, игриво помахал ею в воздухе, словно желая счастья и удачи.

- Бедняга Оверджой, - сказал он, когда машина скрылась из виду.

- А что такое? - полюбопытствовал я.

- Как? Вы не знаете? - удивился мой приятель. - Он же разорился. Начисто. Потерял все до единого цента.

- Боже мой! - воскликнул я. - Как это печально! Теперь ему придется продать этот красивый лимузин.

- Не думаю, - сказал мой приятель, покачав головой. - Вряд ли он это сделает: его жена наверняка не захочет расстаться с машиной.

Мой знакомый оказался прав. Оверджой не стали продавать машину, так же как они не сочли нужным продать свой великолепный особняк. Надо думать, им было жаль расстаться с ним. Кто-то высказал предположение, что они, наверное, откажутся от ложи в опере. Ничего подобного. Они слишком любят музыку. При всем том в городе уже нет человека, который бы не знал, что Оверджой начисто разорен. У него и в самом деле нет за душой ни цента. Десять долларов - вот теперь его красная цена. Однако я по-прежнему вижу на нем подбитую котиком шубу, которая стоит никак не меньше пятисот долларов.

ЮМОР, КАК Я ЕГО ПОНИМАЮ

По-моему, это только справедливо, если в конце сборника мне предоставят несколько страниц, где бы я мог с полной откровенностью высказать то, что думаю.

Еще две недели назад я взялся бы за перо, чтобы написать о юморе с уверенностью всеми признанного авторитета.

Но увы! Это золотое время прошло. У меня уже не та репутация. По совести говоря, я полностью разоблачен. Некий английский рецензент, помещающий свои статьи в весьма солидном журнале, одного названия которого вполне достаточно, чтобы снять любые возражения, написал обо мне примерно следующее: "Что такое, в конце концов, юмор профессора Ликока, как не ловко составленная смесь гиперболы и литотеса?"

Он совершенно прав. Не понимаю только, как ему удалось разнюхать мои производственные секреты. Но, поскольку тайна уже раскрыта, я охотно признаю, что он действительно докопался до истины: изготавливая что-нибудь юмористическое, я, как правило, спускаюсь к себе в погреб и смешиваю полгаллона литотеса с пинтой гиперболы. Если по ходу дела желательно придать моему новому произведению беллетристическое звучание, я обычно прибавляю еще полпинты катарсиса. Как видите, нет ничего проще.

Все это я говорю только для того, чтобы предпослать моей статье своего рода введение, к тому же мне хотелось бы развеять даже самую мысль о том, будто я настолько самоуверен, что берусь писать о юморе с таким же профессиональным апломбом, с каким Элла Уилер Уилкоккс* пишет о любви, а Ева Тэнгвей** рассуждает о балете. Единственное, на чем я позволяю себе настаивать, - это то, что я обладаю не меньшим чувством юмора, чем другие люди. Впрочем, как это ни странно, я еще не встречал человека, который не думал бы о себе того же. Каждый признает, когда этого нельзя избежать, что у него плохое зрение или что он не умеет плавать и плохо стреляет из ружья. Но избави вас бог усомниться в наличии у кого-нибудь из ваших знакомых чувства юмора, - вы нанесете этому человеку смертельное оскорбление.

---

* Элла Уилер Уилкоккс - американская журналистка и поэтесса, писавшая в основном о любви.

** Ева Тэнгвей - американская актриса и певица канадского происхождения.

- Что вы! - сказал мне на днях один мой приятель. - Я никогда не хожу в оперу. - И с гордым видом добавил: - У меня совершенно нет слуха.

- Не может быть! - воскликнул я.

- Клянусь вам! Я не в состоянии отличить один мотив от другого. "Родина, милая родина" или "Боже, храни короля" - мне все едино. Я не разбираю - когда еще только настраивают скрипки, а когда уже играют сонату.

Его прямо-таки распирало от гордости, и он приводил все новые и новые факты, словно хвастаясь своим недостатком. В заключение он сказал, что его собака куда музыкальнее его самого: стоит его жене или кому-нибудь из гостей сесть за рояль, как чуткое животное начинает выть, да еще так жалобно, словно от боли. У него лично никогда не возникало такого желания.

И тут я позволил себе вставить, как мне казалось, совершенно безобидное замечание.

- С юмором у вас, должно быть, тоже неважно, - сказал я. - Ведь тот, кто лишен слуха, как правило, лишен и чувства юмора.

Мой приятель побагровел от гнева.

- Чувства юмора! - крикнул он. - Это я-то лишен чувства юмора! Я! Да если хотите знать, юмора у меня хоть отбавляй! У меня его хватит на двоих таких, как вы.

И он накинулся на меня, утверждая, что если у меня когда-нибудь и было чувство юмора, то теперь оно явно исчезло.

Он ушел, весь дрожа от негодования.

Все же лично я не боюсь признаться - пусть даже себе во вред, - что некоторые, с позволения сказать, формы юмора или, вернее, забавы совершенно недоступны моему пониманию и среди них в первую очередь то, что англичане называют практической шуткой.

- Вы, кажется, не были знакомы с Мак-Гэном? - спросил меня на днях один приятель, и когда я подтвердил, что действительно никогда не знал Мак-Гэна, вздохнул и сочувственно покачал головой.

- Жаль, жаль, - сказал он. - Вот у кого была бездна юмора! Неистощимый запас шуток. Помню, мы вместе жили в пансионе, и однажды вечером он натянул поперек коридора веревку и ударил в обеденный гонг. Жильцы стали спускаться в столовую, и один старик второпях сломал себе ногу. Мы чуть не умерли со смеху.

- Бог мой! - воскликнул я. - Ну и шутник! И часто он так забавлялся?

- С утра до вечера. Только этим и был занят. То положит дегтю в томатный суп, то натрет сиденья воском или воткнет в них булавки. Он был просто начинен блестящими идеями; они приходили ему в голову без всяких усилий, сами собой.

Мак-Гэн, насколько я понимаю, умер, но я не собираюсь жалеть о нем. Право, мне кажется, для большинства из нас давно уже прошло то время, когда считалось забавным воткнуть булавку в сиденье стула, или набить подушку колочками, или положить в ботинок соседа живого ужа.

Мне всегда казалось, что настоящий юмор, по самой сути своей, не должен быть злым и жестоким. Я вполне допускаю, что в каждом из нас сидит этакое первобытное дьявольское злорадство, которое нет-нет да и вылезет наружу, когда с кем-нибудь из наших ближних стряется беда, - чувство, столь же неотделимое от человеческой природы, как первородный грех. Что ж тут смешного, скажите на милость, если прохожий - в особенности какой-нибудь важный толстяк - вдруг поскользнется на банановой кожуре и грохнется оземь? А нам смешно. Конькобежец чертит по льду замысловатые круги, хвастаясь своим искусством перед зеваками, вдруг лед трещит и бедняга проваливается в воду, - все весело хохочут. Вероятно, далекому нашему прародителю такое происшествие только тогда показалось бы смешным, если бы толстяк сломал себе шею, а конькобежец ушел бы под лед навеки. Могу себе представить - вокруг зияющей дыры, поглотившей конькобежца, стоит орава троглодитов и, что называется, лопаются от смеха. Если бы в те времена издавали газеты, этот случай появился бы в печати под броским заголовком: "Презабавное происшествие."

Неизвестный провалился под лед и утонул".

В условиях цивилизации наше чувство юмора несколько притупилось. Смешная сторона подобного рода происшествий теперь уже как-то не доходит до нас.

Правда, дети в значительной мере еще сохранили первобытную способность наслаждаться жизнью.

Помню, однажды мне пришлось наблюдать такую сценку. Два мальчика делали снежки и складывали их в кучу. В это время мимо шел какой-то пожилой господин, по всем признакам явно из породы "жизнерадостных старичков".

При виде мальчиков он заулыбался так, что даже его золотые очки засияли от удовольствия, и, махнув рукой, крикнул:

- А ну-ка, ребята! Пали! Огонь по мне!

Развеселившись, он не заметил, как сошел с тротуара и очутился на мостовой, где его сбил с ног мчавшийся во весь опор экипаж. Старик упал в сугроб. Он лежал, тяжело дыша, и, не в силах подняться, тщетно пытался очистить лицо и очки от снега. И тут милые мальчики, захватив побольше снежков, ринулись в атаку.

- Огонь! - кричали они. - Бей в него! Бей!

Однако, повторяю, так же, как и большинство людей, я считаю, что юмор прежде всего должен быть беззлобным и не жестоким; кроме того, в нем не должно присутствовать ничего такого, что даже случайно могло бы вызвать в воображении картины горя, страдания или смерти. Шотландский юмор (который в целом я высоко ценю), на мой, нешотландский, вкус, весьма грешит в этом отношении. Возьмем хотя бы такой широко известный анекдот - привожу его здесь не за какие-то особые достоинства, а только как образчик подобного юмора.

Некий шотландец не ладил с молодой свояченицей и никуда не хотел ходить с ней, сколько жена ни просила его об этом. И вот, случилось так, что жена этого шотландца тяжело заболела.

- Джон, - прошептала она слабым голосом, - за моим гробом ты пойдешь рядом с Дженет. Прошу тебя об этом.

Сделав над собой усилие, шотландец ответил:

- Хорошо, Маргарет. Для тебя я готов на все. Но имей в виду, этот день будет для меня окончательно испорчен.

Если тут и есть какой-нибудь юмор, для меня он теряется: все смешное заслоняет реальная, живая картина, которую эта сцена вызывает в воображении - погруженная во мрак комната, умирающая женщина и ее предсмертный шепот...

У шотландцев, несомненно, особый взгляд на мир. Этот удивительный народ - которым я не перестаю восхищаться - испокон веков предпочитал дневному свету тьму, бестрепетно ждал дня Страшного суда и не терял своей мрачной веселости даже перед лицом смерти. Из всех наций только шотландцы не побоялись превратить дьявола - под разными прозвищами, вроде Старина Ник - в доброго знакомого, не лишеного своеобразного обаяния. Несомненно, в их юморе есть что-то от примитивного мироощущения наших диких предков. Для первобытных людей, достаточно часто видевших смерть собственными глазами, для которых загробный мир был как бы живой реальностью, осязаемой во тьме ночного леса или в реве бури, для них - наших далеких предков - не было ничего естественнее, как попытаться взять страх в полон, завязав веселое, бесшабашное знакомство с пугающими их силами неведомого. Шотландский обычай бдения и веселой церемонии у тела усопшего возвращает нас к младенческой поре человечества, когда бедный дикарь, ошеломленный свалившимся на него несчастьем, пытался делать вид, будто умерший продолжает жить. Наши похороны с их обязательным трауром и тщательно разработанным ритуалом прямо происходят от веселых пирушек прошлого, а наш гробовщик - не что иное, как потомок веселого церемониймейстера, распорядившегося похоронными плясками. Со временем похоронные церемонии и траурные одежды видоизменялись, и нарочитое веселье уступило место черному катафалку и мрачным плакальщикам, шагающим за гробом, которые и призваны

олицетворять холодное достоинство нашей скорби.

Однако я должен принести свои извинения читателю: моя статья становится, кажется, слишком серьезной.

Перед тем как отвлечься от основной темы, я как раз собирался сказать несколько слов еще об одной форме юмора, которую я также не способен оценить. Речь пойдет об особом виде рассказах, которые *par excellence** можно назвать английскими анекдотами. Они обычно повествуют о знатных особах, но, насколько могу судить, несмотря на возвышенный характер предмета, абсолютно лишены всякой соли.

---

* По преимуществу (франц.).

Разрешите привести пример.

Его светлость четвертый герцог Марлборо славился щедрым гостеприимством, и при жизни радушного хозяина двери Бленхейма, его родового поместья, всегда были широко открыты для всех друзей и знакомых. Однажды, явившись к завтраку, герцог обнаружил в столовой тридцать гостей, тогда как на столе умещалось лишь двадцать приборов.

- Пустяки, - произнес герцог, нимало не смутившись случившимся. - Одни будут есть сидя, другие - стоя.

Раздался оглушительный взрыв смеха.

Удивительно, как это от грохота не рухнули стены. Просто взрыва смеха, по-моему, явно недостаточно, чтобы воздать должное столь замечательной шутке.

На протяжении трех поколений неизменным героем подобного рода остроумия был герцог Веллингтон.

Рассказ о герцоге Веллингтоне, со временем доведенный до голой схемы, как правило, звучит примерно так.

Однажды молодой субалтерн-офицер встретил герцога Веллингтона, когда тот выходил из Уэстминстерского аббатства.

- Какое дождливое утро, - развязно сказал молодой офицер, поздоровавшись с его светлостью.

- Дождливое, - сухо ответил герцог. - Но в то утро, под Ватерлоо, дождь лил еще сильнее, черт возьми.

Поняв, что получил по заслугам, молодой офицер смутился и потупил глаза.

Невольно сам собой напрашивается вывод - если вы хотите позабавить слушателей смешной историей, нужно уметь ее рассказывать. Между тем только очень немногие отдают себе отчет, как невообразимо трудно рассказать забавную историю так, чтобы она прозвучала действительно смешно: "подать" ее, как говорят актеры. Ведь то, что говорится в такой истории, очень редко делает ее смешной. Тут нужно найти подходящие слова и каждому слову - свое место. Правда, иногда - может быть, один раз на сто - попадется история, которая не требует от исполнителя специального умения рассказывать. Внезапный поворот фабулы или неожиданная, и притом нелепая, развязка делают ее настолько смешной, что даже самый неумелый любитель не способен ее скомкать и испортить.

Возьмите, например, такой известный случай, рассказ о котором в том или ином виде довелось слышать каждому.

Однажды знаменитый комик Джордж Гроссмит почувствовал сильное переутомление и отправился к врачу. Врач, который, как и все, неоднократно видел Гроссмита на сцене, ни разу не встречал его без грима, а потому, конечно, не узнал его. Внимательно осмотрев больного, взглянув на его язык, пощупав пульс и выслушав его, врач покачал головой и сказал:

- Ничего страшного, сэр. Вы просто переутомились от чрезмерной работы и нервного напряжения. Освободите-ка себе вечерок и сходите в "Савой" посмотреть на Джорджа Гроссмита.

- Благодарю вас, - сказал больной, - Джордж Гроссмит - это я.

Прошу читателя заметить, что я намеренно рассказал этот случай очень плохо,

безобразно плохо, и все же от него еще что-то осталось. Не согласится ли любезный читатель вернуться к началу этой истории и немного подумать, как следовало бы ее "подать" и какая явная ошибка была допущена мною в самом начале. Если у вас есть хоть капля таланта рассказчика, вы тотчас поймете, в чем дело, и начнете эту историю так.

Однажды утром в приемную модного врача вошел какой-то изможденный человек; глаза его блуждали, руки тряслись и т.д.

Иными словами, весь смысл шутки в том и состоит, чтобы скрыть имя больного, пока тот не скажет: "Благодарю вас, Джордж Гроссмит - это я". Но история эта сама по себе настолько хороша, что ее невозможно испортить даже плохим рассказом, и в различных вариантах этот анекдот рассказывают и перерассказывают о Джордже Гроссмите, Коклене, Джо Джефферсоне, Джоне Хэре, Сирил Мод и еще о шестидесяти других знаменитостях. Я даже заметил, что есть определенный тип людей, которые, выслушав эту историю о Гроссмите и нахохотавшись вволю, тут же начинают рассказывать ее вновь, но только с другим героем, и при этом так надрываются от смеха, будто рассказывают нечто совершенно оригинальное.

Однако, повторяю, лишь немногие понимают, как трудно добиться в рассказе истинно комического эффекта.

- Вчера я смотрел Гарри Лодера, - сообщил мне на днях Григс, мой знакомый по бирже, когда мы возвращались домой. - Выходит он на сцену в шотландской юбочке (Григс хихикнул), с грифельной доской под мышкой (Григс весело рассмеялся) и говорит: "Хорошо носить с собой грифельную доску", все это, конечно, по-шотландски, но у меня не получится так здорово, как у него. "Хорошо, значит, носить с собой грифельную доску - а вдруг понадобится записать какие-нибудь цифры". (При этих словах Григс уже захлебывался от смеха.) Потом вынимает из кармана кусочек мела и говорит (у Григса началась истерика): "Хорошо носить с собой и малюсенький кусочек мела: без мела, знаете (от смеха Григс едва держался на ногах), и доска вроде ни к чему".

Григс схватился рукой за бок и остановился. Ему пришлось прислониться к фонарному столбу.

- Ну, конечно, у меня не выйдет с таким шотландским акцентом, как у Лодера.

Истинно так. У него не получался шотландский акцент и не было глубокого, звучного голоса мистера Лодера, и светящегося весельем лица, и сверкающих от смеха очков, и он не сумел бы обыграть грифельную доску и произнести как надо излюбленное шотландцами "малюсенький", - он ничего этого не умел, ему бы просто сказать - "Гарри Лодер", прислониться к фонарному столбу и хохотать, пока хватит сил.

Все же, несмотря ни на что, есть люди, которые упорно мешают хорошей беседе, досаждая слушателям своими историями. Что может быть ужаснее, чем присутствие за столом одного такого рассказчика-дилетанта? Ну, а если их, упаси господи, двое? Осчастливив общество несколькими историйками, наши доморожденные таланты скромно умолкают, и тут за столом воцаряется неловкая пауза: каждый выжидающе смотрит на соседа, силясь вспомнить подходящий к случаю анекдот. Всем как-то не по себе, пока наконец кто-нибудь из присутствующих - какой-нибудь солидный господин - с серьезным видом не нарушает тягостного молчания.

- Говорите что хотите, - обращается он к соседу, - нравится нам это или нет, а сухого закона нам не миновать.

Проносится вздох облегчения, и все снова чувствуют себя счастливыми и довольными. Но, увы, ненадолго: один из рыцарей рассказа уже "вспомнил интересный случай" и рвется в бой.

Но самое ужасное зло - это рассказчик скромный, рассказчик, которого неотступно терзает опасение, а не слышали ли вы уже того, что он собирается вам преподнести. Он приступает к вам примерно так:

- Знаете, недавно, когда я плыл на Бермуды, мне рассказали презабавную историю... (Пауза, лицо нашего скромника застилает тень сомнения.) Но вы, наверное, ее уже слышали?

- Нет, что вы. Я никогда не бывал на Бермудах. Прошу вас.

- Так вот, мне рассказали, как один человек прибыл на Бермуды лечиться от ревматизма... Но вы, наверное, уже догадываетесь, о чем я?..

- Да нет же, уверяю вас.

- Так вот, он очень страдал от ревматизма и отправился на Бермуды в надежде излечиться. Прибывает он в гостиницу и обращается к портье... Может быть, вы все-таки знаете?..

- Право же, нет. Продолжайте, продолжайте.

- Так вот, обращается он к портье и говорит: "Мне, мол, нужна комната с видом на море"... Но вы, наверное, уже...

Самое разумное, что вы можете сделать, - это прервать рассказчика в этом самом месте и сказать спокойно и твердо:

- Да, я знаю эту историю. Она мне всегда нравилась. Я люблю ее еще с тех пор, как она впервые появилась на страницах "Титбитса" в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, и каждый раз, когда она попадается мне вновь, я пользуюсь случаем перечитать ее. Прошу вас, продолжайте! Я усядусь поудобнее, закрою глаза и с удовольствием послушаю эту историю еще раз.

Несомненно, обычай развлекать общество анекдотами и смешными историями укоренился, между прочим, еще и потому, что большинство людей, не отдавая себе в этом отчета, ставят юмор очень низко. Иными словами, широкая публика не имеет правильного представления о том, как трудно "делать юмор". Им и в голову не приходит, что это не только трудное, но и достойное занятие. Видя готовый результат - легкую и веселую шутку, они, естественно, считают, что и сочинять ее также легко и весело. Только немногие понимают, что какой-нибудь забавный стишок Оуэна Симена, появившийся в "Панче", потребовал куда больше труда и усилий, чем проповедь архиепископа Кентерберийского, что "Гекльберри Финн" Марка Твена значительнее "Критики чистого разума" Канта, а мистер Пиквик, вышедший из-под пера Чарльза Диккенса, сделал для возвышения человека больше, чем "Веди нас, благой свет, сквозь пелену мрака" кардинала Ньюмена. Говорю это совершенно серьезно. Ньюмен только взывал во мраке о свете, Диккенс же зажег его.

Однако глубокая основа того, что принято называть юмором, видна только тем немногим, кто сознательно или случайно задумывался над его природой. Юмор народов мира, в его лучших образцах, - величайшее создание цивилизации. Речь идет не о пароксизмах смеха, вызываемых кривлянием обсыпанного мукой или измазанного сажей клоуна, подвизающегося на подмостках убогого варьете, а о подлинно великом юморе, освещающем и возвышающем нашу литературу в лучшем случае раз или, много, два в столетие. Этот юмор создается не пустыми шутками и дешевой игрой слов, ему чужды нелепые, бессмысленные сюжетные трюки, долженствующие вызвать смех; он исходит из глубоких контрастов самой жизни: мечты не соответствуют действительности; то, что так живо и страстно волнует нас сегодня, завтра оказывается ничтожным пустяком; самая жгучая боль, самое глубокое горе утихают с течением времени, и потом, оглянувшись на пройденный путь, мы мысленно возвращаемся к прошлому, как старики, что вспоминают яростные ссоры детства, мешая слезы с улыбкой. И тогда смешное (в его широком смысле) сливается с патетическим, образуя то вечное и неразрывное единство слез и смеха, которое и есть наш удел в земной юдоли.

ИЗ СБОРНИКА

"БРЕД БЕЗУМЦА"

(1918)

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДАЧНОГО ГОСТЯ

Начиная этот рассказ, я прежде всего должен признать, что во всем виноват я сам. Мне не следовало приезжать. Я прекрасно знал это. Я знал это еще много лет назад. Я знал, что ездить по гостям - чистейшее безумие.

Однако в минуту внезапного умопомрачения я попался в ловушку - и вот я здесь.

Никакой надежды, никакого выхода до первого сентября, то есть до конца моего отпуска. Итак: либо продолжать влачить это жалкое существование, либо умереть. Будь что будет - теперь мне уже все равно.

Я пишу эти строки в таком месте, где меня не может видеть ни одно человеческое существо, - у пруда (они называют его озером), которым заканчиваются владения Беверли-Джонса. Сейчас шесть часов утра. Все спят. Еще час или около того здесь будет царить тишина. Но очень скоро мисс Ларкспур, жизнерадостная молодая англичанка, приехавшая на прошлой неделе, распахнет свое окошко и завопит на всю лужайку:

- Слушайте! Слушайте все! Какое божественное утро!

И юный Поплтон тут же отзовется фальцетом из какой-нибудь аллеи сада. И Беверли-Джонс появится на веранде с двумя большущими полотенцами вокруг шеи и закричит во все горло:

- Кто идет купаться?

И вот, ежедневные развлечения и увеселения - да поможет мне бог! начнутся снова.

Сейчас всей компанией они явятся к завтраку: мужчины - в ярких спортивных куртках, женщины - в экстравагантных блузках, и, неестественно хохоча, с притворной жадностью набросятся на еду. Подумать только, что, вместо всего этого, я мог бы завтракать у себя в клубе с утренней газетой, прислоненной к кофейнику, в тихой комнате, окутанной спокойствием большого города!

Повторяю, я сам виноват в том, что очутился здесь.

В продолжение многих лет я придерживался правила не ездить в гости. Я давно уже убедился, что такие поездки приносят несчастье. Когда я получал открытку или телеграмму, в которой говорилось: "Не хотите ли Вы подняться на Адирондакские горы и провести с нами субботу и воскресенье?", - я отвечал: "Нет, разве только Адирондакские горы соизволят сами спуститься ко мне". Или что-нибудь в этом роде. Если какой-нибудь владелец загородного дома писал мне: "Наш слуга встретит Вас с коляской и привезет к нам в любой назначенный Вами день", - я, по крайней мере, мысленно отвечал: "Нет, не привезет, разве что ваша коляска превратится в капкан для медведей или диких коз". Если какая-нибудь светская дама из числа моих знакомых писала мне на том нелепом жаргоне, который у них в моде: "Не подарите ли Вы нам частичку июля - с половины четвертого двенадцатого до четырех четырнадцатого?", - я отвечал: "Сударыня, берите весь месяц, берите весь год, но меня оставьте в покое".

Таков, во всяком случае, был смысл моих ответов на приглашения. Практически же я ограничивался тем, что посылал телеграмму следующего содержания: "Завален работой, вырваться невозможно", - после чего не спеша отправлялся обратно в читальный зал своего клуба и снова мирно засыпал.

Да, приезд сюда был моей и только моей ошибкой. Я совершил ее в одну из тех злосчастных минут, какие случаются, я думаю, со всеми людьми, - минут, когда человек вдруг кажется совсем не таким, каков он на самом деле, когда он начинает чувствовать себя таким чудесным малым, общительным, веселым, добродушным, и когда все окружающие представляются ему такими же. Подобные настроения знакомы каждому из нас. Одни говорят, что таким образом утверждает себя наше высшее я. Другие - что тут действуют винные пары. Впрочем, это неважно. Так или иначе, в таком приблизительно настроении я был, когда встретился с Беверли-Джонсом и когда он пригласил меня сюда.

Это произошло в клубе. Насколько я помню, мы сидели и пили коктейли, и я думал о том, какой занятый, остроумный парень этот Беверли-Джонс и как сильно я ошибался в нем до сих пор. Что до меня, то, должен признаться, после двух коктейлей я становлюсь совершенно другим человеком - живым, остроумным, доброжелательным, находчивым, общительным. И, если хотите, даже великодушным. Кажется, я рассказывал ему какие-то анекдоты, и рассказывал с той неподражаемой легкостью, какая появляется только после двух коктейлей. В сущности говоря, я знаю всего четыре анекдота, да еще пятый, который мне так и не удалось запомнить целиком, но когда я воодушевляюсь, то мне и самому

начинает казаться, будто у меня их неисчерпаемый запас.

При таких-то вот обстоятельствах мы сидели с Беверли-Джонсом. И именно тогда, пожимая мне на прощание руку, он сказал:

- Мне очень хочется, старина, чтобы ты приехал к нам на дачу и подарил нам весь август.

А я ответил, в свою очередь горячо пожимая ему руку:

- Знаешь, дружище, я просто мечтаю об этом!

- Ну, тогда решено! - сказал он. - Ты должен приехать на август и поднять на ноги весь дом!

Поднять на ноги весь дом! Боже праведный! Это я-то должен был поднять на ноги весь дом!

Часом позже я уже раскаивался в сделанной глупости и, вспоминая об этих несчастных двух коктейлях, от души желал, чтобы сухой закон был принят как можно скорее и чтобы мы сделались сухими-сухими, даже пересохшими, сдержанными и молчаливыми.

Потом у меня появилась надежда на то, что Беверли-Джонс забудет о нашем разговоре. Как бы не так! Когда подошло время, я получил письмо от его жены. Они с нетерпением ждут моего приезда, писала она. Она предчувствует - тут она повторила зловещую фразу своего мужа, - что я подниму на ноги весь дом!

За кого же они принимали меня, черт возьми! За будильник, что ли?

Зато теперь-то они поумнели. Только вчера, под вечер, Беверли-Джонс нашел меня здесь, у самого пруда, где я стоял в мрачной тени кедров, и повел к дому так бережно, что мне стало ясно: он подумал, что я хочу утопиться. И он не ошибся.

Я бы перенес это легче (я имею в виду мой злосчастный приезд сюда), если бы они не притазились встречать меня на станцию всей оравой в одной из тех длинных колымаг, где сиденья устроены по бокам. Какие-то идиотского вида молодые люди в ярких спортивных куртках и девицы без шляп, причем все они хором выкрикивали слова приветствия.

"У нас собралась совсем маленькая компания", - писала мне миссис Беверли-Джонс. Маленькая! Боже милостивый! Хотел бы я знать, что же тогда называется большой компанией! К тому же, эти молодые люди и девицы, приехавшие на станцию, составляли, оказывается, только половину всей банды. Когда мы подъехали к дому, на веранде стояло еще столько же; выстроившись в ряд, они по-дурацки махали нам теннисными ракетками и клюшками для гольфа.

Ничего себе, маленькая компания! Даже и сейчас - а сегодня пошел седьмой день моего пребывания здесь - я все еще не могу запомнить имена всех этих идиотов. Тот болван с пушком на верхней губе, - как его зовут? А этот осел, который приготавливал салат на вчерашнем пикнике, - кто он? Брат той женщины с гитарой? Или нет?

Да, так я хотел сказать, что такие вот шумные встречи сразу, с первой минуты, портят мне настроение. Кучка незнакомых людей, которые хохочут и перекидываются какими-то словечками и шутками, понятными только им самим, всегда вызывает во мне чувство глубочайшей тоски. Я думал, что, говоря о маленькой компании, миссис Беверли-Джонс имела в виду действительно маленькую компанию. Прочитав ее письмо, я сразу представил себе, как несколько унылых субъектов спокойно и радушно приветствуют меня, а я - тоже спокойный, но бодрый и жизнерадостный - без особых усилий поднимаю их дух одним только своим присутствием.

Не знаю почему, но я с самого начала почувствовал, что Беверли-Джонс разочаровался во мне. Правда, он ничего не сказал. Но я понял это. В первое же утро, еще до обеда, он повел меня осматривать свои владения. Жаль, что я заблаговременно не разузнал, что именно должен говорить гость, когда хозяин показывает ему свой участок. До сих пор мне и в голову не приходило, каким жалким невеждой я был в этих вопросах. Я отлично выхожу из положения, когда мне показывают сталелитейный завод, фабрику содовой воды или еще что-нибудь в таком же роде, действительно достойное удивления. Но когда мне показывают дом, землю и деревья, то есть то, что я постоянно, всю свою жизнь, вижу вокруг себя, я

совершенно теряю дар речи.

- Вот эти большие ворота, - сказал Беверли-Джонс, - мы поставили только в нынешнем году.

- Ах, так! - ответил я.

И все. Почему было им не поставить ворота в нынешнем году? Право же, меня ничуть не интересовало, когда они поставили их - в нынешнем году или тысячу лет назад.

- У нас было целое сражение, - продолжал он, - пока мы наконец не остановились на песчанике.

- Неужели? - сказал я. Что еще тут можно было сказать? Я не знал, какое сражение имелось в виду, не знал и того, кто с кем сражался. А кроме того, для меня и песчаник, и мыльный камень, и любой другой камень ничем не отличаются один от другого.

- Вот этот газон, - сказал Беверли-Джонс, - мы разбили в первый же год нашего пребывания здесь.

Я ничего не ответил. Когда он говорил, то смотрел мне прямо в глаза, и я тоже прямо смотрел на него, но у меня не было причин оспаривать его утверждение.

- Вот эти кусты герани, вдоль ограды, - продолжал он, - являются своего рода экспериментом. Они вывезены из Голландии.

Я пристально рассматривал кусты герани, но продолжал молчать. Из Голландии? Ну и прекрасно! Почему бы нет? Эксперимент? Отлично. Пусть будет эксперимент. У меня нет никаких особых соображений по поводу голландского эксперимента.

Я заметил, что по мере того как Беверли-Джонс показывал мне сад, он становился все мрачнее и мрачнее. Мне было жаль его, но я ничем не мог ему помочь. В моем образовании явно имелись серьезные пробелы. По-видимому, умение осматривать то, что вам показывают, и делать уместные замечания - это какое-то особое искусство. Я им не владею. И теперь, глядя на пруд, я думаю, что мне уже, пожалуй, никогда не удастся овладеть им.

А между тем каким простым кажется все это в устах другого! Разницу я увидел очень скоро, на следующий же день - на второй день моего пребывания здесь, когда Беверли-Джонс повел по саду юного Поплтона - того самого молодого человека, о котором я уже упоминал и который вот-вот запоет фальцетом где-нибудь в гуще лавровых деревьев, возвещая, что дневные забавы начались.

Поплтона я немного знал и раньше. Я встречал его иногда в клубе. Там он всегда производил на меня впечатление круглого идиота: шумный, болтливый, он вечно нарушал клубные правила, предписывающие соблюдение тишины. Однако я вынужден признать, что этот субъект в своем летнем фланелевом костюме и соломенной шляпе умеет делать то, чего я делать не умею.

- Вот эти большие ворота, - начал Беверли-Джонс, обходя с Поплтоном свои владения, меж тем как я плелся сбоку, - мы поставили только в этом году.

Поплтон, у которого тоже есть дача, бросил на ворота весьма критический взгляд.

- Знаете, как поступил бы я, если б эти ворота принадлежали мне? спросил он.

- Нет, - сказал Беверли-Джонс.

- Я бы расширил проезд на два фута. Ворота слишком узки, дружище, слишком узки.

И Поплтон горестно покачал головой, глядя на ворота.

- У нас было целое сражение, - сказал Беверли-Джонс, - пока мы наконец не остановились на песчанике.

Я обнаружил, что с кем бы Беверли-Джонс ни разговаривал, метод вести беседу был у него всегда один и тот же. Меня это возмутило. Не удивительно, что все давалось ему так легко.

- Большая ошибка, - возразил Поплтон. - Песчаник недостаточно прочен. Посмотрите. - Он поднял большой камень и начал колотить им по ограде. - Вы только взгляните, как легко отскакивает ваш песчаник! Да ведь он просто крошится. Ну вот, пожалуйста, отлетел целый угол!

Беверли-Джонс не выдвинул никаких возражений. Я начал постигать, что между

людьми, у которых есть собственные дачи, существует какое-то особое взаимопонимание, нечто подобное тому, что связывает между собой членов масонской ложи. Один показывает свои владения, другой поносит их и разрушает. И все сразу становится на свое место.

Беверли-Джонс показал пальцем на газон.

- Этот дерн никуда не годится, старина, - сказал Поплтон. - Он слишком мягок. Посмотрите, мой каблук сразу продырявливает его. Вот дыра! И вот! И вот! Будь у меня башмаки покрепче, я бы распотрошил весь ваш газон.

- Вот эти кусты герани, вдоль ограды, - сказал Беверли-Джонс, - своего рода эксперимент. Они вывезены из Голландии.

- Но, дорогой мой, - возразил Поплтон, - ведь вы посадили их совершенно неправильно. Они должны иметь наклон от солнца, но никак не к солнцу. Погодите... - Тут он поднял заступ, оставленный садовником. - Сейчас я выкопаю несколько штук. Посмотрите, как легко они поддаются. Ой, этот куст сломался. Вечно они ломаются. Ну, ладно, я не стану с ними возиться, но когда ваш садовник будет снова сажать их, не забудьте ему сказать, чтобы он придал им наклон в сторону от солнца. В этом все дело.

Затем Беверли-Джонс показал Поплтону свой новый шлюпочный сарай, и Поплтон пробил молотком дыру в стене, чтобы доказать, что обшивка чересчур тонка.

- Если бы это был мой сарай, - сказал он, - я отодрал бы все доски до единой и заменил их гонтом и штукатуркой.

Как я заметил, прием Поплтона состоял в том, что сначала он мысленно присваивал себе все вещи Беверли-Джонса, а потом портил их, после чего, уже испорченными, возвращал Беверли-Джонсу. И, кажется, это нравилось им обоим. Видимо, в этом-то и состоит настоящий способ развлекать гостей и развлекаться самому. Побеседовав примерно с час в таком же духе, Беверли-Джонс и Поплтон расстались, весьма довольные друг другом.

Однако, когда этот же прием решил испробовать я, ничего хорошего у меня не получилось.

- Знаете, что я сделал бы с этой кедровой беседкой, будь она моей? спросил я на следующий день у моего хозяина.

- Нет, - ответил он.

- Я бы снес ее и сжег, - сказал я.

Но, как видно, я сказал это слишком свирепым тоном. Беверли-Джонс обиженно взглянул на меня и ничего не ответил.

Не то чтобы эти люди не проявляли ко мне должного внимания. Нет. Я убежден, что они делали все, что было в их силах. И если мне суждено встретить здесь мой смертный час, если - будем уж говорить прямо - если мое бездыханное тело будет найдено на поверхности этого пруда, я хочу, чтобы у моих хозяев остался этот документ, подтверждающий их доброе ко мне отношение.

- Наш дом - Приют Свободы, - сказала мне миссис Беверли-Джонс в день моего приезда. - Знайте, здесь вы можете делать все, что угодно.

Все, что угодно! Как мало они меня знают! Мне угодно было бы ответить: "Сударыня, я достиг того возраста, когда многочисленное общество за завтраком для меня совершенно невыносимо; когда какие бы то ни было разговоры раньше одиннадцати часов утра выводят меня из равновесия; когда я предпочитаю съедать свой обед в тишине и спокойствии или, в крайнем случае, в атмосфере той корректной веселости, какую создает чтение юмористического журнала; когда я уже не могу носить нанковые брюки и цветную куртку, не испытывая при этом унижительного ощущения собственной неполноценности; когда я уже не могу прыгать и резвиться в воде, подобно молодому окуньку; когда я уже не в состоянии петь фальцетом и танцую, к великому моему сожалению, еще хуже, чем танцевал в молодости; когда радостное и веселое настроение посещает меня лишь как редкий гость, - ну, скажем, где-нибудь в театре, на забавном фарсе, - но отнюдь не является ежедневным спутником моего существования. Сударыня, я не гожусь на роль дачного гостя... И если ваш дом - действительно Приют Свободы, то позвольте, о, пожалуйста, позвольте мне покинуть

его!"

Такую вот речь произнес бы я, будь это возможно. Но при настоящем положении вещей я могу только повторять ее про себя.

В самом деле, чем больше я обдумываю все происходящее, тем более невыносимым представляется мне - во всяком случае, для человека моего душевного склада - положение дачного гостя. По-видимому, эти люди, да, должно быть, и все дачники вообще, стремятся жить в каком-то непрерывном вихре развлечений. Все, решительно все, что бы ни случилось в течение дня, воспринимается ими как повод для буйного веселья.

Но сейчас я уже могу думать обо всем этом без горечи, спокойно, так сказать ретроспективно. Скоро наступит конец. Ведь если я в столь ранний час пришел сюда, к этим тихим водам, - значит, дело зашло слишком далеко. Положение стало критическим, и я должен поставить точку.

Это произошло вчера вечером. В то время, как все остальные под звуки патефона танцевали на веранде фокстрот, Беверли-Джонс отвел меня в сторону.

- Завтра вечером мы собираемся хорошенько повеселиться, - сказал он. Мы придумали одну штуку, и, кажется, она будет гораздо больше в твоём вкусе, чем - я боюсь - многие другие развлечения, которые были у нас в ходу до сих пор. Жена говорит, что такие вещи просто созданы для тебя...

- О! - сказал я.

- Мы думаем пригласить гостей с соседних дач, и девушки, - так Беверли-Джонс называл свою жену и ее приятельниц, - хотят устроить что-то вроде вечеринки с шарадами и всякими другими играми, причем все это будет импровизацией - до некоторой степени, конечно.

- О! - сказал я.

Я уже понимал, что надвигается на меня.

- И они хотят, чтобы ты выступил в роли, так сказать, конферансье, ну, чтобы ты придумал какие-нибудь комические номера, всякие там трюки, фокусы и все такое. Я рассказал девушкам о том завтраке в клубе, когда ты буквально уморил нас своими анекдотами, и теперь они просто в диком восторге - до того им хочется поскорее тебя услышать.

- В диком восторге? - повторил я.

- Именно. Они говорят, что твоё выступление будет гвоздем программы.

Расставаясь на ночь, Беверли-Джонс крепко пожал мне руку. Я знал, что он думает, будто теперь я наконец смогу развернуться, и искренне радуется за меня.

Всю ночь я не спал. До самого утра я пролежал с открытыми глазами, думая о вечеринке. За всю свою жизнь я ни разу не выступал публично, если не считать того единственного случая, когда мне поручили преподнести трость вице-президенту нашего клуба в связи с предстоявшей ему поездкой в Европу. И даже для этого мне пришлось до полуночи репетировать про себя фразу, которая начиналась так: "Эта трость, джентльмены, означает нечто гораздо большее, нежели обыкновенная трость".

И вот теперь от меня - от меня! - ждут, чтобы я выступил перед целой толпой дачных гостей как веселый, разбитной конферансье.

Впрочем, стоит ли говорить об этом! Сейчас все это уже почти что позади. Рано утром я спустился к этому тихому пруду, чтобы броситься в него. Они найдут здесь мое тело плавающим среди лилий. Некоторые из них немногие - поймут. Я предвижу, что именно будет напечатано в газетах:

"Трагизм этой ужасной смерти усугубляется тем, что несчастный совсем недавно приехал к друзьям, чтобы провести у них свой отпуск, который должен был продлиться до конца месяца. Нет надобности говорить, что он являлся душой приятного общества, собравшегося в прелестном загородном доме мистера и миссис Беверли-Джонс. В тот самый день, когда произошла катастрофа, ему как раз предстояло быть устроителем и главным действующим лицом веселой вечеринки с шарадами и другими развлечениями -

неисчерпаемое остроумие и избыток жизнерадостности всегда делали его незаменимым в такого рода увеселениях".

Когда те, кто меня знает, прочтут эти строки, они поймут, как и почему я умер.

"Ему предстояло провести там еще три недели! - скажут они. - Он должен был выступить в роли устроителя вечеринки с шарадами!"

Они грустно покачают головой. Они поймут.

Но что это? Я поднимаю глаза и вижу бегущего ко мне Беверли-Джонса. Очевидно, он одевался наспех: на нем фланелевые брюки и куртка от пижамы. Лицо его серьезно. Что-то произошло. Благодарение богу, что-то произошло. Несчастный случай? Катастрофа? Словом, нечто такое, что заставит их отказаться от шарад!

Я пишу эти немногие строки, сидя в поезде, который уносит меня обратно в Нью-Йорк, в прохладном, комфортабельном поезде с пустынным салон-вагоном, где можно вытянуться в удобном кожаном кресле, положив ноги на другое кресло, курить, молчать и наслаждаться покоем. Деревни, фермы, дачи проносятся мимо. Пусть их! Я тоже несусь - несусь обратно к спокойствию и тишине городской жизни.

- Послушай, старина, - сказал Беверли-Джонс, дружески положив свою руку на мою (он все-таки славный малый, этот Джонс). - Тебе только что звонили по междугороднему телефону из Нью-Йорка.

- Что случилось? - спросил я, с трудом выговаривая слова.

- Плохие новости, дружище. Вчера вечером в твоей конторе произошел пожар. Боюсь, что большая часть твоих личных бумаг сгорела. Робинсон - ведь это твой старший клерк, не так ли? - так вот, он как будто был там и пытался спасти, что мог. Он получил тяжелые ожоги лица и рук. Боюсь, тебе надо выезжать немедленно.

- Да, да, - сказал я. - Немедленно.

- Я уже велел кучеру закладывать двуколку. Ты только-только успеешь на семь десять. Идем.

- Идем, - сказал я, изо всех сил стараясь удержаться от улыбки и не выдать своего ликования. Пожар в конторе? Отлично! Робинсон получил ожоги? Великолепно! Я наспех упаковал свои вещи и шепотом попросил Беверли-Джонса передать мой прощальный привет всем его спящим домочадцам. Никогда в жизни я не испытывал такого восторга, такого прилива энергии. Я чувствовал, что Беверли-Джонс восхищается выдержкой и мужеством, с которыми я переношу свое несчастье. Потом он будет без конца рассказывать об этом всему дому.

Двуколка готова! Ура! Прощай, старина! Ура! Ну конечно, я буду телеграфировать. Все идет как по маслу! До свидания. Гип-гип ура! Все в порядке! К поезду успели минута в минуту. Да, да, носильщик, возьмите эти два чемодана, и вот вам доллар. Что за веселые, отличные ребята эти носильщики-негры!

И вот я сижу в поезде, здоровый и невредимый, направляясь домой наслаждаться летней тишиной моего клуба.

Молодчина Робинсон! А я-то подумал, что у него получилась осечка или что мое письмо почему-либо не дошло. Дело в том, что уже на другой день после приезда я написал ему, умоляя изобрести несчастный случай - любой, какой угодно, - чтобы вызвать меня в Нью-Йорк. Я уже было решил, что ничего не вышло. Я потерял всякую надежду. Но теперь все в порядке, хотя, конечно, он немного переборщил.

Разумеется, Беверли-Джонсы не должны узнать, что все это было подстроено. Придется мне поджечь контору, как только я приеду. Но игра стоит свеч. Придется устроить бедняге Робинсону ожоги на лице и руках. Но и эта игра тоже стоит свеч!

ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ОН ЕСТЬ

Думаю, что, кроме меня, на свете найдется не много людей, которые когда-либо собственными глазами видели пещерного человека и даже разговаривали с ним.

И тем не менее в наши дни каждый знает о пещерном человеке решительно все. Наши популярные журналы и новейшие произведения художественной литературы сделали его

широко известным персонажем. Правда, еще несколько лет назад никто даже не слышал о нем. Но в последнее время, по тем или иным причинам, на пещерного человека появился большой спрос. Ни один современный роман не может обойтись без нескольких ссылок на пещерного человека. Если герой романа отвергнут героиней, о нем говорят, что он "загорается диким первобытным желанием пещерного человека - желанием схватить ее, унести к себе, сделать своей". Когда он обнимает ее, пишут, что в нем "бушуют страсти пещерного человека". Когда он дубасит из-за нее какого-нибудь ломового извозчика, носильщика, разносчика льда или любую другую разновидность современного "злодея", о нем говорят, что он "ощущает хищную радость драки, подобную той, какую испытывал, сражаясь, пещерный человек". Если ему ломают ребра, он даже доволен этим. Если его бьют по голове, он не чувствует боли. Ведь в эту минуту он - пещерный человек, а, как известно, пещерный человек не обращает внимания на такие мелочи.

Героиня вполне разделяет эту точку зрения. "Возьми меня, - шепчет она, падая в объятия героя, - будь моим пещерным человеком". Когда она говорит это, ее глаза (так, по крайней мере, утверждает автор) горят тем неистовым огнем, каким горели глаза пещерной женщины - первобытной женщины, которую можно было завоевать только силой.

Поэтому и я, как все остальные, представлял себе пещерного человека до тех пор, пока не увидел его собственными глазами - каким-то необыкновенным существом. Его образ отчетливо вырисовывался в моем воображении - этакий огромный, могучий, мускулистый мужчина в волчьей шкуре, наброшенной на плечи, с толстой дубиной в руке. Я представлял его себе бесстрашным, с железными нервами, не испытанными тлетворного воздействия нашей гнилой цивилизации, дерущимся, как дерутся дикие звери, - насмерть, убивающим без сострадания и переносящим боль без единого стога.

И я не мог не восхищаться им.

Мне нравился также - и я не стыжусь признаться в этом - его оригинальный подход к женщинам. Его метод - если я правильно его понял состоял в том, что он просто обнимал свою избранницу за шею и уводил с собой. Таков был его дикий, первобытный способ "завоевания" женщины. И им, этим женщинам, нравился такой вот способ. По крайней мере, так сообщают нам тысячи вполне достоверных источников. Если верить тому, что говорят, современным женщинам он бы тоже понравился, если бы только какой-нибудь мужчина осмелился испробовать его. В этом все дело - если бы он осмелился!

Говоря откровенно, я видел на своем веку немало женщин, которых мне хотелось схватить, взвалить на плечо и унести к себе или - применительно к современным условиям - за которыми я с удовольствием послал бы агента транспортной конторы, поручив ему привезти их ко мне. Я не раз встречал и встречаю их в Атлантик-Сити, на Пятой Авеню, да и во многих других местах.

Но захотят ли они прийти? Вот в чем вопрос! Придут ли они и, как это делали пещерные женщины, молча откусят мне ухо, или они уже настолько измельчали, что возбудят против меня судебное дело, да еще привлекут за соучастие железнодорожную компанию?

Такого рода сомнения удерживают меня от активных действий, но иногда эти сомнения покидают меня, как покидают многих других мужчин, восхищенных и очарованных пещерным человеком.

Итак, можете себе представить мой жгучий интерес, когда мне и в самом деле довелось увидеть живого пещерного человека. А ведь эта встреча произошла совершенно неожиданно, скорее случайно, чем преднамеренно, - на моем месте мог оказаться кто угодно.

Вышло так, что я проводил свой отпуск в Кентукки, а там, как известно, много больших пещер. Они тянутся - и об этом тоже знают все - на целые сотни миль. Местами это темные, лишённые солнца туннели, суровое безмолвие которых нарушается лишь шумом падающих сверху капель; местами - обширные сводчатые подземелья, похожие на какие-то храмы с широкими каменными арками, суживающимися у купола, со спокойной водяной пеленой неизмеримой глубины, заменяющей пол. А некоторые из этих пещер освещены

сверху, благодаря расселинам, образовавшимся в земной коре, сухи и усыпаны песком - словом, пригодны для человеческого жилья.

В таких вот пещерах, как об этом уже много веков упорно твердит легенда, до сих пор живут пещерные люди - вернее, ухудшенные, выродившиеся экземпляры, оставшиеся от этой породы. Здесь-то я и встретился с одним из них.

Однажды я забрел очень далеко, значительно дальше тех мест, какие были указаны в моем путеводителе. При мне был револьвер и электрический фонарик, но яркий солнечный свет, заливавший в это время пещеру, сделал мой фонарик ненужным.

И вот там-то я и увидел его - огромного мужчину, закутанного в тяжелую волчью шкуру. Рядом с ним валялась толстая дубинка. На коленях у него лежала рогатина: он наматывал на нее тетиву, которая натягивалась под его мускулистой рукой. Он был всецело поглощен своей работой. Спутанные волосы свисали ему на глаза. Он не видел меня. Тогда, бесшумно ступая по песчаному полу пещеры, я подошел к нему вплотную и легонько кашлянул.

- Извините, пожалуйста, - проговорил я.

Пещерный человек подскочил на месте.

- Фу ты, черт! - воскликнул он. - Как вы меня напугали!

Я заметил, что он весь дрожит.

- Вы подошли так внезапно... - сказал он. - Я никак не ожидал...

И пробормотал - видимо, скорее про себя, чем обращаясь ко мне:

- Все от этой гнусной пещерной воды! Надо мне перестать пить ее.

Я присел на камень возле Пещерного человека, осторожно положив свой револьвер сзади. Говоря откровенно, заряженный револьвер, особенно теперь, когда я стал старше, немного нервирует меня, и я опасался, как бы мой хозяин не стал дурачиться с ним. Это же не игрушка.

Чтобы завязать разговор, я поднял дубинку Пещерного человека.

- Ничего себе дубина! - сказал я. - И до чего тяжелая!

- Осторожно! - крикнул взволнованным голосом Пещерный человек, отбирая у меня дубину. - Не шутите с этой машиной. Она налита свинцом. Вы легко могли уронить ее себе на ноги... или мне. Это вам не игрушка.

С этими словами он встал, отнес дубину в дальний конец пещеры и прислонил к стене. Теперь, когда он стоял и я мог хорошенько рассмотреть его, он показался мне не таким уж огромным. В сущности, он совсем не был огромным. Впечатление массивности создавала, очевидно, волчья шкура, в которую он был закутан. Мне уже приходилось видеть нечто подобное в Гранд-Опера. Я вдруг заметил также, что пещера, где мы находились, была обставлена как самая обыкновенная жилая комната, но, конечно, более примитивно.

- У вас недурная квартирка, - сказал я.

- Первый сорт! - отозвался он, оглядывая пещеру. - Это все она. У нее отличный вкус. Посмотрите на наш буфет. Недурен, а? Он сделан из первосортной глины. Это вам не какой-нибудь дешевый булыжник. Глину мы притащили издалека - пришлось идти за две мили. А взгляните-ка на это оплетенное ведро. Замечательная штука, правда? Почти не течет, разве только сбоку и, может быть, чуть-чуть протекает на дне. Тоже ее работа. У нее золотые руки.

Говоря это, он ходил по пещере и показывал мне весь свой нехитрый скарб. Право же, он был как две капли воды похож на жителя Гарлема, показывающего гостю, какая уютная у него квартирка. И потом, не знаю почему, но Пещерный человек показался мне вдруг совсем не таким уж высоким. Да, он был маленьким, просто маленьким, а когда он откинул со лба свои длинные волосы, у него оказалось то же усталое, виноватое выражение лица, какое бывает у всех нас. Высшему существу, если таковые имеются в природе, наши незначительные лица, очевидно, должны казаться немного жалкими.

Я понял, что, говоря - "она", "у нее", он имеет в виду свою жену.

- Где же она? - спросил я.

- Моя жена? Она, видите ли, пошла вместе с малышом прогуляться по пещерам. Вы не встретили нашего малыша, когда шли сюда? Нет? Знаете, это самый умный мальчишка, какого мне приходилось видеть. Девятнадцатого августа ему минуло всего только два года, а "пап" и "мам" он говорит уже давным-давно. Право же, мне никогда не приходилось встречать такого смышленного мальчишку. Вы только не подумайте, что я говорю так потому, что это мой сын. Ничего подобного! Я совершенно объективен. Так вы не встретили их?

- Нет, - ответил я. - Не встретил.

- Впрочем, - продолжал Пещерный человек, - здесь так много всяких ходов и переходов, что вы вполне могли разминуться. Они, должно быть, пошли в другую сторону. Жена вообще любит по утрам немного пройтись и заодно навестить кое-кого из соседей... Но что же это я? - спохватился он. Кажется, я совсем уж разучился принимать гостей. Позвольте предложить вам пещерной водички. Вот, держите эту каменную кружку и скажите, когда будет достаточно. Где мы берем ее? Да здесь же, в нашей пещере, в тех местах, где она пробивается из почвы. Какой крепости? Да что-то около пятнадцати градусов. Говорят, в этом штате уйма таких источников. Располагайтесь поудобнее, но, прошу вас, как только услышите шаги моей жены, спрячьте кружку за камень. Ладно? А теперь не хотите ли выкурить сигару из корня вяза? Прощу вас, берите потолще. У меня их здесь сколько душе угодно!

Итак, комфортабельно устроившись на мягком песке, спиной к валунам, мы потягивали пещерную водичку и курили сигары из корня вяза. У меня было такое ощущение, словно я вернулся в лоно цивилизации и, придя в гости, беседую с радушным хозяином.

- Знаете, - сказал Пещерный человек добродушным и слегка покровительственным тоном, - если днем моей жене хочется куда-нибудь пойти, я всегда отпускаю ее. Современные женщины то и дело затевают какие-то там "движения" - ну, и она туда же. Но я смотрю на это так: если ей нравится разгуливать по чужим пещерам, чесать языком и бегать по собраниям, пусть ее! Разумеется, - добавил он с решительным видом, - стоит мне топнуть ногой, и она...

- Вот-вот, - сказал я. - Точно так же обстоит дело и у нас.

- Да? - с интересом спросил он. - У вас тоже? А я-то думал, что у вас, во Внешнем мире, все происходит совсем иначе. Вы ведь оттуда, из Внешнего мира? Я сразу угадал это по шкуре, которая на вас надета.

- А вы разве ни разу не были во Внешнем мире? - спросил я.

- Вот еще! Чего я там не видал? Здесь, в пещерах, под землей, в темноте - все хорошо. Здесь уютно и безопасно. А вот у вас там... - Он вздрогнул. - Право же, вам, жителям Внешнего мира, нужно обладать большим мужеством, чтобы ходить как ни в чем не бывало там, снаружи, по самому краю света, где на голову могут свалиться звезды и вообще может случиться бог знает что. Но у вас есть какое-то прирожденное стихийное бесстрашие, которое мы, пещерные люди, уже утратили. По правде говоря, я сильно испугался, когда поднял глаза и вдруг увидел вас.

- Неужели вы до сих пор не видели ни одного человека из Внешнего мира? - спросил я.

- Нет, почему же? - возразил он. - Видел, но не так близко. Иногда я подходил к самому краю пещеры, выглядывал наружу и смотрел на них, на ваших мужчин и на ваших женщин, но только издали... Впрочем, тем или иным способом мы, конечно, узнаем о них все или почти все. И чему мы завидуем, глядя на вас, мужчин из Внешнего мира, - так это вашему умению обращаться с женщинами. Да, черт побери, уж вы-то не спускаете им их глупостей! Настоящие первобытные, не тронутые цивилизацией люди - это вы. А мы как-то утратили эти свойства.

- Да что вы, дорогой мой... - начал было я.

Но тут Пещерный человек вдруг изменил свою удобную позу и прервал меня.

- Скорей! Скорей! - прошептал он. - Спрячьте эту проклятую кружку! Разве вы не слышите? Идет она.

Тут и я услышал женский голос, доносившийся откуда-то издалека.

- Вот что, Уилли, - говорила женщина, очевидно обращаясь к Пещерному ребенку. - Немедленно идем домой, и если ты еще раз так вымажешься, я никогда больше не возьму тебя с собой. Так и знай!

Ее голос зазвучал громче. Она вошла в пещеру - крупная, ширококостная женщина в звериных шкурах, - ведя за руку худенького малыша в кроличьей шкурке с голубыми глазами и с мокрым носом.

Я сидел в стороне, так что, войдя в пещеру, женщина, очевидно, не заметила меня и прямо обратилась к мужу.

- В жизни не видала подобного лентяя! - воскликнула она. - Разлежся себе на песочке и покуривает. - Тут она презрительно фыркнула. - А работа стоит.

- Дорогая моя... - начал было Пещерный человек.

- Хватит! - оборвала она его. - Ты лучше посмотри вокруг себя! Комната не прибрана, а ведь скоро полдень! Поставил ты тушить аллигатора?

- Я хотел сказать...

- Хотел сказать! Ну конечно, ты хотел сказать. Только дай тебе волю, ты бы весь день не закрывал рта! Я спрашиваю: поставил ты тушить аллигатора или не поставил?.. Ах, боже мой! - Она увидела меня. - Но почему же ты сразу не сказал мне, что у нас гости? Как это можно? Сидит тут и не говорит, что к нам пришел джентльмен!

Она убежала в дальний конец пещеры и торопливо пригладила волосы, воспользовавшись вместо зеркала большой лужей.

- Ой! - вскричала она. - На кого я похожа!.. Извините за мой вид, добавила она, обращаясь ко мне. - Я наспех накинула на себя эту старую меховую блузку и побежала к соседке. Он и словом не обмолвился, что ждет гостей. Это так на него похоже. Боюсь, нам даже нечем будет угостить вас. У нас ничего нет, кроме тушеного аллигатора. Но если вы останетесь к обеду, тогда, конечно...

Она уже суетилась, эта домовитая, гостеприимная хозяйка, с грохотом расставляя на глиняном столе каменные тарелки.

- Право же, мне... - начал было я. Но я не договорил. Мне помешал внезапный вопль, раздавшийся одновременно из уст обоих - Пещерного мужчины и Пещерной женщины:

- Уилли! Где Уилли?

- О господи! - кричала женщина. - Он ушел один, он заблудился! Скорей, скорей! Надо найти его! С ним может что-нибудь случиться! Как бы он не упал в воду! Скорей, скорей!

Они побежали и вскоре исчезли в темных наружных переходах пещеры.

- Уилли! Уилли!

В их голосах звучала смертельная тревога.

Но не прошло и минуты, как они уже вернулись, неся на руках плачущего Уилли. Его кроличья шкурка насквозь промокла.

- Великий боже! - воскликнула Пещерная женщина. - Он упал прямо в воду, бедняжка. Поскорее, дорогой мой, найди что-нибудь сухое, надо завернуть его. Господи, как я испугалась! Ну, поскорее же, милый, дай мне что-нибудь - я хочу растереть его.

Пещерные родители суетились вокруг ребенка, совершенно забыв о недавней ссоре.

- Но послушайте, - сказал я, когда они немного успокоились. - Ведь в том месте, где упал Уилли, - это в той галерее, через которую проходил и я, не так ли? - ведь глубина там каких-нибудь три дюйма.

- Конечно, - ответили они в один голос. - Но там вполне могло быть и три фута!

Спустя некоторое время, когда Уилли был уже в полном порядке, оба стали снова просить меня остаться отобедать с ними.

- Вы же сами говорили мне, - сказал Пещерный человек, - что хотите собрать кое-какие материалы, касающиеся различия между пещерными людьми и людьми вашего, современного мира.

- Благодарю вас, - ответил я. - Я уже собрал все материалы, какие мне требовались.

ВООБРАЖАЕМОЕ ИНТЕРВЬЮ

С НАШИМ ВЕЛИЧАЙШИМ АКТЕРОМ

(Точнее - с одним из шестнадцати
величайших наших актеров)

Великий актер - а надо сказать, что добиться интервью с ним стоило большого труда, - принял нас в тиши своей библиотеки. Он сидел в глубоком кресле и был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил нашего приближения. На коленях у него лежала кабинетная фотография - его собственная фотография, - и он всматривался в нее, словно пытаясь проникнуть в ее непроницаемую тайну. Мы успели также разглядеть изображавшую Актера прекрасную фотогравюру, которая стояла на столе, между тем как великолепный портрет его, написанный пастелью, свисал на шнуре с потолка. Мы сели на стулья, вынули блокноты, и лишь тогда Великий актер поднял на нас глаза.

- Интервью? - произнес он, и мы с болью услышали оттенок усталости в его голосе. - Еще одно интервью?

Мы поклонились.

- Реклама! - проговорил он, скорее про себя, чем обращаясь к нам. Реклама! И зачем только нам, актерам, вечно навязывают ее, эту рекламу?

- Мы вовсе не собираемся, - начали мы извиняющимся тоном, опубликовывать хоть одно слово из того...

- Что?! - вскричал Великий актер. - Вы не будете печатать это интервью? Не будете публиковать его? Тогда какого же...

- Не будем публиковать без вашего согласия, - пояснили мы.

- Ах, так, - проговорил он устало. - Без моего согласия... Что ж, я вынужден согласиться. Мир ждет этого от меня. Печатайте, публикуйте все, что хотите. Я равнодушен к похвалам и не забочусь о славе. Меня оценят грядущие поколения. Но только не забудьте, - добавил он уже деловым тоном, - не забудьте заблаговременно прислать мне корректуру, чтобы я мог в случае надобности внести туда все необходимые поправки.

Мы поклонились в знак согласия.

- А теперь, - начали мы, - позвольте задать вам несколько вопросов по поводу вашего мастерства. Прежде всего, в какой области драматургии сильнее всего, по вашему собственному мнению, проявляется ваш гений - в трагедии или в комедии?

- И тут и там, - сказал Великий актер.

- Другими словами, - продолжали мы, - ваш гений не превалирует ни в одной из них?

- Нет... - ответил он, - мой гений превалирует и в той и в другой.

- Простите, пожалуйста, - сказали мы. - Должно быть, мы выразились не совсем точно. Мы хотели сказать - если сформулировать нашу мысль яснее, что, по-видимому, вы не считаете свою игру более сильной в одном жанре, нежели в другом.

- Да нет же... - ответил Великий актер, выбрасывая вперед руку (великолепный жест, который мы знали и любили уже много лет!) и одновременно величественным движением львиной головы откидывая львиную гриву со своего львиного лба. - Нет... Я одинаково силен в обоих жанрах. Мой гений требует и трагедии и комедии...

- Ах, вот что! - сказали мы, наконец-то уразумев смысл сказанного. Значит, вот почему вы собираетесь вскоре выступить в пьесах Шекспира воплотить его характеры на сцене?

Великий актер нахмурился.

- Правильнее было бы сказать, что характеры Шекспира найдут во мне свое воплощение, - возразил он.

- О, конечно, конечно, - прошептали мы, устыдившись собственной тупости.

- Я намерен выступить в роли Гамлета, - продолжал Великий актер. - И, позволю себе сказать, это будет совершенно новый Гамлет.

- Новый Гамлет! - вскричали мы в восторге. - Новый Гамлет? Неужели это возможно?

- Вполне, - ответил Великий актер, снова встряхивая своей львиной гривой. - Я посвятил изучению этой роли многие годы. Толкование роли Гамлета было до сих пор совершенно неправильным.

Мы сидели потрясенные.

- До сих пор все актеры, - продолжал Великий актер, - я бы сказал - все так называемые актеры (я имею в виду тех актеров, которые пытались играть эту роль до меня). - изображали Гамлета совершенно неверно. Они изображали его одетым в черный бархат.

- Да, да! - вставили мы. - Это правда: в черный бархат!

- Так вот, это абсурд! - заявил Великий актер. Он протянул руку и снял с книжной полки три фолианта. - Это абсурд, - повторил он. - Вы когда-нибудь изучали елизаветинскую эпоху?

- Простите, какую эпоху? - скромно переспросили мы.

- Елизаветинскую.

Мы безмолвствовали.

- Или дошекспировскую трагедию?

Мы опустили глаза.

- Если бы вы изучали все это, вам было бы известно, что Гамлет в черном бархате - просто нелепость. Во времена Шекспира - будь вы в состоянии понять меня, я бы мог доказать вам это сию же минуту, - во времена Шекспира никто не носил черный бархат. Его попросту не существовало.

- В таком случае, как же представляете себе Гамлета вы? - спросили мы, заинтригованные, озадаченные, но в то же время преисполненные восхищения.

- В коричневом бархате, - сказал Великий актер.

- Великий боже! - вскричали мы. - Да это же открытие!

- Да, открытие, - подтвердил он. - Но это лишь часть моей концепции. Основное преобразование будет заключаться в моей трактовке того, что я, пожалуй, назвал бы психологией Гамлета.

- Психологией! - повторили мы.

- Да, психологией. Чтобы сделать Гамлета понятным зрителю, я хочу показать его как человека, согнувшегося под тяжким бременем. Его терзает Weltschmerz.* Он несет на себе весь груз Zeitgeist.** В сущности, его угнетает извечное отрицание.

---

* Мировая скорбь (нем.).

** Духа времени (нем.).

- Вы хотите сказать, - вставили мы, пытаясь говорить как можно увереннее, - что все это ему не по силам?

- Воля его парализована, - продолжал Великий актер, не обратив на нашу реплику никакого внимания. - Он устремляется в одну сторону, а его бросает в другую. То он падает в бездну, то уносится в заоблачные дали. Его ноги ищут опоры и не находят ее.

- Поразительно! - сказали мы. - Но чтобы изобразить все это, вам, очевидно, понадобятся разные сложные конструкции?

- Конструкции! - вскричал Великий актер с львиным хохотом. Конструкции мысли, механизм энергии и магнетизма...

- Ах, вот что, - сказали мы. - Электричество...

- Да нет... - возразил Великий актер. - Вы опять не поняли меня. Я создаю образ исключительно своим исполнением. Возьмем, например, знаменитый монолог о смерти Вы помните его?

- Быть или не быть?... - начали мы.

- Стоп! - сказал Великий актер. - А теперь подумайте. Это монолог. Именно монолог. Тут-то и кроется ключ к пониманию образа. Это нечто такое, что Гамлет говорит самому себе. В моей интерпретации ни одно слово фактически не произносится. Все происходит в полнейшем, абсолютном молчании.

- Но каким же образом, - спросили мы с изумлением, - удастся вам передать всю эту гамму мыслей и чувств?

- Исключительно с помощью мимики.

Великий боже! Возможно ли? Мы снова начали всматриваться, на этот раз с напряженным вниманием, в лицо Великого актера. И, содрогнувшись, мы поняли, что он мог сделать это.

- Я выхожу на сцену так, - продолжал он, - и начинаю монолог... Теперь, прошу вас, следите за моим лицом.

С этими словами Великий актер скрестил руки и встал в позу; отблески волнения, возбуждения, надежды, сомнений и отчаяния появлялись, сменяя, мы бы даже сказали - сметая друг друга, на его лице.

- Изумительно! - прошептали мы.

- Строки Шекспира, - сказал Великий актер, когда лицо его вновь обрело свое обычное, спокойное выражение, - не нужны, совершенно не нужны - во всяком случае, когда играю я. Эти строки - не более как обычные сценические ремарки. Я опускаю их. И делаю это очень и очень часто. Возьмем, например, всем известную сцену, в которой Гамлет держит в руке череп. Шекспир сопровождает ее такими словами: "Увы, бедный Йорик! Я знал его..."

- Да, да! - невольно подхватили мы. - "Человек бесконечно остроумный..."

- У вас отвратительная интонация, - сказал Актер. - Ну, слушайте дальше. В моей интерпретации я обхожусь без слов. Без единого слова. Спокойно и очень медленно я прохожу по сцене, держа череп в руке. Потом прислоняюсь к боковой колонне и смотрю на череп, не нарушая молчания.

- Изумительно! - сказали мы.

- Затем, с предельной выразительностью, я перехожу на середину сцены, сажусь на простую деревянную скамью и некоторое время сижу там, глядя на череп.

- Необыкновенно!

- А потом отступаю в глубь сцены и ложусь на живот, продолжая держать череп перед глазами. Пробыв несколько минут в этом положении, я медленно ползу вперед, передавая движениями ног и живота всю печальную историю Йорика. Под конец, все еще не выпуская черепа из рук, я поворачиваюсь к зрителям спиной и с помощью судорожных движений лопаток передаю страстную скорбь Гамлета, потерявшего друга.

- Как! - вскричали мы вне себя от восторга. - Да ведь это уже не открытие, это откровение!

- Это и то и другое, - сказал Великий актер.

- И значение его состоит в том, - продолжали мы, - что вы вполне можете обойтись без Шекспира.

- Именно так. Без Шекспира. Без него я могу дать больше. Шекспир связывает меня. То, что я хочу передать, - это не Шекспир, это нечто более значительное, более всеобъемлющее, более... я бы сказал, более грандиозное...

Великий актер умолк, а мы ждали с поднятыми карандашами. Потом глаза его засверкали, в них появилось нечто похожее на экстаз, и он прошептал:

- В сущности, то, что я хочу передать, это мое я.

Проговорив это, он застыл на месте - безмолвный, недвижимый. Мы осторожно опустили на четвереньки и тихо поползли к двери, а потом - вниз, по ступенькам лестницы, держа блокноты в зубах.

ВООБРАЖАЕМОЕ ИНТЕРВЬЮ

С ТИПИЧНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАШЕГО

ЛИТЕРАТУРНОГО МИРА

супругами Эдвином и Этелиндой Афтерсот

в недрах их восхитительного семейного очага

Мы имели удовольствие получить интервью у супругов Афтерсот в их прекрасном загородном доме на берегу Вунегенсет. По дружескому предложению хозяев мы пешком проделали те четырнадцать миль, которые отделяли их дом от ближайшей железнодорожной станции. Да, именно так: узнав о нашем намерении посетить их, они сразу предложили нам пройти пешком. "К сожалению, мы лишены возможности послать за вами автомобиль, -

написали они. - На дорогах до того пыльно, что мы боимся, как бы наш шофер не запылится".

Эта трогательная заботливость может послужить ключом к разгадке их характеров.

Дом супругов Афтерсот - восхитительное старинное здание, выходящее окнами в большой сад, который, в свою очередь, выходит на широкую площадку, выходящую на реку.

Прославленный писатель встретил нас у ворот. Мы ждали, что автор "Энджел Риверс" и "Сада желаний" окажется бледным, меланхолическим субъектом (мы нередко обманываемся в своих ожиданиях, когда идем брать интервью). Нам не удалось сдержать возглас изумления (и, надо признаться, мы редко удерживаемся от подобных возгласов), когда мы увидели плотного здоровяка, который, если верить его собственным словам, весил сто стонов* (кажется, он так и сказал - стонов) без башмаков.

---

* Стон - 14 английских фунтов.

Он сердечно поздоровался с нами.

- Пойдемте посмотрим моих свиней, - сказал он.

- Нам, собственно, хотелось задать вам несколько вопросов по поводу ваших книг, - начали было мы, шагая по дорожке.

- Сначала посмотрим свиней, - сказал он. - А вы не занимаетесь свиноводством?

Во время наших интервью мы всегда стремимся быть специалистами по всем вопросам, волнующим нашего собеседника, но тут нам пришлось сознаться, что в свиноводстве мы смыслим не слишком много.

- Так, может быть, вы что-нибудь смыслите в собаководстве? - спросил Великий писатель.

- К сожалению, нет, - ответили мы.

- А как насчет пчеловодства? - спросил он.

- Вот это нам знакомо, - ответили мы (как-то раз нас покусали пчелы).

- В таком случае давайте пройдем прямо к ульям, - предложил он.

Мы уверили его, что предпочли бы посетить ульи несколько позже.

- Тогда идемте в хлев, - сказал Великий писатель. И добавил: Вероятно, вы плохо представляете себе, как выращивают молодняк.

Мы покраснели. Мы ясно увидели перед собой пять детских головок, склонившихся над столом, - пять детских головок, ради которых - чтобы заработать им на хлеб - мы и взялись за эти интервью.

- Вы правы, - сказали мы. - Мы плохо представляем себе, как выращивают молодняк.

- Ну что? - спросил Великий писатель, когда мы добрались до места назначения. - Нравится вам этот хлев?

- Очень, - ответили мы.

- Я поставил здесь новый сток, выложенный кафелем. По собственным чертежам. Вы заметили, какая тут чистота? Все благодаря стоку.

Признаться, мы этого не заметили.

- Боюсь, - сказал Писатель, - что свиньи еще спят.

Мы попросили его ни в коем случае не будить их. Он сказал, что сейчас откроет маленькую боковую дверку, чтобы мы могли пролезть в хлев на четвереньках. Но мы постарались убедить его, что у нас нет ни малейшего желания нарушать покой этих зверушек.

- Нам бы очень хотелось, - сказали мы, - услышать от вас хоть что-нибудь о методах вашей работы - о том, как вы пишете романы.

Последнюю фразу мы произнесли с необыкновенной горячностью. Дело в том, что, помимо прямой цели нашего интервью, у нас была еще и другая цель - нам страшно хотелось узнать, как пишутся романы. Если бы нам удалось ознакомиться с этим процессом, пожалуй, мы сели бы за роман и сами.

- Сначала взгляните на моих быков, - сказал Писатель. - Вот здесь, в этом загоне стоит

пара бычков, которые непременно вам понравятся.

Мы нисколько в этом не сомневались.

Он подвел нас к низенькой зеленой ограде. Два свирепых животных стояли за ней и жевали зерно. Не переставая жевать, они выкатили на нас свои круглые глаза.

- Ну что, разве они не великолепны? - спросил он.

Мы ответили, что это великолепные быки, что именно такими мы и представляли себе лучших быков на свете.

- Не хотите ли войти в загон? - предложил Писатель, открывая дверку.

Мы попятились. К чему тревожить этих животных?

Великий писатель заметил наши колебания.

- Не бойтесь, - сказал он. - Они вряд ли тронут вас. Я каждое утро без малейших опасений посылаю к ним моего работника.

Мы с восхищением взглянули на Знаменитого писателя. Нам стало ясно, что, подобно другим писателям, актерам и даже мыслителям нашего времени, этот человек прекрасодушен и правдив, как сама природа.

Но все же мы покачали головой.

- Быки, - пояснили мы Великому писателю, - это не та область, исследованием которой мы намерены заняться. Нам желательно узнать кое-что о методах вашей работы.

- О методах моей работы? - переспросил он, отходя вместе с нами от загона. - Да, по правде сказать, я и сам не знаю, есть ли у меня какие-нибудь методы.

- Какой план или метод применяете вы, - повторили мы, вынимая блокноты и карандаши, - когда начинаете новый роман?

- Как правило, - сказал Писатель, - я прихожу сюда и сижу в хлеву до тех пор, пока не нахожу нужных мне героев.

- И долго вы здесь сидите? - спросили мы.

- Не особенно. Как правило, спокойно посидев полчаса среди свиней, я нащупываю хотя бы одного своего героя - главного.

- А что вы делаете потом?

- Ну, а потом я обычно закуриваю трубку и отправляюсь на пчельник за сюжетом.

- И вы находите его?

- Неизменно. Потом, сделав кое-какие заметки, я беру своих лаек и отправляюсь с ними на прогулку, миль этак за десять, после чего спешу домой, чтобы успеть обойти все стойла и повозиться с бычками.

Мы вздохнули. Увы! Писание романов представлялось нам теперь еще более недостижимой мечтой, чем когда бы то ни было прежде.

- Должно быть, в вашем хозяйстве есть и козел? - спросили мы.

- Ну, еще бы! Превосходный экземпляр. Не хотите ли взглянуть?

Мы покачали головой. Очевидно, разочарование отразилось на наших лицах. Вечная история. Мы чувствовали, что метод, с помощью которого писались знаменитые современные романы - при участии козлов, собак, свиней и молодых быков, - был вполне правилен и даже полезен для здоровья их авторов. Но мы чувствовали также, что он, этот метод, не для нас.

Мы позволили себе задать еще один вопрос.

- В котором часу вы встаете? - спросили мы.

- Между четырьмя и пятью, - ответил Писатель.

- И, конечно, сразу идете купаться - и летом и зимой?

- Конечно.

- И, должно быть, - сказали мы с плохо скрываемой горечью, - вы предпочитаете, чтобы слой льда был как можно толще?

- О, разумеется.

Мы умолкли. Мы давно уже уяснили себе причину наших жизненных неудач, но было больно лишний раз убедиться в собственной неполноценности. Этот "ледяной" вопрос стоял

на нашем пути уже сорок семь лет.

Как видно, Великий писатель заметил наше удрученное состояние.

- Пойдемте в дом, - сказал он. - Жена угостит вас чашкой чая.

Через несколько минут мы забыли обо всех наших горестях, оказавшись в обществе одной из самых очаровательных *chatelaines*,* каких нам когда-либо посылала судьба.

---

* Владелиц замка (франц.).

Мы уселись на низкие табуреты рядом с Этелиндой Афтерсот, которая со свойственным ей изяществом царила за чайным столом.

- Итак, вы хотите познакомиться с методами моей работы? - спросила она, ошпаривая нам ноги горячим чаем.

- Да, - ответили мы, вынимая блокноты и обретая некоторую долю прежнего энтузиазма.

Пусть люди обливают нас горячим чаем, лишь бы они по-человечески обращались с нами.

- Не можете ли вы сказать, - начали мы, - какого метода вы придерживаетесь, начиная роман?

- Я всегда начинаю с изучения, - ответила Этелинда Афтерсот.

- С изучения? - переспросили мы.

- Да. Я имею в виду - с изучения подлинных фактов. Возьмите, например, мои "Страницы из жизни прачки". Еще по чашечке чая?

- Нет, нет, - сказали мы.

- Так вот, чтобы написать эту книгу, я два года проработала в паровой прачечной.

- Два года! - воскликнули мы. - Но зачем же?

- Чтобы почувствовать атмосферу.

- Пара? - спросили мы.

- О нет, - ответила миссис Афтерсот. - Паром я занималась отдельно. Я прошла курс в технической школе.

- Возможно ли? - удивились мы, снова упав духом. - Разве все это было необходимо?

- Не знаю, как можно было бы писать иначе! Вы, конечно, помните, что в моем романе действие начинается в котельной? Чаю?

- Да, - сказали мы, поспешно убирая ноги. - Нет, нет, большое спасибо.

- Итак, вы сами видите, что в качестве единственно возможной *point d'appui** необходимо было с самого начала дать описание внутренней части котла.

---

* Точки опоры (франц.).

Мы кивнули в знак согласия.

- Мастерское произведение! - сказали мы.

- Моя жена, - вмешался Великий писатель, который в это время чинил набор искусственной насадки для ловли форелей, ухитряясь при этом жевать бутерброд и кормить им огромного датского дога, голова которого лежала у него на коленях, - моя жена необычайно трудолюбива.

- И вы всегда работаете таким методом? - спросили мы.

- Всегда, - ответила она. - Чтобы написать "Вязальщицу Фредерику", я полгода провела на вязальной фабрике. Перед тем как написать "Маргариту из глинобитного домика", я посвятила много месяцев специальному исследованию.

- Исследованию чего? - спросили мы.

- Исследованию глины. Я училась формовке. Видите ли, для того чтобы написать такого рода книгу, необходимо прежде всего основательно изучить глину - всевозможные сорта глины.

- А над чем вы собираетесь работать в ближайшем будущем? - спросили мы.

- Следующая моя книга, - сказала Писательница, - будет посвящена исследованию...

чаю?.. исследованию производства маринадов. Это совершенно новая тема.

- Какая увлекательная сфера деятельности! - прошептали мы.

- И, главное, совершенно новая. Некоторые из наших писателей отобрали бойню, а в Англии многие отобрали джем. Но пока еще никто не отобразил маринад. Я была бы очень рада, если бы мне удалось, - добавила Этелинда Афтерсот со свойственной ей очаровательной скромностью, - сделать этот роман первым в серии маринадных романов и, быть может, описывая район маринадной промышленности, проследить судьбу целой рабочей семьи, занимающейся производством маринадов на протяжении четырех или пяти поколений.

- Четырех или пяти! - с восторгом вскричали мы. - Возьмите лучше десять! А есть ли у вас какие-нибудь дальнейшие планы?

- О да, - с улыбкой ответила Писательница. - Я всегда составляю планы на много лет вперед. После этой книги я хочу заняться изучением каторжной тюрьмы - разумеется, изнутри.

- Изнутри? - с содроганием воскликнули мы.

- Да. Для этого мне, конечно, придется на два или на три года попасть в тюрьму.

- Но как же вы попадете туда? - спросили мы, с ужасом наблюдая спокойную решимость этой хрупкой женщины.

- Я буду требовать этого по праву, - ответила она спокойно. - Я приду к лицам, облеченным властью, во главе целого отряда пылающих энтузиазмом женщин и потребую, чтобы меня посадили за решетку. Надеюсь, после того, что уже сделано мною, я могу рассчитывать на это.

- Разумеется, - горячо поддержали мы ее.

И поднялись, собираясь уходить.

Чета писателей дружески пожала нам руки. Мистер Афтерсот проводил нас до парадной двери и показал кратчайший путь, который шел мимо пчелиных ульев и должен был вывести нас через выгон, где паслись быки, прямо на шоссе.

Мы уходили в сгущавшейся темноте вечера с чувством удивительного спокойствия. Решение наше было окончательным и непреложным. Нет, писание романов - не наш удел. Мы должны добиваться каторжной тюрьмы каким-нибудь другим способом.

Но нам показалось, что, пожалуй, будет бесполезно опубликовать наше интервью в качестве руководства для других.

ОШИБКИ САНТА-КЛАУСА*

---

* Санта-Клаус - дед-мороз, рождественский дед.

Был сочельник.

Семейство Браунов только что отобедало у своих ближайших соседей Джонсов.

Браун и Джонс сидели за столом, где еще стояли бутылка вина и вазочка с грецкими орехами. Все остальные ушли наверх.

- Что вы решили подарить сыну на рождество? - спросил Браун.

- Поезд, - ответил Джонс. - Последняя новинка. Заводной.

- Давайте посмотрим, что это за штука, - предложил Браун.

Джонс вынул из буфета объемистый сверток и принялся разворачивать его.

- Ловко придумано! - сказал он. - А вот и рельсы. Просто удивительно, до чего мальчишки любят играть в поезд.

- Любят, - согласился Браун. - А скажите, как укрепить рельсы?

- Сейчас покажу, - сказал Джонс. - Только помогите мне освободить стол от всей этой посуды и стащить скатерть. Ну вот. Смотрите. Рельсы вы кладете таким вот образом, а потом закрепляете их по краям... вот так.

- Понимаю, понимаю. А здесь он берет подъем? Да, это именно то, что нравится ребенку. А я купил Уилли игрушечный самолет.

- Знаю. Великолепная штука! Самолет я подарил Эдвину ко дню рождения. А вот

сейчас решил купить ему поезд. Сказал мальчишке, что на этот раз Санта-Клаус собирается принести ему такую штучку, какой у него еще никогда не было. Ведь Эдвин верит в Санта-Клауса самым серьезным образом. Взгляните-ка на паровоз. В нем есть пружина. Она спрятана в топке.

- Знаете что, - сказал Браун с живейшим интересом. - Заведите его. Посмотрим его на ходу.

- С удовольствием, - ответил Джонс. - Поставьте-ка по краям несколько тарелок или что-нибудь из посуды, чтобы сделать ограждение для рельсов. И обратите внимание, как он гудит перед отправлением. Ну что может быть лучше такой игрушки для мальчугана?

- Верно! - сказал Браун. - Ой, посмотрите на этот шнурочек! Потянешь за него - и раздастся гудок! Нет, вы только послушайте! Совсем как настоящий!

- Вот что, Браун, - предложил Джонс. - Вы сцепите вагончики, а я дам отправление. Машинистом буду я - идет?

Прошло полчаса, а Браун и Джонс все еще играли в поезд, сидя за обеденным столом.

Однако их жены, расположившиеся наверху в гостиной, совсем не замечали их отсутствия. Они были слишком увлечены.

- Ну что за прелесть! - сказала миссис Браун. - Какая чудесная кукла! Я не видела такой хорошенькой уже много лет. Непременно куплю точно такую для Ульвины. Воображаю, в каком восторге будет Кларисса.

- Еще бы! - подтвердила миссис Джонс. - А главное, ей будет так интересно наряжать ее. Девочки обожают это занятие. Посмотрите - ведь в придачу к кукле тут еще и платица. Целых три! Какие миленькие, не правда ли? Они уже скроены. Остается только сшить их.

- Они очаровательны! - вскричала миссис Браун. - По-моему, вот это, лиловое, пойдет кукле больше всех. Ведь у нее золотистые волосы. Как, по-вашему, не лучше ли снять воротничок - вот так? А вместо него выпустить кантик?

- Чудесная мысль! - сказала миссис Джонс. - Так мы и сделаем. Одну секунду, сейчас я возьму иголку. А Клариссе я скажу, что Санта-Клаус сшил это платице сам. Ведь девочка верит в Санта-Клауса самым серьезным образом.

И по прошествии получаса миссис Джонс и миссис Браун были так увлечены шитьем нарядов для куклы, что даже не слышали шума поезда, бегавшего взад и вперед по обеденному столу, и совершенно не задумывались над тем, что могли делать в это время их дети.

Впрочем, и дети несколько не скучали без родителей.

- Первый сорт, а? - спрашивал Эдвин Джонс юного Уилли Брауна, сидевшего у него в комнате. - В коробке сотня штук, с фильтром. А вот тут, в отдельной коробочке, - янтарный мундштук. Хороший подарок папе - как по-твоему?

- Отличный, - одобрил Уилли. - А я дарю отцу сигары.

- Да, да, я тоже сначала думал о сигарах. Мужчинам всегда подавай сигары и папиросы. Тут уж не ошибешься. Послушай, а не выкурить ли нам по одной? Можно взять их снизу. Они тебе понравятся - это русские. Куда лучше египетских.

- Благодарю, - ответил Уилли. - С большущим удовольствием. Курить я начал только прошлой весной, когда мне стукнуло двенадцать. По-моему, очень глупо начинать курить в детстве. Верно? Никотин может задержать рост. Лично я выкурил первую папиросу в двенадцать лет.

- Я тоже, - сказал Эдвин, когда они затаились. - Впрочем, покупать папиросы я бы не стал и сейчас, да вот нужно было сделать подарок отцу. Я просто должен подарить ему что-нибудь от Санта-Клауса. Знаешь, он верит в Санта-Клауса самым серьезным образом.

А тем временем Кларисса показывала своей подруге Ульвине восхитительный миниатюрный набор для игры в бридж, купленный ею в подарок матери.

- Какая очаровательная грифельная дощечка для записи цифр! воскликнула Ульвина. - А этот прелестный голландский рисунок... Или, может быть, он фламандский? Как по-твоему, дорогая?

- Голландский, - сказала Кларисса. - Он такой оригинальный. А нравятся тебе вот эти чудесные коробочки? Во время игры сюда кладут деньги. Я могла бы не брать их - за них пришлось платить отдельно, - но, по-моему, так несовременно - играть без денег. Правда?

- Ужасно! - согласилась Ульвина. - Но ведь твоя мама никогда не играет на деньги?

- Мама! О, разумеется, нет. Для этого она чересчур старомодна. Но я скажу ей, что сам Санта-Клаус положил сюда коробочки для денег.

- Она, должно быть, так же уверена, что Санта-Клаус существует, как и моя мама?

- О, совершенно уверена, - ответила Кларисса. И добавила: - Давай сыграем небольшую партию - вдвоем, по-французски? Или, если хочешь, по-норвежски. По-норвежски тоже можно вдвоем.

- С удовольствием, - обрадовалась Ульвина.

И через несколько минут они сидели, углубясь в игру, а возле каждой из них возвышался столбик серебряных монет.

Спустя полчаса оба семейства в полном составе снова сидели в гостиной. Разумеется, никто и словом не обмолвился о подарках. Казалось, все были поглощены рассматриванием картинок в красивой толстой библии, которую мистер Джонс приготовил в подарок своему отцу. И все сошлись на том, что теперь, с помощью этой книги, дедушка сможет легко и быстро отыскать любое место в Палестине.

А наверху, на самом верху, сидя в своей гостиной, дедушка Джонс любовно разглядывал подарки, которые стояли перед ним на столе. Это были изящный графин для виски с серебряными инкрустациями снаружи (и с виски - внутри) для сына и большой никелированный варган* для внука.

---

* Варган - музыкальный инструмент типа губной гармоники.

Еще позднее, далеко за полночь, человек или дух - словом, некто, носящий имя Санта-Клаус, взял все подарки и запихал их в чулки каждого из обитателей дома.

Но так как он был слеп - ведь слепым он был всегда, - то он все перепутал и роздал подарки так, как это было описано выше.

Однако на следующий день, в течение рождественского утра, все само собой стало на свое место: ведь рано или поздно все становится на свое место.

И вот около десяти утра Браун и Джонс играли в поезд, миссис Браун и миссис Джонс шили платья для куклы, мальчики курили папиросы, Кларисса с Ульвиной играли в бридж на свои карманные деньги.

А наверху, на самом верху, дедушка пил виски и играл на варгане.

И несмотря ни на что, рождество оказалось таким же веселым, каким оно бывало всегда.

СТАРАЯ-ПРЕСТАРАЯ ИСТОРИЯ

О ТОМ, КАК ПЯТЕРО МУЖЧИН

ОТПРАВИЛИСЬ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ

Это всего лишь рассказ об одной рыболовной вылазке. Его нельзя назвать новеллой. Тут нет острого сюжета, ни с кем не случается ничего экстраординарного, и никто никого не убивает. Вся суть этого рассказа - в его исключительной правдивости. Он повествует о том, что произошло не только с нами, пятью городскими жителями, о которых пойдет речь, но и о том, что произошло и происходит со всеми остальными любителями рыбной ловли - от Галифакса до Айдахо, - которые, как только начинается лето, спускают свои лодки на непотревоженную гладь наших канадских и американских озер, наслаждаясь тишиной и прохладой раннего летнего утра.

Мы решили выехать ранним утром, ибо, по общему мнению, раннее утро самое подходящее время для ловли окуней. Говорят, что окуни клюют именно ранним утром. Вполне возможно. В сущности, этот факт легко поддается научной проверке. Окунь не клюет между восемью утра и двенадцатью дня. Он не клюет между двенадцатью дня и шестью вечера. Не клюет он и между шестью вечера и полуночью. Это общеизвестно. Вывод - окунь

бешено клюет на рассвете.

Так или иначе, вся наша компания единодушно решила отправиться в поход как можно раньше.

- Кто раньше встанет, тот и рыбку поймает, - изрек полковник, как только зародилась идея рыболовной экспедиции.

- О да, - подтвердил Джордж Попли, управляющий банком. - Мы непременно должны выехать на заре, чтобы попасть на отмель, когда рыбы видимо-невидимо.

Когда он сказал это, у всех нас заблестели глаза. Еще бы! От таких слов просто сердце замирает. "Выехать на заре, когда рыбы видимо-невидимо". - эта мысль может взбудоражить любого мужчину.

Если вы прислушаетесь к разговорам, которые ведутся в мужской компании где-нибудь в пульмане, в коридоре гостиницы или, еще лучше, за столиком в первоклассном ресторане, вам не придется долго ждать - вскоре один из собеседников произнесет такую фразу:

- Итак, мы выехали спозаранку, как только взошло солнце, и отправились прямо на отмель.

А если вам и не удастся расслышать его слова, то вы увидите, как вдруг он широко, чуть не на метр, расставит руки, желая поразить своего слушателя. Это он показывает размеры рыбы. Нет, не той рыбешки, которую они поймали, а той огромной рыбины, которую они упустили. Она была уже почти у них в руках, у самой поверхности воды. Да, у самой поверхности. Если сосчитать всех огромных рыб, которые были вытасканы почти на самую поверхность наших озер, количество их окажется просто невероятным. Или, во всяком случае, оно представлялось мне таким в былые времена, когда у нас еще существовали бары и ресторанчики, где подавали это гнусное шотландское виски и этот отвратительный джин. Противно даже вспоминать о таких вещах, не так ли? Зато всю зиму в этих ресторанчиках отлично ловилась рыба.

Стало быть, как уже было сказано выше, мы решили выехать на рассвете. Чарли Джонс, служащий железнодорожного управления, сказал, что в Висконсине, когда он был еще мальчишкой, они обычно выходили в пять утра - не вставали в пять утра, а в пять были уже на месте. Оказывается, где-то в Висконсине есть озеро, где окуни водятся тысячами. Кернин, адвокат, сказал, что, когда он был мальчишкой - они жили тогда на озере Россо, - они выходили в четыре. Да, на озере Россо есть такое место, где окуней видимо-невидимо; люди просто не успевают закидывать удочки. Однако найти это место трудно, очень трудно. Сам Кернин мог бы его найти, но, как я понимаю, маловероятно, чтобы какой-нибудь другой человек мог сделать это. И ту отмель в Висконсине тоже, пожалуй, не найти. Стоит вам разыскать ее, и все будет в порядке, но это очень-очень трудно. Чарли Джонс может ее найти. И будь мы сейчас в Висконсине, он привел бы нас прямо на место, но, по-видимому, никто другой, помимо Чарли, не знает, как туда добраться. Точно так же обстояло дело и с полковником Морсом. Он знал одно местечко на озере Симко, где постоянно удил рыбу много лет назад, и, пожалуй, он мог бы найти это местечко даже и сейчас.

Я уже говорил, что Кернин - адвокат, Джонс - железнодорожник, а Попли банкир. Но мог бы не говорить. Читатель догадался бы об этом и сам. В любой компании рыболовов всегда найдется адвокат. Вы сразу отличите его. Единственный из всех, он вооружен рыболовным сачком и складным стальным удилищем с катушкой, при помощи которой рыбу вытаскивают на поверхность воды.

И там всегда имеется банкир. Банкара вы сразу узнаете по его нарядному виду. В банке Попли ходит в своем банковском костюме. Собираясь на рыбалку, он надевает рыболовный. Из этих двух костюмов второй явно лучше первого, потому что на банковском есть пятна от чернил, а на рыболовном нет ни одного пятна от рыбы.

Что касается нашего железнодорожника, то - и читатель знает это не хуже меня - его всегда можно узнать по длинной жерди, которую он сам срезал в лесу, и по десятицентовой леске, намотанной на ее конец. Джонс говорит, что такой леской он может поймать столько же рыбы, сколько Кернин - своим патентованным складным удилищем с катушкой. Что

правда, то правда. Ровно столько же, ни больше и ни меньше.

Но Кернин утверждает, что с помощью его патентованного снаряда можно, подцепив рыбу на крючок, дать ей как следует заглотнуть его. А Джонс говорит, что ему плевать на это: насадите ему рыбу на крючок, и он тут же вытянет ее из воды. Кернин уверяет, что Джонс упустит ее. Но Джонс говорит, что у него рыба не уйдет. Он берется вытащить рыбу, и он вытащит ее. Кернин рассказывает, что ему не раз случалось (на озере Россо) держать рыбу на крючке больше получаса. Теперь я уже забыл, почему он переставал ее держать. Возможно, что рыбе просто надоело висеть на крючке так долго, и она уходила.

Кернин и Джонс чуть не целый час обсуждали при мне вопрос о том, чья удочка лучше. Быть может, вам тоже случалось присутствовать при подобных спорах. Боюсь, что они неразрешимы.

Решение ехать на рыбалку было принято нами в маленьком гольф-клубе нашего курортного городка, на той самой веранде, где мы обычно сидим по вечерам. О, это совсем маленький клуб, без претензий! Площадка здесь недостаточно хороша для гольфа, и, говоря откровенно, мы не слишком часто гоняем по ней мяч. И, уж конечно, не обедаем в нашем клубе - он для этого не годится. Бутылочку здесь тоже не разопьешь - сухой закон! Но все-таки мы приходим сюда и сидим. Сидеть здесь очень приятно. В конце концов, что еще остается при настоящем положении вещей?

Итак, решение о рыболовной вылазке было принято именно здесь.

Эта мысль пришла по душе всем нам. По словам Джонса, он давно уже ждал, чтобы кто-нибудь из нас организовал такую экспедицию. По-видимому, это было единственное развлечение, которое он любил по-настоящему. Я же был просто в восторге, что поеду вместе с этой четверкой истинных рыболовов. Правда, сам я не удил рыбу почти десять лет, но рыбная ловля - моя давнишняя страсть. Я не знаю в жизни большего наслаждения, чем то, которое ощущаешь, когда, подцепив на крючок четырехфунтового окуня, вытаскиваешь его из воды и взвешиваешь на руке. Но, повторяю, я не выезжал на рыбную ловлю уже десять лет. Да, это правда, каждое лето я живу у самой воды, и - как я только что сказал - страстно люблю удить рыбу... Но все-таки, сам не знаю почему, за десять лет я ни разу не выбрался на реку. Каждый рыболов хорошо знает, как это получается. Время пролетает незаметно, а годы уходят. И все же я удивился, узнав, что Джонс, этот заядлый спортсмен, не выезжал на рыбную ловлю - как это только что выяснилось - целых восемь лет. А я-то воображал, что он просто днюет и ночует на воде. Полковник Морс и Кернин - я был изумлен, узнав это, - не были на рыбной ловле уже двенадцать лет, то есть ни разу после того дня (это обнаружилось в ходе нашей беседы), когда они вместе ездили на озеро Россо и Кернин вытащил настоящее чудовище пяти с половиной фунтов - так они утверждали. Впрочем, нет - кажется, он не вытащил его. Да, да теперь я припоминаю, он не вытащил его. Он подцепил его на крючок и мог бы вытащить, он чуть не вытащил его, но все-таки не вытащил. Да, именно так. Теперь я вспомнил, как Кернин и Морс немного поспорили между собой - нет, нет, вполне дружелюбно! - относительно того, кто был в этом виноват - мямля Морс, слишком долго провозившийся с сачком, или осел Кернин, прозевавший время для подсечки. Все это было сказано самым дружеским тоном. Ведь история произошла так давно, что оба могут теперь вспоминать о ней без малейшей горечи или обиды. В сущности, она даже забавляет их. Кернин сказал, что никогда в жизни не видел ничего смешнее бедного старины Джека (так зовут Морса), окунающего свой сачок не туда, куда надо. А Морс сказал, что никогда не забудет, как бедный старина Кернин дергал свою леску то вправо, то влево, не зная хорошенько, в какую сторону тянуть. И, вспоминая об этом, оба хохотали.

Они бы еще долго хохотали, если бы не Чарли Джонс, который прервал их, сказав, что, по его мнению, рыболовный сачок - никому не нужная, дурацкая вещь. Попли согласился с ним. Но Кернин возразил, что без сачка вы можете упустить всю вашу рыбу - она плюхнет в воду у самого борта. Джонс сказал, что это не так: если крючок хорошенько зацепит рыбу и в руках у него, Джонса, будет прочная леса, рыба никуда от него не уйдет. Попли подтвердил его слова. Если его крючок глубоко вонзится рыбе в глотку, сказал он, а леска будет

короткая и прочная и если на другом конце лески будет находиться он, Попли, то рыба никуда не уйдет. Ей это не удастся. В противном случае Попли будет знать, почему она ушла. Одно из двух: либо рыба никуда не уйдет, либо Попли будет знать, почему она ушла. В этом есть железная логика.

Впрочем, некоторым из моих читателей, быть может, уже приходилось слышать подобные споры.

Итак, мы договорились выехать на следующее утро, и притом как можно раньше. Все наши мальчики были единодушны в своем решении. Когда я говорю "мальчики", я употребляю это слово в том смысле, какой оно имеет среди рыболовов: так они называют людей в возрасте примерно от сорока пяти до шестидесяти пяти. В рыбной ловле есть нечто такое, что сохраняет людям молодость. Если человек изредка, ну, скажем, раз в десять лет, забывает все свои дела и отправляется на рыбалку, это поддерживает в нем бодрость.

Все мы сошлись на том, что ехать надо на моторной лодке, на большой моторной лодке, говоря точнее - на самой большой моторной лодке, какая имеется в нашем городке. Мы могли бы поехать и на обыкновенной гребной лодке, но это совсем не то. Кернин говорит, что человек, сидящий на обыкновенной лодке, не в состоянии дать рыбе возможность хорошенько клюнуть. Борт лодки так низок, что рыба, когда ее вытащишь, может, сорвавшись с крючка, перепрыгнуть через борт и уйти. Попли сказал, что на обыкновенной гребной лодке нет комфорта. В моторке человек может вытянуть ноги как ему угодно. Чарли Джонс сказал, что в моторке можно откинуться назад и к чему-нибудь прислониться. А Морс сказал, что в моторке никогда не устает шея. Молодые неопытные мальчики (в узком смысле этого слова) никогда не думают о такого рода вещах. Поэтому через несколько часов после выезда у них устает шея, тогда как опытным рыболовам, расположившимся на моторной лодке, не приходится напрягать спину и шею, а в те промежутки времени, когда рыба перестает клевать, они даже успевают вздремнуть.

Как бы там ни было, но все наши "мальчики" единодушно признали, что у моторной лодки есть одно громадное преимущество: можно нанять человека, который нас повезет. Этот человек раздобудет для нас червей, позаботится о запасных лесках, и, кроме того, он сможет заехать за каждым из нас в отдельности - все мы жили у воды, но в разных местах. В общем, чем больше мы думали о преимуществах, связанных с тем, чтобы нанять человека, тем больше нам нравилась эта мысль. Когда "мальчик" превращается в мужчину, ему нравится иметь "человека", который бы делал за него его работу.

Тем более что Фрэнк Роллс, человек, которого мы решили нанять, не только являлся обладателем самой большой во всем городе моторной лодки, но и знал озеро. Мы позвонили по телефону в его шлюпочный сарай и сказали, что дадим ему пять долларов, если он заедет за нами пораньше утром - разумеется, при условии, что он знает, где водится рыба. Он сказал, что знает.

Говоря чистосердечно, я просто не помню, кто из нас первым упомянул о виски. Ведь в наше время каждый должен соблюдать осторожность. Мне кажется, что все мы уже давно думали о виски и только потом кто-то высказал эту мысль вслух. Существует своего рода традиция - едешь на рыбалку, бери с собой виски. Нет такого мужчины, который бы не утверждал, что в шесть часов утра ему просто необходимо холодное, неразбавленное виски. Говоря о виски, люди употребляют выражения, в которых сквозит глубокая нежность. Один уверяет, что, когда едешь удить рыбу, никак не обойтись без глоточка доброго виски. Другой говорит, что стаканчик виски - это самое подходящее дело, а остальные сходятся на том, что ни один мужчина не станет настоящим рыболовом без хорошей порции этой "живительной влаги", этого "нектара", этого "напитка богов". В душе каждый считает, что ему-то лично виски совершенно ни к чему. Но он чувствует, что мальчикам, когда они собираются всей компанией, оно просто необходимо.

Так было и с нами. Полковник сказал, что он принесет с собой бутылочку спиртного. Попли сказал: нет, он принесет ее сам. Кернин сказал, что это его забота. А Чарли Джонс сказал: нет, выпивку принесет он. Выяснилось, что у полковника есть дома отличное

шотландское виски. Как это ни странно, но у Попли тоже оказалось дома такое виски. И объясняйте как хотите, но обнаружилось, что шотландское виски имелось в доме у каждого из нас. Итак, по окончании дискуссии было установлено, что все пятеро намерены принести с собой по бутылке виски. И, стало быть, каждый из нас полагал, что остальные выпьют в течение утра по бутылке с четвертью на брата.

Очевидно, мы проговорили на веранде далеко за полночь. Было, пожалуй, ближе к двум, чем к часу, когда мы наконец кончили нашу беседу. Но все мы решили, что это ничего не значит. Попли сказал, что для него три часа сна если только это настоящий, крепкий сон, - важнее десяти. Кернин сказал, что юристу часто приходится спать урывками. А Джонс сказал, что когда человек работает на железной дороге, ему ничего не стоит немножко урезать свой сон.

Так что все мы нисколько не сомневались, что к пяти часам будем в полной боевой готовности. План наш был гениально прост. Такие люди, как мы, занимающие солидное положение в обществе, умеют быть хорошими организаторами. Попли говорит, что, в сущности, только благодаря нашим организаторским способностям мы и стали тем, что мы есть. Итак, наш план был таков: в пять часов Фрэнк Роллс проезжает на своей лодке мимо наших домов и громко свистит, а мы спускаемся вниз, каждый к своему причалу, захватив удочки и все снаряжение. Таким образом, мы отправимся на отмель без малейшей проволочки.

Погода в расчет не принималась. Было решено, что даже дождь ничего не может изменить. Кернин сказал, что во время дождя рыба клюет еще лучше. И все согласились, что, если человек глотнет спиртного, ему нечего бояться нескольких капель дождя.

Итак, мы разошлись, горя нетерпением поскорее осуществить наш замысел. Даже и сейчас я все еще считаю, что в плане нашей вылазки не было ничего ошибочного или несовершенного.

Адский свист Фрэнка Роллса раздавался напротив моей дачи в какой-то невыносимо ранний утренний час. Даже не вставая с постели, я увидел в окно, что для ловли рыбы день был совершенно неподходящий. Не то чтобы шел дождь нет, я имею в виду не это. Но был один из тех странных дней - не ветреный, нет, ветра не было, - когда в воздухе носится нечто, ясно указывающее каждому, кто хоть немного смыслит в ловле окуней, что выезжать на рыбалку совершенно бесполезно. Рыба не станет клевать в такой день, - я твердо знал это.

Пока я лежал, переживая свое горькое разочарование, Фрэнк Роллс продолжал свистеть, но уже напротив других коттеджей. Всего я насчитал тридцать свистков. Потом я впал в легкую дремоту. Я не спал - нет, это была именно дремота, я не могу подобрать другого слова. Мне стало ясно, что остальные "мальчики" отказались от своего намерения. Так имело ли смысл выходить одному мне? Я остался там, где я был, и продремал до десяти часов.

Когда попозже утром я вышел в город, меня поразили огромные объявления в лавках и ресторанах:

РЫБА! СВЕЖАЯ РЫБА!

СВЕЖАЯ ОЗЕРНАЯ РЫБА!

Интересно все-таки, где же, черт возьми, они берут ее, эту рыбу?

ИЗ СБОРНИКА

"ПРИ СВЕТЕ РАМПЫ"

(1923)

МОЙ ПОГИБШИЙ ДОЛЛАР

Мой друг Тодд должен мне доллар. Он занял его еще год назад, и, боюсь, теперь уже мало надежды, что он когда-нибудь вернет мне его. Когда я вижу с ним, то всякий раз убеждаюсь, что он забыл об этом долге. Он встречает меня по-прежнему - все с той же дружеской улыбкой. Мой доллар совершенно вылетел у него из головы. Ясно, что я никогда не получу его обратно.

И в то же время мне ясно и другое - всю свою жизнь я буду помнить, что Тодд должен

мне доллар. Я уверен, что это обстоятельство нисколько не нарушит нашей дружбы, но мне никогда не удастся забыть об этом факте. Не знаю, как другие, но я, если кто-нибудь должен мне доллар, не могу не думать об этом, пока я жив.

Позвольте мне рассказать все по порядку. Тодд занял у меня этот доллар восьмого апреля прошлого года (я привожу дату на всякий случай - а вдруг эти строки когда-нибудь попадут на глаза Тодду), как раз перед своим отъездом на Бермудские острова. Ему понадобился один доллар, чтобы заплатить за такси, и я одолжил ему этот доллар. Все произошло очень просто, естественно, и я опомнился лишь тогда, когда дело было сделано. "Дай-ка мне доллар", попросил он. "Пожалуйста, - ответил я. - А тебе не мало будет доллара?"

Я думаю - нет, я даже уверен, - что когда Тодд брал у меня этот доллар, он намеревался вернуть его.

Из Гамильтона, с Бермудских островов, он прислал мне письмецо. Распечатывая конверт, я надеялся, что доллар окажется внутри. Но там его не было. Тодд просто писал, что жара доходит у них чуть не до ста градусов,* и эта цифра на миг насторожила меня.

---

* 100° по шкале Фаренгейта равны 37,5° по Цельсию.

Тодд вернулся через три недели. Я пошел встречать его на вокзал - не из-за доллара, нет, а просто потому, что я и в самом деле отношусь к нему с большим уважением. Мне казалось, что после трехнедельного отсутствия ему будет приятно увидеть, что кто-то ждет его на перроне. Я сказал:

- Давай возьмем такси и поедem в клуб.

Но он ответил:

- Нет, лучше пройдемся пешком.

Вечер мы провели вместе и беседовали о Бермудских островах. Я все время думал о моем долларе, но, конечно, не заговаривал о нем. Как-то неловко напоминать о таких вещах. Я только спросил, какая валюта имеет хождение на Бермудах и как там идет американский доллар - по номиналу или нет. На слове "доллар" я сделал некоторое ударение, но сказать прямо так и не смог.

Лишь спустя некоторое время (мы с Тоддом встречались в клубе почти ежедневно) я убедился, что он совершенно забыл о долларе. Как-то я спросил у него, во что обошлась ему поездка, и он сказал, что не занимался подсчетом. Еще через несколько дней я спросил, вошел ли он в колею после поездки, и он ответил, что успел забыть о ней. Итак, все было кончено - я понял это.

При всем том я не испытываю к Тодду ни малейшей неприязни. Просто я добавил его к списку людей, которые задолжали мне доллар и забыли об этом. Теперь их осталось уже совсем немного. Я отношусь к ним ничуть не хуже, чем к остальным, и хотел бы только одного - забыть.

С Тоддом я встречаюсь очень часто. Всего два дня назад мы вместе были на одном обеде, и он, по-видимому, без всякой задней мысли, вдруг заговорил о Польше. Он сказал, что Польша никогда не заплатит своих долгов. Уж, кажется, подобная вещь должна была бы напомнить ему, не так ли? Но нет, судя по всему, он ни о чем не вспомнил.

И вот с течением времени некая мысль - очень тягостная мысль - начала преследовать меня. Вот она. Если Тодд занял у меня доллар и начисто забыл об этом, то весьма возможно - да, теоретически это вполне вероятно, - что найдутся люди, которым я тоже должен доллар и о которых я тоже совершенно забыл. И, может быть, таких людей много. Чем больше я об этом думаю, тем меньше мне это нравится, ибо я уверен, что если я когда-нибудь забыл отдать доллар, то уж никогда не отдам его - во всяком случае, на этом свете.

Если такие люди существуют, я прошу их громко заявить об этом. Но не всех сразу. В умеренных количествах и, если возможно, в алфавитном порядке, чтобы я мог сразу же занести их фамилии в список. При этом я не включаю сюда людей, которые могли когда-нибудь одолжить мне случайный доллар во время игры в бридж. Я также не

вспоминаю (вернее, стараюсь не вспоминать) о человеке, который месяц назад одолжил мне тридцать центов на бутылку содовой в Детройтском спортивном клубе. Я всегда считал, что нет ничего лучше содовой воды после утомительной поездки через канадскую границу, а тот тип, который ссудил мне эти тридцать центов, отлично знает, чем он мне обязан. Но если кто-нибудь когда-нибудь одолжил мне доллар на такси, когда я уезжал на Бермудские острова, я хочу отдать его.

Более того. Я хочу организовать всеобщее движение под названием "Назад, к честности!". Я хочу, чтобы люди возвращали даже и те случайные доллары, которые были им одолжены в порыве великодушия. Позволю себе напомнить, что безукоризненная честность - это краеугольный камень, на котором зиждется существование величайших наций мира.

В заключение я хочу убедительно попросить моих читателей, чтобы ни один из них по рассеянности не оставил эту книгу в таком месте, где ее мог бы увидеть мистер Тодд, член Монреальского университетского клуба.

КАК Я УБИЛ СВОЕГО ДОМОВЛАДЕЛЬЦА

Так как теперь уже всем известно, что я убил хозяина дома, где мы снимаем квартиру, мне хочется дать нечто вроде публичного объяснения по поводу того, что произошло.

Меня со всех сторон убеждали, что это совершенно излишне, но сам я переживал этот инцидент так болезненно, что в конце концов почувствовал себя вынужденным явиться к полицейскому комиссару, чтобы отдать ему полный отчет в том, что я совершил. Он сказал, что давать объяснения совершенно незачем. Никто этого не делает - к чему они?

- Вы убили вашего домовладельца? - сказал он. - Прекрасно. Ну и что же?

Я спросил у него, не являются ли мои действия до некоторой степени подведомственными закону. Но он покачал головой.

- С какой стороны? - спросил он.

Я объяснил ему, что эта история поставила меня в какое-то ложное положение, что поздравления, которые я получаю от друзей и даже от лиц, совершенно незнакомых, едва ли можно считать заслуженными, если принять во внимание все детали; словом, что мне бы хотелось, чтобы все обстоятельства дела были преданы какой-то гласности.

- Хорошо, - сказал полицейский комиссар. - Если уж вы непременно хотите, можете заполнить бланк.

И стал рыться в своих бумагах.

- Как вы сказали? - спросил он. - Вы уже убили своего домовладельца или только собираетесь его убить?

- Я уже убил его, - ответил я твердо.

- Прекрасно, - сказал полицейский. - А то, знаете, у нас на эти случаи существуют различные формы бланков.

Он протянул мне длинный печатный бланк с рядом вопросов: возраст, род занятий, мотивы убийства (если таковые имеются) и т.д.

- Что я должен написать в графе "мотивы"? - спросил я.

- По-моему, - ответил он, - лучше всего написать просто "никаких" или, если угодно, - "обычные".

Затем он вежливо выпроводил меня из кабинета, выразив надежду, что я похороню своего домовладельца, а не брошу его труп на произвол судьбы.

Меня это свидание не удовлетворило. Я несколько не сомневаюсь в том, что полицейский комиссар точно следовал букве закона. В самом деле, если бы всякий раз, когда квартирант подстреливает своего домовладельца, приходилось заводить следствие, это было бы утомительно и скучно.

Как правило, хозяина дома убивают в связи с повышением квартирной платы, и тут не требуется никаких лишних слов. "Я намерен увеличить вашу квартирную плату на десять долларов в месяц", - заявляет хозяин. "Отлично, говорит квартирант. - Тогда я убью вас". Иногда он делает это, а иногда забывает.

Однако мой случай существенно отличается от остальных. Ибо предложение Национального союза квартиронанимателей наградить меня в следующую субботу золотой медалью чрезвычайно обострило ситуацию и вынуждает меня дать необходимые объяснения.

Я отчетливо помню, как лет пять назад мы с женой пришли снимать эту квартиру. Хозяин сам показывал нам ее, и я должен признаться, что в его поведении не было тогда ничего или почти ничего такого, что могло бы навести на мысль о каком бы то ни было отклонении от нормы.

Лишь один незначительный эпизод остался у меня в памяти. Хозяин извинился перед нами за недостаток места для стенных шкафов.

- В этой квартире мало шкафов, - сказал он.

Услышав это, я почувствовал какую-то неловкость.

- Что вы! - возразил я. - Да вы посмотрите, как просторна эта кладовка! В ней, по крайней мере, четыре квадратных фута.

Но он покачал головой и повторил, что шкафов мало и они недостаточно вместительны.

- Я должен поставить здесь другие шкафы, получше, - сказал он.

Два месяца спустя он поставил новые шкафы. Я был поражен - право же, тут было что-то противоестественное, - когда оказалось, что он не повысил при этом квартирной платы.

- Разве в связи с установкой шкафов вы не собираетесь повысить плату за квартиру? - спросил я.

- Нет, - ответил он. - Они обошлись мне всего в пятьдесят долларов.

- Но, дорогой мой, - возразил я, - ведь на пятьдесят долларов вы можете получить шестьдесят долларов чистой прибыли в год.

Он согласился со мной, но сказал, что все-таки не будет повышать квартирную плату. Обдумав это, я решил, что его поведение могло быть симптомом начальной стадии пареза или склероза сосудов головного мозга. В то время у меня еще не было намерения убить его. Оно появилось позднее.

Я не припомню, чтобы до весны следующего года произошло что-нибудь существенное. Весною же хозяин неожиданно явился к нам, извинился за свое вторжение (факт уже сам по себе несколько подозрительный), и заявил, что намерен переменить обои во всей квартире. Я убеждал его не делать этого.

- Этим обоям всего десять лет, - сказал я.

- Да, - ответил он. - Но за это время цена на них поднялась вдвое.

- Хорошо, - сказал я твердо. - Если так, вы должны повысить квартирную плату на двадцать долларов в месяц.

- Нет, не должен, - ответил он.

Этот неприятный разговор повлек за собой явное охлаждение между нами на несколько месяцев.

Последующие наши столкновения носили еще более острый характер. Все помнят резкое увеличение квартирной платы в связи со страшным ростом цен на строительные материалы. Наш хозяин отказался повысить плату за квартиру.

- Цены на строительные материалы выросли по меньшей мере на сто процентов, - сказал я.

- Прекрасно, - ответил он. - Но я ничего не строю. Я всегда получал десять процентов на капитал, вложенный мной в эту собственность, и продолжаю получать их.

- Подумайте о вашей жене, - сказал я.

- Не хочу, - ответил он.

- Но вы обязаны думать о ней, - настаивал я. - Довожу до вашего сведения, что только вчера я прочел в газете письмо некоего домовладельца одно из прекраснейших писем, какие мне когда-либо приходилось читать (я хочу сказать - из писем домовладельцев), и он пишет

там, что рост цен на строительные материалы вынудил его подумать о жене и о детях. Такой трогательный призыв!

- Меня он не трогает, - ответил мой домовладелец. - Я не женат.

- Ах, так! - сказал я. - Не женаты.

Пожалуй, именно тогда мне впервые пришла мысль, что этого человека следует устранить.

Затем последовал ноябрьский эпизод. Очевидно, все мои читатели помнят о пятидесятипроцентном увеличении квартирной платы, которое было предпринято, чтобы отпраздновать День перемирия.* Мой домовладелец отказался присоединиться к сей торжественной акции.

---

* День перемирия - 11 ноября, день, когда в Америке отмечается заключение мира после первой мировой войны 1914 - 1918 годов; с 1954 года именуется Днем ветерана.

Подобное отсутствие патриотизма у этого человека привело меня в сильнейшее негодование. Точно такая же история произошла при повышении квартирной платы, которым было решено ознаменовать приезд к нам маршала Фоша, а также позднее - когда квартирная плата была поднята, если не ошибаюсь, на двадцать пять процентов в честь демобилизованных участников войны.

Это было чисто патриотическое движение, которое возникло стихийно, без всякой предварительной подготовки.

Я сам слышал, как многие солдаты говорили, что это был первый сюрприз, которым их встретила родина, и что они никогда его не забудут.

Еще через некоторое время последовало новое увеличение квартирной платы, организованное в честь приезда принца Уэльского. Лучшее приветствие трудно было бы придумать.

Мой домовладелец - увы! - оставался в стороне от всех этих проявлений патриотизма. Он ни разу не увеличил квартирную плату.

- Я получаю свои десять процентов, - повторял он, - с меня хватит.

Теперь я понимаю, что парез или склероз, очевидно, полностью завладели какой-то долей или даже целым полушарием его головного мозга.

Я стал обдумывать план действий.

Решающий момент наступил в прошлом месяце. Квартирная плата была резко - и совершенно правильно - повышена с целью уравновесить падение немецкой марки. Это мероприятие было, разумеется, основано на солидных аргументах, понятных каждому деловому человеку.

Совершенно очевидно, что, если бы мы ничего не противопоставили падению марки, это могло бы погубить нас. Дешевая немецкая марка позволила бы немцам отобрать у нас наши дома.

Я ждал три дня, тщетно надеясь получить извещение о повышении платы за мою квартиру.

Потом я отправился к хозяину в его контору. Не отрицаю, я был вооружен, но у меня было смягчающее обстоятельство: я знал, что мне придется иметь дело с человеком ненормальным, с душевнобольным, с человеком, у которого половина головного мозга уже поражена склерозом.

Я не стал тратить лишних слов на предварительные объяснения.

- Вам известно о падении немецкой марки? - спросил я.

- Да, - ответил он. - И что же из этого следует?

- Ничего, - сказал я. - Намерены вы повесить плату за мою квартиру или нет?

- Нет, - произнес он упрямо. - Не намерен.

Я поднял револьвер и выстрелил. В эту минуту он сидел ко мне боком. Всего я произвел четыре выстрела. Сквозь дым мне удалось рассмотреть, что первый из них разнес в клочки его жилет, второй сорвал с него воротничок, третий и четвертый пробили на спине

подтяжки. По-видимому, он был в состоянии коллапса. Сомневаюсь, чтобы ему удалось выбраться на улицу. Но даже и в этом случае он, безусловно, не смог бы уйти далеко.

Я оставил его там, где он был, и, как уже сказал, отправился в полицию.

Если Союз квартиронанимателей наградит меня медалью, я хочу, чтобы это было сделано с полным пониманием того, что произошло.

ИЗ СБОРНИКА

"В САДАХ ГЛУПОСТИ"

(1924)

ЛИТЕРАТУРА БИЗНЕСА

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Теперь, когда бизнес занял столь важное место в нашей жизни, совершенно очевидно, что ему суждено поглотить хрупкие создания рук человеческих, которые мы привыкли называть искусством и литературой. Им остается либо приспособиться, либо погибнуть. Приводимые ниже повести могут служить примером того, каким образом мы предполагаем осуществить необходимую перестройку. Каждому, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к выпуску журналов, несомненно известно, что помещаемая в них реклама давно уже стала намного интереснее основного текста. Ее составляют наиболее высококвалифицированные и высокооплачиваемые журналисты, ее лучше иллюстрируют, и, естественно, она занимательнее и живее всего остального. Короче, деловой человек начинает чтение журнала с рекламы и, только досконально изучив их, обращается к куда более скучным страницам в середине, которые обычно заполняют повестями, рассказами и прочей художественной литературой. Создалось угрожающее положение, и, мне кажется, пришло время нашим писателям подумать о том, как сделать свою продукцию более привлекательной для читателя.

По-моему, самый лучший выход - это заимствовать у рекламы присущий ей способ идеализации и точную, блестяще поставленную информацию, широко освещающую все, что касается одежды, тканей и соответствующих цен. Возникшая в результате перестройки новая литературная школа сможет с успехом создавать повести и рассказы по нижеследующему образцу.

РОНАЛД ИЗ "РЕКЛАМ"

Повесть, предназначенная для последних страниц журнала

Первые детские воспоминания Роналда Элликотта, которому посвящено наше повествование, связаны с родовым именем его отца в Новой Англии на берегах реки Пообчистимихнемного, ныне привлекающей множество туристов. Из Нью-Йорка и Бостона вы легко можете добраться туда на машине или же воспользоваться услугами Бостонско-Мейнской железнодорожной компании, которая доставит вас к месту назначения и обратно в комфортабельных поездах с вагонами-ресторанами; компания охотно принимает жалобы от клиентов в случае проявления грубости со стороны ее служащих. В этом райском уголке прошли детские годы Роналда. Дом, в котором он жил, был типичной колониальной усадьбой, известной среди соседей под названием "Рекламы". Она была построена в колониальном стиле (см. приложение), с высокой галереей и широкой покатой кровлей, крытой ЧУДО-дранкой новейшей конструкции, главное преимущество которой состоит в том, что при ее применении снижаются расходы на рабочую силу, поскольку два кровельщика легко укладывают триста квадратных футов (30 X 10 футов) дранки в день. Именно эта дранка заслужила краткий, но выразительный отзыв мистера Р.О.Уудхеда (см. вкладыш), известного строителя из Потсдама, Нью-Хемпшир, который сказал: "Она уменьшает расходы".

В этой уединенной тиши Роналд провел годы отрочества, коротая дни свои в мечтах и грезах. Если случалось, что сон почему-то бежал его очей, он вдыхал через нос порошок СПИ-УСНИ и немедленно погружался в сладостную дрему, от которой пробуждался свежим и бодрым, - и все это за пятьдесят центов пакет.

Когда Роналду исполнилось девятнадцать лет, в "Рекламы" приехала погостить его

дальняя родственница, Прелестная Присцилла. Она осталась круглой сиротой после смерти родителей, которые не знали, что десять минут упражнений на полу собственной спальни по системе ПРАКТО сохранили бы им жизнь на долгие годы. К тому же, по глупости опекуна, не имевшего ни малейшего понятия о том, что вопрос помещения капитала превратился теперь в науку, которую можно постичь за семь уроков, высылаемых наложенным платежом по первому требованию, бедняжка оказалась без единого цента.

Хотя у Прелестной Присциллы не было за душой ни цента, прибыв в "Рекламы", она тотчас же пронзила юное и впечатлительное сердце Роналда. Когда Присцилла вышла из машины, снабженной шинами с гарантией пробега на двадцать тысяч миль и с исключительно мягким ходом по любому шоссе, покрытому АСФАЛЬТОСМЕСЬЮ, которую под силу уложить даже ребенку, она была хороша как картинка и всем видом своим ласкала глаз. Одета она была в модный костюм от БЕРСАЛЬЕРИ, который сочетает элегантность с удобством и обладает тем преимуществом, что годится на все размеры и идет без исключения всем дамам: не только стройным, как Присцилла, но и полным. Каталог имеющихся в продаже моделей с указанием размеров и полезными советами покупателям прилагается к каждому костюму, и мы не сомневаемся, что, выходя из машины, Присцилла имела этот каталог при себе. На голове у нее красовалась модная в этом сезоне шляпа а-ля фашист, которая убивает наповал за сто ярдов, а ножки ее были обуты в высокие светло-коричневые ботинки, сочетающие изящество с удобством благодаря стараниям специалистов фирмы, разработавших модель, которая не давит в подъеме, а также эластично гнется при ходьбе, не сжимая костей антракса. Глубоко под костюмом (очень глубоко!) Присцилла носила плотно облегающее импортное (прямо из Лиона!) комбине последнего образца, без которого не может обойтись ни одна современная женщина. Словом, когда мы говорим, что эта девушка была хороша как картинка и могла бы прельстить не только отшельника (или рака-отшельника), но даже студента выпускного курса, мы отнюдь не впадаем в преувеличение.

При виде девушки Роналд, одетый в серый костюм (последняя модель фирмы ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА) и темно-коричневые ботинки, почувствовал, что теряет свое сердце навеки.

В последующие дни наш юный герой стал постоянным спутником и даже более того - руководителем и наставником прелестной девушки. Страстный любитель гольфа, Роналд посвятил свою очаровательную кухню в тайны этой игры и научил ее выбирать мячи только марки СМАСКО 1924, покрышки которых (гарантия!) никогда не лопаются и не рвутся. Проникнув затем в тайны МАДЖОНГА - превосходные комплекты принадлежностей для этой игры поступили сейчас в продажу прямо из Китая (обратите внимание: прямо из Китая!), молодые люди нашли великолепное занятие, освободившее их от всяческих раздумий.

С каким несказанным удовольствием наблюдал Роналд в эти дни сладостной дружбы, как зреет ум его юной избранницы. Желая способствовать ее дальнейшему развитию, молодой человек купил и читал ей вслух "Заочный курс политической экономии" и "Руководство по муниципальному налогообложению" пособия, знакомство с которыми позволило бы девушке занять ответственный пост налогового инспектора, а также муниципального советника или инженера-экономиста. Кроме того, они проштудировали курсы: "Калькуляция себестоимости" и "Исчисление накладных расходов", с помощью которых Присцилла получила достаточную подготовку, чтобы быть страховым агентом, а также выполнять в страховом обществе работу по оценке нанесенного стихийным бедствием ущерба или в ликвидационной комиссии - по оценке наличного имущества банкрота. Так с каждым днем ум девушки неизмеримо обогащался, и все шире становился ее взгляд на мир. А как сказал доктор лесоводства, профессор О.Дж.Хутч, учредитель Всемирных курсов заочного обучения (Омаха, авеню 4718, комн. 6) - "Иметь взгляды - значит глядеть в оба!"

Нужно ли подробно описывать те блаженные, но полные томительной тревоги дни, когда Роналд, уже поняв, что полюбил, то взмывал на крыльях надежды, то сгибался под бременем отчаяния? Достаточно сказать, что, если бы не последняя новинка - подтяжки

ДЕРЖИ КРЕПКО с передвижной центральной пряжкой, рассчитанные на самые резкие движения плеч, бедняга никогда не выдержал бы такой нагрузки. Несомненно, что только это великолепное устройство помогло молодому человеку справиться со страшным напряжением трудных дней, позволяя расправлять плечи и при этом не давя ему на живот. Словом, перед нами те самые подтяжки, про которые мистер Дж.О.П.Багхауз из Уачиты, штат Канзас (фотография прилагается) сказал следующее: "Я ношу только эти подтяжки!"

В эти сказочные дни влюбленный Роналд не раз пытался найти способ выразить обуревавшие его чувства, но, увы, не находил для них слов. Узнав, что цветы можно заказывать по телеграфу в любой адрес, он засыпал Присциллу букетами со всех концов страны. Телеграфные заказы принимаются круглосуточно и выполняются особым штатом высококвалифицированных специалистов, на чей вкус и умение клиент вполне может положиться. Знаменитый садовод, мистер Дж.Кв.У.Мад из Уостебула (штат Вашингтон) с присущим ему лаконизмом сказал нам об этих заказах: "Будем же ими пользоваться!" Кроме цветов, Роналд посылал еще семена, луковицы и черенки, заказы на которые принимаются на тех же условиях.

Неотвратимо надвигался тот миг, когда Роналд из "Реклам" ощутил необходимость узнать свою судьбу и отважиться на открытое признание. Однако он решил основательно подготовиться к столь важному шагу. Чтобы побороть естественную в его возрасте робость, он приобрел и проштудировал краткое пособие, озаглавленное - "Долой робость! Пользуясь нашей системой упражнений, вы приобретете уверенность в себе за два урока по 50 центов каждый". Роналд выписал эту брошюру по почте, вложив в конверт почтовых марок США на сумму в один доллар. Считаем своим долгом сообщить, что оплата может быть произведена в виде чеков, денежных переводов и любым другим узаконенным способом.

Прелестная Присцилла также подготовилась к объяснению. Она изучила краткое пособие под названием "Что нужно знать молодой девушке" и знала все, что нужно было знать.

И вот наступила роковая минута. Опустившись перед Присциллой на колени, что он мог сделать без всякого риска, так как носил брюки из НЕМНУЩЕЙСЯ ткани, Роналд без труда объяснился в любви, воспользовавшись несколькими заимствованными из упомянутой брошюры фразами. Ответом ему был яркий румянец, заливший щеки Прекрасной Присциллы. Роналд легко (с помощью подтяжек!) поднялся на ноги и прижал девушку к своей груди.

Мы не будем описывать восхитительную церемонию венчания, состоявшуюся в "Рекламах". По случаю бракосочетания Роналда с Прекрасной Присциллой в старом доме была произведена тщательная уборка от чердака до подвалов, и все комнаты были заново отремонтированы. Для этой цели Роналд использовал новую модель пылесоса ПНЕВМО-ВИХРЬ, которую фирма бесплатно предоставляет покупателям на десять дней для проверки в действии; гарантируется полное очищение всех углов и щелей от пыли. Именно эта модель получила блестящий отзыв мистера Х.Кв.Оверхеда, известного эксперта из Йеля, который сказал: "Лучшего пылесоса я не знаю!"

Банкет было поручено устроить специализированной фирме. Пригласительные билеты отпечатали в специализированной типографии. Пастору были предложены простые и ясные условия: ему оплачивали стоимость совершения обряда и проезд. Невеста в подвенечном наряде (не понравившаяся заказчику модель принимается обратно, расходы по пересылке оплачиваются фирмой) выглядела очаровательно. На женихе был костюм с личной гарантией портного. И когда счастливая пара опустилась на мягкое сиденье и удобно откинулась на спинку ландо, снабженного рессорами, Роналд заключил Присциллу в объятия и прошептал: "Реклама оправдывает себя".

НАШИ БЛАГОДЕТЕЛИ БИЗНЕСМЕНЫ

Послеобеденные рассуждения, записанные
со слов самого скромного из гостей

- Нет, сэр, с дробями я до сих пор не в ладах, - сказал мистер Спагг, хозяин дома, держа

в правой руке рюмку портвейна, а в левой - сигару.

И он с гордостью оглядел стол. Все гости, кроме меня, одобрительно закивали.

- Более того, - продолжал мистер Спагг, - за всю мою жизнь они мне ни разу не понадобились.

Последовало всеобщее одобрение.

Спагг, конечно, - фигура, причем, говорят, самая крупная в резиновой промышленности на континенте. За столом собрались сплошь фигуры и короли рубашечный король, фруктовый король, а в правом углу сидел человек, которого, как я не раз слышал, называли Наполеоном мороженого мяса. Само собой разумеется, что в таком собрании, как я уже упоминал вначале, всегда присутствует несколько Наполеонов, о которых так и говорят: "Ну, прямо Наполеон!", "Ни дать ни взять Наполеон!" и т.д. Ни одно собрание деловых людей без них не обходится. Кроме того, там было несколько "революционеров". Мне показали человека, который революционизировал заготовку сушеных яблок, и другого, который произвел революцию в сбыте водоустойчивых красителей, и еще третьего, который собирался произвести революцию в продаже яиц. Словом, там собрались те, кого теперь называют воротилами, то есть люди, которые ворочают большими делами. Их, безусловно, нельзя было назвать мыслителями. Мыслить им вообще ни к чему. И когда такие люди говорят, что за всю жизнь им ни разу не потребовалось знакомство с дробями, это, знаете ли, производит впечатление. Если большие люди свободно обходятся без дробей, то кому, скажите на милость, нужны эти дроби?

Но самое интересное ждало меня впереди. Большие люди заговорили о своих "побочных интересах", то есть о том, чем они занимаются наряду с бизнесом.

- Ну, как там дела в твоём университете, Спагг? - спросил бумажный король.

- Спасибо, теперь лучше, - ответил Спагг. - Наконец нашли парня с хорошей деловой хваткой и поставили его во главе. Он теперь перестраивает все хозяйство на новый лад. Мы надеемся, что нынешний годовой баланс будет выглядеть весьма недурно.

- Давно бы так, - удовлетворенно заметил бумажный король.

Они замолчали, и слово взял Наполеон мороженого мяса. Насколько я мог понять, речь шла о церкви, попечителем которой он состоял.

- У него не было ни хватки, ни выдумки, - говорил Наполеон. - Каждое воскресенье одно и то же; что ни проповедь - все о божественном да о божественном. Этого, знаете, никакая паства не выдержит. Людям хочется чего-нибудь современного. Я как-то попытался урезонить старикана: "Неужели вы не можете придумать что-нибудь поинтереснее? Ну, что-нибудь такое, чтобы народ мог отдохнуть от религии!" Какое там! Видно, такой уж он уродился.

- Разве нельзя было устранить его? - спросил кто-то из слушателей.

- Это не так-то просто. У нас не было с ним контракта - у старика имелось письменное назначение, как это делалось в старину (его прислали к нам сорок лет назад), а в письме была об этом всего одна строчка: "Пока господу будут угодны молитвы его". Вот тут и крутись как знаешь. Адвокаты прямо сказали, что не смогут из этого ничего выжать.

Он закурил новую сигару и продолжал:

- Потом еще эта история с кладбищем. Помните, вокруг нашей церкви было кладбище: ивы, памятники и надгробные плиты в траве?

Несколько человек кивнули.

- Запущенное кладбище - плохая реклама для церкви, сами знаете. Памятники старые, плиты наполовину раскрошились, а ивы все какие-то косматые, ни одной порядочной. Нам, конечно, хотелось расчистить это место: убрать старые надгробия, спилить деревья, выложить площадку дерном, а перед входом утрамбовать дорогу и сделать подъезд для машин - знаете, так, полукругом. Ну, старик наш - на дыбы, а без его согласия, как нам объяснили юристы, трогать могилы было рискованно. Есть будто бы какой-то старый закон "о нарушении покоя усопших". На новые кладбища он, как я понимаю, не распространяется, но тут как раз сохранял силу. Прямо безвыходное положение. А от этого кладбища был один

только вред: кому охота гнать свою машину по траве, да еще среди могил - того и гляди распорешь шину об осколок плиты.

- Ну и что же вы сделали? - спросил Смит.

- В конце концов мы его все-таки вытурили. Мы ловко обыграли дело с пенсией, и старик согласился уйти в отставку по-хорошему.

- Кто же у вас теперь вместо него?

- Парень что надо! До нас он служил у пресвитериан (а до них, кажется, в англиканской церкви), но мы в него вцепились намертво, согласились на все его условия, и он подписал с нами контракт.

- Сколько же вы ему платите?

- Пятнадцать тысяч, - сказал Наполеон, попыхивая сигарой. - Дешевле теперь не заполучить, во всяком случае, стоящего. Такой просто не пойдет. Эти ребята знают себе цену. Тут есть одна страховая компания, так они готовы взять нашего к себе хоть завтра и дают те же пятнадцать тысяч.

- Так он и в самом деле стоящий? - спросил один из гостей.

- Еще бы! Первокласный парень! В жизни не встречал священника, который умел бы так поставить рекламу. Видели большой щит с золотыми буквами - ну там, где раньше под старой ивой были солнечные часы? Это он установил. Каждую неделю на щите большущими буквами пишут тему проповеди, так что можно прочесть на ходу, не останавливая машины. Ведь нас интересуют прихожане солидные, сами понимаете. При старике наш приход был самый бедный в городе. А ведь от бедняков церкви мало проку.

Гости громко зашумели в знак согласия.

- Каждое воскресенье - новая тема, и не какое-нибудь там богословие, а все что-то современное, что волнует и привлекает к себе людей. Вот, пожалуйста, в прошлое воскресенье он читал проповедь о Святой земле (он ездил туда лет шесть или семь назад по контракту со "Стандарт Ойл Компани") и показал все так живо (мы установили киноаппарат там, где раньше была купель): нефтяные скважины под Дамаском и буровые вышки у Галилейского моря. Замечательно.

- Но и денежки вы платите ему немалые, - заметил один из гостей. - Не понимаю, как только выдерживают ваши фонды.

- Не только выдерживают, - сказал Наполеон, - но, представьте, мы даже зарабатываем на этом парне. С таким энергичным человеком можно окупить любые затраты. В прошлое воскресенье мы одних пожертвований собрали столько, что покрыли расходы за всю неделю. Вот видите, какая у нас теперь паства.

- Да, здорово, - закивали слушатели.

- Больше того. Возьмите хотя бы расходы на содержание помещения. При старике это была главная статья бюджета. Свет и отопление съедали больше половины, и нужно было вечно ломать голову, как все это покрыть. Конечно, вовсе исключить эти расходы нельзя, но можно сделать так, что они потеряют значение. Оказалось, что всякого рода общественные увеселения - концерты, лотереи, танцы и прочее - дают такие сборы, что нам уже не приходится беспокоиться об отоплении и свете. Мы просто и думать об этом забыли.

Оратор умолк. Хозяин, воспользовавшись паузой, наполнил гостям бокалы и сделал знак дворецкому принести еще сигар. Завязался общий разговор, и беседа утратила свой возвышенный характер.

Возвращаясь домой, я невольно думал о том, какие поистине удивительные благодеяния наши бизнесмены делают для Просвещения и Церкви.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ ОБРАЗЦОВЫХ ВЛЮБЛЕННЫХ,

или Как выбрать себе спутника жизни

на суше и на море

В конце нашей прогулки по саду глупости, познакомившей нас с безрассудствами духа и тела, мы оказались перед самой опасной разновидностью безрассудства, самой древней и в

то же время самой современной - перед безрассудством любви. Мы надеемся, мы искренне надеемся, что даже самые нелюбознательные наши читатели задержатся в этом уголке сада и хоть немного заинтересуются тем, что они увидят. В самом деле, мы можем с полным правом сказать, что единственной причиной, побудившей нас взяться за этот раздел нашего исследования, явилось желание удовлетворить настоятельную потребность широких слоев общества... Впрочем, это единственная причина, которая вообще побуждает нас делать что бы то ни было. Поэтому мы предлагаем в самой сжатой форме нечто вроде "Руководства для влюбленных" или "Учебника любви".

ПРЕДИСЛОВИЕ

о том, как важно правильно выбрать жену

Лишь немногие понимают, как важно правильно выбрать жену. Достаточно взглянуть на чужих жен, чтобы убедиться, насколько были легкомысленны выбиравшие их мужчины. Одни из этих женщин слишком маленького роста, другие - чрезмерно высоки. Третьи же, будучи вполне приемлемыми по размеру, отличаются очень низким качеством. У некоторых неудачная или непрочная окраска. Короче говоря, тот, кто желает выбрать себе жену нужной величины и формы, добротной фактуры и подходящего цвета, такую, которая бы не линяла от стирки и не выгорала на солнце, не должен жалеть времени и труда для серьезного изучения этой проблемы. Как часто молодой человек после женитьбы с огорчением признается, что выбрал себе жену слишком поспешно; что, догадайся он проверить ее умственные способности, он ни за что не женился бы на ней; что она не знает многих вещей, которые, как он предполагал, она обязательно должна была знать; что ее чувство юмора намного ниже самых скромных его требований; что она не умеет играть в покер - словом, что он хотел бы переменить решение и выбрать себе другую жену.

Увы, для этих молодых людей надежды уже нет. Их жребий брошен. Но тем, у кого еще все впереди, мы советуем заблаговременно изучить проблему выбора жены с тем вниманием и серьезностью, каких заслуживает столь важный шаг.

В КАКОМ ВОЗРАСТЕ СЛЕДУЕТ ВСТУПАТЬ В БРАК

Итак, прежде всего мы должны поставить вопрос о том, в каком возрасте молодой человек или девушка могут думать о вступлении в брак. В законах штата Нью-Йорк (и многих других штатов), а также в английском обычном праве, на котором основываются эти законы, говорится, что мужчины могут вступать в брак с четырнадцати лет, а женщины - с двенадцати. Но мы с этим не согласны. Нам кажется, что это рановато. В четырнадцать лет мужчина несколько узковат в плечах, да и ростом еще не вышел. К тому же у нас нет полной уверенности, что его характер уже достиг той зрелости, какую он приобретет годам к шестидесяти. Точно так же и двенадцатилетняя девочка все еще в каком-то отношении - вернее сказать, в бесчисленном множестве отношений - не вполне еще развита. Вряд ли она обладает достаточным знанием жизни, чтобы выбрать себе кормчего для ведения семейной ладьи по житейскому морю столь же обдуманно, как выбирают капитанов пароходные компании. Правда, известно, что в Индии женщины выходят замуж двенадцати лет от роду. Но единственное, что мы можем сделать в данном случае, - это отослать читателя к индийскому изданию нашего руководства. Женщины Запада в двенадцать лет еще не сформировались. Благоразумному молодому человеку следует подождать, пока они подрастут. Если же кто-либо хочет взять в жены одну из этих малолетних индусок - это его дело.

Итак, в каком же возрасте юноша или девушка может вступать в брак? Мы не беремся указать точно какой-нибудь определенный момент. Но в жизни любого человека наступает такая минута, когда новые стремления и новые чаяния заставляют его подумать о брачных узах. Если у девушки появляется желание иметь собственный дом - и большой дом - с дворцом и шофером, с двумя автомобилями и ложей в опере, - значит, ей пора искать себе мужа. Ее отец никогда не подарит ей такого дома. То же самое происходит и с юношей. В его жизни наступает момент, когда ему надоедают его приятели, когда его уже не удовлетворяет общество бильярдных маркеров, когда ему несказанно наскучило

просиживать вечера с профессиональными боксерами и любителями собак, когда ему хочется поговорить с существом, которое ему милее, чем боксер, и, дороже - если только это возможно, - чем собачник. И вот тогда-то мы уверенно говорим: "Ему пора жениться".

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В БРАК

Однако давайте остановимся на минутку! Прежде чем юноша или девушка предпримут в этом отношении какие-либо конкретные шаги, они должны хорошенько подготовиться к браку. Все руководства по данному предмету утверждают это с полным единодушием. Не следует никого торопить. Пусть юноша (или девушка) сначала как следует разберется во множестве необходимых вещей, которые будут очень важны для него (или для нее) в супружеской жизни. Чрезвычайно важно; чтобы молодые люди были хорошо знакомы с проблемами гигиены или - проще сказать - имели бы ясное представление о своем собственном теле. Нынешние юноши и девушки, несмотря на наличие прекрасных карманных справочников доктора Снайда, доктора Снупа и других, все же катастрофически мало знают о своем организме. Мы сами на днях встретили девушку - рослую, зрелую девицу, а не какую-нибудь крохотную индуску, которая не знала, где у нее пищевод. Целых двадцать лет она разгуливала по белу свету со своим пищеводом и, видимо, даже не догадывалась о его существовании. При дальнейших расспросах выяснилось, что эта девушка также ничего не слыхала и о диафрагме и совершенно не представляла себе ее назначения, а мозжечок считает частью ступни.

Эта девушка, несмотря на очаровательную внешность - мы ничего не можем сказать о других ее качествах, - была явно не подготовлена к замужеству. Да, мы настоятельно рекомендуем каждому влюбленному юноше зорко следить за тем, чтобы ему не подсунули в жены какую-нибудь невежественную особу. Сначала при помощи небольшого, но тщательно продуманного опроса он должен выяснить, каковы истинные познания его будущей супруги. При этом лучше задавать вопросы нежным голосом, рассчитанным на то, чтобы усыпить могущее возникнуть подозрение. Например, вот так: "Шепни мне, дорогая, что ты считаешь основными функциями печени?" или "Скажи мне, любимая, каковы продромальные симптомы коагуляции головы?"

Если встревоженный поклонник чувствует, что без посторонней помощи он не способен оценить познания своей избранницы, он вполне может прибегнуть к помощи тестов, применяемых в медицинских колледжах. Нужно только время от времени вводить ласковые словечки и обращения, и цель будет достигнута. В тесты могут войти, например, такие вопросы:

1. Расскажи, дорогая, очень кратко, где находятся сальные железы и каковы их функции.

2. Перечисли кости черепа - ты это так хорошо делаешь, - а потом поцелуй меня.

3. Дорогая моя, каковы, по-твоему, продромальные симптомы двигательной атаксии? Скажи мне, милая, что бы ты стала делать, если бы у меня началось это заболевание?

Но, конечно, несравненно лучше, когда нет необходимости в подобной проверке. Каждой молодой девушке, которая собирается выйти замуж, мы советуем пройти соответствующий курс подготовки. Мы рекомендуем ей прежде всего прочитать "Анатомию" Грея, дополнив ее учебником Арчибалда "Болезни костей". Затем неплохо было бы проштудировать "Патологию" Адами, "Паразитологию" Тодда и, наконец, любой элементарный курс двигательной атаксии. Если, помимо этого, девушка познакомится с санитарией, с устройством канализации и с правилами уничтожения отходов, то любой молодой человек будет счастлив разделить с нею свой домашний очаг - в особенности же кладовые и кухню.

Но и юноша тоже не должен оставаться невеждой. Свое собственное тело он обязан знать как дважды два четыре. Он должен уметь без подготовки ответить, сколько у него пальцев на ногах и позвонков в позвоночнике, знать величину лицевого угла, объем черепа, ширину рта и местонахождение ушей. Все эти сведения совершенно необходимы. Но это еще

не все. Молодому человеку не следует торопиться с женитьбой, пока он не знает, что такое жизнь (деловая жизнь), а главное, что такое деньги. На днях совершенно случайно - это всегда бывает случайно - мы встретили молодого человека, который, собираясь в самом недалеком будущем вступить в брак, ничего не знал о том, что такое Федеральная резервная система, и не был знаком с индексом цен и с законами колебания валютных курсов. Мы сразу же вручили ему "Арифметику иностранных валют" Густава Касселя и "Инкубацию денежного стандарта" проф. Дж.М.Кейнеса. И сделали это вполне своевременно: молодой человек раздумал жениться.

УХАЖИВАНИЕ, ЕГО МЕТОДИКА И ЭТИКА

Представим себе, что все эти трудности предварительного периода уже позади. Вообразим, что наши молодые люди достигли брачного возраста и приобрели знания, необходимые для будущей семейной жизни. Что дальше?

Тогда наступает пора любви и ухаживания - по всеобщему признанию, самая счастливая пора в жизни человека. Влюбленный юноша, уже избравший себе подружку, еще не отваживается на признание. Он полон надежд и опасений; то экстаз блаженства, то мрачное отчаяние овладевает им. Вот он на вершине счастья, а через мгновение - в пучине отчаяния. Он взмывает ввысь и тут же камнем падает в бездну. Его бросает в разные стороны - то вперед, то назад. Разбушевавшаяся стихия то валит его с ног, то уносит бог весть куда. Как должен вести себя влюбленный в течение этого периода, столь эмоционально насыщенного? Как ему жить и вести себя, чтобы амортизировать вулканические толчки, которые непрерывно сотрясают весь его организм?

Отвечаем без малейшего колебания. Все крупнейшие авторитеты единодушны в данном вопросе. Влюбленному юноше полагается жить в постоянном и непосредственном общении с природой. Он должен бежать от шумной толпы и укрыться в лесах; там, в дремучей чаще, он должен лечь навзничь и, глядя в небо, думать о том, что он всего лишь червяк. Или же, забравшись на вершину горы, на головокружительную высоту, подставить голову ветру, который разведал бы его волосы. При этом ему нужно размышлять о том, что, если бы он упал и разбился вдребезги, а ветер разнес бы его прах, в мире ничего бы не изменилось. Он должен слоняться по лесам и долам при любой погоде. Он должен подставлять себя порывам бури, и пусть ливень хлещет ему в лицо. Он должен идти навстречу молниям и глохнуть от раскатов грома.

Мы не сумеем объяснить, почему он должен делать все это. Но мы знаем, что это единственный способ привести себя в состояние экзальтации и самоуничтожения, которое одно только и может сделать его достойным предмета его любви.

Теперь, когда подобная манера поведения благодаря усилиям стольких поколений поэтов и влюбленных стала совершенно обязательной, мы берем на себя смелость несколько упростить ее в нашем руководстве, сведя к несложной схеме. Таким образом, влюбленный юноша, который, возможно, еще не знает, с чего начать, сумеет сразу же приступить к выполнению своих обязанностей и делать это по определенной системе.

РЕЖИМ ДНЯ ОБРАЗЦОВОГО ВЛЮБЛЕННОГО

5.30. Рассвет. Встать с постели после бессонной ночи.

6.00. Умыться в журчащем ручейке или, если это невозможно, подставить голову под водопроводный кран.

6.30 - 7.30. Облазить близлежащие горы.

8.00. Встать из-за стола, не притронувшись к завтраку.

8.30 - 12.00. С упоением читать роман, лежа на животе в высокой траве.

12. Полдень. Возвратиться на миг в суетный мир на шумное торжище (то есть пройтись по городу), чтобы хоть мельком взглянуть на обожаемый предмет и тотчас же в 12.30 со всех ног броситься в лес.

С 12.30 до темноты. Пребывать в лесу наедине с природой. Забраться в самую глушь и усесться в лягушечьем болоте, издавая звуки, подобные кваканью.

8.30 - 9.30 вечера. Побывать с обожаемым предметом один короткий час. Посторонний

наблюдатель увидит в нашем влюбленном лишь корректного джентльмена, который сидит в вагоне трамвая рядом со знакомой; в действительности же влюбленный продолжает испытывать внутренние вулканические толчки и непрерывные сотрясения.

10 часов вечера. Стремительный бросок в просторы полей. Под открытое небо. Смотреть на звезды и думать, глядит ли она на них.

12. Полночь. Лечь в постель, зная наперед, что ночь будет бессонной, но сначала распахнуть настежь окно и подставить прохладному ночному ветру свое пылающее лицо.

Мы не только утверждаем, но даже готовы поручиться, что такой образ жизни, если неуклонно следовать предлагаемой системе, в течение месяца приведет влюбленного в состояние, соответствующее его целям. В нем постепенно созреет решимость поставить на карту все свое будущее - то есть сделать предложение.

Но прежде чем перейти к описанию этого заключительного этапа, мы считаем уместным рассмотреть, как ведет себя его избранница. Что делает она? Что она чувствует в это время? Швыряет ли ее вперед и назад, вверх и вниз и крутит ли ее во все стороны, как влюбленного юношу? Нет, не совсем так.

Для юной девушки заря ее первой любви является периодом сомнений, колебаний и непрерывной смены настроений. В это время она нуждается в квалифицированном руководстве. Подобно голубке, готовой расправить крылья для дальнего полета, она, естественно, спрашивает себя, куда же ей лететь? И что ее ожидает?

И разве она не готова признаться, что любовь уже пришла к ней? Но она не знает, является ли настоящей любовью то, чем полна ее душа. И она невольно уклоняется от окончательного решения.

В такое время девушка больше всего нуждается в совете, и, к счастью для нее, ей есть с кем посоветоваться. Прежде она была обречена бродить в потемках. Теперь дело обстоит не так. Стоит ей написать в любую первоклассную газету, имеющую субботнее вечернее приложение, и она получит советы и наставления, приуроченные к каждой стадии ее начинающегося романа. Ей не только ответят на каждое письмо, в котором изливается ее робкое чувство, но ответят печатно и притом так, чтобы удовлетворить законное любопытство всех ее многочисленных друзей.

Поэтому, подготавливая наше руководство, мы уделили особое внимание такого рода переписке. Мы и здесь попытались найти стройную и общедоступную форму, представить некий образец, в котором юная девушка, нуждающаяся в нашей помощи (и мы счастливы помочь ей), может найти исчерпывающие указания.

Из множества имеющихся у нас на эту тему писем приводим здесь лишь несколько наиболее характерных. Незначительные детали могут варьироваться, но основные идеи одни и те же. Мы просим наших читателей обратить особое внимание на то, как благодаря нашим своевременным советам нежная трепещущая девушка достигает полного самопознания. Иначе и не может быть: мы научили ее всему, что ей нужно знать.

ОТВЕТЫ НА ЗАПУТАННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ, ОСВЕЩАЕМЫЕ В РАЗДЕЛЕ ПИСЕМ НАШЕГО РУКОВОДСТВА

Письмо № 1. Наша корреспондентка мисс Белинда Безутешная - нам. (Кстати, это не настоящее ее имя, а придуманное нами. Мы можем предложить псевдоним любой из наших корреспонденток.)

Позавчера меня познакомили в трамвае с одним джентльменом. Вчера я встретила этого джентльмена на улице, и он пригласил меня пойти погулять с ним как-нибудь после обеда. Я еще не знаю, люблю ли я его, потому что до этого я его видела только в трамвае. Скажите мне, пожалуйста, можно ли мне пойти с ним погулять после обеда, или такой поступок будет недостойн порядочной девушки? Если я пойду с ним гулять, то как я должна идти - по левую или по правую руку?

Письмо № 2. Мы - Белинде.

Мы полагаем, что вы можете без особых опасений совершать дневные прогулки с вашим новым знакомым. Идти ли вам справа или слева - зависит от обстоятельств. Если у

него нет левого глаза, лучше идти справа, в остальных же случаях - выбирайте, как вам удобнее.

Но помните, Белинда, что с самого начала всем своим поведением вы должны дать ему понять, что ваше отношение к нему носит чисто дружеский характер. Не будьте с ним холодны, но в ваших манерах должен присутствовать тот оттенок высокомерия и сдержанности, который не позволит ему усомниться в том, что вы - порядочная девушка.

Иными словами, не позволяйте ему ничего такого. Вы нас понимаете?

Письмо № 3. Белинда - нам.

Мой друг, с которым я гуляла днем, спросил, нельзя ли ему звонить мне иногда по утрам, а также заходить за мной по вечерам. Я все еще не знаю, люблю я его или нет, хотя он хорошо одевается. Можно ли мне пойти с ним вечером в кино? До сих пор, когда знакомые молодые люди приглашали меня куда-нибудь вечером, с нами всегда ходила мама. Как вы думаете, будет ли прилично, если я пойду с этим молодым человеком в кино, и скажите, взяли бы вы с собой маму, будь вы на моем месте?

Письмо № 4. Мы - Белинде.

Мы много думали над вашим милым письмом, дорогая Белинда, потому что прекрасно понимаем вашу растерянность и беспокойство. В общем, по нашему мнению, вы теперь можете смело гулять по вечерам с вашим новым другом, но заставьте его почувствовать, что, дав ему это право, вы ни на шаг не отступили от своих прежних правил. Вы должны оказывать достойное сопротивление всяким неподобающим любезностям, на которые он может отважиться. Пожалуй, вам стоит носить с собой небольшой молоток и в случае, если ваш новый друг позволит себе что-нибудь лишнее, стукните его как следует по черепушке. Между прочим, сообщите нам, что именно он предпримет по части вольностей. Нас всегда очень интересуют такие подробности.

Еще вы спрашиваете, взяли бы мы с собой маму, будь мы на вашем месте. Нет, дорогая, мы бы этого не сделали.

Письмо № 5. Белинда - нам.

С того времени как я писала вам в прошлый раз, я провела два вечера с моим другом, о котором рассказывала. Я все еще не знаю, люблю ли его по-настоящему, но он ожидает прибавки жалованья, потому что фирма считает его толковым работником. В последний раз он спросил, люблю ли я омаров, и сказал, что знает такое место, где подают хороших омаров. Я подумала, что мужчина будет больше уважать девушку, если она не пойдет с ним есть омаров, и отказалась. Он всегда вел себя как настоящий джентльмен и ничего себе не позволял. Если он еще раз пригласит меня есть омаров, пойти мне с ним или нет?

Письмо № 6. Мы - Белинде.

Мы рады, что вы так удачно проводите вечера с вашим другом. И нам приятно узнать, что он не позволил себе никаких вольностей, а вел себя как истый джентльмен.

Но если он завел речь об омарах, то, поверьте, нам совершенно ясно, что он имеет в виду, и мы говорим со всей убежденностью: вы можете согласиться только в том случае, если у вас есть полная уверенность, что он решил сделать вам предложение и не передумает после того, как угостит вас омарами.

Настало время, дорогая девочка, проявить большую твердость. Вы должны пригласить вашего друга к себе домой и познакомить его с вашей матерью. Если он порядочный человек, он пойдет на это. Но если он будет увиливать и снова предлагать омары, тогда ясно, что он играл вашим сердцем, и вы должны с ним расстаться. Некоторое время вам будет не по себе, но вы испытали бы то же самое и в том случае, если бы попробовали омаров. С другой стороны, если ваша твердость победит, вы приобретете мужа и семейный очаг.

Поэтому наш совет - действуйте, Белинда!

После подобной переписки нам бывает так радостно получить еще одно брызжущее счастьем письмо, в котором нам сообщают, что предложение сделано и принято, и спрашивают, какие подарки и в каком количестве может принять невеста от жениха.

И самое удивительное то, что джентльмен с омарами и молодой влюбленный,

скитающийся по лесам, - это один и тот же человек, только рассматриваемый с разных сторон.

КАК ДЕЛАТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Но мы несколько забежали вперед. Мы совершенно обошли вопрос о том, как делать предложение, - самый важный, самый волнующий раздел любого руководства для влюбленных.

Каким образом, спрашиваем мы (и это чисто риторический вопрос), следует делать предложение? Конечно, мы не собираемся отрицать, что предложение очень часто делается в устной форме. Безусловно, в этом есть определенные преимущества, а именно: непосредственность контакта, а также быстрота и легкость ратификации достигнутого в результате переговоров соглашения. Но мы убеждены, что этому способу недостает всесторонней полноты, композиционной стройности и завершенности. Поэтому мы отдаем явное предпочтение предложению в письменной форме. В письме влюбленный может заявить о своих чувствах столь окончательно и столь бесповоротно, что отказ становится затруднительным, если не сказать невозможным.

При сочинении такого письма, однако, неразумно полагаться на одно только воображение. Здесь опять-таки предпочтительнее пользоваться разработанными и систематизированными образцами. Главные требования, предъявляемые к подобному письму, мы сообщаем ниже, заимствуя основные положения из наиболее употребительных и авторитетных источников.

В безукоризненном письме-предложении молодой человек должен прежде всего подробно изобразить глубину и искренность своей любви. Далее он должен выразить глубокое уважение и восхищение по адресу семьи, членом которой надеется стать. И в заключение - мужественно и откровенно рассказать о своем положении в обществе и о своих надеждах на будущее.

Исходя из этого, мы берем на себя смелость предложить нижеследующий образец:

Дорогая мисс Многоточие!

С тех пор как я имел честь познакомиться с вами возле кучи опилок, что позади лесопилки, на пикнике Христианской Ассоциации Молодежи, имевшем место 18 июня минувшего года, я понял, что испытываю к вам чувства, которые совершенно не похожи на те чувства, какие я когда-либо испытывал к тем лицам, к которым вообще испытывал какие-либо чувства. Войдя в мою жизнь, вы внесли в нее нечто такое, чего не было в ней до того, как вы в нее вошли. Я не смею надеяться хоть в каком-нибудь отношении быть достойным вас, и чем больше я думаю о вас, тем больше презираю себя. Я понял, что до того, как встретил вас, я неуклонно катился вниз, но теперь, после того как встретил вас, я стал подниматься вверх и думаю, что с вашей помощью мог бы продолжать подниматься все выше и выше. Познакомившись с вами, я имел также удовольствие познакомиться с вашей мамой и вашим папой и научился любить и почитать их. Мне кажется, что нет такого дела, для которого ваш отец не оказался бы слишком умен и слишком проникателен. В тот раз в своей бархатной куртке он выглядел просто потрясающе. Мои чувства к вашей матери также, думается мне, могут укрепить мои надежды на вашу благосклонность. У меня никогда не было матери, но теперь, когда я познакомился с вашей, я в какой-то степени даже радуюсь тому, что рос сиротой.

Мои виды на будущее таковы, что, соединив свою судьбу с моей, вы сможете жить, во всяком случае, не хуже, чем живете сейчас. Моего жалованья (хотя оно и небольшое) хватит, чтобы кормить и одевать вас, по крайней мере частично, и это, собственно говоря, - все, на что я могу рассчитывать в настоящее время. После смерти дяди я надеюсь получить в наследство кругленькую сумму, и, стало быть, чтобы достигнуть приличного положения в обществе, мне надо только отравить моего дядю.

На основании вышеизложенного я почтительно прошу вашей руки и надеюсь, что вы сообразоволюте незамедлительно ответить мне по адресу: почтовый ящик 606, почтовое отделение Б.

Едва ли нужно подсказывать правильную форму ответа на такое письмо-предложение. Ответ не представит трудностей благодаря умению вести деловую корреспонденцию, которое в наше время девушки приобретают еще в средней школе. Достаточно сказать, что в высших кругах общества он звучит примерно так:

Дорогой сэр!

Ваше письмо от 18-го сего месяца получено, и содержание его принято к сведению. В ответном порядке сообщаю, что принимаю ваше предложение, при условии отгрузки и доставки товара на дом за ваш счет, каковой товар будет принят нами незамедлительно в любое время суток.

Целую. Нежно любящая вас Белинда.

ФИЗИОЛОГИЯ ЛЮБВИ

Когда мы рассматривали вопрос о том, что должна знать молодежь о своих пищеводах и пр., нам пришлось в голову дополнить наше руководство более основательными сведениями по физиологии любви. Тогда мы не затронули этой темы, но мысль о ней не покидала нас. Сама по себе тема может показаться слишком смелой, но мы трактуем ее в несколько ином плане. Мы считали и считаем, что ее можно использовать в литературном произведении для большей красочности описаний. Нам кажется, что современная художественная литература уже многим обязана физиологии и могла бы не без успеха и в дальнейшем идти вперед в этом направлении.

Первоначальным толчком для нас послужил весьма злободневный детективный роман, в котором мы отметили описание следующих физиологических изменений, отразившихся на лице сыщика за каких-нибудь пять минут.

Сначала:

Оно было бесстрастно, как маска.

Потом:

Подозрение быстро промелькнуло на нем.

Оно ожесточилось и выразило непреклонную решимость.

На нем выступили капли пота.

По нему скользнула улыбка.

Оно осветилось лучом догадки.

На нем отразилось глубокое недоумение.

Оно просияло торжеством.

Наконец:

Оно снова стало бесстрастным, как маска.

Эти мгновенные смены выражений лица, очевидно, связаны с преследованием преступника. Если кто-нибудь хочет заняться преступлениями - все равно, совершать их или расследовать, - он обязан научиться пользоваться своим лицом по вышеописанному способу. Он должен уметь делать его твердокаменным, смягчать его, произвольно растягивать в улыбке и, в случае необходимости, надевать на него маску, как бы пряча его за ширму.

Но мы заметили, что совершенно иначе обстоит дело в рассказах о любви, центр которой, очевидно, помещается в животе. В том же детективном романе, где лицо сыщика подвергалось стольким изменениям, мы наблюдали аналогичный ряд физиологических изменений, которые время от времени происходили с героиней. Правда, у нее симптомы отражались не на лице - лицо предназначалось для иных целей. Эти симптомы были внутреннего характера. Они возникли, как только она встретилась с героем, и по ним можно легко проследить всю историю их любви.

Вот как развивались и изменялись симптомы:

Какая-то радость пронизала все ее существо.

.....

Трепет пробежал по всему ее телу.

.....

В ней проснулось что-то такое, что уже давно умерло в ней.

.....
Жгучая тоска поднялась в недрах ее существа.

.....
Казалось, что в ней подымается нечто совершенно ей не свойственное...

.....
Что-то оборвалось в глубине ее существа.

.....
Этот последний симптом настолько серьезен, что, естественно, книга на нем заканчивается. В самом деле, мы неоднократно замечали, что когда что-то там такое обрывается в глубине существа героини, это означает, что роковое событие совершилось.

Однако совсем иные процессы происходят, когда речь идет о герое сильном - мужчине. Тут, по-видимому, все действие держится на упругости, стойкости и напряжении. Герой "сжимается, как пружина", становится "твердокаменным", его мускулы "превращаются в стальные тросы", и нет сомнения, что к нему вполне можно подключить швейную машину.

Как видите, эти физиологические описания восхитительны по своей точности. Плохо только, что они недостаточно научны. Мы решили, что с помощью хорошего учебника можно было бы достичь великолепного литературного эффекта и, углубив физиологический анализ, сделать образы героев совершенно рельефными как с анатомической, так и с биологической точек зрения. В качестве иллюстрации мы помещаем здесь образец такого романтического повествования. История эта называется "Физиологический Филипп", и в ней описывается всего лишь обыкновенное свидание влюбленных в аллее парка. Но, несмотря на свою краткость, она поможет объяснить, что мы имеем в виду.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ФИЛИПП

Рассказ из учебника

Стоял жаркий июньский день, когда Филипп Хезерхед, которого мы назовем Физиологическим Филиппом, прохаживался по аллее, являя собой великолепный образец хорошо сложенного молодого мужчины. Под этим мы подразумеваем, что позвоночный столб нашего героя был несколько длиннее среднего, и что он передвигался, не опираясь на передние конечности, подобно обезьяне, а шел выпрямившись, и что череп его так изящно сидел на позвоночнике, что даже в музеях трудно было бы найти подобный экземпляр. Молодой человек, по-видимому, обладал превосходным здоровьем, или, скажем точнее, - у него была температура 36,6°, дыхание нормальное, а на коже не было ни малейших признаков чесотки, рожистого воспаления или тропического лишая.

Чувство радости наполняло Физиологического Филиппа, когда он прогуливался по аллее, слушая пение жизнерадостной пташки, являвшееся результатом происшедшей в ее брюшной полости особой химической реакции, о которой Филипп даже не подозревал. Разумеется, чувство радости переполняло Филиппа потому, что он был совершенно здоров и на его организме сказывалось благотворное воздействие межмолекулярной диффузии вдыхаемого кислорода. Именно поэтому ему и было так хорошо.

На повороте аллеи Филипп внезапно увидел юную девушку, шедшую ему навстречу. Правда, ее позвоночный столб был короче, чем у него, но все же он был достаточно длинным и безусловно вертикальным: Филипп сразу понял, что идущая ему навстречу девушка не шимпанзе. На ней не было шляпы, и густой волосяной покров ее черепа, купаясь в солнечных лучах, лежал волнами и ниспадал на глазницы. Упругость ее походки убеждала, что она не страдает воспалением отростка слепой кишки или же атаксией. В то же время всякая мысль об экземе или пятнистом изъязвлении эпидермы опровергалась гладкостью и ровным матовым цветом ее кожи.

Когда девушка увидела Филиппа, подкожная пигментация ее лица интенсифицировалась. Одновременно усиленное биение сердца молодого человека вызвало на его лице непродолжительное воспаление, объясняющееся недостаточным окислением тканей лица.

Они встретились, и руки их инстинктивно соединились путем взаимоприлегания

суставов пальцев - движение, которое наблюдается у человека и человекообразных обезьян, но совершенно неизвестно у собак.

В течение минуты влюбленные (о влюбленности свидетельствовали описанные выше физиологические симптомы этого заболевания, впрочем, не опасного при условии своевременного и правильного лечения) не могли сказать ни слова. Однако это отнюдь не доказывает (см. Баркер, "Нервная система"), что у них наблюдалось торможение метаболизма мозга; вероятнее всего тут имело место особое состояние слизистой оболочки губ, которое само по себе не представляет ничего опасного.

Первым заговорил Филипп. Это вполне естественно, ибо, как установил еще Дарвин, у самцов управление нервными узлами значительно устойчивее, чем у самок.

- Как я рад, что вы пришли! - сказал он. Слова были просты, и вряд ли можно было сказать проще. Но, как ни просты были эти слова, они взволновали девушку до глубины души - наверное, потому, что вызвали ту форму нервной реакции, которую так блестяще проанализировал Гексли в своем исследовании о воздействии внешних раздражителей на переваривание пищи.

- Я не могла оставаться дома, - прошептала она.

Здесь весьма темное место в тексте. Без сомнения, девушка ссылается на какое-то торможение в нижних конечностях, лишившее ее возможности управлять большими пальцами ног. Это малоизученная болезнь, причиной которой сэр Уильям Ослер склонен считать алкоголизм. Весьма возможно, что девушка была подвержена этому заболеванию. К сожалению, романтические истории развиваются так стремительно, что провести сколько-нибудь обстоятельное исследование совершенно невозможно.

Филипп протянул к девушке руки и обнял ее.

- Значит, да! - с ликованием воскликнул он. Чтобы произнести "да", он сделал глубокий вдох и затем резкий выдох. У собаки при этом получился бы только лай (см. "Физиологию животных" сэра Майкла Фостера).

- Да! - прошептала она.

Филипп плотно прижал тело девушки к своему, и оба тела оказались параллельны по отношению друг к другу, оставаясь в то же время перпендикулярными к поверхности земли. Затем Филипп согнул верхнюю часть позвоночного столба, устремляясь вперед и несколько набок, так что его лицо оказалось в непосредственной близости к лицу девушки. Сохраняя эту неудобную позу, в которой невозможно оставаться в течение длительного времени, он соединил свою верхнюю губу с нижней, вытянул их вперед и мягко приложил к губам девушки - подобное движение можно наблюдать также у орангутанга, но гиппопотам никогда так не делает.

После поцелуя, обручившего их, влюбленные взялись за руки и тихо пошли обратно, а пташка на ветке распевала теперь еще радостнее - быть может, потому, что у нее еще больше расширилась диафрагма.

ИЗ СБОРНИКА

"КРУПИЦЫ МУДРОСТИ"

(1926)

ОЧЕРКИ ОБО ВСЕМ

Пособие для занятых людей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние несколько лет показали, что в наше время университет становится совершенно ненужным учреждением. Обучение в колледжах постепенно вытесняется самообразованием по таким замечательным кратким пособиям, как "Общеобразовательные беседы у очага", "Всемирная библиотека-малютка", "Конические сечения для школьников" или "Рассказы о сферической тригонометрии для малышей". Благодаря этим книгам наша молодежь, к какому бы слою общества она ни принадлежала, больше не будет томиться неутоленной жаждой знаний. Теперь эту жажду можно утолить за один присест. Точно так же любой деловой человек, если ему хочется следить за основными течениями в развитии

истории, философии и радиоактивности, вполне может заниматься этими предметами во время переодевания к обеду.

Таким путем всю массу человеческих знаний, оказывается, можно сжать до очень небольшого объема. Но, думается, даже и теперь еще есть пути к дальнейшему ее уплотнению. Ведь даже самые краткие из существующих пособий все еще слишком длинны для современного делового человека. Нельзя забывать, что он очень занят. А если не занят, то устал. У него не столько свободного времени, чтобы он мог позволить себе читать целых пять страниц печатного текста только для того, чтобы узнать, например, когда Греция достигла расцвета и когда пришла в упадок. Если грекам хотелось, чтобы все это дошло до него, им надо было проделать это побыстрее. И, уж конечно, сейчас и в голову никому не придет читать какую-нибудь пространную статью с таблицами и диаграммами, повествующую о том, как в течение двадцати миллионов лет плейстоцена простейшие превращались в беспозвоночных. Человек не располагает двадцатью миллионами лет. Этот процесс явно длился слишком долго. Нынче нам нужно что-нибудь покороче и поживее, что-нибудь более осязаемое.

Исходя из вышесказанного, я подготовил серию "Очерков обо всем", охватывающую все области науки и литературы. Каждый отдельный очерк написан с таким расчетом, чтобы дать деловому человеку достаточные - и притом совершенно достаточные - сведения по любой отрасли знания. Как только я замечаю, что он получил достаточно, я немедленно останавливаюсь. Предоставляю самому читателю судить, насколько точно определен мною предел полного насыщения.

Том I

ОЧЕРКИ О ШЕКСПИРЕ

(Предназначаются для подготовки научных работников
в течение пятнадцати минут.

Прочитавшему гарантируется присвоение
ученой степени доктора философии)

Жизнь Шекспира. Нам ничего не известно о том, где и когда Шекспир родился. Тем не менее он умер.

Косвенные данные, полученные из посмертного анализа его произведений, позволяют утверждать, что в разные периоды жизни он перепробовал профессии юриста, моряка и писца; кроме того, ему пришлось быть актером, трактирщиком и конюхом. Можно предположить, что именно за трактирной стойкой он и приобрел столь характерное для него поразительное знание людей и нравов (ср. "Генрих V", V, 2: "Теперь скажите, господа, что вам подать?").

Вместе с тем разносторонняя эрудиция, о которой свидетельствует каждая его строка, несомненно доказывает, что Шекспир прошел также интеллектуальную подготовку, необходимую для адвоката (ср. "Макбет", VI, 4: "Что мне с того?"), а ряд отрывков наводит на мысль о том, что поэт был весьма близко знаком и с жизнью моряков ("Ромео и Джульетта", VIII, 14: "Ах, няня, не стало ль лучше голове ее?").

Однако, судя по тому, что он сделал из английского языка, он никогда не учился в колледже.

Всевозможные возможности. Согласно общераспространенной версии, Шекспир был весьма посредственным актером. Полагают, что он исполнял роль призрака, а также, возможно, роли: "Входит горожанин", "Слышен звук фанфар", "Раздается собачий лай" или "Из дома слышится звон колокольчика". (Примечание: В бытность автора членом студенческого драматического общества ему тоже случалось выступать в роли фанфар, колокольчика, собаки и так далее).

Наши соображения о личности Шекспира или, как теперь принято говорить, о Шекспире-человеке лучше всего выражает цитата из превосходного исследования, выполненного, насколько нам известно, профессором Гилбертом Мерри, хотя, возможно, некоторое участие в этой работе принимал, между прочим, и Брандер Мэтьюз:

"Шекспир, вероятно, был гениален. По-видимому, он любил своих друзей и, возможно, проводил много времени в их обществе. Он, очевидно, был человеком добродушным и беспечным, причем, весьма возможно, у него был дурной характер. Известно также, что он пил (ср. "Тит Андроник", I, 1: "Чего б тут выпить?"), но, по всей вероятности, не слишком много (ср. "Король Лир", II, 1: "Довольно!"; также "Макбет", X, 20: "Довольно! Стойте!"). По всей видимости, Шекспир любил детей и собак, однако нет никаких указаний на то, как он относился к дикобразам.

Нетрудно представить себе такую картину: в таверне "Митра" сидит Шекспир со своими закадычными друзьями. Может быть, он вместе со всеми поет песни, возможно, осушая при этом кружку-другую пива. Время от времени он погружается в глубокую задумчивость, и его мысленному взору является величественный призрак Юлия Цезаря".

К этому превосходному анализу нам хочется добавить всего лишь несколько слов: нам совсем нетрудно представить себе, как великий писатель сидит в любом другом месте, - и в этом-то по существу и заключается главная прелесть исследований о Шекспире.

Единственное достоверное сведение о нем: он завещал жене свою старую кровать.

После смерти Ш. город, где он родился - то ли Стрэтфорд-на-Эйвоне, то ли какой-то другой, - стал местом паломничества всех просвещенных туристов. Когда нынче попадаешь на тихую улочку этого провинциального городка, испытываешь странное чувство при мысли, что именно здесь или где-то в другом месте действительно некогда жил и мыслил великий английский бард.

Творчество Шекспира. Прежде всего следует остановиться на сонетах, которые, как утверждает профессор Мэтьюз, были написаны, весьма возможно, еще при жизни Шекспира и, уж во всяком случае, не после его смерти. Красота сонетов настолько поражает читателя, что совершенно лишает его возможности запомнить, о чем в них, собственно, идет речь. Однако для современного делового человека достаточно назвать следующие: "Пью за здоровье Мери", "Тише, мыши, кот на крыше" и "Приголубь, приласкай!". Этого вполне достаточно на все случаи жизни.

Среди величайших произведений Шекспира следует назвать его исторические хроники: "Генрих I", "Генрих II", "Генрих III", "Генрих IV", "Генрих V", "Генрих VI", "Генрих VII", "Генрих VIII". Предполагают, что смерть прервала его работу над пьесой о Генрихе IX. Существует мнение, будто Шекспир считал, что раз напав на жилу, надо разрабатывать ее до конца.

Авторство отдельных частей его исторических драм или даже целых драм окончательно еще не установлено. Так, наши самые авторитетные критики утверждают, что, например, в "Генрихе V" сто первых строк написаны Беном Джонсоном, последующие двести - самим Шекспиром (кроме половины строки в середине, которая, несомненно, принадлежит Марло), следующие сто - опять Джонсоном, но с помощью Флетчера, а далее идут строки, написанные поочередно Шекспиром, Мэссинджером и Марло. Установить авторство оставшейся части драмы практически невозможно, и каждый исследователь придерживается тут своей версии.

Однако сами мы несколько не заблуждаемся относительно того, что действительно принадлежит перу Шекспира, а что - нет. В строках, написанных самим Шекспиром, есть нечто неуловимое, безошибочно подсказывающее, что перед нами Шекспир. Так, слова: "Раздается звук фанфар... Входит Глостер с возгласом: - Эй, вы, там, о-го-го-о!" - могут принадлежать только Шекспиру, потому что только Шекспир мог до этого додуматься. В самом деле, только Шекспир сумел ввести в свои драмы нечто совершенно новое, например: "Входит Кембридж, за ним следует Топор" или "Входит Оксфорд, за ним следует Факел". Его менее прославленные собратья по перу никогда не могли добиться такой изысканности и тонкости выражения, и, прочитав строку: "Входит граф Ричмонд, за ним следует щенок", всякий сразу поймет, что перед ним жалкая мазня.

Есть еще один признак, по которому можно судить, была ли данная историческая драма написана Шекспиром. Мы имеем в виду форму обращения персонажей. У Шекспира они

обращаются друг к другу не по имени, а по названию места жительства: "Что скажет наш французский брат на это?", или "Ну, бельгиец, решай, что лучше?", или - "Так, продолжай, бургундец, мы ухо к тебе склоняем".

Нам тоже пришло однажды в голову попытаться использовать этот прием в жизни, но, надо сказать, неудачно. Друзья почему-то не хотели, чтобы мы обращались к ним таким образом: "Как дела, ты, из квартиры Б, Гровнер-сквер?" или - "Ну-ка, давай, ты с Марлборо, верхний этаж, квартира шесть...".

Великие трагедии. Каждый образованный человек должен иметь общее представление о великих трагедиях Шекспира. Если при этом исходить из того, что обычно хранит в памяти рядовой зритель или читатель, получить это общее представление можно без особых усилий. Например:

Гамлет (не путать с "Омлетом" Вольтера), принц Датский, жил в изумительной обстановке и носил черный бархатный костюм. То ли потому, что он был ненормальный, то ли наоборот, но он постоянно находился в мрачном настроении. Он убил своего дядю и еще каких-то людей, имен которых обычно никто не помнит.

Это так потрясло Офелию, что она решила покончить с собой, но, как это ни странно, бросившись в реку, не пошла ко дну, а медленно поплыла по течению, распевая песни и что-то крича. В самом конце Гамлет закалывает Лаэрта, а потом и себя. После этого все прыгают в его могилу, пока она не наполняется до краев. Тут занавес падает. Лица, способные удержать все это в памяти, по праву смотрят на других несколько свысока.

Шекспир и сравнительное литературоведение. Современная наука внесла значительный вклад в изучение творческого наследия Шекспира и способствовала пробуждению интереса к его произведениям, исследовав источники, из которых он черпал сюжеты для своих пьес. Оказывается, все они восходят к седой старине. Нетрудно проследить, что сюжет Гамлета заимствован из древневавилонской драмы под названием "Хам-лид", которая, в свою очередь, по-видимому, является всего лишь вариантом древнеиндийской трагедии "Жизнь Уильяма Джонсона".

Вполне возможно также, что тема "Короля Лира" восходит к древнекитайской драме "Ли-по", а "Макбет", как показали новейшие исследования наших ученых, обнаруживает явные следы шотландского происхождения.

По сути дела, вместо того чтобы сидеть и придумывать сюжеты для своих пьес, Шекспир рылся в старых сагах, мифах, сказаниях, легендах, архивах и фольклоре, на что у него, вероятно, уходило целые годы.

Внешность. Шекспира обычно изображают с остроконечной бородкой, волосами, подстриженными ежиком, и широкими залысинами над лбом, большими диковатыми глазами, крупным носом и скошенным подбородком. При этом на лице его написано полное отсутствие мысли, граничащее со слабоумием.

Выводы. Из всего вышесказанного следует запомнить, что произведениям Шекспира присущи следующие черты: величие, грандиозность, вкус, гармоничность, возвышенность, широта, размах, протяженность, а также понимание, глубина, сила и ясность, темперамент и мощь.

Заключение: Шекспир был очень хорошим писателем.

Том II

ОЧЕРКИ ОБ ЭВОЛЮЦИОННОМ УЧЕНИИ

(Пересмотрены и рекомендованы в качестве пособия для всех: специально переработаны для школ штата Теннесси)

За последнее время наши школы, по-видимому, вновь оказались перед рядом серьезных трудностей, возникших в связи с преподаванием эволюционного учения. Одно из двух: либо этот предмет преподается совершенно неправильно, либо с ним самим не все обстоит благополучно. Нам казалось, что положения эволюционной теории уже давным-давно повсеместно получили безоговорочное признание, а потому потеряли всякую притягательную силу для широкой публики. Их давно изучают наравне со сферической

тригонометрией и сравнительной историей религий, и никому не приходило в голову придавать эволюционной теории значение большее, чем, скажем, антропологии.

И вдруг что-то случилось. В одной из школ Канзаса ученик швырнул на пол книгу и заявил, что, если его еще раз назовут простейшим, он не станет ходить на занятия. Какой-то папаша из Остабула (Оклахома) подал местному школьному начальству заявление о том, что не может допустить, чтобы его детей учили, будто они произошли от обезьяны, ибо это бросает тень на его репутацию. Волна протестов прокатилась по всем школам.

Ученики высыпали на улицы с плакатами, на которых было написано: "Разве мы павианы? Обезьянам - ура!"

Ротари-клубы разных городов один за другим стали выносить решения о том, что они не могут поддержать (или понять?) учение о законах биогенеза и предлагают его упразднить.

В Уиноне (Юта) женский клуб "За культуру" потребовал, чтобы в учебниках их штата имя Чарлза Дарвина было заменено именем У.Дж.Брайена. "Общество борцов против пивных" постановило, чтобы количество учебных часов, отводимое в школах на дарвинизм, не превышало половины процента общего их числа.

Предлагаемые "Очерки об эволюционном учении" были задуманы и написаны именно в связи с создавшимся затруднительным положением. Автор ставил себе целью пересмотреть и переработать железные законы эволюционной теории таким образом, чтобы сделать ее приемлемой для всех без исключения.

Совершенно очевидно, что начинать подобный курс надо с изложения того, какой вид имела эволюционная теория до появления первых протестов. В то время у каждого из нас еще со школьных лет в общих, может быть несколько расплывчатых, но все же вполне определенных чертах хранились в памяти основные положения дарвинизма.

Некоторые смутные воспоминания об эволюционном учении, вынесенные из школы. Мы все произошли от обезьяны, но это было так давно, что теперь этого можно больше не стесняться, примерно две или три тысячи лет тому назад и, должно быть, после, а не до Троянской войны.

Не надо забывать, что существует много пород обезьян: обыкновенная обезьяна, которую мы часто видим на улицах с шарманкой (*communis monacus*); бабуин, гиббон (не Эдуард!); умный, веселый крошка шимпанзе; волосатый длиннорукий орангутанг. Возможно, нашим предком был именно он.

Однако происхождением человека от обезьяны вопрос далеко не исчерпывается. На более ранней ступени развития человек не был даже обезьяной. Начинал он, вероятно, с простого червя, потом перешел в устрицу, из устрицы - в рыбу, потом - в змею, из змеи - в птицу, из нее - в летучую белку и уже только тогда - в обезьяну.

Так же развивались и все остальные животные. Все они произошли друг от друга. Оказывается, лошадь - это на самом деле птица, совершенно такая же, как ворона, и разница между ними чисто внешняя. Если бы у вороны были бы еще две ноги и не было перьев, она отличалась бы от лошади только величиной.

Все эти изменения были вызваны так называемым естественным отбором. Змея, которая жалила злее других змей, имела больше шансов выжить. Все живое должно было или приспособиться, или погибнуть.

Так, жираф разработал себе шею. Еж отрастил иголки. Аист развил ноги. Вонючка тоже приобрела особые полезные качества. Словом, все животные, каких мы привыкли видеть вокруг нас: вонючка, жаба, осьминог, канарейка, исключительно отборная публика.

Это изумительное открытие было сделано Чарлзом Дарвином. Вернувшись в Англию после пятилетнего плавания на "Бигле" по южным морям в качестве натуралиста, Дарвин написал книгу, известную под названием "Sartor Resartus", в которой доказал происхождение человечества от метрической системы обезьян.

Нельзя не признать, что в таком виде теория Дарвина едва ли могла серьезно оскорбить чьи-либо чувства. Поэтому естественно было бы предположить, что недавние ожесточенные нападки были вызваны не теорией как таковой, а тем, как ее изложил сам Дарвин. Но и это

предположение едва ли верно. У меня сейчас нет под рукой книг Дарвина, но, в общем, я достаточно хорошо помню, что он писал, и могу легко все пересказать.

ЧТО ПИСАЛ ОБ ЭТОМ САМ ДАРВИН

(Мои личные воспоминания

о труде великого естествоиспытателя)

"На Антильских островах у обыкновенной вороны, или декапода, две лапы, тогда как у вида, обитающего на Галапагосских островах, - три. Однако, по-видимому, третья лапа используется не для передвижения, а для переговоров. Во время пребывания на Галапагосских островах доктор Андерсон, служивший на "Невыразимом", видел на дереве двух ворон. Одна была явно крупнее другой. В Эквадоре доктор Андерсон видел также ящерицу, у которой не хватало одного пальца. В общем, он приятно провел время.

Конечно, нельзя утверждать, что ворона и ящерица - это одна и та же птица, хотя тем не менее нет никакого сомнения в том, что последний шейный позвонок ящерицы имеет строение, сходное с зачаточным спинным плавником вороны. Однако я говорю об этом весьма осторожно и полностью отдаю себе отчет во всех возможных роковых последствиях подобного утверждения.

Я позволю себе заметить, что, когда мне самому довелось в 1923 году посетить на "Невозможном" Пищеводные острова, я своими глазами видел стаю пернатых, получивших у моряков название подхвостников, которые сидели, держась лапами за снасти. В общем, я наблюдал множество интереснейших явлений подобного рода.

Помнится, плавая на "Бигле", мы однажды высадились на Маркизских островах, где наш капитан и его помощники побывали в гостях у губернатора, который угощал их цыплятами и бататами. После пиршества несколько туземок стали танцевать хула-хула, а я пошел бродить по лесу и собрал неплохую коллекцию жаб.

На другом острове, пока капитан и офицеры смотрели, как танцуют хичи-хичи, мне удалось поймать несколько весьма примечательных экземпляров ящериц и набрать полный карман колорадских жуков".

Ознакомившись с этим ясным и четким изложением того, что писал сам Дарвин (или, по крайней мере, того, что запомнилось автору), всякий, безусловно, согласится, что нет никакой необходимости лишать этого ученого права на его великие открытия.

Но, чтобы внести в вопрос еще большую ясность, напомним читателю, в какой форме аволюционная теория преподается у нас в школах. У меня в руках изложение основных принципов этого учения, которое было сделано по требованию прессы одним выдающимся биологом в то время, когда полемика была в самом разгаре. То, что он говорит, сводится к следующему или примерно к следующему:

"Оставив в стороне спорные вопросы, мы должны, во всяком случае, признать существование продолжительного морфологического видоизменения протоплазмы..." (Я со своей стороны считаю, что это совершенно справедливая, смелая констатация объективного факта...) "Цитология пока еще не вышла из младенческого состояния..." (Это, конечно, плохо, но ведь она еще вырастет.) "Но она, по крайней мере, допускает возможность основных соответствий, что устраняет всякие априорные затруднения, которые встают на пути эволюции".

Что и требовалось доказать. Теперь, во всяком случае, всем станет ясно, что больше в школах не будет никаких недоразумений по этому вопросу.

Период развития. Хотя мы и пришли к определенному мнению относительно характера процесса, в результате которого на земле зародилась и постепенно развилась жизнь, вопрос о продолжительности этого процесса все еще остается открытым. Какими единицами времени он измеряется? Иными словами - как однажды в минуту столь характерного для него мгновенного прозрения поставил этот вопрос Анри Бергсон, - сколько это заняло времени?

Согласно первым данным ученых-эволюционистов возраст человека исчисляется примерно в 500000 лет. Это до смешного мало. За это время человек не успел бы по-настоящему развиться. Гексли смело увеличил эту цифру до 1000000 лет. Лорд Келвин

при всеобщем одобрении довел ее до 2000000 лет. Но едва смолкла буря восторгов, как сэръ Рей Лэнкестер снова поразил вселенную, заявив, что человеку ни более ни менее как 4000000 лет. Спустя два года какой-то профессор из Смитсоновского научно-исследовательского института увеличил возраст человека до 5000000 лет. Затем эта цифра была, в свою очередь, пересмотрена и увеличена до 10000000 лет. Но и эта последняя из года в год возрастает при бурном одобрении всего мира.

Согласно недавним сообщениям, некий ученый из Высшей технической школы в Скенектеди установил, что возраст человека равен 100000000 лет. Таким образом, деловой человек не сделает грубой ошибки, если в качестве рабочей гипотезы (для чисто практических целей) примет, что современному человеку примерно от 100000000 до 1000000000 лет. Ночные сторожа, возможно, несколько старше.

Послесловие. Новейшие поправки к теории Дарвина. Ко всему вышесказанному мы с большим удовлетворением должны добавить, что еще большую ясность в дискуссию по вопросам эволюционной теории внесло то обстоятельство, что современные ученые-биологи принимают, оказывается, отнюдь не все положения Чарльза Дарвина. Мне удалось установить, что они жаждут внести в его эволюционное учение значительное количество поправок.

Теперь становится ясным, что Дарвин придавал чрезмерно большое значение так называемому естественному отбору и борьбе за существование. Современные ученые полагают, что ни то, ни другое не имело существенного значения. Далее Дарвин, по-видимому, переоценил роль наследственности. Более того, сама идея изменчивости видов была в корне ошибочной. Вполне возможно также, что у него было совершенно неправильное представление об обезьяне. Кроме того, сомнительно, совершил ли он в самом деле путешествие именно на "Бигле". Может быть, это был "Финеас К. Флетчер" из Дулута. Наконец, пока еще не установлено, действительно ли фамилия великого натуралиста была Дарвин.

Том III

ОЧЕРКИ ОБ АСТРОНОМИИ

Мир, или вселенная, где мы устраиваем свои дела, состоит из бесчисленного количества - может быть, сотни миллиардов, а, впрочем, может быть, и нет - сверкающих звезд, звездочек, комет, темных планет, астероидов, метеоров, метеоритов и пылевых облаков, вращающихся по огромным орбитам во всевозможных направлениях, со всевозможными скоростями. Мы не знаем, какие из этих тел пригодны для жизни и в какой мере они могут быть использованы в деловом аспекте.

Свет, излучаемый этими звездами, преодолевает такие огромные расстояния, что, в основном, он до нас еще не дошел. Но об этом не стоит жалеть, так как из-за этих непомерно больших расстояний свет звезд не имеет промышленного значения. Достаточно взглянуть ясной ночью на звездное небо, чтобы убедиться в полной их бесполезности.

Весь свет, тепло и энергию, имеющие практическое значение, дает нам солнце. Хотя солнце очень невелико, оно испускает невероятно много тепла. Деловой человек может составить некоторое представление об интенсивности солнечных лучей, вообразив на минуту, что все лампы осветительной сети любых двух крупных американских городов слились в одну; такая лампа окажется лишь очень не намного ярче солнца.

Земля вращается вокруг солнца и одновременно вокруг своей оси, причем периодом ее вращения, а также восходом и заходом солнца управляет Вашингтон (федеральный округ Колумбия). Несколько лет тому назад правительство Соединенных Штатов решило ввести единое время и приняло систему стандартного времени. В результате в штате Теннесси возникло движение за увеличение продолжительности года.

Луна, находящаяся довольно близко от нас, но не представляющая никакой экономической ценности, вращается вокруг земли. В ясные ночи ее хорошо видно за пределами города. Несколько лет назад, когда на нью-йоркской электростанции произошла незначительная авария, жители города могли отчетливо видеть, как луна прошла за шпилем

Стиль-дам-билдинга и чуть было не задела крыши Ого-билдинга. По сообщениям очевидцев, она была почти круглая, но с неровными краями и светила недостаточно ярко, по-видимому вследствие какой-то неисправности.

Планеты, подобно земле, вращаются вокруг солнца. Некоторые из них отстоят от нас так далеко, что не имеют практического значения, и к ним, как и к звездам, можно больше не возвращаться. Зато одна или даже две планеты находятся от земли на таком близком расстоянии, что их, по всей вероятности, удастся использовать. Особый интерес представляет планета Марс, так как на ее поверхности астрономы обнаружили нечто похожее на сеть каналов, сходящихся в определенных точках, в которых, по-видимому, расположены отели. Для того чтобы привлечь к этому делу внимание крупного капитала, в последнее время неоднократно предлагалось послать на Марс какие-нибудь сигналы, причем, как было предусмотрительно замечено, эти сигналы должны передаваться на шести языках.

Том IV

ОЧЕРКИ О НОВЕЙШИХ ДОСТИЖЕНИЯХ НАУКИ

(Составлены специально для членов женских клубов "За культуру" в полном соответствии с их циклами лекций о развитии науки)

Теория относительности Эйнштейна. Едва ли можно назвать Эйнштейна красивым мужчиной. Многие из членов Бостонского ежедвухнедельного женского научного общества, которым довелось его видеть, утверждают, что на вид он весьма невзрачен. Другие же, наоборот, находят в нем нечто особенное, нечто такое, что они не могут выразить словами, но очень хорошо чувствуют. Не подлежит сомнению, что Эйнштейн ничего не понимает в искусстве одеваться. Костюм у него имеет такой вид, словно его только что вытащили из мешка старьевщика; по словам одной дамы, которая слушала в Пенсильванском университете его лекцию об измерениях длины световых волн, галстук на нем был совершенно немыслимый и к тому же красного цвета. Тот факт, что ему до сих пор об этом не сказали, вызывает всеобщее удивление, и общественное мнение все более склоняется к тому, что кто-то должен наконец им заняться.

Эйнштейн не женат. Согласно сведениям, полученным от членов научно-исследовательского астрономического клуба "Файв-о-клок" в Трентоне (Нью-Джерси), в жизни ученого была одна романтическая история. Полагают, что, когда Эйнштейн был еще бедным студентом, ему отказала некая очень богатая девушка и что именно это обстоятельство побудило его заняться физикой. Говорят, так бывает довольно часто. Но, оставив в стороне вопрос о его женитьбе, мы должны сказать, что в тех клубах, где ему приходилось выступать, он, разумеется, держался безукоризненно и не пил ничего, кроме черного кофе.

Чувствуется, что теория Эйнштейна заслуженно привлекает к себе всеобщее внимание.

Великие открытия мадам Кюри. Мадам Кюри, бесспорно, принадлежит к числу великих ученых, но едва ли можно утверждать, что она привлекательная женщина или женщина, способная создать настоящий домашний очаг. Две дамы из омакского женского астрономического общества "За чашкой чая" слышали в Вашингтоне лекцию мадам Кюри о гамма-излучении гелия. Они рассказывают, что им было довольно трудно следить за ходом ее мысли и что, хотя мадам Кюри была в самом обыкновенном костюме, блузка на ней была действительно хороша элегантно, как все вещи, сшитые во Франции. Но, как им показалось, самой мадам Кюри явно не хватает чисто женского обаяния.

Работы Резерфорда по теории строения атома. Эрнест Резерфорд, или, точнее, сэр Эрнест Резерфорд, как его теперь следует именовать, потому что несколько лет тому назад за какие-то открытия в молекулах ему пожаловали титул, - человек средних лет с поразительно красивым лицом. Возможно, кое-кому покажется, что он начинает стареть, но это зависит от точки зрения. Если считать пятидесятилетнего мужчину стариком, то сэр Эрнест действительно стар. Но, по единодушному мнению многих членов разнообразных научных обществ, пятьдесят лет - лучший возраст для мужчины. Всех, кто стоит на этой точке зрения,

Резерфорд, безусловно, заинтересует. Его светлые, цвета серо-голубой стали глаза наводят слушателей на мысли о чем-то суровом и сильном, чему, впрочем, трудно найти точное определение. Понятно, что, будучи в Торонто, этот могучий британец произвел потрясающее впечатление на дамское физико-химическое развлекательно-исследовательское общество.

Встречаясь с сэром Эрнестом, членам различных учебных клубов следует помнить, что он лауреат Нобелевской премии и что ее удостоиваются не за личные качества, а за нечто совсем иное.

ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА ПАРЛАМЕНТОВ

(Только что же с ней теперь случилось?)

"Палата общин, - говорится в новейшем путеводителе по Лондону, которую по справедливости называют прародительницей парламентов, несомненно является самым высоким и досточтимым представительным органом в мире. С чувством благоговейного трепета входите вы под безмолвные своды Уэстминстерского дворца и с удобного места, предоставленного вам на галерее, взираете на группу серьезных людей с неторопливой речью и величественно сдержанными жестами - людей, которые вершат судьбами империи".

Вот что по меньшей мере уже двести лет говорит путеводитель о палате общин. Однако всем, кто читал в газетах отчеты о парламентских дебатах за последние несколько лет в том виде, в каком они доходят до нас из-за океана, вероятно, приходило в голову, что в накаленной атмосфере наших дней ледяная церемонность милой старушки начинает мало-помалу таять.

В последнее время заседания палаты стали как-то уж слишком походить на съезд ковбоев Монтаны или собрание литературно-философского общества в Даусоне (Юкон).

В качестве иллюстрации приведем дословно следующий отчет одной из лондонских газет - не то "Таймс", не то "Морнинг пост", не то лейбористской "Дейли гералд", точно не помню, - об одном из заседаний палаты, имевшем место несколько месяцев тому назад. Всякий, кто следит за отчетами о парламентских дебатах, ни на минуту не усомнится в подлинности нашего текста:

"Вчера в три часа дня палата общин возобновила свою работу. Взяв слово для внесения билля о разведении мышинного горошка в танганьикском районе Уганды, премьер-министр заявил, что прежде всего он считает нужным обратить внимание палаты на банан, которым один из депутатов позволил себе запустить в спикера. Он напоминает депутатам, что подобные действия мешают успешной работе палаты и даже, если можно так выразиться, свидетельствуют о неумении вести себя.

При словах "вести себя" в палате поднялся страшный шум. С лейбористских скамей раздались возгласы: "Вести себя! Вот еще новости! Как бы не так!"

Леди Лоск, вскочив со своего места, заявила, что некоторые члены палаты ведут себя так, что их не следовало бы пускать даже в конюшню.

Джозеф Хам, член парламента от Бакингамского дворцового избирательного округа, осведомился, не его ли она имеет в виду, на что леди Лоск ответила утвердительно. Спикер призвал присутствующих к порядку, напомнив о законе против оскорбления личности и сославшись на прецедент, имевший место при Генрихе VIII. Но тут в него угодил второй банан, и он опустился на свое место.

Мистер Хам залился слезами и, обратившись к палате, спросил, неужели депутаты согласны терпеть, чтобы такая вздорная женщина, как леди Лоск, обвиняла его в неумении вести себя. Конечно, он человек бедный и не получил никакого образования. Где уж ему было выучиться вести себя так, чтобы его пускали хотя бы в конюшню. Тут он горько разрыдался, а с лейбористских скамей раздались крики: "Позор!" и рев рожков.

Тогда леди Лоск признала, что, пожалуй, зашла слишком далеко, и согласилась взять назад слово "конюшня", ибо, по существу, она имела в виду гараж.

Спикер, сославшись на соответствующий прецедент времен Эдуарда Исповедника, объявил, что дебаты могут продолжаться. Однако не успел он сесть, как в его жилет угодил ананас.

Премьер-министр сказал, что, поскольку порядок восстановлен (громкие крики: "Ура! Ура! Тише!"), он может перейти к вопросу о правительственных субсидиях на разведение в районе Танганьики мышиноного горошка, к которому он, со своей стороны, считал бы необходимым добавить еще и мышинные бобы.

Но тут его прервал полковник Маклак Мак-Олух, независимый, депутат от восточного округа Западногебридских островов. Полковник хотел бы знать, как может премьер-министр поднимать вопрос о Танганьике, когда ему хорошо известно нынешнее положение Шотландии. Разве он не знает, в какой нищете живут шотландские фермеры? Не знает, что делается с шотландскими рыбаками, пастухами и овчарками? Не знает, что за последнее время еще три человека покинули Гебриды?

Далее полковник, страстная речь которого привела палату в бешеный восторг, заявил, что он лично не дал бы и ломаного гроша ни за мышинный горошек, ни за Танганьику и, уж если на то пошло, вообще разогнал бы весь кабинет.

Вслед за этим поднялся невероятный шум, послышались крики: "Молодец! Здорово!" вперемежку с воплями: "Вон из палаты!" Леди Лоск кричала, что если бы шотландцы бросили пить шотландское виски, у них у всех достало бы денег, чтобы уехать из Шотландии.

С минуту казалось, что осуществление важного общественного начинания находится под угрозой срыва. Но тут встал лорд Аконит и попросил слова, чтобы рассказать одну забавную историю. Как известно, лорд Аконит вышел уже на третье место по остроумию среди депутатов палаты; поэтому его предложение было встречено взрывом смеха и аплодисментами.

Спикер подтвердил, что забавные истории рассказывались еще при королеве Анне, и лорд Аконит поведал высокому собранию о том, как некоего пассажира по ошибке высадили ночью в Буффало. Палата, которая вообще легко переходит от раздражения к веселью и превыше всего (кроме завтрака) ценит хорошую шутку, покатила со смеху.

Поблагодарив высокочтимого депутата за выступление, спикер заметил, что, насколько он себе представляет, это как раз та самая история, которую рассказывали при королеве Анне.

Тогда премьер-министр объявил, что теперь закончит свою речь о мышинном горошке, и уже совсем было собрался начать, как вдруг его перебил мистер Митрич Небогатов, депутат от русского округа Уэстминстера. Он заявил, что сначала хочет внести билль о немедленном введении в Англии коммунизма. Тут в палате поднялась невообразимая суматоха. Возгласы: "Да здравствует Россия!" перебивались звуками "Марсельезы", а последние - известным гимном "Шотландия, хо-хо!"

Позднее газеты отмечали, что за весь истекший месяц палата не слышала лучшего исполнения.

В тот момент, когда дебаты дошли до указанного пункта, в зал вбежал йомен Эшер из "Черного хлыста", крича: "Скорей, скорей, ребята! По Уайтхоллу идет цирк!" - и вся палата, как один человек, бросилась на улицу, и только спикер чуть-чуть замешкался, чтобы закрыть заседание.

КАК МЫ С ЖЕНОЙ ПОСТРОИЛИ ДОМ ЗА ОДИН ФУНТ ДВА ШИЛЛИНГА ШЕСТЬ ПЕНСОВ

(Передано в полном соответствии
с лучшими журнальными образцами)

Однажды, когда я в своем рабочем костюме, сшитом из старых пузырей для льда, стоял, прислонившись к камину, а Берил, моя жена, сидела у моих ног на низенькой скамеечке в стиле Людовика Пятнадцатого, которую она своими руками сделала из ящика из-под копченой трески, нам обоим внезапно пришла в голову мысль о даче.

- Как бы хорошо иметь свою дачу! - воскликнула Берил, обвиняясь вокруг моих колен.

- И почему бы нам не иметь ее? - ответил я, слегка приподнимая ее за ухо. - С твоим тонким вкусом...

- И с твоим знанием дела... - добавила Берил и чуть-чуть ущипнула меня за ногу. - О, я уверена, мы легко бы ее построили! В журналах то и дело читаешь, как люди строят и обставляют дачи почти что даром. Давай попробуем, Доберман.

Всю ночь напролет мы обсуждали наш проект, а когда наступило утро, отправились на поиски места для будущей дачи, потому что - как заметила Берил, которая после бессонной ночи буквально искрилась весельем, - прежде всего нужно найти участок.

Судьба нам благоприятствовала. Едва мы выбрались за город, как Берил воскликнула: "Взгляни-ка, дорогой, взгляни! Вот то, что нам нужно!" - и указала на заброшенный клочок земли у самого края оврага. С одной стороны он примыкал к кирпичному заводу, с другой - находились песчаные карьеры. Деревьев на участке не было, зато повсюду виднелись кучи консервных банок, обрывки старых газет, множество камней, бревна и доски.

Верный глаз Берил мгновенно оценил все преимущества участка.

- О, Доберман, как здесь чудесно! Мы уберем весь мусор, посадим катальпу, которая разрастется и закроет кирпичный завод, карьеры обнесем живой изгородью из коперника или рвотного корня и разобьем клумбы с какими-нибудь яркими цветами. Жаль только, что я не захватила семян катальпы. Она так быстро растет!

- Сперва надо купить участок, - остановил я ее.

Тут нам снова удивительно повезло. Оказывается, владелец участка все это время находился тут же - он сидел на камне, обстругивая палочку, и слышал весь наш разговор. Он представился нам и после недолгих переговоров согласился продать участок за четыре шиллинга наличными и полкроны с рассрочкой на три года. Не теряя времени, мы составили акт о продаже и скрепили его двухпенсовой маркой, после чего, пожелав нам всяческих благ, владелец участка удалился. Мы же при мысли, что стали землевладельцами, почувствовали прилив неизъяснимого восторга.

В тот же вечер Берил взяла карандаш и бумагу и, усевшись на скамеечку у моих ног, с торжеством подвела итог предварительных расходов на постройку дачи. Привожу его в качестве пособия для тех читателей, которые захотят последовать нашему примеру:

Шилл. Пенс.

Участок 6 6

Марка 0 2

Ж/д. билет 0 4

Итого: 7 0

Я дважды проверил расчеты Берил и убедился, что они совершенно точны.

На следующее утро мы всерьез принялись за работу. Пока Берил очищала участок от банок и прочего мусора, я взял лопату и стал рыть яму под фундамент и подвал. Должен признаться, работа была не из легких. Пусть те, кто решит пойти по нашим стопам, будут готовы к тяжелому труду!

Возможно, дело было в моей неопытности, но только на рытье котлована в сорок футов длины и двадцать - ширины у меня ушло все утро, и Берил, которая за это время успела убрать весь хлам, сложить в сторону бревна и доски, снести в кучу все камни и посадить пятьдесят ярдов живой изгороди, с нетерпением ожидала, когда я кончу. Мне пришлось напомнить ей, что подрядчик с бригадой рабочих и несколькими подводами потратил бы на эту работу не менее недели.

Конечно, моя работа уступала тем рекордам, о которых пишут в еженедельниках для семейного чтения, где, по моим неоднократным подсчетам, за один абзац успевают вынуть 100000 куб. футов земли. Во всяком случае, я сделал все, что мог. Берил не умеет подолгу сердиться. Не прошло и минуты, как она снова заулыбалась и вознаградила меня за труды, бросившись мне на шею и крепко сжав меня в объятиях.

После обеда, собрав на участке все крупные камни, я выложил в котловане фундамент под стены и внутренние перегородки, которые разделяли помещение на комнаты и коридоры. Затем я выровнял дно, плотно утрамбовал его, посыпал песком и вывел из будущего подвала в овраг дренажную канавку глубиной в десять футов.

Поскольку до темноты оставалось еще около часа, я решил вырыть небольшой колодец в четыре фута ширины и двадцать глубины. Пока я раздумывал, что бы мне еще выкопать при лунном свете, Берил решительно встала на мою защиту (вернее, на мою голову, ибо я не успел вылезти из канавы) и велела мне прекратить работу, чтобы я не переутомился.

На следующее утро уже можно было приступить к настоящему строительству. По дороге на участок мы зашли в магазин хозяйственных товаров "За шесть пенсов" и купили: один молоток, пилу (шесть пенсов), полгаллона гвоздей (шесть пенсов), деррик-кран (шесть пенсов), ворот (шесть пенсов) и нитку с иглой для прошивки крыши (тоже шесть пенсов).

Тут мне хочется предостеречь начинающих застройщиков: не все наши покупки себя оправдали. Так, шестипенсовый ворот оказался слишком легким. Поэтому разумнее истратить больше денег, но купить более тяжелый (за шиллинг). Разница в цене составит (приблизительно) всего шесть пенсов, зато коэффициент полезного действия у большого ворота несравненно выше.

Прибыв на участок, мы с радостью убедились, что фундамент прочно стоит на месте, ничто не покосилось и не разошлось, а побеги катальпы заметно поднялись над землей и уже разрослись. Мы с жаром взялись за дело.

Еще дома мы решили использовать для постройки все отходы, какие только удастся найти на участке. Я обратил внимание Берил на то, что если употребить надлежащим образом весь мусор, то нам не надо будет покупать никаких строительных материалов.

- Основной принцип современной организации производства, - пояснил я, это использование отходов путем переработки этих побочных продуктов, прежде чем они окончательно придут в негодность.

Заметив, что Берил меня больше не слушает, я подвязал плотничий фартук, который только что сделал из куска толя, и принялся за работу. Прежде всего я собрал все бревна и доски, какие были на нашем участке и на соседних, распилил их на ровные куски по двадцать футов каждый и сделал из них стропила, балки, косяки и опоры, которые и образовали костяк нашего будущего дома.

На это ушло практически все утро. Берил, набросив поверх платья мешок из-под картошки, помогала мне поддерживая стены снизу, пока я сколачивал их сверху.

К вечеру стены были готовы. Мы сделали их из старых газет, пропитанных клеем и надежно спрессованных. На другой день мы крыли крышу. На нее пошли консервные банки, которые для этого пришлось разрезать и расплющить молотком.

На соседнем участке нам посчастливилось найти целый штабель отлично выструганных досок, по-видимому забытых хозяевами, и с наступлением сумерек мы, довольные и гордые, перетащили их к себе. Они пошли на пол, потолок и тому подобное. Той же ночью мы торжественно перенесли к себе и кое-какую мебель, брошенную в одном из ближайших коттеджей, замок на дверях которого, как это ни странно, мы открыли ключом от чемодана Берил.

Остальную мебель - простые столы, шкафы и тому подобное - я сделал сам из досок соседнего забора. Одним словом, читатель легко может представить себе, какой вид имела наша дача после недели упорных усилий, когда она была наконец готова и нам оставалось лишь перебраться в нее, что и должно было произойти на следующий день.

Вечером, сидя у себя в меблированных комнатах и обнимая обвившуюся вокруг меня Берил, я подсчитал, что все строительство, включая землю, лес, ворот, кран, клей, бечевку, консервные банки и другие материалы, обошлось нам в один фунт два шиллинга и шесть пенсов.

За эти деньги мы получили прелестный семикомнатный домик, сделанный и обставленный с большим вкусом: превосходную дачу с гостиной, спальнями, будуаром, чуланом, душевой и буфетной - словом, такую, о какой мечтает столько молодых супругов.

В тот вечер, усевшись поуютнее, мы с Берил принялись строить упоительные планы на будущее. Мы оба страстно любим животных и, как все, кто вырос на лоне природы, всегда мечтали о собственной ферме, где уже давно решили разводить кур. Для начала мы еще днем

принесли из магазина "За шесть пенсов" однодневного цыпленка - их продают теперь повсюду.

Мы надели на него крошечную фланелевую попонку, которую сшила Берил, и поместили в корзинке за радиатор, накормив сначала теплой кашей из гравия и остатков завтрака. В руководстве, приложенном к цыпленку, говорилось, что при дневном рационе в две унции зерна курица кладет пять яиц в неделю. С помощью простых вычислений я без труда доказал Берил, что если мы станем давать нашему питомцу четыре унции в день, то получим десять яиц в неделю, а увеличив ежедневный рацион до восьми унций. - двадцать.

Мгновенно воодушевившись, Берил предложила давать ему шестнадцать унций в день и притом посадить его на этот рацион немедленно. Мне пришлось со смехом напомнить ей, что и при восьми он, вероятно, исчерпает свои возможности и, как говорят у нас в деловых кругах, дойдет до своего "потолка".

- Главное же в современном производстве, - сказал я, - дойти до своего "потолка" и там удержаться.

Одним словом, радужным мечтам не было конца. Мысленно мы уже видели, как сидим на собственной даче в окружении кур, пчел, коров и собак, а у ног наших резвятся свиньи и козы. К сожалению, нашим мечтам не суждено было осуществиться.

До этого момента наш строительный опыт в точности соответствовал и даже кое в чем превосходил все то, что описывается в лучших журнальных статьях. Но дальше началась целая цепь злоключений, о которых нас никто не предупредил. Жаль, что я не могу оборвать здесь рассказ и поставить точку!

На другой день, приехав на дачу, мы обнаружили, что вокруг нее расклеены бумажки, запрещающие кому бы то ни было заходить на наш участок, и что поблизости стоят два весьма сердитых на вид субъекта. Они сказали нам, что мы не имеем никаких прав на этот участок, поскольку человек, продавший нам землю, был, по-видимому, просто случайным прохожим. Кроме того, подрядчик, производивший работы на соседнем участке, поднял страшный шум, обвиняя нас в незаконном использовании его строительных материалов. Далее, как оказалось, мы совершили ошибку, решив, что дом, из которого мы перенесли мебель, никому не принадлежит. На самом деле в нем жили какие-то люди, а когда мы с Берил выносили мебель, они просто спали.

Что же касается кур, то, конечно, это дело на редкость выгодное. Иначе и быть не может, если принять в расчет, что ежедневно в стране потребляются миллионы яиц. Однако оно требует неослабного внимания и, главное, хорошей памяти. Если вы завели курицу, вам нельзя ни на минуту забывать о ней, надо все время повторять про себя: "Как там моя курочка?" В этом-то и была наша беда. Нас с Берил так поглотили сыпавшиеся на нас несчастья, что мы забыли нашего однодневного цыпленка за радиатором и за три недели ни разу не вспомнили о нем. А потом его там не оказалось. Будем думать, что он улетел.

КАК МЫ ОТМЕЧАЛИ

МАМИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мысль установить ежегодный праздник - День матери - кажется мне самой замечательной из всех, высказанных за последние годы. Не удивительно, что одиннадцатое мая становится любимым днем американцев. Я уверен даже, что идея отмечать День матери получит признание и в Европе.

Такой большой семье, как наша, она особенно понравилась, и мы тут же решили отпраздновать мамин день рождения. Какая прекрасная мысль! Ведь только теперь мы вдруг поняли, как много мама делала для нас все эти годы и как она, не щадя сил и здоровья, трудилась ради нашего блага.

Поэтому мы решили устроить в честь мамы настоящий семейный праздник и сделать так, чтобы она почувствовала себя счастливой. Чтобы все было как следует, папа решил не идти на службу, мы с Энн не пошли в колледж, а Мэри и Уилл - в школу.

Нам хотелось, чтобы все было так же торжественно, как на рождество или в другой такой же знаменательный день. Поэтому мы решили украсить дом цветами, повесить над

камином различные изречения и вообще сделать все как полагается. Разумеется, заняться этим пришлось маме, потому что она всегда украшает дом под рождество.

Сестры сказали, что по случаю такого события всем нам нужно одеться как можно красивее, и отправились в магазин купить новые шляпки. Мама сменила на них отделку, и шляпки стали просто прелестны. Папа же купил себе и нам, мальчикам, сувениры в память об этом дне - шелковые галстуки. Маме мы тоже хотели купить шляпку, но оказалось, что она очень любит свой старый серый капор, да и девочки нашли, что он маме страшно идет.

После завтрака маму ждал сюрприз - мы заказали такси и решили устроить ей великолепную поездку за город. Ведь она редко когда выбирается из дому: нам не по средствам держать больше одной прислуги, и мама с утра до вечера занята по хозяйству. А за городом сейчас чудесно, и будет просто замечательно, если мама целое утро проведет на свежем воздухе, наслаждаясь быстрой ездой.

Однако утром знаменательного дня мы немножко изменили наши планы: папе вдруг пришло в голову, что будет куда лучше поехать с мамой на рыбалку. Папа сказал, что раз машина заказана и за нее уже заплачено, мы можем с таким же успехом отправиться на ней в горы, где есть богатые рыбой речки. Папа вообще считает, что стоит отправиться в путь без определенной цели, как у вас сейчас появится гнетущее ощущение собственной ненужности; а вот если вы едете ловить рыбу, перед вами стоит определенная задача, и это удваивает удовольствие.

Поэтому мы все согласились, что для мамы будет гораздо лучше, если перед нею встанет определенная задача. Кроме того, оказалось, что как раз накануне папа купил новую удочку. Словом, мысль о рыбалке явилась как нельзя более кстати. К тому же папа сказал, что, если мама захочет, она сможет ловить рыбу новой удочкой: он и купил-то ее главным образом для мамы. Однако мама ответила, что ей приятнее будет смотреть, как удит папа.

Итак, все было готово. Мы попросили маму приготовить в дорогу сэндвичей и еще что-нибудь закусить на случай, если мы проголодаемся, хотя дома нас, разумеется, будет ждать великолепный ранний обед - как на рождество или на Новый год. Мама уложила еду в корзину, и все было готово к поездке.

Ну, а потом, когда пришла машина, оказалось, что в ней гораздо меньше места, чем мы предполагали, так как мы не приняли в расчет ни папину корзину с рыболовными принадлежностями, ни удочки, ни еду.

Когда стало ясно, что всем нам в автомобиль не влезть, папа сказал, чтобы мы ехали без него. Он сказал, что преспокойно может остаться дома и потрудиться в саду, где всегда по горло всякой грязной работы: например, уже давно пора вырыть помойку. Кстати, это даст нам прямую экономию - не придется никого нанимать. Словом, он твердо решил остаться дома и попросил нас не считаться с такой мелочью, как то, что за последние три года ему еще ни разу не пришлось по-настоящему отдохнуть. Он пожелал нам веселья и удачного лова и велел немедленно отправляться, не думая о нем: он весь день будет наилучшим образом надрываться в саду. С его стороны вообще было глупо надеяться, что ему когда-нибудь дадут отдохнуть.

Конечно, мы все почувствовали, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы отец остался дома, тем более что от этого потом не оберешься неприятностей. Девочки - Энн и Мэри - охотно бы остались дома и помогли прислуге с обедом, но как назло день был такой чудесный и новые шляпки им удивительно шли. Тем не менее они заявили, что, стоит только маме слово сказать, и они без всяких разговоров останутся. Мы с Уиллом тоже готовы были отказаться от поездки, но, к сожалению, дома от нас все равно не было бы никакого проку.

В конце концов было решено, что останется мама. Она чудесно отдохнет в пустом доме и заодно приготовит обед, тем более что рыбная ловля едва ли доставит ей такое уж большое удовольствие. Кроме того, папа высказал опасение как бы мама не простудилась в горах: несмотря на солнечный день, воздух был, пожалуй, слишком прохладен и свеж.

Папа еще сказал, что никогда не простит себе, если вытащит маму в горы, а она там простудится, тогда как дома она могла бы прекрасно отдохнуть. После всего, что мама для

нас делала и делает, сказал папа, наш долг - дать ей возможность насладиться тишиной и покоем. Он добавил еще, что придумал поездку на рыбалку главным образом для того, чтобы дать маме хоть немного отдохнуть. Он сказал, что молодежи не понять, как нужны тишина и покой пожилым людям. Сам-то он пока еще в состоянии переносить шум и суету, но счастлив, что может избавить от них маму.

И вот, трижды прокричав в честь мамы "ура", мы отправились в путь, а она стояла на веранде и смотрела нам вслед, пока машина не скрылась из виду. Сначала папа махал ей рукой, но потом ушиб палец о задник машины и сказал, что мы уже далеко отъехали и маме нас, наверное, больше не видно.

Мы провели в горах чудеснейший день. Папа поймал несколько таких огромных рыбин, что, по его словам, попадись они маме, она просто-напросто не смогла бы вытащить их из воды. Мы с Уиллом тоже поудили на славу, хотя до папы нам было, конечно, далеко. Не скучали и девочки: еще по дороге им повстречалось много знакомых, а потом на речке оказалось несколько молодых людей из их компании, и они проболтали с ними весь день. Словом, время пролетело незаметно...

Когда мы вернулись, было уже довольно поздно, почти семь часов, но мама догадалась, что мы запоздаем, и сготовила обед точно к нашему приезду; аппетитный и горячий, он очутился на столе, как раз когда мы вошли в дом. Правда, сначала ей пришлось подать папе мыло и полотенце и вычистить ему костюм, потому что папа на рыбалке всегда умудряется бог знает как перепачкаться. Это, да еще туалет девочек, немного задержало маму.

Но вот наконец все было готово, и мы сели за стол. Обед был великолепный - жареная индейка и всякие вкусные блюда, какие бывают только на рождество. Мама поминутно вскакивала, чтобы принести то одно, то другое; папа даже заметил, что ей не следует так суетиться и что пора наконец поберечь себя. Он даже сам встал из-за стола и достал из буфета грецкие орехи. Обед тянулся долго, и всем было очень весело. А после десерта мы решили помочь маме убрать со стола и вымыть посуду. Но мама сказала, что предпочитает все сделать сама, и мы не стали с ней спорить: ведь это был ее день, и нам хотелось хоть раз сделать маме приятное.

Когда мама управилась со всеми делами, было уже очень поздно. Мы подошли к ней, чтобы поцеловать ее перед сном, и она сказала, что это был самый замечательный день в ее жизни. Как мне показалось, на глазах у нее при этом навернулись слезы. Тут мы почувствовали, что полностью вознаграждены за все наши труды.

ВСЕ В ЕВРОПУ!

Скромные советы путешественникам

Каждое лето тысячи и тысячи американцев отправляются в Европу. Говорят, наши пароходы еженедельно берут на борт пятьдесят тысяч человек. Впрочем, не ручаюсь за точность: может быть, мне называли даже и не пятьдесят, а пятьсот тысяч или просто пять. Во всяком случае, ясно одно - ежегодно множество людей отправляется путешествовать.

Одни пускаются в путь, чтобы переменить обстановку, другие - чтобы набраться ума; одни - потому что им надоели деньги, другие - потому что им надоело безденежье. Иные едут взглянуть на Европу, пока она не развалилась окончательно; другие - просто потому, что у них выдалось несколько свободных недель и они хотят провести их по-настоящему весело и беззаботно.

Наши скромные советы написаны именно для этой последней категории путешественников. Если, отправляясь в это далекое странствие, вы надеетесь испытать много радости, будьте готовы к большим разочарованиям. За время плавания вам неоднократно придется убеждаться в том, что реальное путешествие поразительно непохоже на путешествие, описанное в путеводителе.

Эту разницу вы начинаете ощущать с момента посадки. Посмотрим, что говорит об этом морской путеводитель в заманчивой пестрой обложке, на которой две тоненькие, как тростинки, девушки прогуливаются по палубе, а навстречу им идет молодой человек в соломенной шляпе и фланелевом костюме.

"Что может быть приятнее, - спрашивает путеводитель, - чем посадка на трансатлантический пакетбот? Огромное судно, сверкающее чистотой палубы, удобные каюты, роскошные салоны, уютная библиотека - все это преисполняет нас трепетом в предвкушении будущих удовольствий. Едва мы вступаем на палубу, как плеск волн, зыблемых легким бризом, который долетает в порт с моря, возвещает, что наши мечты начинают наконец сбываться".

Да, все это так. Но, к сожалению, дорогой читатель, именно при посадке вы наверняка обнаружите, что пропал ваш черный саквояж. С чемоданом все в порядке: он уже в каюте вместе с коричневым саквояжем и бумажным свертком, который ваша тетка просила передать знакомым в Эбердине, хотя прибываете вы в Ливерпуль. А вот черного нет как нет.

Вы хорошо помните, что в поезде он был при вас; позднее ваша сестра видела его в такси. Куда же он делся? Вот вам и посадка под плеск волн и мечты, которые начинают сбываться! Разве вам сейчас до них, когда пропал саквояж, а пронзительный свисток уже подает сигнал к отплытию?

Пожалуй, не стоит обращаться вон к тому человеку в форме. Он, скорее всего, один из помощников капитана. Не пробуйте также пробиться к мостику и спросить капитана. Он все равно не знает, где ваш саквояж. А вокруг судового казначея уже собралась толпа человек в двадцать. Все они примерно в том же положении, что и вы, все пытаются добраться до казначея и что-то из него выжать. Правда, кругом носятся стюарды, но единственное, что они могут сделать, - это спросить номер вашей каюты и объявить, что саквояж должен быть там. Словом, все это похоже на какой-то заговор.

В результате вы с полчаса бегаете взад и вперед, а когда наконец саквояж найден (в соседней каюте, потому что вы написали на нем неправильный номер), пароход уже вышел в открытое море. Отплытия вы так и не видели.

Ну, да ничего! Впереди еще несколько тысяч миль. Вот послушайте, что говорит путеводитель о первом утре в открытом море:

"Первый день в открытом море всегда особенно радостен. Когда с высокой палубы огромного лайнера мы смотрим на волны, наш взгляд теряется в бескрайних просторах океана. Со всех сторон - только синие воды Атлантики, чуть вспененные свежим утренним ветром. Мы прогуливаемся с радостным чувством особой полноты жизни, недоступным тем, кто остался на terra firma,* или стоим в мечтательной задумчивости, глядя на безграничные просторы вечного океана".

---

* Твердой земле (лат.).

Стоим? Да? Как бы не так. В это первое утро на борту парохода, даже в самую лучшую погоду, нам придется заняться кучей всяких дел, а вовсе не мечтать, глядя на волны. Прежде всего надо достать шезлонг. Как его получить? Бесплатно или за плату? А если за плату, то полагается ли давать на чай? И кто распоряжается шезлонгами? И к кому надо адресоваться, чтобы нас посадили рядом с мистером Снайдером из Питтсбурга?

На решение этих вопросов уходит все утро. Но когда с ними покончено, возникает новая проблема: к кому надо обратиться, чтобы получить за столом именно то место, какое нам хочется? Нам бы хотелось сидеть за одним столом с мистером Снайдером и четой Хопкинсов из Альберты. Кто-то кому-то сказал, что в каком-то салоне или еще где-то один из стюардов не то распределяет, не то собирается распределять места за столом. Как быть? Впрочем, с нас довольно. Мы и так уже убили все утро на хлопоты.

Увы, дорогой читатель, что бы ни говорил путеводитель, заботы будут преследовать вас всю дорогу. Когда уладятся все недоразумения с саквояжем, шезлонгами и местами за столом, вам придется беспокоиться и волноваться еще по тысяче самых разных поводов. Например...

Английские таможенники? Какие у них порядки? Неужели они осматривают абсолютно все? А вдруг они придерутся к парусиновым туфлям, которые ваша тетка просила передать ее кузине в Ноттингеме (недалеко от Лондона)? Уж не придется ли платить за них

пошлину, даже если вы объясните, что тетка сама их сшила? А нельзя ли просто сказать этому чиновнику: "Дело, конечно, ваше, только я скорее отправлю их обратно в Америку, чем заплачу хоть цент"? Словом, как будут держаться английские таможенники? И вот путешественник лежит ночью в каюте и думает, думает...

Или другая беда.

В котором часу вы прибываете в Ливерпуль? Удастся ли вам поспеть на лондонский поезд 11.30 или придется ждать до 12.20? Вопрос сложный. Многие путешественники столько думают по этому поводу и так много рассуждают обо всем этом на палубе, что так и не видят ни синевы моря, ни огромных дельфинов, резвящихся вокруг судна, ни летучих рыб.

Но даже если вы твердо знаете, что в Ливерпуле обязательно попадете на какой-нибудь поезд, все равно по мере приближения к земле перед вами будут вставать все новые и новые заботы.

Например, как быть с письмами и радиogramмами? Судовой казначей говорит, что для вас ничего нет. Но не значит ли это, что у него просто неправильно записана ваша фамилия? Ведь он же мог ошибиться! Может быть, лучше подойти к нему еще раз (четвертый!) и проверить, не перепутал ли он что-нибудь? Право, так будет лучше. И, пожалуй, надо бы прихватить с собой мистера Снайдера. А пока вы оба будете стоять в очереди к окошечку казначея, в двухстах ярдах от вас пронесется, разрезая волны, норвежский парусник... Но вам будет не до него.

Однако худшее еще впереди.

Наконец-то вы пересекли океан, все испытания кончились, и перед вами земля. Тут снова раздается оптимистический голос путеводаителя:

"Земля! С каким волнением мы переходим на нос парохода и пытаемся разглядеть белые утесы старой Англии, встающие прямо из моря! При первом же взгляде на эту древнюю землю нас захватывает романтика далекого прошлого и смелых открытий. Мы стоим, пристально глядя вперед, как, вероятно, некогда стояли Колумб или Кэбот, приближаясь к таинственной Новой Земле".

Стоим? Как бы не так! Где там! Нам некогда. Собственно говоря, мы вообще не бросали никуда никакого первого взгляда. Мы сидим в каюте и мучительно соображаем, сколько чаевых надо дать стюарду из душевой: восемь шиллингов или, может быть, достаточно шести? Нам необходим чей-то совет, чья-то дружеская помощь. Надо попытаться разыскать мистера Снайдера и узнать его мнение.

И вот, пока мы суетимся и возимся со стюардом, чаевыми и багажом, оказывается, что путешествие окончено, время истекло, и, не успев понять, как все это случилось, мы уже прощаемся с пассажирами, мистером Снайдером, четой Хопкинсов из Альберты, с судовым казначеем и стюардами. Какие это, между прочим, прекрасные люди! Но теперь нас не покидает странное чувство разочарования, ощущение какой-то утраты, словно путешествие еще и не начиналось. Нам хочется начать все сначала так, чтобы теперь уже ничего не испортить пустыми и бессмысленными хлопотами.

Друзья мои, а ведь все сказанное - притча. Подобно переезду через Атлантику, наше путешествие по жизни - всего лишь краткий переезд от одного берега к другому. Нам дано мало дней, но даже они часто бывают испорчены унижительными спорами и мелочными заботами. Будем же, пока еще есть время, шире смотреть вокруг, устремляя наши взоры к самому горизонту.

ИЗ СБОРНИКА

"ПОХУДЕВШИЙ ПИКВИК"

(1933)

РАТИФИКАЦИЯ НОВОГО
МОРСКОГО НЕСОГЛАШЕНИЯ

Выдержка из "Дипломатического ежегодника" за 1933 год

Важнейшим политическим событием истекшего 1932 года, несомненно, является

успешное рассмотрение и ратификация нового международного морского несоглашения.

Фактически к началу 1932 года истекли сроки действия значительной части существовавших несоглашений, остальные же постепенно перестали отвечать требованиям момента. Международное положение грозило прийти в состояние глубочайшего застоя, и вопрос о защите морских рубежей, казалось, утратил всякий интерес в глазах мировой общественности, внимание которой было отвлечено в иное русло. По единодушному мнению представителей дипломатического корпуса, подобное падение общественного интереса к увеличению ассигнований на военно-морской флот в значительной мере объясняется недавно возникшей опасной тенденцией к организации международных спортивных состязаний и чемпионатов по настольному теннису и кроссвордам. В подобной обстановке правительственные мероприятия по обороне морских границ перестали служить источником радости и превратились в тяжкое бремя; именно с этой стороны вопрос о военно-морском флоте был подхвачен и поставлен на повестку дня прессой всех стран. Более того - одно время в дипломатических кругах начали циркулировать слухи, будто общественное мнение всего цивилизованного мира все решительнее высказывается против войны.

Создавшееся положение настоятельно требовало изыскания каких-то осязаемых форм, в которых нашло бы выражение это новое чувство братской любви между народами; оно требовало каких-то акций, которые бы вновь привлекли внимание общественности к морским проблемам. Что могло больше соответствовать решению поставленной задачи, нежели идея полной ликвидации военно-морских сил при сохранении, конечно, судов, необходимых для целей обороны, то есть для морских сражений, или, иначе говоря, для боевых действий? Были высказаны также пожелания довести береговые оборонительные сооружения до минимума, необходимого для обороны береговых зон. Многочисленные предложения относительно свертывания строительства подводного флота и ограничения его постройкой судов, предназначенных исключительно для подводных операций, были подкреплены всеобщим убеждением в необходимости ограничить сферу применения противовоздушной обороны только борьбой с воздушным противником.

В конечном итоге эти проявления доброй воли всех народов мира привели к тому, что в начале года мы стали свидетелями обмена многочисленными и разнообразными заверениями.

В январе правительство Англии опубликовало сообщение о строительстве пяти новых линейных крейсеров, в котором отмечалось, что это лишь первый шаг на пути к полной ликвидации военно-морского флота и что новые крейсера будут вооружены восемнадцатидюймовыми орудиями.

Касаясь этого блестящего свидетельства миролюбивых устремлений английского правительства, премьер-министр Франции в своей речи, обращенной к депутатам палаты, заявил, что французская внешняя политика всегда руководствовалась священной идеей мира во всем мире, и заверил, что в целях дальнейшего претворения в жизнь этих принципов правительство Франции намерено незамедлительно приступить к постройке трех мощных линейных кораблей нового типа.

Англичане, отметил премьер-министр, всегда были в высшей степени благородной нацией, и теперь с чувством глубокого удовлетворения можно утверждать, что отныне и впредь между Англией и Францией невозможны никакие военные осложнения; если же они тем не менее возникнут, англичанам всыпят по первое число.

Через несколько дней, выступая в палате общин с ответной речью, глава британского правительства подчеркнул, что считает французов своими братьями; конечно, они во многих отношениях стоят ниже англичан, добавил он, но, признав их братьями, он лично считает своим долгом неукоснительно придерживаться принципа братских взаимоотношений. Эти взаимоотношения, однако, оговорился он, возможны только при условии, что французы будут вести себя благоразумно.

Дебаты по военно-морским вопросам, открытые парламентами Англии и Франции, нашли отклик и в других странах Европы.

Так, в рейхстаге г-н Дудельзак выступил с разъяснением, что Германия по самой своей природе государство исключительно миролюбивое - резко осуждает всякую подготовку к войне.

Немцы готовы жить в мире со всеми. Массовое производство тяжелых орудий на заводах в Киле, которое вызвало в свое время столько кривотолков и недоразумений, на самом деле является лишь проявлением дружеских чувств Германии к своим соседям.

Точно так же строительство нового огромного химического завода на Эльбе есть не что иное, как выражение международной солидарности и дружелюбия.

Итальянский парламент, вотируя предложение правительства о закладке пятидесяти новых быстроходных эскадренных миноносцев, особо подчеркнул, что введение их в строй будет всемерно способствовать быстрейшему обмену дружественными визитами между Италией и другими нациями. Италия, провозгласил диктатор, стоит за мир. А если кто-либо осмелится это отрицать, мы живо вправим ему мозги.

Когда обмен мнениями дошел до вышеуказанного пункта, Соединенные Штаты через своих полномочных представителей предложили свое посредничество в деле ослабления возрастающей международной напряженности.

В специальном послании правительство Соединенных Штатов разъяснило, что оно весьма обеспокоено отсутствием взаимопонимания между европейскими державами. Если бы европейские державы дали себе труд понять, что они представляют собой всего лишь кучу ненужной рухляди, они уже единственно из жалости к самим себе немедленно прекратили бы свои препирательства.

В целях предотвращения возрастающей угрозы войны в Европе Соединенные Штаты вызвались построить еще двадцать линейных крейсеров максимального водоизмещения, а в случае необходимости - значительно увеличить их количество. Короче говоря, они готовы построить столько крейсеров, сколько понадобится для поддержания порядка в Европе.

Далее в послании указывалось, что Соединенные Штаты полностью берут на себя все расходы по постройке этих крейсеров (таким образом, они не будут стоить Европе ровным счетом ничего) и в любой момент готовы выступить на защиту интересов Европы. Сами же Соединенные Штаты не получают от этого никакой выгоды; у них нет никакой заинтересованности, никаких планов, никаких замыслов, никаких намерений, никаких предубеждений - ровным счетом ничего.

Хотя в целом американское послание сыграло положительную роль, в некоторых кругах оно, к сожалению, вызвало ничем не оправданное неудовольствие. Лорд Меднолоуби, известный в Англии как сторонник решительных действий, потребовал, чтобы американцы дали прямой и ясный ответ, за кого они себя принимают. Министр финансов Франции заявил, что ему, видимо, придется вопреки собственному желанию повисить для американцев расценки в отелях.

Все усиливающаяся политическая напряженность несколько разрядилась после миролюбивой речи премьер-министра Англии в связи с закладкой тридцати новых подводных лодок.

Американцы, сказал он, связаны с англичанами узами значительно более прочными, чем железо или сталь. "Исторически сложившиеся родственные узы наших народов еще более окрепли благодаря целому столетию нерушимой дружбы".

Далее он с большим удовлетворением отметил, что прошло уже более ста лет с тех пор, как "Шеннон" продырявил "Чезепик", и выразил надежду, что больше этого никогда не придется делать.

Речь премьер-министра нашла живейший отклик в американской прессе; мысли, высказанные им по поводу столь длительных дружественных отношений, были встречены всеобщим одобрением.

В этой связи газеты отметили, что действительно прошло уже почти сто пятьдесят лет с тех пор, как генерал Джексон отколошматил англичан под Новым Орлеаном и сбросил их в Мексиканский залив.

Именно благодаря этой столь удачно сложившейся политической ситуации стало возможным заключение знаменитого Соглашения о морском несоглашении 1933 года, которое, как можно предполагать, на многие годы разрешило все важнейшие морские проблемы.

На конференции, созванной по инициативе правительства Либерии, были представлены делегаты всех великих держав Европы и Америки; все расходы, за исключением стирки, оплачивались правительствами стран - участниц конференции.

Результатом конференции явилось опубликование, а затем ратификация Морского несоглашения 1933 года.

Сущность этого документа сводится к следующему:

I. Все договаривающиеся стороны признают, что война является бедствием.

Этот пункт, представленный на рассмотрение Женским ежедвухнедельным клубом в Монровии (Либерия), был принят почти единогласно; от голосования воздержались только Китай и Никарагуа. Широкие слои общественности полагают, что признание даже одного этого принципа будет огромным шагом вперед по пути предотвращения возможных конфликтов.

II. Каждая из стран-участниц обязуется никогда не начинать войны без объявления ее по радио не позже, чем вечером того же дня.

III. Все договаривающиеся стороны берут на себя обязательство никогда не вести войны, за исключением тех случаев, когда это им выгодно.

IV. Каждая из великих держав ограничивает численность своего военно-морского флота пределами, обеспечивающими полное уничтожение военно-морского флота всех остальных стран.

Договор был принят и ратифицирован при единодушном одобрении со стороны представителей всех заинтересованных великих держав. Принимая почетное звание Поборника мира, которым его удостоил Либерийский университет в ознаменование его плодотворной деятельности в борьбе за мир, премьер-министр Великобритании заявил, что Англия с радостью принимает новый статус и немедленно приступает к строительству шести новых сухих доков, с тем чтобы помочь Соединенным Штатам претворить в жизнь принципы, оговоренные в Дополнении восемнадцатом.

Американский министр, которого абиссинский негус наградил орденом Почетного Легиона (класс 1, с гарантией на два года), заявил, что Соединенные Штаты намерены предоставить каждому из участников конференции кредиты в размере пятидесяти центов без начисления процентов в течение первых двух лет.

Представители Франции, Германии и других стран - участниц Либерийской конференции выразили глубокую признательность за предоставление им годичного билета для проезда по линиям трамвайной сети города Монровии и выразили уверенность, что отныне мир во всем мире будет окончательно обеспечен.

В конце года все делегаты разъехались по домам, чтобы успеть до рождества сбалансировать свой морской бюджет.

ЗАВТРАК У СМИТОВ

Заметки о пользе хорошего настроения

Выступая в прошлом месяце с докладом на научной конференции, один из ведущих медиков Европы заявил, что лучшим тонизирующим средством является хорошее настроение во время еды. Взрыв веселого смеха за завтраком, сказал знаменитый врач, приносит больше пользы, чем десяток пузырьков с лекарствами.

Не подлежит сомнению, что это заявление было сделано с самыми лучшими намерениями. Также не подлежит сомнению, что врач считал его совершенно правильным. Но разве он мог подозревать, какой переворот этот совет вызовет в семьях, где его воспримут буквально - как, например, в доме Генри Эдуарда Смита с Теновой улицы.

До того как эта новая истина была обнародована, завтрак у Смитов всегда проходил в полном молчании. Мистер Смит садился за стол и немедленно отгораживался от домочадцев

газетой. Напротив садилась миссис Смит, по одну руку от нее - десятилетняя крошка Вильгельмина Смит, по другую тринадцатилетний Джон Интеграл Смит. Через пять минут мистер Смит говорил: "Молока!" Ему передавали молоко, и он снова погружался в газету, пытаясь высчитать, сколько он накануне потерял на пятидесяти акциях горнопромышленного концерна "Гипгипура" ввиду снижения курса на три восьмых цента. Немного погодя он говорил: "Гренков!", потом бурчал: "Варенья!" и в самом конце: "Кофе!" За это время Вильгельмина успевала три раза сказать: "Молока!" и шепотом повторить спряжение французских глаголов к первому уроку в школе. Джон Интеграл тоже по нескольку раз требовал то молока, то гренков, то варенья, то сахару. Он тоже был погружен в собственные мысли, вычисляя, сколько понадобится времени, чтобы выкупить белого кролика при еженедельной выплате в шесть центов.

Миссис Смит вообще ничего не говорила и разве что изредка бросала служанке: "Кофе!" Она тоже была все время погружена в собственные мысли, вычисляя, сколько ярдов вязкого шелка понадобится для вечернего платья с оборками по всему подолу.

За завтраком Смиты весьма экономно расходовали свой словарный запас: они настолько привыкли молчать во время еды, что не видели в этом ничего дурного.

И вдруг им открылась роковая истина: они узнали, что за их столом не хватает смеха. И в жизни Смитов произошел коренной переворот.

- Ну, дети, - сказал мистер Смит, со смехом садясь за стол, - отгадайте одну презабавную загадку: что общего между Бостоном и курицей?

- Между Бостоном и курицей? - рассмеялась миссис Смит. - Какая нелепость!

- И то и другое начинается на "п"! - покатываясь со смеху, выкрикнул мистер Смит. - То есть, надо было сказать, что общего между Питтсбургом и птицей, но, в общем, это все равно.

Едва замерли взрывы хохота и миссис Смит настолько успокоилась, что смогла наконец налить в чашки кофе, она сказала:

- На днях я слышала ужасно смешную историю: один человек попросил проводника помочь ему высадиться из вагона в Буффало в три часа ночи, а проводник перепутал и высадил кого-то другого!

- Ха-ха-ха! - залились отец и дети. - Высадил другого! Ха-ха-ха!

- Папа, - сказал Смит-младший, - а ты когда-нибудь слышал анекдот про шотландца?

- Про шотландца? - воскликнул мистер Смит, заранее расплываясь в улыбке. - Нет, не слышал. Ну-ка, расскажи.

- Этот шотландец был фермер, и у него были корова и два теленка, и он надумал отдать одного священнику, только никак не мог решить, какого. Один раз телята паслись на лугу, и вдруг началась гроза, и одного убила молния. И, когда этот шотландец пришел на луг и увидел мертвого теленка, он сказал: "Ай-ай-ай, священников-то теленок околел".

Последовал такой громовой хохот, что на время все и думать забыли о завтраке; наконец восстановилось некое подобие порядка, и слово взяла крошка Вильгельмина:

- Я тоже знаю смешное про одного адвоката, только я, наверное, не сумею как следует рассказать.

- Ничего, ничего, рассказывай! - закричали остальные.

- Этот адвокат, - начала Вильгельмина, - нечаянно проглотил монетку в двадцать пять центов, и она застряла у него в горле. Тут его сразу отвели к врачу, а он велел перевернуть его вверх ногами и трясти, чтобы она выскочила обратно. Они трясли-трясли, но вытрясли только восемнадцать центов.

Над столом прокатился новый взрыв смеха.

- Есть еще один анекдот, про ирландца... - начал мистер Смит.

- Пожалуйста, расскажи, - попросили остальные.

- Я вспомнил его, - продолжал мистер Смит, - когда Вильгельмина рассказывала про доктора. Так вот, этот джентльмен жил где-то в глуши, и у него заболела жена. Тогда он написал письмо, велел слуге скакать во весь опор и отдать его доктору. Но пока слуга

собирался и пока он писал письмо, жене стало лучше, так что он сделал в конце письма приписку: "С того времени как я написал это письмо, жене стало лучше, так что не приезжайте".

Содрогаясь от приступов смеха, Смиты тщетно пытались дожевать гренки.

Но Смит-старший не дал им времени опомниться.

- Хотите, я покажу вам, как поет Гарри Лодер? - предложил он.

- Да, да, конечно, ну пожалуйста! - хлопая в ладоши, закричали ликующие домочадцы.

И мистер Смит изобразил шотландского актера с тем же блестящим успехом, какой в подобных случаях неизменно выпадал на его долю в Репей-клубе, Крог-клубе или после очередного собрания в Ротари-клубе. Затем он собрался перевоплотиться в Эла Джонсона, но тут его вдруг прервала миссис Смит:

- Господи, Джон, ведь уже почти без четверти девять!

И все семейство, давясь от смеха, выскочило из-за стола и стало поспешно собираться кто в школу, кто в контору.

А в одиннадцать часов, когда Джон Смит был на службе, он вдруг почувствовал себя плохо. Пришлось взять кэб и вернуться домой. Вскоре Вильгельмину и Джона Интеграла привезли из школы с признаками крайнего нервного истощения, а немного погодя на кушетке в гостиной нашли миссис Смит. Она лежала почти без сознания и в последующие два дня не произнесла ни слова.

А когда позвали доктора, он - какое поразительное непостоянство! - имел наглость рекомендовать им полный покой и запретил какое бы то ни было умственное возбуждение.

Итак, по выздоровлении Смиты вернулись к своим прежним привычкам. За завтраком Смит-отец читает сообщения о падении акций горнопромышленного концерна "Гипгипура" и изредка бормочет: "Молока!" Дети про себя повторяют французский и алгебру, а миссис Смит молча решает вечные проблемы туалетов.

Иными словами, поскольку человеческая природа такова, как она есть, лучше предоставить ее себе самой.

ТЕННИС У СМИТОВ

Простой перечень фактов

Когда летом Смиты переселились на свою дачу возле озера, семейный совет решил, что было бы замечательно устроить там теннисную площадку. Правда, земля на участке не очень ровная и площадка подойдет вплотную к кедрам позади дома, но это никого не смущало. В конце концов, теннис есть теннис, и для того чтобы летом помахать ракеткой, вовсе не нужны первоклассные корты. Играя на обыкновенной траве, тоже можно получить огромное удовольствие. А настоящие корты и все такое прочее нужны лишь профессионалам.

Иными словами, Смитам действительно страшно хотелось устроить собственную теннисную площадку. Правда, за все лето они так и не сыграли ни одной партии, но это еще ничего не доказывает.

В мае, когда Смиты перебрались на дачу, участок, естественно, был в довольно плачевном состоянии. Он весь зарос сорняками, а из земли тут и там торчали огромные камни.

Но, как сказал глава семьи мистер Смит, когда он в первый раз приехал на дачу, чтобы провести там субботний вечер и воскресенье, если нужно убрать камни - снимайте пиджак и принимайтесь за работу. Он сказал еще, что у них в деловом мире человека приучают сразу же браться за любое дело, и чем оно сложнее, тем скорее нужно к нему приступать.

Сам мистер Смит так и сделал. Он снял пиджак, взял железный лом и начал выворачивать камни. К вечеру он расковырял землю вокруг четырех камней, чуть сдвинул с места один и слегка вывихнул себе плечо.

На другой день он сказал, что больше у него нет времени, и поэтому миссис Смит сказала, что позовет человека, который доделает все остальное. Как это бывает во многих семьях, всякий раз, когда мистер Смит брался за какое-нибудь дело, а потом бросал его, не доведя до конца, миссис Смит посылала за "человеком", и тот все доделывал.

На этот раз миссис Смит тоже позвала "человека", и он вырыл и убрал все камни. Затем она позвала еще одного "человека", и он скосил сорняки, подровнял траву газонокосилкой и немного подпиллил сучья у кедров в конце площадки.

К концу второй недели он подготовил всю площадку, только не разметил поля. Но миссис Смит сказала, что это и не нужно: муж и сыновья разметят поле сами.

Вот тут-то она и совершила роковую ошибку.

Когда мистер Смит приехал на дачу в конце мая, он прежде всего решил заняться разметкой. Мистер Смит любил все делать последовательно и методично. Его девиз: "Если берешься за какую-нибудь работу, делай ее как следует или уж не делай вовсе!" Он убежден, что своим успехом в делах он обязан прежде всего этому нехитрому правилу.

Мистер Смит сказал, что для правильной разметки корта прежде всего нужно заготовить побольше кольшков, чтобы отмечать ими точки пересечения всех линий. Только тогда будет видно, что и как делать дальше.

Для того чтобы нарубить кольшки, понадобился топор. Топор оказался тупым. В подобных случаях мистер Смит любил говорить: "Привести инструмент в порядок - значит сделать половину дела".

Поэтому он решил в первую очередь наточить топор. Для этого надо было сначала направить точило, чтобы камень не вихлял из стороны в сторону, ведь если он будет болтаться на оси, инструмент никогда правильно не заточишь...

Когда наступил вечер, мистер Смит все еще искал пузырек со скипидаром, чтобы протереть напильник, чтобы наточить пилу, потом распилить ею доску и наконец закрепить камень на точиле. Площадка так и осталась неразмеченной. В понедельник мистер Смит уехал в город.

Первая атака захлебнулась.

Следующий раз за разметку взялся Уилфред Смит, старший сын Смитов, только что вернувшийся из колледжа, где он слыл блестящим математиком.

Уилфред сказал, что разметка площадки - дело совсем нехитрое. Нужно только предварительно проделать кое-какие расчеты. Для этого вовсе незачем возиться с кольшками, а достаточно просто провести две прямые, пересекающиеся под прямым углом, и вспомнить, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Эта теорема, сказал Уилфред, восходит, по крайней мере, ко временам Пифагора, а возможно, была известна еще древним египтянам. Преимущества ее использования при разметке теннисной площадки самоочевидны: если ширина площадки тридцать шесть футов, а длина семьдесят, то надо только возвести в квадрат тридцать шесть и семьдесят, сложить полученное, а потом из этой суммы извлечь квадратный корень. После этого уже нетрудно определить центр и всю конфигурацию.

В одиннадцать часов утра Уилфред Смит приступил к вычислениям. В двенадцать он все еще считал. В половине первого он прервал работу, чтобы справиться в учебнике, как извлекается квадратный корень. Но учебника на даче не оказалось. Там вообще было очень мало книг, и среди них не было даже жизнеописания Пифагора. Уилфред трудился до самого вечера. Наконец с помощью алгебры он извлек корень и объявил, что, хотя задача очень сложная, осилить ее все-таки можно. Однако полученная цифра - чуть больше четверти мили ясно говорила, что часть корта придется вынести на озеро. Тут Уилфред спасовал. Кроме того, на следующий день ему все равно надо было возвращаться в колледж, чтобы получить ученую степень бакалавра математических наук и присутствовать на выпускном акте.

Вторая атака тоже захлебнулась.

Следующий раз, уже в конце июня, за дело взялись сестры Уилфреда Рини и Джини. Они принесли старую швабру и ведро разведенного мела, и через полчаса все было готово. Но, к сожалению, они нечаянно навели с каждой стороны по три квадрата вместо двух, поэтому играть все равно было нельзя. Правда, миссис Смит тут же утешила девочек, сказав, что это пустяки и что нужно только подождать, пока дождь смоет весь мел.

В июле не было ни одного дождя. То есть в других местах они, конечно, шли, но над

участком Смитов - ни разу. Сильные ливни прошли над Техасом. В Британской Индии, по сообщению газет, стояло самое дождливое лето за последние полвека.

А на участок Смитов не упало ни капли.

Как-то вечером в начале августа, когда весь мел наконец стерся, двое младших мальчиков снова расчертили площадку, но снова неудачно: вместо мела они по ошибке взяли муку, и ночью собаки начисто вылизали черту подачи.

А потом мистер Смит узнал, что самое простое - это разметить корт с помощью специальных трафаретов из тесьмы. Их в готовом виде покупают в магазине и потом прямо набивают на площадку. Оказывается, теперь решительно все освоили этот новый метод и почти никто уже не делает разметку мелом. Мистер Смит купил трафареты и полдня ползал по корту с молотком, гвоздями и руководством, в котором было написано: "Закрепите точку А на оси ординат, а точку Б на перпендикуляре, восстановленном из точки А..." - и так далее, в таком же духе. Когда половина трафарета была прилажена, мистер Смит увидел, что прикрепил его не той стороной: он положил тесьму поперек, а нужно было вдоль. "А, черт!" - выругался он, сорвал трафарет и забросил его в гараж.

Наконец в последнюю неделю августа миссис Смит сделала то, что следовало сделать с самого начала. Она позвала "человека" - не мужа, не сыновей, а "человека".

Этот "человек" владел кистью - правда, он писал вывески, а не картины. Он пришел из поселка и принес маленькую, не больше шелковой дамской шляпки, банку какого-то раствора, кисточку и бечевку.

Через полтора часа корт был готов. За работу он взял доллар и двадцать центов.

Тем временем дачный сезон стал подходить к концу, а Смиты так и не воспользовались своим кортом. Мальчики целые дни проводили на озере, мистер Смит отдавал все свободное время гольфу, а девочки предпочитали играть в бридж.

А готовый корт ждал игроков.

И вот теперь миссис Смит подумывает, не позвать ли ей опять "человека", чтобы обновить корт.

ИЗ СБОРНИКА

"ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ"

(1939)

МОЯ ВИКТОРИАНСКАЯ ЮНОСТЬ

Мемуары леди Ниарли Слоповер

Моя юность в Глупсе - так называлась усадьба моего отца - была полна размеренного покоя и тихого очарования, которыми отличалась жизнь в те дни. Мой дорогой папа (одиннадцатый барон Глупс) поддерживал в доме самый строгий порядок. Как истинный аристократ, он свято верил в принцип - *noblesse oblige** и всегда настаивал на том, чтобы каждое утро ровно в восемь вся прислуга собиралась на кухне для общей молитвы. И когда в десять часов камердинер приносил ему бренди с содовой, папа прежде всего спрашивал, все ли слуги пришли на молитву ровно в восемь.

---

* Положение обязывает (франц.).

Моя дорогая мама тоже всегда была для меня воплощением идеала *grande dame*.* Она умела великолепно управлять жизнью такого большого дома, как Глупс, и не только отлично разбиралась в тонкостях кулинарии, но обладала к тому же поразительными познаниями относительно всяческих микстур, мазей, припарок и настоек из лекарственных трав. Если кому-нибудь из девушек случалось заболеть, мама не приглашала врача, а сама составляла из трав нужную микстуру, которая обычно поднимала служанку на ноги за какие-нибудь полчаса.

---

* Светской дамы (франц.).

Кроме того, она не считала ниже своего достоинства иногда сделать что-нибудь самой, особенно в критические минуты. Однажды, когда папе стало дурно в гостинной, мама сама

позвонила и приказала принести яйцо; она велела дворецкому подать стакан и графин, сама разбила яйцо и собственноручно вылила его в стакан. Видя подобное присутствие духа, папа пришел в себя и смог дотянуться до бренди.

Для меня и моей младшей сестры Люси папа и мама были прекрасными родителями. Не проходило и дня, чтобы папа не поднялся наверх в детскую поболтать с нашей гувернанткой мадемуазель Фромаж (она происходила из семьи де Бри) или хотя бы не послал наверх камердинера справиться о нашем здоровье. Папа без труда различал нас, даже когда мы были еще совсем маленькими.

Мама тоже горячо нас любила и иногда позволяла спускаться в ее будуар, чтобы мы могли полюбоваться ею, когда она переодевалась к обеду; кроме того, нам разрешалось прийти поговорить с ней, пока она одевалась для прогулки в фэртоне; а один раз, когда Люси была больна, мама невзирая на опасность заразиться, послала свою горничную ночевать в комнате Люси.

Глупс находился на границе Линкольншира. Все папины арендаторы и работники говорили на прекрасном старинном диалекте нашего болотистого края. Они произносили "да-а" вместо "да" и "не-е" вместо "нет", "ты-у" вместо "ты" и "мы-у" вместо "мы". Это звучало очень музыкально. К сожалению, теперь этот говор постепенно исчезает.

Папа был образцовым лендлордом. Он никогда не выселял арендаторов, если они вовремя вносили плату, а когда их коттеджи грозили обвалиться, приказывал поставить подпорки. Раз в год папа давал у себя в поместье грандиозный бал для своих арендаторов, и по этому случаю к нам со всех сторон съезжались гости. Большой зал освобождали для танцев, и там собирались владельцы соседних поместий, а арендаторы танцевали в большом сарае. Папа давал каждому арендатору по сдобной булочке и апельсину, и еще выдавал по молитвеннику для каждого ребенка. По-моему, простой народ жил счастливее в те времена.

Папа был прост в обращении не только со своими арендаторами, но и с другими соседями, хотя среди них не было ни одного джентльмена. Он неоднократно привозил к нам обедать доктора Мак-Грегора, деревенского врача - разумеется, когда у нас не было никого из гостей. Доктор Мак-Грегор получил какую-то очень высокую ученую степень в Эдинбурге, но он не был джентльменом. Доктор много путешествовал и удостоился награды от короля Франции за самоотверженную службу в Алжире, где он оказывал медицинскую помощь французской армии. Было просто досадно, что он не джентльмен, тем более, что непредупрежденный человек ни за что бы об этом не догадался.

Хотя Глупс был очень уединенным местом, многие великие люди приезжали навестить нас, потому что папа занимал видное положение в палате лордов. Право же, визиты этих выдающихся и знаменитых людей, имена которых стали теперь достоянием истории, были самыми интересными событиями нашего детства в Глупсе. Как живо все это запечатлелось в памяти - изысканные манеры и тонкое обращение! Помню, нас с Люси привели в гостиную поздороваться со старым лордом Мелрашем, премьер-министром, всегда таким милым и веселым. Мама сказала: "Вот мои девочки", а лорд засмеялся и сказал: "Ну, слава богу, они не похожи на своего папашу, не так ли?" Это было необыкновенно тонко подмечено, потому что мы действительно нисколько не были похожи на папу.

Еще я помню старого фельдмаршала лорда Стикета - вероятно, одного из величайших стратегов Англии. Все называли его правой рукой Веллингтона ведь левую лорд Стикет потерял в бою. Я как сейчас вижу его: он стоит на коврик у камина и говорит: "Ваши девочки, мэм? Что ж, девочки как девочки!" Он всегда так говорил, отрывисто и кратко.

Но больше всех мне нравился адмирал Рейнбоу, который сражался вместе с Нельсоном; правый глаз его закрывала черная повязка, потому что кто-то дал ему пощечину при Трафальгаре. Когда он приехал к нам, я была уже большой девочкой, лет четырнадцати, и он сказал: "Ну и ну! Черт побери, мадам! Будь я проклят, она у вас уже девица! Вы только посмотрите на обвод кормы!"

Другим большим событием в тот период моей жизни в Глупсе был день, когда папа и мама сочли, что я уже достаточно выросла, чтобы обедать с ними и их гостями. Эти обеды

были замечательной школой. Однажды меня вел к столу лорд Глауер, известный археолог. Он почти все время молчал. Я спросила его, как он думает - не хетты ли построили пирамиды. Но он ответил, что не знает.

Обычно мы обедали в старинной столовой с дубовыми панелями. Это был чудесный зал, построенный еще во времена Ричарда III, и панели были так источены жучком, что превратились почти в труху. Папе предлагали за них огромные деньги. На стенах висели великолепные старинные картины. Среди них был один Ван-Дейк, настолько почерневший, что совершенно ничего нельзя было разобрать. Тем более, что краски почти совсем осыпались. Позднее, когда премьер-министр представил папу к ордену Подвязки, папа подарил эту картину государству, отказавшись от всякого вознаграждения; правда, премьер-министр заставил папу принять тысячу гиней в качестве компенсации. Папа велел достать из кладовой другого Ван-Дейка.

Полагаю, у меня есть основания сказать, что к восемнадцати годам я стала очень красивой девушкой и, как все утверждали, обладала истинно аристократической внешностью. Меня неоднократно сравнивали с принцессой Евлалией фон Шлац, а однажды даже с великой герцогиней Марианой Марией фон Швиг-Пильзенер. Наш викарий - добрый старый доктор Глоуворм, который помнил еще французскую революцию - как-то сказал, что, если бы я жила в те времена, меня бы непременно гильотинировали или, по меньшей мере, посадили бы в тюрьму.

Но немного раньше - мне еще не было восемнадцати - произошло величайшее событие в моей жизни: я впервые встретила Альфреда, моего дорогого будущего мужа. Это случилось в Глупсе на большом обеде, который папа давал в честь сэра Джона Овердрафта, президента нового банка, где папе только что предоставили пост директора. Сэр Джон возглавлял банк и получил титул баронета, но, как это ни странно, в сущности он был просто никто. Я хочу сказать, что хотя он составил себе большое состояние в Сити и имел огромное влияние в финансовом мире, он был низкого происхождения. Больше того, все это знали. Папа не делал из этого никакой тайны. Помнится, я слышала, как лорд Туидлпип, наш сосед, спросил папу перед обедом, кто такой сэр Джон, и папа ответил: "Насколько я знаю, он - никто". Однако, разговаривая с сэром Джоном, папа был воплощенной учтивостью; он и нам, детям, постоянно внушал, что, хотя выдающиеся люди - например, писатели, художники, скульпторы часто не принадлежат к нашему кругу, все же в обществе мы должны обращаться с ними как с равными.

Гостей собралось так много, что я даже не могу всех припомнить, тем более что это был мой первый настоящий обед: я уже выезжала, но еще не была представлена ко двору. Но на одного из гостей я обратила особое внимание, несмотря на то, что он не только не принадлежал к нашему кругу, а вообще был американцем. Если мне не изменяет память, до этого случая я никогда не встречала американцев, хотя теперь, конечно, они бывают всюду и многие из них настолько цивилизованные, что их не сразу отличишь от англичан. Но тот первый американец был совсем не похож на окружающих: он казался более резким, более напористым, но, в общем, он понравился мне, хотя и не умел себя держать. Я даже сначала не могла понять, как его зовут, потому что папа и сэр Джон, которые, по-видимому, хорошо знали этого гостя, упорно называли его по-разному: то "старина сорок четвертого калибра", то "старая десятидолларовая бумажка". Его родовое поместье называлось Колорадо, и, насколько я поняла, он владел золотыми приисками. Я узнала все это, потому что совершенно случайно оказалась у двери библиотеки, когда папа, сэр Джон и мистер Дерингер (видимо, это и было его настоящее имя) беседовали там перед обедом. Мистер Дерингер хотел подарить папе чуть ли не целый золотой прииск, который папа должен был передать сэру Джону, а тот, от имени своего нового банка, - передать государству. Все это выглядело очень благородно. Я слышала, как мистер Дерингер, смеясь, сказал папе: "Глупс, если бы вы жили у нас в Штатах, вы самое позднее через полгода попали бы в Синг-синг".* Синг-синг - видимо, какое-то учреждение, которое только что открылось в Америке. Мама потом объяснила мне, что оно соответствует нашей палате общин. Мистер Дерингер

смеялся, когда говорил, что папа мог бы попасть в Синг-синг, но я не сомневаюсь, что он говорил это с искренней убежденностью.

---

* Синг-синг - тюрьма в штате Нью-Йорк.

Но боюсь, что я чисто по-женски забываю сказать о самом важном, а именно о том, что в этот вечер к столу меня вел Альфред, мой будущий муж. Ростом выше шести футов, стройный как пальма, с красивыми каштановыми волосами и изящными полубачками (французы называют их *coteiette de mouton**), которые тогда только что вошли в моду, Альфред был поистине великолепен. Я никогда не видела его раньше и знала только, что его звали Альфред Сирил Ненси Слоповер, что он был старшим сыном десятого маркиза Слоповера и Бата и что род их принадлежал к самым старинным и знатным в Англии, хотя и происходил из западных графств. Мать Альфреда была урожденной Дадд, то есть приходилась двоюродной сестрой лорду Хэвенготтни.

---

* Бараньи котлеты (франц.).

Итак, Альфред вел меня к столу. За обедом мы почти не разговаривали наверное, потому, что я была застенчива и, кроме того, на нашем конце стола сидел мистер Дерингер, который громко рассказывал маме захватывающие истории об охоте на диких папусов* в Колорадо и о том, как индейцы племени Кактус преследуют бизонов вердиктами - как это, должно быть, интересно. Альфред никогда не отличался многословием, но обладал умением выражать свои мысли буквально одним словом, отчего все сказанное им звучало очень решительно и категорично. Например, после обеда, когда мужчины присоединились к дамам в гостиной, чтобы выпить чаю, я сказала Альфреду: "Не пойти ли нам в оранжерею?" Он ответил: "Пойдемте". Я спросила: "Может быть, посидим среди бегоний?", и он сказал: "Пожалуй". Потом после некоторой паузы я сказала: "Не вернуться ли нам в гостиную?", и он сказал: "Что ж!" Когда мы вернулись в гостиную, мистер Дерингер все еще рассказывал маме о своих удивительных приключениях, и все его слушали.

---

* Папусы - маленькие дети (индейск.).

Именно тогда я и поняла, какая обширная страна Америка. В сущности, я всегда верила и продолжаю верить, что когда-нибудь для нее настанет великое будущее. Однако в тот вечер мне было не до мистера Дерингера: я чувствовала, что Альфред влюбился в меня, и сердце мое трепетало от счастья. Он выглядел таким благородным, когда сидел с полуоткрытым ртом, как бы вбирая в себя слова мистера Дерингера. Время от времени он делал чрезвычайно тонкие замечания; например, когда мистер Дерингер рассказывал, как легко и свободно живут у них на Западе, и потом еще о вечерах Линча, на которые приглашают даже негров, Альфред сказал: "Неужели?" В этот вечер он казался таким типичным британцем, таким любознательным. Впрочем, он всегда был таким.

На другой день все откровенно хвалили Альфреда. Проходя крадучись из комнаты в комнату (я не видела в этом ничего неприличного), я подслушала о нем очень много лестных слов. Мистер Дерингер, который всегда уснащал свою речь огромным количеством очаровательных американизмов, заимствованных, по-видимому, из технического словаря, сказал о нем: "Винтиков не хватает", а сэр Джон, человек деловой и энергичный, не мог не отдать должное мечтательной и поэтической натуре Альфреда. "Какой-то блаженный", - сказал он. Но вообразите себе мой восторг, когда через день или два Альфред прислал маме прекрасный букет роз из Слопса, имения своего отца, а потом корзину винограда, выращенного в теплицах, а потом еще большую рыбу, лосося, для папы. Две недели спустя он написал папе письмо, в котором официально просил моей руки. Папа поехал в Лондон, посоветовался с поверенными и принял предложение Альфреда. Все это было так романтично, так восхитительно! А затем Альфред приехал на неделю в Глупс уже как мой жених; это были дни упоительного счастья: мы могли ходить вдвоем по парку, а когда мы оставались в гостиной, мама садилась обычно в самый дальний конец и делала вид, что не

замечает нас.

Конечно, в любви не все бывает гладко, и иногда она приносит огорчения: помню, что у меня произошла страшная ссора с моей сестрой Люси, которая заявила, что Альфред невежествен и ничего не знает. Я тогда ответила, что ему и не нужно ничего знать, разве такой человек, как Альфред, должен что-то знать? Какие глупости! Впоследствии, когда Люси так неудачно вышла замуж, я часто вспоминала этот разговор.

Потом возникли некоторые споры о моем приданом и вдовьей доле наследства. Вначале папа предложил пять тысяч фунтов приданого, но Альфред отказался наотрез. Он заявил, что не возьмет меньше десяти. Как это романтично, когда из-за тебя сражаются, словно на рыцарском турнире! Альфред был непреклонен и продолжал настаивать на своем даже тогда, когда папа поднял сумму до пяти тысяч гиней. Так что в конце концов папа был вынужден сдаться. Он не только принял все условия Альфреда, но больше того - проявил великодушие и дал ему даже двенадцать тысяч фунтов в виде акций золотых приисков мистера Дерингера. Папа объяснил, что эти акции называются "привилегированными" и что это делает их особенно ценными. Он сказал, что если мы с Альфредом продержим эти акции достаточно долго, то он затрудняется предсказать, сколько они потом будут стоить. Альфред был в восторге от победы над папой. Победа эта была тем более почетной, что сэр Джон всегда говорил, что в папе пропадает блестящий финансист, а мистер Дерингер утверждал, что папа вполне мог бы попасть в Синг-синг.

Помнится, папа в таком же порыве великодушия роздал множество этих золотых акций - фактически все, что у него было, - разным родственникам и знакомым: отцу Альфреда - лорду Слоповеру, старому лорду Туидлпипу - нашему соседу, и еще кому-то, причем отдал почти даром или, во всяком случае, по цене, совершенно не соответствовавшей их действительной стоимости.

И вот настал счастливый день, когда старый Глоуворм обвенчал нас с Альфредом в нашей маленькой церкви в Глупсе. На свадьбу пришли все наши соседи; а арендаторы и работники стояли длинной шеренгой на улице подле церкви, ожидая, когда мы с Альфредом пройдем мимо них. На лужайке перед домом папа устроил для арендаторов пышное празднество с пивом, чтобы они выпили за наше здоровье; дети получили по апельсину и сдобной булочке, девушки - рабочие шкатулки, пожилые женщины - большие корзинки для рукоделия, а каждый подросток - книгу под названием "Труд". По-моему, простой народ жил тогда гораздо счастливее, чем в наши дни. Теперь же эти люди стали какими-то беспокойными! Мне кажется, все дело в том, что они слишком мало работают.

После свадьбы мы поселились в Лондоне: премьер-министр хотел, чтобы Альфред баллотировался на выборах в палату общин. Англия, сказал он, нуждается в таких людях, как Альфред. Муж принял предложение на том условии, что он не будет выступать, работать или заседать в парламенте, а также не станет иметь никаких дел с избирателями. Премьер-министр сразу же согласился: он вовсе не желал, чтобы Альфред встречался с избирателями.

На первых порах нашей семейной жизни у нас, как и у всех молодоженов, естественно, были материальные затруднения. Вначале, когда мы поселились в Лондоне, мы во многом нуждались, то есть я хочу сказать, что у нас было слишком мало доходов, чтобы держать достаточно прислуги и жить на широкую ногу. С другой стороны, мы не могли не иметь такого большого дома, так как иначе нам трудно было бы использовать всех наших слуг. Доходило до того, что Альфред нередко сам приносил себе воду для бритья, а иногда собственноручно растоплял камин: учитывая положение, он предпочитал сам поднести спичку к дровам, чем позвонить слуге. Но мы оба считали, что все эти маленькие неудобства делают нашу жизнь только более достойной уважения.

Однако в скором времени благодаря связям моего папы Альфред получил назначение на должность главного шталмейстера на псарне ее величества, что значительно упрочило наше положение. Альфреду, конечно, не приходилось выводить собак на прогулку: для этого на псарне имелись младшие шталмейстеры, но ему приходилось подписывать всякие счета

на корм для собак, и это нередко отнимало у него массу времени.

В довершение этих маленьких домашних неурядиц над нашей семьей разразилось страшное несчастье: моя сестра Люси неудачно вышла замуж. Насколько мне помнится, Люси никогда не придавала должного значения общественным различиям. Помню, еще девочкой она разговаривала с крестьянами так, словно они были ей ровней. Поэтому я нисколько не удивилась, когда она вышла замуж за человека значительно ниже ее по общественному положению. Папа и мама были страшно шокированы, и мама решилась на исключительно смелый шаг - она перестала разговаривать с Люси. Мало того, что у этого человека не было никакой родни - он к тому же еще работал в какой-то газете. Конечно, теперь на такие вещи смотрят иначе, и журналистов - разумеется, кроме незаконнорожденных - принимают всюду. Но тогда приличия соблюдались строже, а с мужем Люси, мистером Смитом, дело обстояло совсем плохо: он пытался писать книги и даже напечатал что-то о цветах и ботанике. Нас всех очень огорчало, что судьба Люси сложилась столь печальным образом, но потом папа, который, безусловно, пользовался большим влиянием, добился в министерстве колоний, чтобы мистера Смита вместе с Люси и детьми, которых к тому времени было уже трое, отправили на казенный счет в Британское Борнео изучать цветы. У них не было денег на обратную дорогу, а потому все они остались там и впоследствии чудесно устроились. Несколько лет спустя папа получил письмо из Саравака от одного из мальчиков; папа сказал, что тот как будто подает большие надежды и, вполне возможно, станет настоящим дакойтом.*

---

* Дакойт - бандит (индейск.).

Но значительно больше хлопот доставляли нам финансовые затруднения, которые чуть было не привели нас к полному разорению. Началось с того, что лопнул папин банк и сэр Джон вместе с другими директорами попал в тюрьму. В то время законы были очень строгими и справедливыми и даже директора банка могли посадить в тюрьму наравне со всеми прочими. Разумеется, папы это не коснулось. Папа, как объяснил верховный судья, действовал в полнейшем неведении, то есть не разбирался в банковских делах, поскольку был аристократом. И действительно, после того как лорд Аргью вынес приговор директорам, он сказал много теплых слов о папе. Он сказал, что именно благодаря людям, подобным моему папе, и возможны хищения. Нам все это показалось очень благородным. Но все же мы испытали огромное облегчение, когда все кончилось, особенно когда узнали, что по счастливой случайности как раз накануне краха папа продал все принадлежащие ему акции этого злосчастного банка.

Однако нам с Альфредом пришлось вынести куда более сильный удар - крах золотых приисков мистера Дерингера. Мы так и не поняли, что там произошло. Кажется, дело было не в том, что прииски не давали ожидаемого дохода, а в том, что просто их никогда не существовало. Альфред слышал в Сити, что мистер Дерингер "посолил"* участок, но мы никак не могли понять, где он раздобыл столько соли. Так или иначе, но все американские газеты писали об этом деле. Мистера Дерингера судили и приговорили к тюремному заключению на десять лет, и прошло много-много недель, прежде чем он смог выйти на свободу. В связи со всей этой историей папино имя, конечно, опять попало в газеты! Ведь он был первым директором приисков. Правда, папа давно уже вышел из этого дела, но все же мог разразиться скандал. К счастью, американский судья опять сказал несколько красноречивых слов о папином неведении. Чтобы перечислить все, чего не знает папа, - сказал судья, - не хватит самой большой книги, и добавил, что именно люди, подобные папе, снискали Англии ее репутацию.

---

* "Посолить" участок - посыпать золотым песком то место, откуда берется проба на золотоносность (американский жаргон).

В конце концов и эта беда пронеслась, не коснувшись нас. Однако вскоре мы с Альфредом обнаружили, что перестали поступать дивиденды от золотых приисков, - это

было совершенно невероятно, поскольку наши акции были привилегированными. Альфред решил было обращаться с папой холодно, но потом раздумал, потому что папа сильно постарел. Если бы с папой что-нибудь случилось в то время, когда Альфред держал себя с ним холодно, это могло бы иметь последствия. И в самом деле, как раз тогда с папой случился удар первый удар. Состояние папы не было тяжелым, но все же мы сочли своим долгом созвать консилиум, и тогда с папой случился второй удар: мы не на шутку встревожились и послали за лучшим врачом на Харлистрит. С папой случился третий удар. После третьего удара он скончался.

* * *

Пожалуй, эти мемуары лучше всего закончить описанием папиных похорон. Был погожий, ясный день, один из тех осенних дней, когда так радуешься жизни! Цвели осенние цветы, и наша старая усадьба, освещенная яркими лучами солнца, была великолепна. Все выразили свое соболезнование. Это было так трогательно! Одно было официальное послание - от палаты лордов. Там говорилось, что палата одобрительно отнеслась к предстоящим похоронам лорда Глупса. Другое - лично от министра внутренних дел с выражением чувства удовлетворения по поводу папиных похорон. Третье - из Уиндзорского дворца от министра двора, сообщавшего, что всем придворным отдано распоряжение носить полутраур в течение четверти часа.

Погребальная служба состоялась в нашей милой маленькой церкви. Старый доктор Глоуворм, которому к этому времени было, наверное, без малого сто лет, сказал проповедь. Слушать его было немного трудно, но слова из писания "Куда он ушел?", которые нам всем показались очень уместными, он произнес достаточно внятно. К сожалению, мы так и не смогли расслышать, что доктор Глоуворм ответил на этот вопрос. И вот, наконец, настал торжественный момент - папин поверенный, мистер Раст, который специально для этого приехал из Лондона, прочел завещание. Конечно, мы знали, что все будет в порядке, но, разумеется, волновались. Бедный папа всегда был немножко рассеянным, и когда мы вспоминали историю с банком и приисками, то не могли не испытывать беспокойства за судьбу Глупса. Титул по праву переходил к моему двоюродному брату, нынешнему маркизу Глупсу, все недвижимое имущество давно уже вошло в майорат, с остальным же папа был волен поступить по собственному усмотрению. Я помню, как мой дорогой Альфред сидел выпрямившись и старался не пропустить ни одного слова, хотя понять что-нибудь было совершенно невозможно, ибо большая часть завещания была изложена юридическим языком. Все же смысл его постепенно дошел до нас. Дорогой папа сделал все как полагается, то есть в полном согласии с обычаями и традициями. Мама получала в пожизненное пользование городской дом с правом содержать его на собственные деньги. Не были забыты и старые слуги: каждому из них папа отказал по траурной ливрее и по весьма солидной сумме денег - не помню сколько, но, во всяком случае, не меньше десяти фунтов, а это немалые деньги для таких людей. Для моей сестры Люси после всего, что случилось, папа, разумеется, не мог сделать очень много, но все-таки оставил ей кое-что на память, завещав прекрасный комплект книг из своей библиотеки - проповеди, переплетенные в сафьян, а ее детям (их тогда было всего пятеро) подарил по кошельку с полусовереном в каждом и еще по молитвеннику. Мы с Альфредом получили Глупс и все остальное имущество, очищенное от долгов и налогов, как выразился мистер Раст. Что ж, я считаю это вполне справедливым: мы нуждались в средствах для поддержания усадьбы, и, кроме того, мы едва ли смогли бы должным образом использовать доставшиеся нам деньги, если бы Глупс не перешел к нам. Мистер Раст объяснил все это очень убедительно.

Когда все было кончено, Альфред сказал: "Ну вот, все кончено".

МИССИС НЬЮРИЧ

ПРИБРЕТАЕТ АНТИКВАРНЫЕ ВЕЩИ

- Ах, моя дорогая, как я рада вас видеть! Как это мило с вашей стороны - навестить меня... Джейн, примите пальто у миссис Оверуолд... Проходите, пожалуйста... Джейн, возьмите же у миссис Оверуолд перчатки!.. Как я рада вас видеть! С тех пор как мы

вернулись из Европы, мы с Чарлзом просто сгораем от нетерпения показать вам все, что там раздобыли. (Возвышая голос.) Чарлз! Миссис Оверуолд пришла взглянуть на наши новые антикварные вещи. Не правда ли, это очень мило с ее стороны?.. Он у себя в кабинете, но, боюсь, он меня не слышит. Когда Чарлз читает, он просто забывает обо всем на свете. Чарлз, знаете, всерьез увлекается древностью, и поэтому, когда какой-нибудь антиквар присылает ему новый каталог, он штудирует его от корки до корки...

Ах, мне так не терпится показать вам столько интересного! Скорей бы уж принесли чай!.. Вам нравятся эти часы в холле? Старинная ли это вещь? О да, разумеется! Не правда ли, великолепная работа? Это "Саль волатиль"! Хорошо ли они идут? Бог мой! Что вы! Конечно, нет! Они вообще стоят. Насколько мне известно, они никогда и не ходили. Именно поэтому часы "Саль волатиль" и пользуются таким спросом. Он был одним из самых замечательных часовых мастеров. Часы его работы никогда не ходили.

Чарлз, скажи, пожалуйста, "Саль волатиль" когда-нибудь ходили? Что? Только поддельные. Спасибо... Это один из признаков, по которым вы всегда можете отличить часы "Саль волатиль". Настоящие - не ходят. Вы говорите, у них нет стрелок? Но, моя дорогая! У них и не было стрелок. У "Саль волатиль" не бывает стрелок. Мы откопали эти часы в какой-то захудалой лавчонке в Амальфи, и хозяин ее клялся всеми святыми, что никаких стрелок не было у них и в помине. Он нам это гарантировал. А отсутствие стрелок - такой признак, который исключает возможность ошибки. Мы с Чарлзом тогда страшно увлекались часами, перечитали об этом все, что только можно: все авторы, как один, твердят, что у настоящих "Саль волатиль" действительно никогда не было стрелок. Прочтите, что написано на этом маленьком ярлычке - он был на часах, когда мы их покупали, и мы решили его оставить. (Читает.) "...Настенные часы "Саль волатиль", модель без стрелок, никогда не имели стрелок, не ходят и никогда не ходили, без маятника..." (Прерывает чтение, оживленно.) Ну, конечно, я совсем забыла, вот именно - без маятника. Это делает их еще более ценными...

Этот пролом сбоку? Ах, моя дорогая, я заметила, что вы обратили на него внимание. Нет, я не стану хвастаться тем, чего нет... Этот пролом не подлинный. Нам его сделал один мастер в Нью-Йорке, когда мы останавливались там на обратном пути. Не правда ли, превосходная работа? Видите ли, этот пролом должен создавать впечатление, что кто-то сбросил часы на пол, а потом топтал их ногами. Считается, что все настоящие "Саль волатили" обязательно побывали у кого-нибудь под ногами.

Конечно, в наших часах пролом - это только имитация, но, согласитесь, она исключительно хорошо сделана. Если нам бывает нужно сломать какую-нибудь из наших вещей, мы всегда обращаемся в небольшую мастерскую Ферруджи на Четвертой авеню. Там есть один замечательный человек. Он что угодно ломает...

Знаете, в тот день, когда мы решили проломить стенку часов, мы с Чарлзом специально отправились в мастерскую посмотреть, как это все произойдет. Он проделал это просто великолепно, правда, Чарлз? (Повышая голос.) Чарлз, ты помнишь этого мастера у Ферруджи, того самого, что ломал нам часы?.. Кажется, не слышит... Этот мастер - поистине знаток своего дела. Сначала он положил часы на пол, перевернул их набок, постоял, свирепо глядя на них, а потом стал ходить вокруг, бормоча все время что-то по-итальянски, словно ругал их. Затем он прыгнул на них обеими ногами... и с такой поразительной точностью...

Наш друг мистер Эпин Хайфен Смит - как известно, крупнейший специалист в этих вопросах - осматривал наши часы на прошлой неделе и сказал, что пролом сделан великолепно и его почти невозможно отличить от настоящей фрактуры... Еще он сказал, что было бы совсем хорошо, если бы мы бросили часы с четвертого этажа. Понимаете, итальянские дома в тринадцатом веке строили в четыре этажа... Это было в тринадцатом веке, Чарлз? Чарлз! Это был тринадцатый век? Я не ошибаюсь: это тогда выбрасывали из окон итальянские часы?.. Ах, в четырнадцатом? Спасибо, дорогой! Я почему-то всегда путаюсь в хронологии.

Безусловно, если коллекционируешь антикварные вещи, обязательно надо разбираться

в хронологии, иначе наделаешь массу глупейших ошибок. Вот на днях я попала в неловкое положение: отнесла ложку к двенадцатому веку, а на самом деле она принадлежала к одиннадцатому с половиной. Конечно, хозяйка ложки (она их коллекционирует) была страшно огорчена. Видите ли, ложки двенадцатого века не представляют никакого интереса. Все великие итальянские мастера ложек жили раньше одиннадцатого века - или я что-то перепутала? Во всяком случае, до этого времени, дорогая, ложки изготовлялись только для того, чтобы ими есть, а потом великий мастер... Чарлз как звали этого великого итальянского мастера ложек? Ложкучи! Ну да, как же я могла забыть! Так вот, Ложкучи начал делать ложки, которыми нельзя было есть. Вот тогда-то вокруг них и начался ажиотаж...

Взгляните на эту стеклянную витрину. Не правда ли, интересные в ней вещички? Боюсь, без лупы вы не сможете их хорошенько рассмотреть. Вот, возьмите. Это автографы. Они все наклеены и взяты в рамку. Некоторые совершенно бесподобны. Это подпись королевы Елизаветы. Конечно, если не знать заранее, ее трудно отличить от других. Хотя, если взглянуть как следует, можно разобрать заглавную букву Е. Или нет, пожалуй, это почерк Петра Великого. Настоящие автографы всегда очень трудно разбирать, но у Чарлза есть к ним ключ...

В Хайгете у нас есть один знакомый, который отыскивает для нас автографы где только может и потом обязательно объясняет, кому они принадлежат. Вот Наполеон! Даже трудно представить себе, что перед вами его собственноручная подпись... Ах, нет, простите, это не Наполеон, а Ф.Т.Барнум* - кажется, он был одним из маршалов Наполеона?.. Чарлз! Ф.Т.Барнум был маршалом Наполеона?.. Ах, его личным секретарем! Ну да, да, конечно... Но я совсем забыла про чай. Знаете, я так увлечена моими антикварными вещами, что забываю обо всем на свете. Пойдемте же в гостиную, я угощу вас чашкой чая. Минуточку, дорогая! Взгляните сначала на этот чайник. О нет, не на этот. Это просто чайник для заварки. На него нечего смотреть! Мы купили его в Нью-Йорке у Хофани, чтобы заваривать чай. Разумеется, он из чистого серебра и все такое прочее, но даже Хофани чистосердечно признался, что чайник сделан в Америке и, вероятно, не больше года назад или что-нибудь около этого. К тому же до нас им никто не пользовался. Впрочем, Хофани не мог поручиться за это.

---

* Ф.Т.Барнум (1810 - 1891) - хозяин одного из американских цирков.

Но позвольте налить вам чаю, а потом, прошу вас, взгляните на чайник, что на полке рядом с вами. Ну разве не прелесть? Ах, не поправляйте, он все равно не будет стоять. Да, это один из признаков. Именно потому-то мы и уверены, что купили настоящий "Сваатсмахер". Чайники этой марки никогда не стоят.

Где я его купила? Здесь? Что вы - разве здесь можно купить что-нибудь стоящее! Мы отыскивали его в маленьком погребе в... Как называлось это местечко в Голландии? Чарлз, как назывался тот городок в Голландии, где мы заходили в винный погребок? Что? Что? Ах, да, конечно, Холландадам.

Эти голландские названия всегда так живописны, правда? Вы бывали там? Нет? Ну, это просто очаровательное местечко. Сплошь крохотные вонючие лавчонки, которые полны восхитительных вещей: все старинные и ни одной целой. Хозяин вам гарантирует, что в его лавке нет ни одного предмета, который не был бы приведен в негодность по крайней мере сто лет назад... Вот этикетка. Она написана по-голландски... Чайникейт - по-моему, по-голландски это чайник; слоумэн - это значит сломан; сортэ экстро... Чарлз, что значит по-голландски сортэ? Этикетка на чайнике - сортэ экстро? Высший сорт! Да, конечно...

Хорошо ли в нем заваривается чай? О, я думаю, чай в нем должен быть бесподобный - только чайник течет. Это один из признаков, подтверждающих подлинность вещи. Когда речь идет о чайнике этой марки, знатоки прежде всего проверяют, течет ли он. Если не течет, то это почти наверняка подделка, не старше двадцати лет. Серебро? О нет, что вы! Настоящие "Сваатсмахеры" делались только из олова и оковывались железными обручами, снятыми с бочек для джина. Сейчас пытаются имитировать эти чайники, делая их из серебра,

но ничего не получается. Дело в том, что серебро не тускнеет.

Это обычная история с антикварными вещами. Они слишком быстро ржавеют и разваливаются, чтобы их можно было подделать. У меня есть старинный рог для вина. Сейчас покажу... Это девятый век, Чарлз?.. Внутри он весь покрыт красивойшей зеленой слизью, которую абсолютно невозможно воспроизвести. Говорят, что это совершенно исключено. Я носила его к Сквизио - есть такой итальянский магазин в Лондоне. Там крупнейшие специалисты по рогам. Они могут точно назвать век и даже породу коровы. Так вот, они сказали мне, что пытались искусственно создать такую необыкновенно красивую гниль, но им это не удалось. Очень опытный специалист по рогам определил, что этот рог, по всей вероятности, снят с коровы, пролежавшей в земле не менее пятидесяти лет. Вот это-то, знаете, и придает вещи ценность. Мы спросили его, сколько времени корова должна пролежать в земле, чтобы представлять интерес для антиквара, и он сказал, что на этот вопрос трудно дать точный ответ, но, во всяком случае, несколько десятков лет...

Вот что мы узнали в Лондоне. Но чайник мы, разумеется, купили не в Лондоне. Лондон в этом отношении никуда не годится - так же безнадежен, как и Нью-Йорк. Там просто невозможно купить что-нибудь стоящее. Мы выискиваем старинные вещи всюду, где только можно, часто в самых захолустных местечках.

Эту маленькую скамеечку для ног мы нашли в коровнике в Лох-Эберлохерти. Фермер пользовался ею при дойке коров. А эти два табурета - разве не прелесть? Правда, иметь два одинаковых стула в одной комнате - дурной тон, но эти так восхитительны... Они стояли в крохотном кабачке в Гэлвее. Мы купили их у очаровательного старика ирландца. Он сам признался, что не имеет ни малейшего представления, сколько им лет. Он сказал, что, может быть, их сделали в пятнадцатом веке, а может быть, и нет... Да, кстати, я только что получила от Джейн (от моей сестры Джейн, вы с нею знакомы) письмо, которое страшно взволновало меня. В одной деревушке в Бретани ей попался стол, который, как ей кажется, вполне подойдет для нашей комнаты, где играют в карты. Она пишет, что он совершенно не похож на остальную мебель в этой комнате и, безусловно, не предназначается для игры в карты. Но лучше я прочитаю, что она пишет. Вот это место:

"...необыкновенно миленький столик. Вначале у него, наверное, было четыре ножки, но сейчас их две. Мне объяснили, что это удивительная находка. Большинство знатоков вынуждено довольствоваться одной. Мне сказали также, что его можно прислонить к стене или подвесить на серебряной цепочке к потолку. В крышке стола не хватает одной доски, но меня уверили, что это ничего не значит, потому что даже в самых лучших экземплярах, сделанных в Бретани, обязательно не хватает по крайней мере одной доски".

Это просто сказка!.. Чарлз, я сейчас читала миссис Оверуолд письмо Джейн, в котором она пишет об этом столе из Бретани. Как ты думаешь, не послать ли нам телеграмму, чтобы оставить стол за собой? Ну, конечно же, конечно. Да, Чарлз! Спроси, за сколько они согласны отломать еще одну ножку. А теперь, моя милая, выпейте чаю. Он вам понравится: мне высылают особый сорт - "о чушь", очень старинный китайский чай. Его выдерживают в бочках из-под нефти, пока он не начнет гнить. Надеюсь, он вам понравится.

МИССИС ИЗИ ПОЛУЧАЕТ ОТКРОВЕНИЕ

Миссис Изид входит в комнату и видит, что ее ждет приятельница.

- Ах, Мэри, дорогая моя, извините, я совсем без сил... Марта! Заприте, пожалуйста, дверь на цепочку... Надеюсь, я не заставила вас ждать слишком долго? Как, целых двадцать минут? Боже, какой ужас! Если бы вы знали, что я пережила! Я совершенно вымотана, но я должна вам все рассказать. Минуточку, только позвоню Марте и прикажу ей приготовить коктейль. Вы не откажетесь выпить со мной? Марта, приготовьте два коктейля... нет, четыре... или нет... (кричит вдогонку) Марта, шесть коктейлей! Мне необходимо поддержать себя, дорогая моя. Я ужасно взвинчена.

Мне только что предсказали мою судьбу. Нет, я не то хочу сказать: мне только что прочли мой гороскоп. Простите, одышка мешает мне говорить - это от возбуждения. Мэри, дорогая, я должна вам все рассказать: я не в силах это скрывать. Вообразите, меня хотят

похитить! Да, да, похитить. Это может произойти здесь, сейчас, в любую минуту! Марта, дверь на цепочке? Никому не открывать...

О, слава богу, вот и коктейль - извините, я выпью свой бокал сразу. (Пьет.) Вот теперь мне лучше: коктейль очень успокаивает, не правда ли? Пожалуй, я выпью еще. Вот как, моя дорогая! (Покорно.) Меня могут похитить в любую минуту.

Миссис Браун? Нет, я это узнала совсем не от нее. О боже мой, конечно, нет! Неужели вы думаете, что я была у миссис Браун или у кого-нибудь в этом роде?.. Конечно, я не хочу сказать о ней ничего дурного: миссис Браун славная старушка, и я не раз бывала у нее. Прошлой зимой я заходила к ней чуть ли не каждую неделю. Но за все это время она мне решительно ничего не предсказала, а если и предсказала - то все такое обыкновенное.

Она предсказала, правда, что Генри будет жить до девяноста лет. Что ж, очень хорошо! Надеюсь, так оно и будет. Мой Генри, во всяком случае, ничуть не хуже других мужей. Но почему девяносто? В конце концов, мы платим деньги не за то, чтобы выслушивать всякие пустяки. Правда, она еще предсказала, что на пасхальные каникулы мы поедем на Бермудские острова, но уже после того, как об этом писалось в газетах.

Но этот... (таинственным шепотом) совершенно в другом роде. Он не просто предсказатель. Он йог, прорицатель, а это совсем, совсем другое. Его зовут мистер Йахи-Бахи, и он парс. Вы знаете, что такое парс? Это вроде индуса, только выше. Вы слышали, что все индусы делятся на касты? Если принадлежишь к низшей касте, то ты должен питаться одними отбросами и нельзя ни с кем разговаривать; потом идет страшно много всяких там промежуточных каст - им нужно быть вегетарианцами и поклоняться коровам. Я знаю об Индии решительно все: мы с Генри были в кругосветном путешествии и целый день провели в Бомбее, к тому же вместе с нами путешествовал один китаец, мистер О Ху. Вполне приличный человек: он четыре месяца проучился у нас в Гарвардском университете. Он рассказал нам все об индуизме и объяснил, почему эта религия выше христианства.

Вот откуда я знаю о кастах, а мистер Йахи-Бахи принадлежит к самой высокой касте. Йоги не едят, не разговаривают - они только созерцают... Спасибо, Марта, поставьте эти коктейли рядом с теми. Кажется, не слишком крепкий? (Пьет.) О боже мой! Мне необходимо подкрепиться. Да, о чем это я говорила?.. Подумайте только - до приезда сюда мистер Йахи-Бахи целый месяц просидел на столбе в одной набедренной повязке. И все это время он созерцал. А ведь кругом тучи мух!

После этого он приехал сюда (когда точно, не знаю) и начал составлять гороскопы - вот как это называется. Мэри, они все сбываются! Знаете, однажды он сказал миссис Фейс, что ее ждет страшное несчастье, и представьте - не прошло и месяца, как от нее ушел шофер; а миссис Голл он сообщил, что ее младшего сына - знаете, того, который в колледже, - подстерегает рок, и так и случилось: в конце семестра его исключили за пьянство.

О, это просто удивительный йог! И вы знаете, моя милая, он не берет денег! Он их презирает. Это первое, что вам сообщают о Йахи-Бахи. Конечно, можно предложить ему деньги в знак внимания, но он не примет их. Для него деньги все равно что пыль. У него же нет никаких расходов: ведь созерцание ничего не стоит.

Вот потому-то так трудно добиться у него приема. Мне пришлось ужасно долго ждать. Понимаете, я не могла узнать свою судьбу - по-настоящему это называется получить откровение, так вот, я не могла получить откровение, пока я не подготовилась, - это входит в систему.

Я должна была подготовить себя через созерцание: полагается послать десять долларов (разумеется, не мистериу Йахи-Бахи, а его ассистенту) и созерцать не меньше недели. Знаете, это ужасно трудно. Дело не в десяти долларах - если бы только это! Трудно созерцать. Понимаете, нельзя ни о чем думать.

Первое время я никак не могла сосредоточиться: то начну перебирать в уме, что мне надо купить на этой неделе, то беспокоюсь, не забыла ли Марта выкупать Уиджи, то вдруг вспомню, что не позвонила Генри и не напомнила ему взять в банке денег, и, конечно же, я

не могла не думать о том, что мне надеть вечером, - словом, весь привычный круг забот, которые заполняют день. Но потом я научилась, и в конце недели получила мысленное указание подумайте только! - мысленное указание (оно пришло по почте): я должна была послать еще десять долларов и продолжать созерцание. Так я узнала, что попала в число избранных.

Прошло четыре недели, и они стали считать меня неофитом - так называют того, кто готовится стать йогом. Обычно на это нужны годы. А потом я впервые отправилась на прием к мистеру Йахи-Бахи... Такое странное место. Нет, снаружи там не было ничего необычного - маленькая такая квартирка на тихой улице. Но как только я вошла в дом... Вся лестница и передняя, где меня попросили подождать, увешаны занавесями, расшитыми изображениями змей и индусских богов, - ужасно таинственно! Ко мне сразу же вышел человек, конечно, не сам мистер Йахи-Бахи, а его ассистент. Очень стройный и такой маленький-маленький. Его зовут мистер Рам Спад. Маленький, кругленький, кажется, бенгалец. Он сложил руки на животе, поклонился мне чуть ли не до полу и сказал: "Да хранит тебя Исида!" Вы знаете, моя дорогая, на меня это произвело неизгладимое впечатление.

Я спросила, могу ли я видеть мистера Йахи-Бахи, но мистер Рам Спад покачал головой - мистер Йахи созерцал, и его нельзя было беспокоить. Тогда я положила десять долларов на столик у окна - как можно незаметнее, чтобы никого не обидеть. Мистер Спад сделал жест рукой, отвергая мой дар. Он любезно улыбнулся и, пожав плечами, объяснил, что деньгам нет места в жизни Йахи-Бахи. Потом он взмахнул рукой, и мои десять долларов исчезли. Дорогая моя, он их деастрализировал! В этом не может быть ни малейшего сомнения. Я видела это собственными глазами. Только что деньги были на столике, и вдруг их не стало.

Так я приходила еще три раза - да, три дня подряд. Мистер Спад принимал меня каждый раз так же любезно и так же качал головой: мистер Йахи все еще созерцал... Я оставляла десять долларов на столике, и каждый раз деньги деастрализировались!

Потом я подумала - наверно, это дурной тон заставлять мистера Спада деастрализировать мои десять долларов изо дня в день. Может быть, я даже обижаю его. Словом, на следующий день я не положила денег на столик, - и тут неожиданный импульс - все это крайне тонко, дорогая моя, - неожиданный импульс вывел мистера Йахи из состояния задумчивости... Я услышала, как он обратился к мистеру Спаду, очевидно на языке хинди, и мистер Спад сказал, что мистер Йахи готов принять меня.

И вот мистер Йахи-Бахи вышел ко мне из-за занавесей. Удивительный человек: он казался очень высоким, хотя на самом деле был не выше среднего роста. Вероятно, таким его делало длинное одеяние, сплошь расшитое священными змеями и ящерицами. А какие у него глаза! Дорогая моя, какая глубина! Глубокие и черные, как бездна! Он взял мою руку в свою и сказал: "Да хранит тебя Осирис!" Потом он усадил меня на стул и, все еще не выпуская моей руки, посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

- У тебя есть душа!

Потом еще раз взглянул на меня и сказал:

- Страшная опасность нависла над тобой.

- Какая опасность? - спросила я.

Но он только покачал головой и тотчас исчез. Я буквально на секунду закрыла глаза, а когда открыла, его уже не было. Возможно, он скрылся за занавесями.

Поверите ли, дорогая... (Слышен звонок.) Марта, подойдите к телефону и скажите, что я сейчас занята... Так верите ли?... Я ходила туда изо дня в день... Что вы говорите, Марта? Из редакции "Ивнинг Таймс"? Хотят говорить со мной? Скажите, что меня нет дома... Да, так о чем я говорила? Ах да... Я ходила туда изо дня в день, и мистер Йахи обещал составить мой гороскоп, но только сегодня... Ах, боже мой, до сих пор не могу прийти в себя! Мой гороскоп такой мрачный, такой страшный. Однако все по порядку. Каждый раз, когда я приходила к мистеру Йахи, мистер Спад просил меня подождать недельку-другую, пока мой гороскоп будет готов, но однажды он сказал, что, если мне интересно, он вызовет мне духов (он был тогда очень-очень мил), и я смогу с ними побеседовать.

Это было изумительно. Он вызвал дух Наполеона, и я разговаривала с Наполеоном, который стоял за занавесом, так же легко и просто, как сейчас с вами. Я спросила, не чувствовал ли он себя одиноким на острове Святой Елены, и он сказал: "Да". А потом я еще спросила, правда ли, что в Трафальгарской битве ему было нанесено такое поражение, после которого он уже не мог оправиться, и он сказал - правда, ему не хватило кавалерии.

Еще я разговаривала с духом Бенджамена Франклина, но он показался мне скучноватым. Может быть, он поглупел после смерти. Он уверял меня, что его окружает все такое светлое и прекрасное. Между прочим, мне показалось очень забавным, что эти духи, некоторые из них... задавали мне очень странные вопросы. Так, Наполеон вдруг спросил меня, есть ли у меня второй ключ от квартиры, и когда оказалось, что ключ у меня с собой, попросил оставить его у мистера Йахи, так как ключ, возможно, ему понадобится. Я, конечно, исполнила его просьбу, но мне совсем не хочется, чтобы этот Наполеон как-нибудь ночью явился к нам в дом. Я даже решила поставить второй замок и сказала об этом мистери Йахи - и, представьте себе, дорогая моя, на другой день, когда я беседовала с духом Жанны д'Арк, она отсоветовала мне делать это. Она сказала, что мне не о чем беспокоиться. Конечно, уж если сама Жанна д'Арк в этом уверена - мне и в самом деле не о чем беспокоиться. К тому же, если мистер Йахи передаст ключ Наполеону, он, надеюсь, предупредит меня об этом.

* * *

- И вот наконец я получила откровение от мистера Йахи. Это произошло два дня назад. Сначала он говорил со мной о Генри, но никак не хотел сказать, что готовит судьба моему мужу. Все же я поняла, что Генри грозит что-то страшное. Йахи сказал, что несчастье уже нависло над ним и вот-вот обрушится на его бедную голову. В песочных часах его судьбы, сказал Йахи, остались последние крупинки. Он потребовал, чтобы Генри немедленно уехал из города и, упаси бог, не брал бы с собой ничего ценного. Все ценности он должен оставить дома. Осирис позаботится о них. Вернувшись домой, я немедленно позвонила Генри по телефону в Гольф-клуб.

- Генри, - говорю я, - мистер Йахи, парс-прорицатель, только что предсказал, что тебе грозит большая беда.

А он отвечает:

- Вот как? Скажи пожалуйста... А я только что загнал мяч в четвертую лунку.

- Но, Генри, - продолжаю я, - мистер Йахи сказал, что в песочных часах твоей жизни остались последние крупинки.

- А... То-то я промазал.

- Генри, - умоляю я, - тебе нужно отдать себя под защиту Осириса.

- А что, полиция уже совсем бездействует?

Вы же знаете эту манеру Генри насмеяться над всем на свете.

Однако вечером, когда он пришел домой и я рассказала ему все по порядку, он выслушал меня внимательно и особенно заинтересовался, узнав, что наш ключ попал к Наполеону. Мне кажется, Генри просто приревновал меня к нему. Но я его успокоила:

- Помилуй, Генри, ведь этот Наполеон - только дух, да и при жизни он не слишком-то ухаживал за женщинами.

Все это произошло вчера, а сегодня я снова отправилась к мистери Йахи и застала его дома. Он как раз не созерцал и согласился прочитать мне мой гороскоп. Он сказал, что я потеряю Генри. Мне это уже вчера стало ясно. Затем он сказал... Я вся дрожу при одной мысли о... Марта, проверьте, заперта ли дверь... Он сказал, что в любую минуту меня могут похитить!

Да, похитить! Меня спрячут и потребуют выкупа. Подумайте только! Выкупа! Я спросила - сколько. Мистер Йахи сказал, что постарается узнать, и стал глядеть в какой-то стеклянный шарик - такой черный и блестящий. Он глядел в него очень долго, а потом сказал, что не может разобрать, какая там цифра. Он спросил, сколько я сама в состоянии дать. Я ответила, что это зависит от Генри. Тогда мистер Йахи покачал головой и сказал, что

цифра проясняется, - это, кажется, сто тысяч. Я облегченно вздохнула - хорошо, что не больше. Но он посмотрел еще раз и сказал, что, пожалуй, теперь он уже ясно видит: сто пятьдесят тысяч...

Я спросила мистера Йахи, как мне быть. Он ответил, что прежде всего надо отдать себя под защиту Исида и Осириса. Он предложил мне ни в коем случае не вывозить ценные вещи из дома, а сложить их все в одно место и, пометив тайным знаком - он показал мне этот знак, - оставить под охраной Осириса. Он даже предупредил меня, чтобы я собрала только очень дорогие вещи, ну, скажем, мои драгоценности, не мешая их со всякими безделушками, иначе тайный знак потеряет силу и Осирис не станет их защищать. Что же касается выкупа, то, если я решусь приготовить его заранее, нужно крупными буквами написать на конверте ВЫКУП - вот и все. Потом он посоветовал мне немедленно уехать из города, ничего не беря с собой. Видите ли, согласно учению йогов, как он объяснил мне, защищать можно только слабых. Поэтому деньги мне тоже придется оставить дома. Ну, конечно, немного мелочи на несколько дней я вполне могу взять с собой. Он даже подал мне мысль снять как можно больше денег с текущего счета в банке и тоже оставить их дома под знаком Осириса. Он считает, что так будет вернее.

Кажется, звонят? Марта! Ради бога, не снимайте цепочку. Никого не пускать! Что? Репортер из "Ивнинг Таймс"? Интервью о "сенсационном аресте"? Скажите ему, я ничего не знаю ни о каком "сенсационном аресте". Захлопните дверь, Марта! Но, боже мой, "сенсационный арест"! Неужели похитители уже пойманы!? Это Осирис! Восхитительно! Разгадать их намерение, прежде чем они успели что-то сделать! Слава богу, слава богу...

Марта! Телефон!

* * *

- Мой муж? Да, конечно, я подойду. Алло, Генри, что-нибудь случилось? Ты слышал?.. Что? Мои мошенники арестованы?.. Оба мошенника?.. Почему мои? Мистер Йахи-Бахи и мистер Рам Спад! Но, Генри, какие же они мошенники?.. Они парсы. Понимаешь, парсы. Мистер Рам Спад - бенгалец. Он один из самых благочестивых людей, каких я когда-либо встречала. Достаточно поговорить с ним, чтобы почувствовать, как душа обращается к небу... Чему ты смеешься? Жалеешь, что я не слышала, как он заговорил сегодня? Не понимаю, что ты хочешь этим сказать. Не бенгалец? Просто цветной? Что? Мистер Йахи ирландец? Ну и что же тут смешного? Что сказал Рам Спад? Что? Он так и сказал? Повтори-ка, повтори! Он сказал, что они чуть было не поймали эту старую курицу? Это он обо мне? Старая курица! Грязный мошенник - вот он кто! Надеюсь, он получит по заслугам... Что? Что? Пять лет. Надеюсь, не меньше... Но постой, а как же бедный мистер Йахи? Он такой неземной! Ах, он тоже смеялся. Что? Старая овца? Надеюсь, он получит все десять!

МИССИС ЭДЕРДАУН ВЫЕЗЖАЕТ ЗА ГОРОД

- Да, мы приезжаем сюда каждую осень. Муж и я - мы обожаем чистый воздух... Рэнсом, закройте, пожалуйста, окно. Сквозит...

И мы любим все делать сами... Рэнсом, подвиньте, пожалуйста, пепельницу.

У нас здесь просто, без церемоний - поэтому-то здесь так мило... Гвендолен, прошу вас, подайте чашки ополоснуть пальцы и велите Уильяму принести кофе в комнату для карт.

Вообще нам нравится жизнь без комфорта: плохая дорога и все такое... Правда, теперь, когда провели новое шоссе, поездка не сопряжена уже с такими трудностями, как раньше. На этот раз мы даже смогли приехать сюда в своих городских машинах, а прежде это всегда было целой проблемой - решить, что можно взять с собой.

Вы знаете, я пришла к убеждению, что нет ничего удобнее, чем ехать сюда в лимузинах. (Гвендолен, сигареты, пожалуйста!) Они совершенно герметичны, а в нашей новой машине - вы, вероятно, обратили на нее внимание? - особенно если задернуть занавески, чувствуешь себя совсем как в салоне пульмановского вагона. В ней можно путешествовать ночью. Проезжать через горы всегда приятнее ночью - не правда ли? Ночью как-то лучше спится, чем днем.

* * *

- Конечно, все совсем не так просто. Здесь, как правило, очень трудно с продуктами. Разумеется, мясо мы всегда можем достать в деревне - теперь у нас здесь выросла целая деревня, а когда мой муж впервые приехал сюда двадцать лет назад, тут не было ни души. Молоко, яйца и овощи мы покупаем у фермеров, а рыбу нам приносят на дом. Кроме того, наш садовник научился выращивать в оранжереях разные фрукты. Но больше вы здесь ничего не достанете. Вот не далее как вчера дворецкий докладывает, что к ленчу не хватает дичи; кто-то что-то перепутал, и не хватило одного рябчика. Пришлось послать в город за рябчиком Альфреда - он водит машину на предельной скорости. И все-таки мы опоздали с ленчем на полчаса. И такие неурядицы бывают здесь сплошь да рядом. Поневоле научишься на все смотреть философски.

Но согласитесь, ради удовольствия пожить в глуши, вдали от всех и вся, можно многим пожертвовать. Здесь чувствуешь себя отрезанной от всего мира. Уильям, будьте добры, включите радио.

Я жду сообщения о выборах в муниципалитет - мой муж ими очень интересуется. Его акционерное общество уже давно хлопочет о том, чтобы создать хорошее городское управление. Им нужны честные люди в муниципалитете, чтобы добиться привилегий, и они уже потратили на это огромные суммы. Что вы говорите, Уильям? Радио не работает? Будьте любезны передать Джоунзу, чтобы немедленно вызвал техника посмотреть, в чем дело.

* * *

- Гвендолен, потрудитесь, пожалуйста, сказать Джеймсу, чтобы он подбросил угля в камин, и пусть протопит сегодня в верхних спальнях. Становится прохладно.

Я люблю всегда сама обо всем позаботиться. Это утомительно, но иначе нельзя. Простите, вы, кажется, хотели меня о чем-то спросить. Ах, рыбная ловля! О да, здесь замечательная рыбная ловля. Я сейчас же передам через Гвендолен, чтобы миссис Эдвардс приготовила вам на завтрак жареной рыбы. Мой муж утверждает, что наши места просто рай для рыбаков. Мы каждое утро посылаем Уильяма на рыбалку, а иногда даже Уильяма и Рэнсома вдвоем. В хорошую погоду муж подымает Уильяма в четыре часа: муж считает, что вставать рано очень полезно. Правда, сам он теперь уже не может, как бывало, подыматься с первыми лучами солнца, но Уильяма и Рэнсома он отправляет из дому на рассвете.

Они приносят превосходную рыбу. Кажется, форель. Я точно не знаю, я в этом плохо разбираюсь, но, по-моему, они приносят и форель, и морского окуня, и копченую пикшу - это удивительно вкусно. Сегодня утром Уильям, кажется, поймал копченую пикшу. Или, может быть, он сказал, солнечник?..

Спасибо, Уильям. Можете убрать рюмки. Мы кончили... Видите ли, Уильям очень хорошо разбирается в рыбе: он родом из Нью-Фаундленда или откуда-то там поблизости.

Ловит ли мой муж сам? Ну, разумеется, Питер - заядлый рыбак! Это его страсть. Правда, к сожалению, ему нельзя выходить рано из дому: роса, моя милая, - видите ли, он должен остерегаться росы.

Доктор Слайдер, наш домашний врач и к тому же наш старый друг, постоянно повторяет Питеру: "Помните, Эдердаун, роса - не для вас!" И получается, что мой муж практически лишен возможности вставать на заре, лишен того, чего ему больше всего хочется... Но доктор Слайдер - он сам приезжает сюда порыбачить с Питером - доктор Слайдер говорит: "Я это категорически запрещаю!" Он требует, чтобы Питер вставал не раньше половины одиннадцатого, а потом они вместе идут ловить рыбу. О, доктор Слайдер такой же страстный рыбак, как мой муж: они оба истинные знатоки этого дела.

Обычно они выходят около полудня, и все у них очень просто - едут на большом катере (вы, наверное, заметили его, когда проезжали мимо озера). Мой муж, пожалуй, предпочел бы обычный рыбацкий ялик, но здесь его не у кого было купить - пришлось заказать в Нью-Йорке катер.

Они никого не берут с собой: только Эдуарда-моториста, Томаса-рыбака, чтобы тот следил за лесками (доктор Слайдер запрещает мужу трогать крючки он боится инфекции), ну и еще кого-нибудь из слуг, чтобы сервировать стол. Кстати, завтракают они очень скромно -

немного семги и одна-две бутылки шампанского. Муж всегда говорит, что на рыбалке почти совсем не хочется есть. Немного семги, блюдо салата и пирог с мясом - вот и весь завтрак. Ну и, конечно, шампанское: доктор Слайдер считает, что оно необходимо Питеру для профилактики. После шампанского он разрешает мужу чуть-чуть коньяка. В отношении спиртного наш доктор очень строг.

Обычно они недолго сидят на озере - ровно столько, сколько нужно слугам, чтобы приготовить завтрак на одном из островков. Вы видели их посреди озера? После завтрака они ложатся подремать: доктор Слайдер разрешает Питеру выходить на рыбную ловлю только через час после еды. Затем они снова выезжают на озеро и уходят до вечернего чая. Но сейчас самый сезон уже прошел: наступает осень. Теперь вместо рыбной ловли доктор Слайдер предлагает Питеру поиграть на бильярде.

Трудно ли найти здесь прислугу? О, дорогая моя, вот с чем я намучилась. Я совершенно выбилась из сил, пока мы не додумались выписать прислугу из Англии и Шотландии. Местные жители - не берусь сказать почему - совершенно непригодны для этого дела. Слуг приходится ввозить.

Возможно, в саду вы обратили внимание на Мак-Алистера? Хотя он, наверное, был в оранжерее (он всегда уходит туда, когда не хочет, чтобы его тревожили). Знаете, моя милая, это не человек, а сокровище, и притом с характером! Я думаю, что второго такого не найти. В некотором смысле он просто тиран. Представьте, дорогая, он не разрешает нам срезать розы, а если кто-нибудь из нас пройдет по газону, совершенно выходит из себя. Он запретил нам рвать овощи и категорически заявил, что, если мы посмеем трогать молодой горошек или ранние огурцы, он немедленно уволится. Он позволит нам есть овощи, когда они их вырастит.

Правда, иногда у нас возникают небольшие трения, но, если найти к Мак-Алистеру правильный подход, с ним всегда можно договориться. Не далее как на прошлой неделе я думала, что все уже кончено. Он привык выпивать утром кварту пива - служанкам приказано выносить ему пиво в сад в половине одиннадцатого, - а потом отправляется спать в маленькую беседку за клумбой с тюльпанами. И вот, придя в беседку, он обнаружил, что один из гостей, которого никто не предупредил, сидит там и читает. Конечно, Мак-Алистер пришел в ярость. Сначала я перепугалась, что он немедленно заявит об уходе. Но мы объяснили ему, что это недоразумение, что наш гость ничего не знал и что впредь это не повторится. Тогда Мак-Алистер немного смягчился, но еще долго продолжал ворчать себе под нос, а вечером взял и вырвал все наши новые тюльпаны и выбросил их через забор. Мы все это видели, но не посмели вмешаться. Видите ли, если бы мы сделали ему замечание, он бы от нас ушел, а где бы мы достали второго Мак-Алистера? Во всяком случае, не по эту сторону океана.

Есть ли общество в этой глуши? Ах, дорогая, меня очень часто спрашивают об этом, и я прямо отвечаю: "Никакого". Да нам оно и не нужно: ведь мы приезжаем сюда отдохнуть от шума и суеты, и единственное, чего хотим, - это пожить спокойно, в кругу своей семьи. Конечно, с нами всегда приезжает доктор Слайдер; он говорит, что не может чувствовать себя спокойным, не видя, что Питер пьет и ест; потом у нас часто гостят майор Виски и мистер Туз - вы, наверное, уже встретились с ними перед обедом? Они компаньоны Питера, и он считает неразумным терять их из виду и не знать, что они делают. А так у нас больше никто не бывает, разве что изредка пригласим кого-нибудь из знакомых. Вы, наверно, и сами заметили, что за столом нас было всего двенадцать, и мы стараемся не превышать этого числа. В общем, как видите, мы живем в узком семейном кругу.

Конечно, здесь есть кое-какие соседи. Апстоки разбили великолепный сад на другом конце озера. А Броки построили очень красивую виллу, облицованную камнем. Они избрали для нее простой римский стиль, который так подходит к этой дикой местности. Есть и еще соседи, но все же никакого сравнения с теснотой большого города. И здесь все держат себя очень просто. Миссис Апсток, например, приходит к нам в домашнем платье, и я тоже, когда отправляюсь к ней на катере, никогда не переодеваюсь, а мистер Апсток совсем уже

отбросил всякие условности: разгуливает в подтяжках. Так что, как видите, здесь можно отдохнуть от светской жизни.

Что вы сказали? Как мы развлекаемся? Да почти никак. Когда мы попадаем сюда, с нас достаточно уже того, что мы дышим этим чудесным воздухом... (Рэнсом, пожалуйста, закройте то окно, в конце комнаты.) Нам даже в голову не приходит думать о каких-нибудь развлечениях. Правда, у мужа есть бильярдная; бильярд - это единственное, чем он любит заниматься; кроме того, комната для игры в карты - для меня; и еще мы построили теннисный корт для детей, хотя пришлось немало повозиться. Вот и все. Да, и, разумеется, площадка для гольфа. Вы, наверно, заметили ее, когда подъезжали?

Когда муж наконец закончил расчистку спортивного поля, поверите, он чувствовал себя настоящим героем. Он все делал сам, вплоть до мелочей. Одно время у него здесь работали чуть ли не двести итальянцев. Мой муж, как вам известно, удивительно энергичный человек; я часто зову его динамо-машиной. Когда он возился с этим полем для гольфа, он за все лето, по-моему, ни минуты не отдыхал: с утра до вечера сидел с сигарой в зубах то на одном краю поля, то на другом и все следил, как работают итальянцы, - в сущности, он совсем лишил себя отдыха. Я поражалась, как он выдерживает.

И с таким же рвением он взялся за теннисные корты - я вам обязательно покажу их утром. Питер решил, что уж хотя бы корт, *en tout cas*,* сделан по-настоящему. А Питер, как я уже сказала, это машина, а не человек. Он начал работать немедленно и все делал сам. Представьте, он взорвал десять футов породы, чтобы получить для основания такой щебень, какой ему хотелось. Два итальянца взлетели при этом на воздух, но Питер не отступил ни на шаг: он вытребовал еще двух и пошел напролом. Он, конечно, взял на себя все расходы по устройству тех двоих, что подорвались: оплатил похороны и страховку - словом, внес все, что положено. Он заявил, что иначе и быть не может - ведь шел на риск он, а не они. Да, он такой человек!

---

* Во всяком случае (франц.).

Однако, кажется, нам пора спать. Мы здесь так рано ложимся, что обычно в полночь уже в постели.

Но, может быть, вы хотите еще немного посидеть - поиграть на бильярде или в карты? Несколько слуг у нас всегда на ногах - во всяком случае, они ложатся не раньше трех, ну, а там уж мой муж управляет Уильяма на рыбную ловлю.

Спокойной ночи.

ИЗ РАССКАЗОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

УБИЙСТВА ОПТОМ

ПО ДВА С ПОЛОВИНОЙ ДОЛЛАРА ЗА ШТУКУ

Из цикла лекций

Сегодня, леди и джентльмены, мы побеседуем об убийстве. Только две темы привлекают в наши дни широкого читателя: убийство и секс. Что же касается людей образованных, то для них эти две темы сливаются в одну - убийство на почве секса. Давайте попробуем, если это возможно, не заниматься сегодня сексуальными проблемами и поговорим об убийствах, которые продаются открыто и повседневно, - об убийствах по два с половиной доллара за штуку.

Что касается меня, то я готов сознаться прямо и откровенно: если уж я собираюсь выложить за книгу два с половиной доллара, то должен быть уверен, что в ней есть хотя бы одно убийство. Первым делом я всегда бегло просматриваю книгу, чтобы узнать, есть ли в ней глава под названием: "Труп обнаружен". И сразу успокаиваюсь, когда вижу такую фразу: "Это был труп прекрасно одетого пожилого джентльмена; костюм его был в сильном беспорядке". Заметьте - джентльмен всегда бывает пожилым. Что они имеют против нас, пожилых джентльменов, - хотел бы я знать. Впрочем, все совершенно ясно. Ведь если написать, что труп был женский, - это трагедия. Если детский - о, это чудовищно! Но если обнаружен "труп пожилого джентльмена", тогда - подумаешь, велика важность! Как-никак, а

он свое прожил и, как видно, прожил неплохо (ведь сказано же, что одет он был прекрасно). И, должно быть, умел кутнуть (костюм-то на нем оказался в сильном беспорядке). Так что все правильно. Пожалуй, в мертвом в нем больше толку, чем в живом.

.....

Впрочем, начитавшись подобных историй, я стал теперь таким специалистом в этом деле, что мне незачем ждать, когда обнаружат труп. Достаточно пробежать первые несколько страниц, и я уже могу сказать, кому предстоит стать трупом. Так, например, если действие происходит по эту сторону океана, ну, скажем, в Нью-Йорке, читайте первый абзац, в котором найдете примерно следующее:

"В субботу вечером, когда в делах обычно наступает затишье, мистер Финеас К. Кактус сидел в своей конторе. Он был один. Трудовой день закончился. Клерки разошлись по домам. Кроме привратника, жившего в подвале, во всем доме не было ни души".

Прошу обратить внимание - "кромe привратника". Мы оставили в доме привратника. Он еще понадобится впоследствии, чтобы было кого обвинить в убийстве.

"Он долго сидел так, опершись подбородком на руку и задумчиво созерцая разложенные перед ним на столе бумаги. Наконец веки его сомкнулись, и он задремал".

Легкомысленный человек! Заснуть вот так, в пустой конторе... Что может быть опаснее в Нью-Йорке, я уж не говорю - в Чикаго? Каждому проницательному читателю ясно, что сейчас этого самого мистера Кактуса хорошенько трахнут по башке. Он-то и есть труп.

.....

Но тут я позволю себе заметить, что в Англии вся обстановка как-то больше подходит для подобных ситуаций, нежели у нас. Чтобы создать вокруг убийства подходящую атмосферу, нужна страна со старыми традициями. Самые лучшие убийства (и всегда пожилых джентльменов) совершаются за городом, в каком-нибудь старинном поместье - у каждого богатого пожилого джентльмена есть такое поместье, которое называется "Аббатство", "Собачья свора", "Первая охота" или еще как-нибудь в этом роде.

Возьмем такой отрывок:

"Сэр Чарлз Олторп сидел один в своей библиотеке, в замке "Олторпская охота". Было уже за полночь. Огонь в камине догорал. Через тяжелые оконные занавеси не проникало ни звука. Если не считать горничных, спавших в дальнем крыле, и дворецкого, находившегося внизу, в буфетной, замок в это время года был совершенно необитаем. Сидя так, в своем кресле, сэр Чарлз уронил голову на грудь и вскоре погрузился в глубокий сон".

Глупец! Неужели ему не известно, что погружаться в глубокий сон в уединенном загородном доме, да еще когда горничные спят в дальнем крыле, это поступок, граничащий с безумием? Но вы заметили? Сэр Чарлз! Он баронет. Вот это-то и придает делу особый шик. И вы, должно быть, заметили еще одну деталь: мы оставили в замке дворецкого, как только что оставили привратника в доме мистера Кактуса. Разумеется, не он убил сэра Чарлза, но местная полиция всегда первым делом арестовывает именно дворецкого. Ведь как-никак, а кто-то видел, как он точил на кухне кухонный нож и приговаривал: "Я ему покажу, этому старому негодяю".

.....

Итак, вот вам отличный материал для начала рассказа. Труп сэра Чарлза обнаруживает на следующее утро "перепуганная" служанка (служанки всегда бывают перепуганы), которая "даже не может членораздельно рассказать, что именно она видела" (они никогда не могут). Затем в замок приглашают местную полицию (инспектора Хиггинботема из Хопширского полицейского участка), и та признает себя "бессильной". Всякий раз, как читатель слышит о том, что вызвана местная полиция, он снисходительно улыбается, ибо знает, что эта полиция приезжает исключительно для того, чтобы "признать себя бессильной".

.....

В этом месте повествования и появляется Великий сыщик, присланный для специального расследования самим Скотленд-Ярдом или через его посредство. Это вторая необходимая деталь - Скотленд-Ярд, что буквально означает шотландский двор. Однако он

не имеет никакого отношения к Шотландии и совсем не двор. Будучи знаком с этим учреждением только по детективным романам, я представляю его себе как своего рода клуб, находящийся в Лондоне где-то близ Темзы. Сам премьер-министр и архиепископ Кентерберийский бывают там чуть ли не каждый день, но они так строго соблюдают свое инкогнито, что вам и в голову не придет, что они - это они. И, кажется, даже члены королевской фамилии иной раз совещаются в этом Скотленд-Ярде с местными мудрецами, а ведь в английском языке слово "королевский" почти всегда звучит иносказательно и употребляется в тех случаях, когда речь идет о предмете слишком "высоком", чтобы о нем можно было говорить вслух.

Так или иначе, но Скотленд-Ярд посылает в замок Великого сыщика либо в качестве своего представителя, либо в качестве частного лица, к которому этот самый Скотленд-ярд обращается в тех случаях, когда уж окончательно заходит в тупик, - и Великий сыщик приезжает, чтобы раскрыть тайну.

Тут перед нами возникает небольшое техническое затруднение: нам очень хочется показать, что за удивительный человек этот Великий сыщик, но мы не можем сделать рассказчиком его самого. Он слишком молчалив и слишком значителен. Поэтому в наши дни обыкновенно применяется следующий способ. Великого сыщика постоянно сопровождает некий спутник, некий безнадежный простак, который ходит за ним как тень и безмерно восхищается им. С тех пор, как Конан-Дойль создал свою схему - Шерлок Холмс и Уотсон, - все остальные попросту списывают с него. Итак, рассказ всегда ведется от лица этого второстепенного персонажа. Увы, сомнения быть не может, это чистой воды простак. Проследите, как он теряет всякую способность рассуждать и снова обретает ее в присутствии Великого сыщика. Вот, например, сцена, когда Великий сыщик приходит на место действия и начинает осматривать те самые предметы, которые уже безрезультатно осматривал инспектор Хиггинботем.

" - Но каким же образом, - вскричал я, - каким же образом - во имя всего непостижимого! - можете вы доказать, что преступник был в галошах?

Друг мой спокойно улыбнулся.

- Взгляните, - сказал он, - на эту полоску свежей грязи перед входной дверью. В ней около десяти квадратных футов. Если вы посмотрите внимательно, то увидите, что здесь недавно прошел человек в галошах.

Я посмотрел. Следы от галош виднелись там довольно отчетливо - не менее дюжины следов.

- До чего ж я был глуп! - вскричал я. - Но скажите мне вот что - каким образом вам удалось узнать длину ступней преступника?

Мой друг снова улыбнулся все той же загадочной улыбкой.

- Я измерил отпечатки галоши, - ответил он спокойно, - и вычел толщину резины, помноженную на два.

- Помноженную на два? - воскликнул я. - Но почему же на два?

- Я учел толщину резины у носка и пятки, - сказал он.

- Какой же я осел! - вскричал я. - После ваших объяснений все это кажется таким очевидным!"

Таким образом, Простак оказывается превосходным рассказчиком. Как бы ни запутался читатель, у него, по крайней мере, есть то утешение, что Простак запутался еще больше. Словом, Простак выступает в роли, так сказать, идеального читателя - иначе говоря, самого глупого читателя, который совершенно озадачен этой таинственной историей и в то же время сходит с ума от любопытства.

Такой читатель получает моральную поддержку, когда ему говорят, что полиция оказалась "в тупике", что все кругом "введены в заблуждение", что власти "бьют тревогу", что газеты "бродят в потемках" и что Простак совсем "потерял голову". Весь этот набор стандартных выражений дает читателю возможность в полной мере насладиться собственной тупостью.

Однако, прежде чем Великий сыщик приступит к расследованию, или, вернее, в самом начале расследования, автор должен наделить его характером, индивидуальностью. Нет нужды говорить, что он "совершенно не похож на сыщика". Разумеется, не похож. Ни один сыщик никогда не бывает похож на сыщика. Но суть не в том, на что он не похож, а в том, на что он похож.

Так вот, прежде всего, невзирая на всю шаблонность этого эпитета, Великий сыщик непременно должен быть чрезвычайно худ, "худ как скелет". Трудно сказать, почему тощий человек может разгадывать тайны лучше, чем толстый; очевидно, предполагается, что чем человек скелетообразнее, тем лучше работает у него голова. Так или иначе, но писатели старой школы предпочитали тощих сыщиков. И, между прочим, нередко наделяли их "ястребиным профилем", не понимая, что ястреб - самый глупый представитель мира пернатых. Сыщик с лицом орангутанга разбил бы всю концепцию.

В самом деле, ведь лицо Великого сыщика имеет даже большее значение, чем его фигура. На этот счет существует полное единство мнений. Прежде всего его лицо должно быть "непроницаемым". Всматривайтесь в него сколько вам будет угодно, все равно вы ничего на нем не прочтаете. Сравните его хотя бы с лицом инспектора Хиггинботема из местной полиции. Вот на этом лице могут отражаться "удивление", "облегчение" или чаще всего "полная растерянность".

Но лицо Великого сыщика всегда одинаково бесстрастно. Не удивительно, что Простак совершенно сбит с толку. Ведь по выражению лица великого человека совершенно невозможно понять, страдает ли он от толчков, когда вместе с Простаком они едут в двуколке по неровной дороге, и болит ли у него живот после обеда, который им подали в гостинице.

Помимо этой "непроницаемой маски", Великому сыщику, как правило, приписывалось также другое, древнее как мир, свойство; в период расследования он якобы ничего не ел и ничего не пил. А когда к тому же сообщалось, что за все это время, то есть приблизительно в течение недели, наш сыщик ни на минуту не сомкнул глаз, читатель мог ясно себе представить, в каком состоянии должны были оказаться умственные способности нашего мыслителя в тот момент, когда он выковывал свою "неумолимую цепь логики".

Впрочем, в наши дни все это изменилось. Великий сыщик не только ест он любит хорошо поесть. Теперь его часто изображают таким гурманом. Так, например:

" - Одну минутку! - говорит Великий сыщик, обращаясь к Простаку и инспектору Хиггинботему, которых он повсюду таскает за собой. - До отхода поезда с Пэддингтонского вокзала у нас остается полчаса. Давайте пообедаем. Я знаю здесь поблизости один итальянский кабачок, где лягушиные лапки с соусом а la Marengo умеют готовить лучше, чем в любом другом лондонском ресторане.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком в маленьком темном кабачке. Прочитав вывеску, на которой было написано "Ristorante Italiano", я пришел к выводу, что ресторан был итальянский. Я поразился, обнаружив, что мой друг был здесь, по-видимому, своим человеком. Его приказание принести три стакана кьянти с двумя спагетти в каждом вызвало подобострастный и восхищенный поклон старого *padrone*.* Я убежден, что этот удивительный человек так же хорошо разбирается в сортах тонких итальянских вин, как и в игре на саксофоне".

---

* Хозяина ресторана (итал.).

Пойдемте дальше. Во многих современных книгах сыщику разрешается не только хорошо поесть, но и как следует выпить. Некий ныне здравствующий щедрый английский автор без устали угощает Великого сыщика и его друзей рюмочкой крепкого виски с содовой. Всякий раз, как дело близится к развязке, он подносит им по рюмочке спиртного.

Так, например, что бы вы думали они делают, когда находят труп владельца Олторпского замка - сэра Чарлза Олторпа, - лежащий на полу в библиотеке? Потрясенные этим ужасным зрелищем, они немедленно открывают буфет и наливают себе по рюмке

"крепкого виски с содовой". Да, сомнения нет - это самое верное средство.

Но, в общем, можно сказать, что вся эта чепуха с едой и питьем давно вышла из моды. Пора уже найти новый способ прославления Великого сыщика.

Вот тут-то и уместно завести речь о его музыкальном таланте. Не сразу, не в начале рассказа, а во время первой же паузы, которую допускает фабула, выясняется, что этот великий человек не только умеет разоблачать кровавые тайны, но обладает также феноменальными способностями к музыке, особенно к музыке лирической и притом самого серьезного жанра. Как только он остается наедине с Простаком в номере гостиницы, он немедленно вытаскивает свой саксофон и начинает настраивать его.

" - Что это вы играли? - спросил я, когда мой друг наконец спрятал свой любимый инструмент в футляр.

- Бетховена. Сонату Q-dur, - скромно ответил он.

- Великий боже! - вскричал я".

Вплоть до этого момента рассказ - любой детективный рассказ - имеет бешеный успех. Труп найден. Все загнаны в тупик и переполнены виски с содовой. Пока все идет хорошо! Но вот беда - ведь надо как-то продолжить эту историю. А как? Преступление бывает по-настоящему интересным только в самом начале. Какая досада, что героям нужно еще что-то делать, что нельзя оставить их в тупике, переполненными виски с содовой, и поставить на этом точку...

Вот тут-то и начинаются ошибки и литературные выкрутасы, которые так портят детективный роман. На этом этапе появляется героиня - героиня! которая, в сущности, не имеет никакого отношения к рассказу об убийстве и которая попала сюда как пережиток, оставшийся от рассказов о любви. Появляется Маргарет Олторп, обезумевшая от горя и растрепанная. Не удивительно, что она обезумела от горя! Кто бы не обезумел на ее месте? А растрепана она потому, что лучшие наши писатели всегда считают долгом растрепать своих героинь - иначе нельзя. Итак, появляется Маргарет Олторп в полуобморочном состоянии. Что же делают инспектор Хиггинботем и Великий сыщик? Они вливают в нее рюмку "крепкого виски с содовой" и сами пропускаяют по стаканчику.

Все это уводит повествование куда-то в сторону, с тем чтобы сострять роман героине, тогда как этот роман не имеет никакого отношения к делу. На более раннем этапе развития литературы, когда круг читателей был невелик, создать героиню ничего не стоило. Не раздумывая долго, автор выпускал на сцену девушку такого типа, который нравился ему самому. Вальтер Скотт, например, любил маленьких - рост 2 - и тоненьких, как сальфиды, - таков был его стандарт. Словом, героиня была тоненькой и стройненькой, и чем тоньше, тем лучше.

Но Маргарет Олторп должна угодить на все вкусы. Поэтому описание ее внешности выглядит приблизительно так:

"Маргарет Олторп нельзя было назвать высокой, но она не была и маленькой".

Это означало, что она казалась высокой, когда стояла, но когда сидела, ее рост скрадывался.

"...Цвет лица у нее был не смуглый, но и не белый. Она не была протестанткой, но в то же время не придерживалась и догматов католической церкви. Не была сторонницей сухого закона, но никогда не пила больше двух рюмок джина. "Нет, мальчики, это мой предел", - неизменно говорила она".

Таков, во всяком случае, дух подобных описаний. Но даже и такая "характеристика персонажа" еще не кажется авторам удовлетворительной. Ведь остается вопрос о "темпераменте" героини. Если у нее есть "темперамент", она еще может понравиться публике. А "темперамент" состоит в том, что в минимум времени героиня претерпевает великое множество физиологических изменений. Вот, например, физиологические изменения, которые я насчитал у героини романа, прочитанного мною несколько дней назад, на протяжении, если не ошибаюсь, семнадцати минут:

"Радостный трепет пробежал по всему ее существу.

.....
Дрожь пробежала по ее телу (надо полагать, в противоположном направлении).

.....
В глубине ее существа проснулось нечто такое, что уже давно умерло.

.....
Страстное томление охватило все ее существо.

.....
От нее исходило нечто ей не свойственное и к ней не относившееся.

.....
Все оборвалось в недрах ее существа".

Последнее, мне кажется, означает, что у героини что-то там отстегнулось.

Вы и сами видите, что повествование дошло до такого места, которое дипломаты называют *impasse**, а люди попроще - *cul de sac*** или *nes plus ultra****. Дальше двигаться некуда. Дворецкий уже арестован. Но он не виноват. И, по-видимому, никто не виноват.

* Тупик (франц.).

** Глухой переулок, тупик (франц.).

*** Крайний предел (лат.).

Другими словами, при чтении детективного рассказа неизбежно наступает момент, когда читатель теряет терпение и говорит: "Послушайте. Ведь, в конце концов, кто-нибудь да убил же этого сэра Чарльза. Так выкладывайте, кто именно". А у писателя нет ответа. Все прежние попытки ответить так, чтобы это звучало убедительно, безнадежно устарели. Прежде виновника загадочного преступления находили просто и легко: внезапно обнаруживалось, что убийство совершил "бродяга". Во времена королевы Виктории несчастное существо, именуемое бродягой, не имело никаких прав, с которыми полагалось бы считаться белому человеку, - ни в книге, ни в жизни. Бродягу вешали так же беззаботно, как ловили бабочку. А если он принадлежал к категории лиц, именуемых "бродяга злодейского вида", его зачисляли в преступники первого разряда и его казнь (упомянутая, но не описанная в книге) являлась неотъемлемым атрибутом "счастливого конца" наряду с замужеством Маргарет Олторп, которая - побочная сюжетная линия - выходила замуж за Простака, но, уж конечно, не за Великого сыщика. Брак не для него. Он приступает к расследованию следующей таинственной истории, к которой проявляет большой интерес ни более, ни менее как некая особа королевской крови.

Впрочем, все эти истории с бродягами давно вышли из моды. Когда в стране есть сто миллионов человек, которые живут на пособие по безработице, мы не можем позволить себе посылать их на убийство. Нам приходится искать другой выход.

И вот один из них, использованный многими поколениями, но все еще имеющий большой успех. Убийца найден. Да, он действительно найден и даже сознается в своем преступлении, но... но - увы! - его физическое состояние таково, что очень скоро ему придется "предстать пред высшим судьей". И этот "высший судья" отнюдь не является верховным судом.

В тот самый момент, когда Великий сыщик и инспектор Хиггинботем хватают его, он обычно раздражается сухим, лающим кашлем. Эта одна из тех ужасных болезней, которые встречаются только в романах - вроде "любовной горячки" и "разбитого сердца" - и от которых не существует лекарств. Во всех таких случаях не успевает преступник начать свою исповедь, как его уже начинает душить сухой кашель.

"Да, - сказал Гарт, окидывая взглядом, небольшую группу полицейских чиновников, собравшихся вокруг него, - моя песенка спета - кха, кха! - и теперь я могу выложить все начистоту - кха, кха, кха!"

Услыхав этот кашель, каждый искушенный читатель уже точно знает, к чему он ведет. Преступник, который только что, в предыдущей главе, производил впечатление здорового детины - он выпрыгнул из окна третьего этажа и чуть не до смерти придушил

младшего инспектора Джаггинса, - оказывается умирающим человеком. Он болен той ужасной болезнью, которая в романах называется "неизлечимым недугом". Лучше не давать ей точного названия, не то кому-нибудь может прийти в голову заняться ею и вылечить больного. Симптомы таковы: сухой кашель, необыкновенная мягкость в обращении, а в разговоре полное отсутствие бранных слов и склонность всех называть "добрыми джентльменами". Все эти явления означают *finis*.*

---

* Конец (лат.).

В сущности, все, что требуется теперь, - это чтобы Великий сыщик собственной персоной произнес следующую речь: "Джентльмены! (На данном этапе развития повествования все действующие лица именуется джентльменами.) Высший суд, который стоит над всеми земными законами, приговорил..." и т.д. и т.д. Тут занавес падает, и все понимают, что преступник должен в ту же ночь покинуть этот мир.

Такой конец лучше, значительно лучше. Но все же он немного мрачноват.

По правде сказать, в подобном решении вопроса ощущается некоторая трусость. Автор отступает перед трудностями.

Можно привести и еще один, столь же поверхностный вариант. Вот он:

"Великий сыщик стоял, спокойно глядя по сторонам и покачивая головой. На секунду взгляд его задержался на распростертом теле младшего инспектора Бредшоу, потом устремился на аккуратную дыру, проделанную в оконном стекле.

- Теперь все ясно, - проговорил он. - Но мне бы следовало догадаться об этом раньше. Сомнения нет, это дело его рук.

- Чьих? - спросил я.

- Голубого Эдуарда, - ответил он спокойно.

- Голубого Эдуарда? - воскликнул я.

- Голубого Эдуарда, - подтвердил он.

- Голубого Эдуарда? - с волнением переспросил я. - Но кто же он такой, этот Голубой Эдуард?"

Без сомнения, тот же самый вопрос хочет задать ему и читатель. Что это еще за Голубой Эдуард? На этот вопрос немедленно отвечает сам Великий сыщик:

" - Тот факт, что вы никогда не слышали о Голубом Эдуарде, только показывает, в каком неведении вы жили до сих пор. Ведь Голубой Эдуард - это гроза четырех континентов. Мы выследили его в Шанхае, но в самом скором времени он оказался на Мадагаскаре. Это он организовал то неслыханное по дерзости ограбление в Иркутске, при котором десять русских мужиков взлетели на воздух, взорванные бутылкой с английской солью.

Это он в течение нескольких лет терроризировал всю Филадельфию и держал в состоянии нервного напряжения Ошкош (штат Висконсин). Стоя во главе шайки бандитов, отделения которой разбросаны по всему земному шару, обладая глубокими научными познаниями, позволяющими ему с легкостью читать, писать и даже пользоваться пишущей машинкой, Голубой Эдуард фактически уже много лет держит в страхе полицию всего мира.

Я с самого начала почувствовал в этом деле его руку. С первой же минуты я по некоторым деталям догадался, что это работа Голубого Эдуарда".

После этого все полицейские инспекторы и все зрители покачивают головами и шепчут: "Голубой Эдуард, Голубой Эдуард", до тех пор, пока читатель не преисполняется достаточным почтением.

Так или иначе, но писатель никак не может завершить всю эту историю как следует, - не может, даже если она хорошенько закручена в начале. Нет такой концовки, которая могла бы удовлетворить читателя. Даже радостная весть о том, что героиня упала в объятия Простака, с тем чтобы никогда больше не отпускать его от себя, - даже это не спасает положения. И даже сообщение о том, что они поставили сэру Чарлзу прекрасный памятник или что Великий сыщик без передышки играл целую неделю на саксофоне, не сможет полностью вознаградить нас.

ПРОБЛЕМА ПРАЧЕЧНОЙ

Памяти смиренной прачки доброго старого времени

Давным-давно, лет тридцать или сорок назад, существовало на свете смиренное создание, именуемое прачкой. Ее немудреные обязанности состояли в том, что через определенные промежутки времени она приходила к вам с большущей корзиной, чтобы унести грязное белье, а потом принести его обратно белым как снег.

В наше время прачки больше нет. Ее место заняла Объединенная Прачечная Компания. Прачки больше нет, но я хочу, чтобы она появилась вновь.

Прачка - и в жизни, и в книгах - считалась олицетворением всего самого жалкого, самого обездоленного. Она еле-еле ухитрялась заработать на кусок хлеба. Она была на самом дне нищеты. Нынешняя Объединенная Прачечная Компания применяет гидроэлектроэнергию, является обладательницей просторной, напоминающей банк конторы и развозит свой груз на огромном катафалке, которым управляет шофер в ливрее. Но я хочу, чтобы скромная прачка появилась вновь.

В прежние времена каждая женщина, покинутая и брошенная на произвол судьбы, становилась прачкой. Когда все остальное терпело крах, ей оставалось хотя бы это. Каждая женщина, хотевшая показать свой независимый характер и силу духа, угрожала, что возьмется за стирку. То было последнее прибежище благородной души. Во многих знаменитых романах героиня была близка к тому, чтобы стать прачкой.

Женщины, чьи славные предки восходили чуть ли не к самим крестоносцам (хотя никогда не подходили к ним вплотную), совсем уж было брались за стирку, и только вовремя найденное завещание спасало их от позора и от мыльной пены. Однако если бы в наши дни женщина воскликнула: "Что мне делать? Я одна на свете! Я открою Объединенную Прачечную Компанию", - это прозвучало бы совершенно иначе.

Старая технология - какою она была прежде, сорок лет назад, отличалась необычайной простотой. Прачка имела обыкновение приходить ко мне и забирать мою рубашку и мой воротничок, а пока она стирала их, я носил другую рубашку и другой воротничок. Когда она возвращалась, мы совершали обмен. Одна рубашка всегда была у нее, другая - у меня. В те времена приличный молодой человек нуждался всего в двух рубашках.

Эта бедная прачка была безнадежно наивна: она никогда не рвала и не портила рубашек. Так, например, ей и в голову не приходило отодрать от нее зубами лоскут. И после стирки рубашки становились еще мягче и лучше, чем прежде. Она ни разу не додумалась оторвать хотя бы один рукав. А если во время стирки от рубашки отлетела пуговица, она смиренно пришивала ее на прежнее место.

Глядя рубашку, эта простодушная женщина ни разу не додумалась спалить ее, оставив коричневое пятно на самом видном месте. У нее не хватало воображения. Другими словами, наша техника была тогда на ранней стадии развития.

Мне никогда не приходилось непосредственно наблюдать за производственными процессами Объединенной Прачечной Компании, располагающей новейшим оборудованием, но я легко могу себе представить, что там происходит после получения очередной партии белья.

Прежде всего рубашки сортируются, а затем поступают к специалисту, который мгновенно опрыскивает их серной кислотой. Затем их направляют в красильное отделение и погружают в желтый раствор. Отсюда рубашки переходят в пулеметный цех, где в них простреливают дырки, а затем - с помощью механического транспортера - перебрасываются в особое помещение, где у них гидравлическим способом отрывают рукава. После этого рубашки кладут под колоссальный пресс, который делает их абсолютно плоскими и приводит в такое состояние, что пуговицы могут быть немедленно вырваны с корнем, одним мановением руки опытного пуговицеотдирателя.

Этот последний процесс производится исключительно вручную и, как мне сообщили, оплачивается очень высоко. Квалифицированный пуговицеотдиратель, способный определить наивысшую точку сопротивления материала, зарабатывает до пятидесяти

долларов в день. Правда, эта работа чрезвычайно изнурительна, ибо предполагается, что ни одна пуговица не должна ускользнуть от его зоркого глаза. В последнее время крупные прачечные применяют новейшие химические средства, как, например, иприт, слезоточивые бомбы и осветительные снаряды.

Воротнички, насколько я понимаю, подвергаются аналогичной обработке, но процесс видоизменяется в зависимости от того, какова конечная его цель Полное Расщепление Концов или Создание Боковых Разрывов. Разумеется, основным принципом деятельности любой первоклассной прачечной является забота о том, чтобы ни одна рубашка и ни один воротничок не попадали туда вторично. Если же это все-таки происходит, вещь немедленно направляется в Отдел Окончательного Уничтожения, где под нее подводят пироксилин, который разносит ее на шесть частей. После этого к ним прикрепляют ярлык "Повреждено" и на следующее утро отсылают владельцу в специальной машине и в сопровождении особого служителя.

Если бы наша бедная прачка держала у себя пулемет и хоть немного динамита, она могла бы неслыханно разбогатеть. Но она не знала об их существовании. В доброе старое время прачка брала за стирку рубашек по десять двенадцатых цента за штуку, то есть по десять центов за дюжину. Лучшие прачечные - те самые, которые не допускают никакого вторжения в свои конторы и отсылают белье под охраной вооруженного стража, - берут теперь за стирку рубашки один доллар, а при льготном тарифе - двенадцать долларов за дюжину.

При таких расценках заработок прачки возрос бы в сто двадцать раз. Право же, она сберегала нам по пятьдесят долларов в год. Знай она все это, она бы учредила компанию и дивиденды посыпались бы на ее членов, как орехи.

Теперь, задумываясь над этим, я вижу, что она сберегала нам значительно больше. Имея дело с нынешними прачечными, вы можете надевать рубашку только дважды, причем каждый раз не более чем на один день. После этого ее взрывают. А ведь новая стоит четыре доллара. Прежде рубашка носилась до тех пор, пока человек не "вырастал" из нее. Годом к тридцати он с удовлетворением убеждался, что уже "вырос" из своей рубашки. Тогда ему приходилось истратить семьдесят пять центов на новую, и уж эта честно служила ему до самой смерти.

Если бы какая-нибудь бедная женщина догадалась подобрать одну из таких рубашек и откусить от нее воротничок, она могла бы основать крупное предприятие.

Но это еще не все. Если в доброе старое время вам хотелось высказать своей прачке какую-нибудь претензию, вы могли выложить ей все, что думали. Она была здесь перед вами. И, выслушав вас, она со слезами удалялась в свою лачугу, где читала Библию и пила джин.

Теперь же, если вам надо обратиться с какой-нибудь претензией в Объединенную Прачечную Компанию, вы не можете найти ее. А жаловаться шоферу в ливрее нет никакого толку: он никогда в жизни не видел приличной рубашки.

Обращаться в контору тоже не имеет смысла. Вы найдете там лишь множество девиц, укрывающихся за чугунной решеткой. Они и в глаза не видели вашей рубашку. Не спрашивайте их о ней. Днем они работают в конторе, а по вечерам слушают популярные лекции о современной драме. Они не поняли бы, что перед ними мужская рубашка, если бы даже увидели ее.

Писать Объединенной Компании тоже бесполезно. Я говорю это с полным основанием, ибо уже делал попытку обратиться к одной из таких компаний с письменной жалобой и убедился в абсолютной бесполезности этого. Вот письмо, которое я написал:

В правление Универсальной Объединенной
Прачечной Компании
Милостивые государи!

Очень прошу вас - постарайтесь немного бережнее обращаться с моей рубашкой. Я имею в виду розовую. Мне кажется, что в последний раз вы положили на воротничок чуть

больше крахмала, чем предполагали, и все слиплось.

С совершенным почтением...

Вместо ответа я получил следующее извещение:

Уважаемый сэр!

Папка 110615. Отдел 0412. Получено февраля 19, 9.26. Прочитано марта 19, 8.23. Подшито к делу апреля 19, 4.01. Отправлено мая 19, 2.00.

Нижеследующим извещаем, что ваше заявление будет представлено на рассмотрение очередного общего собрания акционеров. Впредь будьте любезны указывать номер папки, отдел, адрес, возраст и род занятий. Никакие жалобы за подписью или в устной форме не принимаются.

С уважением

№ 0016.

После этого я почувствовал, что продолжать переписку безнадежно. Однако у меня остается еще одна возможность. Вдруг на моем жизненном пути встретится какая-нибудь красивая богатая женщина и вдруг ее муж сбежит от нее, а она останется одна, без всяких средств к существованию, и будет горько плакать и пить джин. И тогда появлюсь я, встану на пороге и скажу:

- Осушите ваши слезы, мой дорогой, мой бесценный друг. Для вас еще не все потеряно - вы будете стирать мои рубашки.

ЧИТАЮЩАЯ ПУБЛИКА

Исследование о книжном магазине

- Желаете посмотреть книги? Пожалуйста, сэр! - сказал он. Потирая руки, с самым учтивым видом он направил на меня сквозь очки острый взгляд.

- Вон там, в углу налево, вы можете отыскать кое-что интересное, продолжал он. - У нас имеется целая серия "Библиотеки универсальных знаний от Аристотеля до Артура Бальфура*" - семнадцать центов за штуку. Или, может быть, вы желаете посмотреть "Пантеон почивших писателей" - по десять центов? Мистер Сперроу! - крикнул он. - Покажите джентльмену наши новые издания классиков - десятицентовую серию.

---

* Артур Бальфур (1848 - 1930) - английский государственный деятель и дипломат, один из лидеров партии консерваторов, с 1902 по 1905 гг. премьер-министр Великобритании. Бальфур опубликовал несколько трактатов философского характера.

Он подозвал продавца и забыл обо мне.

Иначе говоря, он понял, кто я. Совершенно незачем было мне покупать себе на Бродвее зеленую фетровую шляпу и спортивный галстук в горошек, каждая горошина величиной с пятицентовую монетку. Эти скромные украшения не могли скрыть души, таящейся за ними. Я был профессором, и он это знал, или, вероятно, в силу профессиональной привычки, сумел определить это в одно мгновение.

Владелец крупнейшего в округе книжного магазина умеет различать клиентов. И он, конечно, знал, что я, профессор, не представляю для него особого интереса. Я заглянул в этот магазин так, как вообще профессора заглядывают в книжные магазины, точь-в-точь как оса заглядывает в открытую банку с вареньем. Он знал, что я пробуду здесь часа два, буду мешать всем и в конце концов куплю какое-нибудь дешевое издание: "Диалоги" Платона, или "Прозаические произведения" Джона Мильтона, или "Опыт о человеческом разуме" Локка, или еще какую-нибудь чепуху в этом роде.

Что же касается настоящего вкуса к литературе - способности оценить только что вышедший двухдолларовый роман в красочной весенней обложке с изображением на фронтисписе пары, танцующей танго, - то его у меня не было, и он это прекрасно знал.

Ко мне он, конечно, относился с презрением. Однако в книжных магазинах, как известно, считается признаком хорошего тона, когда где-нибудь в углу торчит профессор и копается в старых книгах. Настоящим покупателям это нравится.

И потому даже такой современный делец, как мистер Селлер, скрепя сердце терпел мое

присутствие где-то в закутке магазина. А я благодаря этому имел возможность наблюдать его методы обращения с настоящими покупателями методы, должен сказать, настолько эффективные, что недаром все издательства считают мистера Селлера столпом, на коем зиждется литература Америки.

Я вовсе не собирался, стоя в углу, подслушивать, как шпион. Просто меня заинтересовал новый перевод книги Эпиктета* "Нравственные рассуждения". Книга эта была издана очень изящно, хорошо переплетена и предлагалась покупателю всего за восемнадцать центов. И у меня возникло жгучее желание купить ее, но потом я счел более разумным сначала внимательно ее просмотреть.

---

* Эпиктет (ок. 50 - ок. 138) - греческий философ-стоик, занимавшийся вопросами морали. Его этическое учение записано его учеником Флавием Аррианом в книгах "Беседы" и "Руководство".

Не успел я пробежать первые три главы, как мое внимание было отвлечено разговором, происходившим за прилавком.

- Вы уверены, что это его последний роман? - спрашивала мистера Селлера какая-то модно одетая дама.

- О да, миссис Рэсселер! - отвечал хозяин. - Уверяю вас, это его последний роман. Должен сказать вам, что мы получили эти книги только вчера.

И он указал на огромную кипу книг в ярких сине-белых обложках. Я разобрал издали название книги, напечатанное огромными золотыми буквами, "Золотые мечты".

- О да! - повторил мистер Селлер. - Это последний роман Слеша. Он пользуется необыкновенным успехом.

- Прелестно, - улыбнулась дама. - А то, знаете, иногда попадаешь впросак. На прошлой неделе я купила у вас две книги, которые мне с виду очень понравились, но, придя домой, я обнаружила, что они были изданы целых полгода тому назад.

- Ах, боже мой, миссис Рэсселер, - сказал хозяин извиняющимся тоном. Это печальное недоразумение. Позвольте прислать за ними, и мы с удовольствием их вам обменяем.

- Не беспокойтесь, - ответила дама. - Сама я, конечно, читать их не стала, а отдала горничной. Та даже и не заметит, что они изданы полгода назад.

- Конечно, конечно, - согласился мистер Селлер, любезно улыбаясь. - Но должен сказать вам, сударыня - продолжал он, принимая тон модного книготорговца, - что такие ошибки иногда бывают. Не далее как вчера у нас произошел весьма досадный случай. Один из наших старейших покупателей забежал купить несколько книг, чтобы взять их с собой в морское путешествие. Он выбирал их, видимо, просто по названиям, как это любят делать мужчины, и, прежде чем мы успели сообразить, что, собственно говоря, произошло, он унес две книги, вышедшие еще в прошлом году. Узнав об этом, мы дали ему на пароход телеграмму, но боюсь, было уже поздно.

- Ну, а эта вот? - спросила дама, лениво листая страницы. - Как она? Ничего? О чем тут?

- Чрезвычайно сильная вещь! - воскликнул мистер Селлер. - Можно сказать, шедевр! Критики утверждают, что это самая сильная книга сезона. Она имеет э-э... - Тут мистер Селлер сделал паузу, и его манера напомнила мне мою собственную манеру, когда мне приходится объяснять студентам то, чего я сам не знаю. - Сильная вещь, исключительно сильная. Самая сильная в этом месяце. Неудивительно, - добавил он, переходя к более легкой для него теме, - что она имеет такой необыкновенный успех.

- А у вас, я вижу, большой запас этих книг, - сказала дама.

- О да! Но они будут быстро распроданы. Эта книга, знаете ли, несомненно, вызовет сенсацию. Собственно говоря, в известных кругах даже поговаривают, что ее не следовало...

Конец фразы мистер Селлер произнес тихим, вкрадчивым голосом, и я ничего не мог расслышать.

- В самом деле? - воскликнула миссис Рэсселер. - В таком случае я ее беру. Нужно же

знать, что это за книга, о которой так много говорят.

Она уже начала застегивать перчатки и поправлять свое боа, которым успела смахнуть на пол с прилавка пасхальные открытки, как вдруг что-то вспомнила:

- Ах, чуть было не забыла! Не будете ли вы так любезны отобрать что-нибудь для моего мужа и отослать на квартиру вместе с этой книгой? Он уезжает на отдых в Виргинию. Вы же знаете, какие книги любит мой муж, не так ли?

- Безусловно, сударыня! Мистер Рэсселер обычно читает произведения о... о... Мне кажется, он покупает книги главным образом на тему о... о...

- О путешествиях и тому подобное, - подсказала дама.

- Совершенно верно! Я думаю, у нас здесь найдется то, что должно понравиться мистеру Рэсселеру.

Владелец магазина указал на прилавок слева, где стоял целый ряд изящно изданных книг: "Семь недель в Сахаре" - семь долларов; "Шесть месяцев в фургоне" - шесть пятьдесят нетто; "Путешествие на быках" - два тома, четыре тридцать, скидка двадцать центов.

- Мне кажется, он уже читал все это, - сказала миссис Рэсселер. - Во всяком случае, у нас дома очень много книг, похожих на эти.

- Весьма возможно. Но вот еще - "Среди людоедов Корфу". Нет, эту, кажется, он недавно купил. "Среди..." э-э-э... Эту тоже, кажется, он недавно купил. Но вот эта ему, несомненно, очень понравится: "Среди обезьян Новой Гвинеи" - десять долларов.

Тут мистер Селлер положил руку на кипу новых книг - не меньшую, чем огромная груда романа "Золотые мечты".

- "Среди обезьян", - повторил он почти нежно.

- Какая дорогая! - заметила дама.

- Совершенно верно, очень дорогая, - с энтузиазмом подхватил мистер Селлер. - Видите ли, миссис Рэсселер, здесь ценятся иллюстрации - настоящие фотографии. - Он начал быстро перелистывать книгу. - Настоящие фотографии настоящих обезьян. А бумага! Обратите внимание на бумагу! Должен вам сказать, сударыня, что каждый экземпляр этой книги нам самим стоит девять долларов девяносто центов. Мы на ней ничего не зарабатываем. Но мы торгуем ею ради удовольствия.

Каждому покупателю, видимо, желательно знать все подробности технической стороны дела, и, несомненно, приятно, что книготорговец терпит убытки на книгах. Насколько я мог судить, это были две аксиомы коммерческих приемов мистера Селлера.

И потому вполне естественно, что миссис Рэсселер купила "Среди обезьян". Спустя минуту мистер Селлер уже давал инструкции продавцу записать адрес на Пятой авеню. Не переставая низко кланяться, он проводил даму до самых дверей.

Когда он вернулся к прилавку, его поведение резко изменилось.

- С этими обезьянами, - пробормотал он, обращаясь к продавцу, - как видно, придется повозиться.

Но у него не было времени для дальнейших рассуждений. В магазин вошла другая дама. По ее глубокому и весьма дорогому трауру и задумчивому выражению лица даже не такой наметанный глаз, как у мистера Селлера, мог бы уловить, что перед ним сентиментальная вдова.

- Что-нибудь новенькое из беллетристики, - повторил мистер Селлер. Слушаю, сударыня. Вот очаровательная вещица - "Золотые мечты". - Он почти влюбленно произнес название книги. - Очень приятный роман, удивительно приятный. Если угодно знать, сударыня, критики утверждают, что это самое приятное произведение из всего, что вышло из-под пера мистера Слеша.

- А это действительно хорошая книга? - спросила дама.

Я начал убеждаться, что каждый покупатель задает подобный вопрос.

- Очаровательная! - воскликнул мистер Селлер. - Это роман, очень простой, приятный и удивительно очаровательный. В рецензиях так и говорится - самая очаровательная книга этого месяца. Моя жена читала ее вслух вот только вчера вечером. Слезы мешали ей читать...

- Надо полагать в таком случае, что это вполне невинная книга, не так ли? - спросила вдова. - Я хочу подарить ее своей дочурке.

- Совершенно невинная, сударыня! - подхватил мистер Селлер почти отеческим тоном. - Собственно говоря, книга написана в старом духе, как писали в доброе старое время. Совсем как... - здесь мистер Селлер остановился и с некоторым сомнением посмотрел на даму, - как Диккенс, Филдинг, Стерн и другие. Эти книги у нас покупает духовенство, сударыня.

Вдова купила "Золотые мечты", которые ей завернули в зеленую глянцевою бумагу, и вышла из магазина.

- Нет ли у вас чего-нибудь для легкого чтения во время летнего отдыха? - спросил следующий покупатель громким, бодрым голосом. У него был вид маклера, уезжающего в отпуск.

- Да, - сказал мистер Селлер, и лицо его расплылось в широчайшую улыбку. - Вот извольте: превосходная вещь - "Золотые мечты"! Самая веселенькая книга этого сезона! Удивительно смешная! Моя жена читала ее вслух вот только вчера вечером. Она просто давилась от смеха.

- Сколько стоит? Доллар? Полтора? Ладно, заверните!

На прилавке раздался звон монет, и покупатель вышел. Я начинал постигать, где в книжном магазине место профессорам, желающим купить Эпиктета за восемнадцать центов и серию "Мировые классики" по двенадцать центов за выпуск.

- Слушаю, господин судья, - обратился мистер Селлер к следующему клиенту, внушительной, важной личности в шляпе с широчайшими полями. - Вам морские рассказы? Сию минуточку! Прекрасное чтение для тех, чей ум перегружен работой так, как, к примеру сказать, у вас. Вот новинка - "Среди обезьян Новой Гвинеи". Раньше книга стоила десять долларов, теперь - четыре с половиной. Только одно издание обошлось нам в шесть восемьдесят. Уже почти все распродано. Благодарю вас, господин судья. Послать на квартиру? Слушаю! До свидания. Всего лучшего!

Покупатели приходили и уходили один за другим. Я заметил, что, хотя магазин был полон книг - их тут было, по крайней мере, тысяч десять, мистер Селлер всем предлагал только две. Каждая женщина, входившая в магазин, уходила с "Золотыми мечтами", каждому мужчине вручался экземпляр "Обезьяны Новой Гвинеи". Одной покупательнице "Золотые мечты" предлагались как самая лучшая книга для летнего отдыха, другой - как самая лучшая книга после отдыха. Третья покупала ее для чтения в ненастную погоду, четвертая как подходящее чтение в солнечный день. "Обезьяны" выдавались за рассказы о приключениях на море, на суше, в джунглях и в горах, а цена назначалась в соответствии с тем, как мистер Селлер определял покупательную способность клиента.

Наконец, после двух часов непрерывного потока покупателей, магазин ненадолго опустел.

- Уилфред, - сказал мистер Селлер, обращаясь к старшему продавцу, - я иду завтракать. Нажимайте вовсю на эти две книги. Еще денька два повозимся с ними, а потом снимем, к черту! По дороге забегу к издателям, Докему и Дискаунту. Устрою им скандал по поводу этих книг и посмотрю, как они там у меня попляшут.

Решив, что мне пора уходить, я подошел к мистеру Селлеру с Эпиктетом в руке.

- Сушаю сэр, - сказал он, опять принимая свой профессиональный тон. Эпиктет. Очаровательная вещица. Восемнадцать центов... Благодарю вас. Быть может, вы подберете себе еще что-нибудь вон на той полке? У нас найдется еще несколько книг, которые могут вас заинтересовать. Там есть Аристотель в двух томах - прекрасная вещь, неудобочитаемо, но вам это может понравиться. Цицерон получен только вчера - штука замечательная, правда переплет слегка попорчен сыростью. Макиавелли - исключительный труд, хотя книга довольно растрепанная, без переплета, но зато редкое, древнее издание, сэр, если вы знаток в этом деле.

- Нет, благодарю вас, - сказал я. Затем, поддавшись непреодолимому любопытству, я

спросил: - Вот эту книгу, "Золотые мечты", вы, как видно, считаете замечательным произведением?

Мистер Селлер бросил на меня пронизательный взгляд. Он знал, что я не собираюсь покупать книгу, и, возможно, как иной раз бывает у простых смертных, ему захотелось пооткровенничать.

Он покачал головой.

- Никуда не годная книга, сэр! - сказал он. - Издатели навязали ее нам, и приходится делать все, что в наших силах. Как я понимаю, они с ней провалились и теперь обратились к нам за помощью. Они ее широко рекламируют и, быть может, кое-как протаскают. Трудно сказать, как это получится, но шансы есть. Мы не теряем надежды, что нам удастся натравить на книгу церковников. Тогда, конечно, дело будет в шляпе. Но если это не выгорит, то все пропало. Кажется, совершенно никудышная книга.

- Как? Разве вы не читали ее? - спросил я.

- Боже упаси! - воскликнул мистер Селлер. У него был вид владельца молочной фермы, которому предложили стакан его собственного молока. - Хорош был бы я, если бы вздумал читать новые книги. С меня хватит того, что я успеваю следить за их появлением.

- Но те, кто купил у вас эту книгу, - продолжал я, вконец озадаченный, - разве не будут разочарованы?

Мистер Селлер покачал головой.

- Нет, нет, ничуть, сэр, - сказал он. - Дело, видите ли, в том, что они ее читать не будут. Они никогда ничего не читают.

- Но ведь вашей жене, - настаивал я, - этот роман очень понравился.

Лицо мистера Селлера расплылось в улыбке.

- Я не женат, сэр, - сказал он.